Том 19 № 1 2023

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2023. Т. 19. № 1

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2023

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
# of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 1

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2023

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2023. Т. 19. № 1

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)

Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)

Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)

Крадин Н.Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)

Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного технического университета (Астрахань, Россия); профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)

Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)

Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Тетенькин А.В., доктор исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Эрдэнээбаатор Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Подписной индекс в ООО «Урал-Пресс» – 41510

Адрес ООО «Урал-Пресс»: 620026, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2023

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 1

Editorial board

Editor-in-Chief – Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Kharinskii A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia)
Kradin N.N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State Technical University (Astrakhan, Russia); Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)
Puchenkov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Teten'kin A.V., Doctor of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication - 4 times a year.
Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Irkutsk National Research Technical University”
The subscription code in Ural-Press LLC: 41510
The postal address of Ural-Press LLC: 130, Mamin-Sibiryak St., Yekaterinburg 620026, Russia

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074.
Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru
© FSBEIHE «INRTU», 2023

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2023. Т. 19 № 1

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Шергин Д.Л. Керамика посольского типа бассейна Верхней Лены (на примере стоянок Поповский Луг, Макарово I) 8

Номоконов А.А. Вооружение лесостепных племен Восточного Забайкалья в монгольское время 33

Фисенко А.В. Косторезная мастерская гребенщика XI–XII вв. на территории района Завеличье г. Пскова 49

Снопков С.В. В поисках саянских городищ 64

ИСТОРИЯ

Шафоростов А.И. История фундаментальных идей: духовность 82

Багрин Е.А., Трухин В.И. Полк Афанасия Пашкова в 1655 г.: состав, вопросы комплектования и обеспечения перед отправкой в Даурию из Енисейска (с именным списком) 91

Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Реконструкция маньчжурских позиций при второй осаде Албазина 115

Бобылева О.М. Сельскохозяйственное освоение Сибири и «Дикого Запада»: сравнительный анализ 129

Васильева С.В., Ахмадулина С.З. Просветительское значение монастырей Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Государственного архива Томской области) 137

Сысоев А.А. Хищения шлихового золота на территории Восточной Сибири досоветского времени 146

Олейников А.В. События Свенцянского прорыва 1915 г. и действия конницы 157

Шекшеев А.П. Налоговые кампании 1924–1927 годов на территории Енисейской Сибири. Часть 2. 1925/26 и 1926/27 годы 167

Воронцов В.Н. «На общем фоне военного строительства»: Советская кавалерия в Забайкалье 1924–1945 гг. 177

РЕЦЕНЗИЯ

Афанасова Е.Н. Трудный путь в Сибирь 190

Скорикова Н.А. Читая между строк: рецензия на монографию Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» 194

Карасёв С.В. Единство и сплоченность многонационального состава Рабоче-Крестьянской Красной армии как основа успешного выполнения боевых задач 199

ПЕРСОНАЛИЯ

Тетенькин А.В. Каким ты был, таким ты и остался, орел степной…! 203

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А. В. Харинского. Фото А. Б. Данилова

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 1

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Shergin D.L. Posol'sky-type ceramics of the Upper Lena basin (based on the data of Popovsky Lug and Makarovo I sites) 8

Nomokonov A.A. Armament of the forest-steppe tribes of Eastern Transbaikalia in the Mongol period 33

Fisenko A.V. Workshop for manufacturing single-sided combs in XI-XII centuries on the territory of the Zavelichie district of the city of Pskov....49

Snopkov S.V. In search of Sayan settlements 64

HISTORY

Shaforostov A.I. The history of fundamental ideas: Spirituality....82

Bagrin E.A., Trukhin V.I. Regiment of Afanasy Pashkov in 1655: composition and recruitment before expedition to Dauria from Yeniseisk (with list of names)....91

Lokhov A.Yu., Yeremin I.E., Natsvin A.V. Reconstruction of Manchurian positions during the second siege of Albazin fortress 115

Bobyleva O.M. Agricultural development of Siberia and the "Wild West": a comparative analysis....129

Vasilyeva S.V., Akhmadulina S.Z. Educational significance of the monasteries of the Altai ecclesiastical mission in the second half of the 19th – early 20th centuries (Based on the materials of the State Archive of the Tomsk Region) 137

Sysoev A.A. Embezzlement of shlikh gold in the territory of Eastern Siberia of the pre-Soviet period 146

Oleynikov A.V. Events of the Sventsyansky breakthrough in 1915 and the actions of the cavalry....157

Sheksheev A.P. Tax campaigns of 1924-1927 on the territory of Yenisei Siberia. Part 2. 1925/26 and 1926/27 167

Vorontsov V.N. On the general background of military construction": Soviet cavalry in Transbaikalia, 1924-1945....177

REVIEW

Afanasova E.N. The hard way to Siberia 190

Skorikova N.A. Reading between the lines 194

Karasev S.V. Unity and cohesion of the multinational composition of Workers' and Peasants' Red Army as the basis successful completion of combat missions 199

PERSONALIA

Tetenkin A.V. What you were, so you remained, steppe eagle...! 203

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinskii. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2023. Т. 19. № 1

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

– история,
– археология,
– этнология,
– рецензия,
– персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 1

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

– History,
– Archaeology,
– Ethnology,
– Review,
– Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

ISSN 2415-8739 (print) **Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 8–32**
ISSN 2500-1566 (online) Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 8-32

Археология

Научная статья
УДК 903.02(571.53)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-8-32

Керамика посольского типа бассейна Верхней Лены (на примере стоянок Поповский Луг, Макарово I)

Д.Л. Шергин [1, 2]

[1] Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
[2] Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию керамики посольского типа с археологических комплексов верховьев р. Лены. В статье представлена коллекция керамики посольского типа, выделенная из керамических комплексов многослойных стоянок Поповский Луг (2 слой) и Макарово I (верхний комплекс). На основе анализа керамических фрагментов выделено 28 сосудов. Все сосуды имеют «классическую» форму с утолщенным венчиком с внешней стороны и покрыты преимущественно вертикальными штриховыми оттисками. На основании формы венчиков и метрических характеристик сосудов выделено 4 группы. Представленные группы оформления венчиков и их модификации позволяют говорить об определенных наборах операций, применявшихся древними мастерами в изготовлении керамики посольского типа. Удалось определить, что нанесение орнамента в венчиковой зоне использовалось с технологической целью для улучшения соединения деталей сосуда при формовке наиболее сложных участков. Исследование керамики посольского типа, выявленной на Верхней Лене, показало как региональные отличия (утолщение венчика с внешней стороны; овальная форма венчика; преобладание зубчатого штампа в орнаментации венчиков; отпечатки рубчатой лопатки на внешней поверхности сосудов) в сравнении с подобной керамикой в других регионах Прибайкалья, так и полные аналогии, выражающиеся в орнаментации и форме сосудов. В работе впервые представлены полученные радиоуглеродные AMS-даты по неолитическим комплексам с посольской керамикой Верхней Лены в пределах 6795–6405 кал. л. н. В целом более ранний возраст комплексов, содержащих керамику посольского типа, отмечается на западе, р. Енисей (Пещера Еленева), где она и появилась, после чего происходит ее продвижение по югу Восточной Сибири на восток до Верхнего Витима (Усть-Юмурчен).

Ключевые слова: Верхняя Лена, Верхний Витим, Поповский Луг, Макарово I, средний неолит, посольский тип керамики, усть-бельский тип керамики, зубчатый штамп, орнамент, технический декор, радиоуглеродные AMS-даты

Благодарности: работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-78-10084. Автор выражает глубокую благодарность О.А. Головей за помощь в камеральной обработке материалов исследования.

Для цитирования: Шергин Д.Л. Керамика посольского типа бассейна Верхней Лены (на примере стоянок Поповский Луг, Макарово I) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 8–32. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-8-32

Archaeology

Original article

Posol'sky-type ceramics of the Upper Lena basin (based on the data of Popovsky Lug and Makarovo I sites)

Dmitrii L. Shergin [1, 2]

[1] Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
[2] N.N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History, Irkutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of pottery of the Posol'sky-type ceramics from the archaeological sites of the upper reaches of the River Lena. The article presents a collection of Posol'sky type pottery delineated from the ceramic assemblages of the multilayered sites of Popovsky Lug (layer 2) and Makarovo I (upper complex). Based on the analysis of ceramic fragments of

© Шергин Д.Л., 2023

28 vessels were identified. All the vessels have a "classical" shape with a thickened rim on the outside and are mostly covered with vertical line impressions. Based on the shape of the rims and the metric characteristics of the vessels four groups were distinguished. The presented groups of decoration of rims and their modifications allow us to speak about certain sets of operations used by ancient masters in the manufacture of Posol'sky type ceramics. It was possible to determine that the application of the ornament in the rim zone was used for practical and technological purposes to improve the connection of vessel parts when molding the most complex sections. The study of pottery of the Posol'sky type ceramics found in the upper reaches of the River Lena showed both regional differences in comparison with similar ceramics of the Baikal region and complete analogies (oval thickening on the outside, ornamentation, shape). The paper presents for the first time the obtained radiocarbon AMS dates for the Neolithic assemblages of the Posol'sky type ceramics of the Upper Lena within the limits of 6795-6405 cal. BP. In general, we see an earlier age of sites containing ceramics of the Posol'sky type in the west, on the Yenisei River (Elenev Cave) where most likely it appeared, after which it moves eastward along the south of Eastern Siberia to the Upper Vitim (Ust-Yumurchen).

Keywords: Upper Lena, Upper Vitim, Popovsky Lug, Makarovo I, Neolithic, Posol'sky ceramic type, Ust-Bel'sky ceramic type, serrated stamp, ornament, technical decor, radiocarbon AMS dates

Acknowledgements: this work was supported by the Russian Science Foundation (grant no. 19-78-10084). The author is deeply grateful to O.A. Golovey for help in the desk processing of the research materials covered in this article.

For citation: Shergin D.L. (2023) Posol'sky-type ceramics of the Upper Lena basin (based on the data of Popovsky Lug and Makarovo I sites). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 8-32. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-8-32

Введение

Географическое положение бассейна реки Верхней Лены, расположенного в центре Байкальской Сибири, определяет значимость и перспективы исследования имеющихся здесь археологических памятников как необходимого звена в изучении связей древних культур, выявленных в границах и далеко за пределами этой территории. Под Верхней Леной традиционно понимается участок реки длинной 1250 км от истока до устья р. Витим (самого крупного притока р. Лены, длинной 1820 км). Кто первый определил верхнее течение р. Лены, сказать сейчас трудно, но уже в 1892 г. В.А. Обручев в своей работе приводит реестр из 45 работ и статей, в которых верхнее течение р. Лены ограничивалось устьем р. Витим (Обручев, 1892. С. 7–38). Уже с 30-х гг. XX в. термин «Верхняя Лена» как понятие геоморфологическое применяется в специальной литературе (Павловский, 1929; Думитрашко, 1936; Думитрашко, 1955).

Археологические исследования, развернувшиеся вначале XX в., ввели в научный оборот относительно большое количество материалов, которые позволили академику А.П. Окладникову, в первом приближении, развить идею керамических комплексов, определить их этапы развития и культурную принадлежность, провести сравнительный анализ верхнеленских материалов с материалами археологических памятников сопредельных территорий (Окладников, 1950; Окладников, 1955).

В 1960–1980-е гг. после продолжительного перерыва археологические исследования Верхней Лены были возобновлены силами Иркутского областного музея краеведения и Иркутского государственного университета под руководством М.П. Аксенова. Благодаря изыскательской работе Археологической экспедиции (АЭ ИРОМ) и Ленской партии Комплексной археологической экспедиции (ЛАП КАЭ) от д. Бирюльки до устья Витима, а также на притоках, открыто и обследовано около 200 археологических памятников, относящихся к неолиту, бронзовому и железному векам, собран значительный фактологический материал. Основное внимание исследователей было сосредоточено на выявлении памятников донеолитического возраста (Аксенов, 2009).

С 1990-х гг. и по настоящее время силами сотрудников Лаборатории археологии и этнографии Иркутского государственного педагогического университета в дальнейшим Педагогического института Иркутского государственного университета в ходе тематических работ и полевых археологических практик студентов-историков продолжены стационарные раскопки ряда местонахождений неолита-палеометалла на Верхней Лене (Шергин, 2016. С. 124). Наиболее исследованным является Качугско-Верхоленский участок Верхней Лены. Из числа керамических коллекций памятников этого участка были выявлены наиболее характерные для Байкальской Сибири группы керамики (сетчатая, хайтинская, усть-бельская и посольская).

Данное исследование имеет своей целью введение в научный оборот новых, ранее не использованных материалов, хранящихся в фондах различных учреждений археологического профиля по одному из самых дискуссионных типов керамики – посольской, обнаруженной на стояночных комплексах Верхней Лены.

Рассматриваемая керамика определена Л.П. Хлобыстиным 70-х гг. прошлого столетия как «посольская» и объединена по морфологическим признакам как «тип» (Хлобыстин, 1978. С. 96). В дальнейшем, по специфике этой керамики Н.А. Савельевым выделен «посольский керамический пласт» (Савельев, 1989[1]). В нем можно выделить территориальные варианты по морфологическим признакам, прежде всего, венчиков, мотивов и способов орнаментации.

Под керамикой посольского типа понимаются – сосуды параболоидной закрытой формы (в редких случаях открытой) с приостренным дном. Венчик имеет подтреугольное утолщение с внешней или внутренней стороны, с приостренным или прямым срезом. Орнамент покрывает верхнюю треть сосудов и наносится посредством зубчатого штампа и преимущественно треугольного в сечении стека. Характерной чертой для большей части сосудов является поясок сквозных проколов округлой формы, нанесенных под срезом поверх прочерченного или продавленного лопаточкой желобка. Внешняя поверхность покрыта вертикальными штриховыми оттисками от выбивки рубчатой лопаткой или лопаткой, обмотанной шнуром.

В последние годы данный тип керамики у исследователей вызывает огромный интерес, что нашло отражение в литературе по археологии Прибайкалья (Макаров, 2005; 2012; Цыденова, Хамзина, 2006; Ветров, 2011; Уланов, Бердников, 2015; Горюнова, Мархаева, Новиков, 2019; Савельев, Уланов, 2020).

Такой интерес вызван, прежде всего, широким распространением этой керамики на территории Байкальской Сибири, что говорит о тесных культурных связях древнего населения в неолите. Выявление большого числа стояночных комплексов с керамикой посольского типа и отсутствие таковой в погребениях Прибайкалья обозначило вопрос происхождения, распространения и ее возраста. Особо обострило этот вопрос то обстоятельство, что данный тип керамики в подавляющем большинстве стоянок обнаружен в смешанных (сложных) стратиграфических условиях.

В целом керамика посольского типа и близкие к ней варианты территориально выявлены на объектах юга Байкальской Сибири, от Енисея на западе до Верхнего Витима на востоке.

Данная работа является первой попыткой обобщить и систематизировать полученные результаты многолетних исследований керамических комплексов Верхней Лены с привлечением новых радиоуглеродных дат.

Основной задачей исследования явилось изучение керамики посольского типа из многослойных стоянок Поповский Луг и Макарово I (верхнее течение р. Лены). В данной статье на основе анализа керамических фрагментов проведена реконструкция сосудов и предложен набор технологических операций, применявшихся древними мастерами в изготовлении керамики посольского типа. Представленные радиоуглеродные данные, полученные методом AMS, позволили определить хронометрический интервал для керамики посольского типа и скоррелировать ее с традициями изготовления других типов керамики в регионе. Таким образом, представленный научный материал может способствовать решению актуальных проблем неолита в Прибайкалье.

Местонахождения и материалы

Керамика посольского типа выявлена в Качугском районе Верхней Лены на стоянках Поповский Луг, Макарово I и отмечалась исследователями на севере Верхней Лены, на объектах: Назарово I; Марково I, II; Олонцево I (Задонин, 1990), Тунгусский ручей II (Инёшин и др., 1990) (рис. 1).

В основу данного исследования положена представительная коллекция керамики посольского типа, полученная в результате разведок и стационарных раскопочных работ на археологических местонахождениях Верхней Лены: Поповский Луг, Макарово I. Руководство работами в разные годы осуществлялось М.П. Аксеновым, В.М. Ветровым, В.С. Зубковым и автором данной статьи. Критериями

[1] Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.

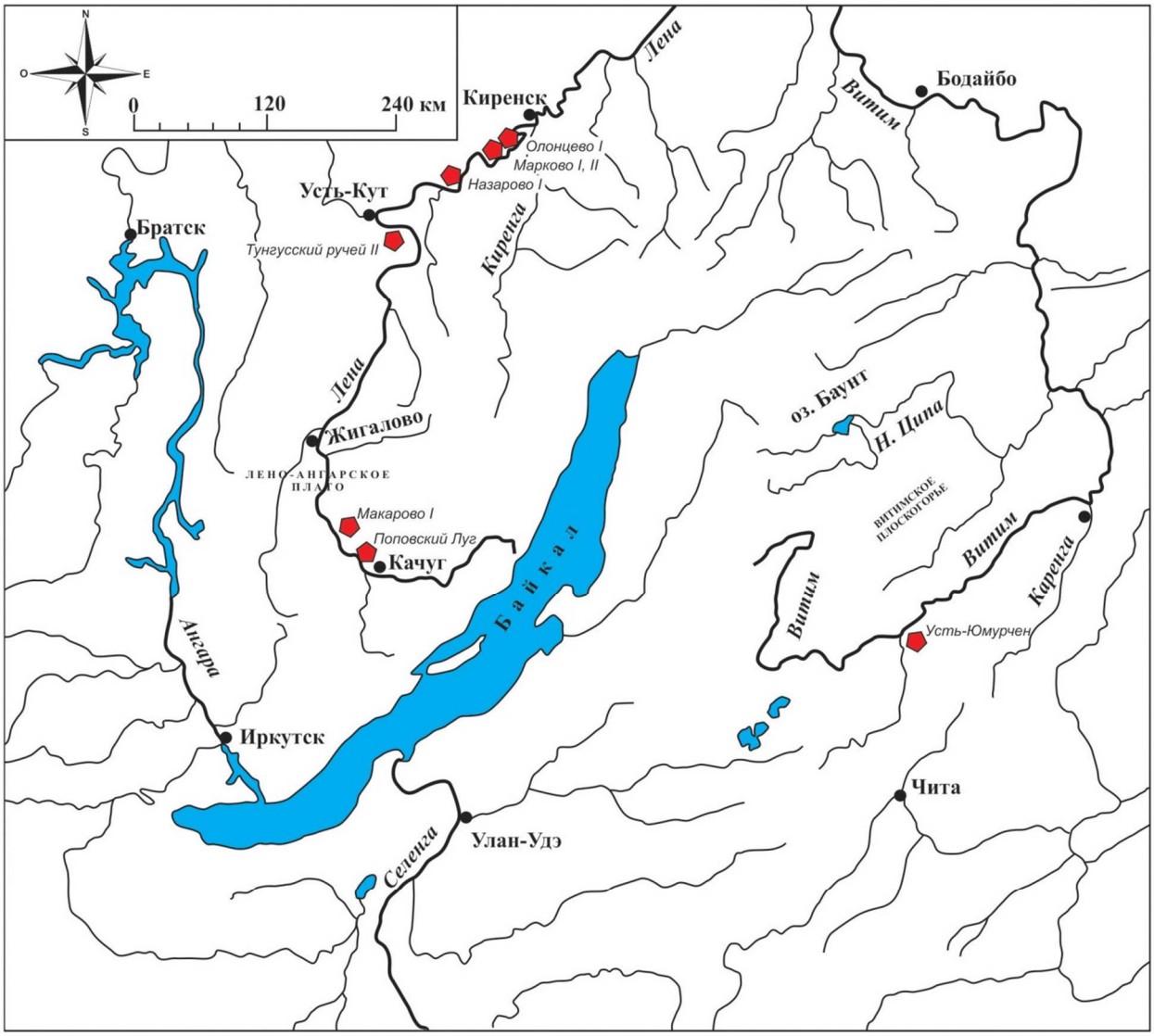

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических местонахождений в керамических комплексах, в которых выявлена керамика посольского типа на Верхней Лене

Fig. 1. Map-scheme of the location on the Upper Lena of archaeological sites in which ceramic assemblages the Posol'sky type pottery was revealed

для систематизации материалов послужили: стратиграфическое положение, технологические и морфологические признаки, сравнительный анализ керамических сосудов как в рамках исследуемой территории, так и за ее пределами.

Многослойная стоянка Поповский Луг

Местонахождение расположено в Качугском районе Иркутской области, на правом берегу р. Лены, в приустьевом участке пересыхающего ручья Чемячиха в 4-х км ниже поселка Качуг. Находки связаны с отложениями первой надпойменной 6–8-метровой аккумулятивно-цокольной террасы.

Археологические изыскания на данной территории начались в 1948 г., когда М.Р. Полесских и П.П. Хороших с группой студентов Иркутского государственного педагогического института собрали коллекцию подъемного материала (Шергин, 2010). С 1966 г. археологические исследования на объекте были возобновлены силами ИОКМ и ИГУ под руководством М.П. Аксенова. Результаты разведочных и стационарных работ 1971–1973 гг., проведенных Ленской партией КАЭ ИГУ, показали перспективность дальнейших исследований на данной территории. В процессе изучения объекта в 1972 г. здесь обнаружен и начал исследоваться новый могильник, который был отнесен к подобным памятникам глазковского типа, широко представленным в Прибайкалье (Аксенов, 1973). В раскопах и шурфах были обнаружены изделия из камня, обломки костей, фрагменты керамики. Культурные остатки фиксиро-

вались в современной почве и серой лессовидной супеси. По морфологии инвентаря и его стратиграфическому положению памятник был предварительно датирован периодом неолита – бронзового века (Аксенов, 1972; Зубков, 1982. С. 73). В полевые сезоны 2001–2003 гг. работы на Поповском Лугу были возобновлены Лабораторией археологии ИГПУ под руководством кандидата исторических наук В.М. Ветрова. В 2010–2011, 2013–2014 гг. работы на памятнике были продолжены сотрудниками Лаборатории археологии Восточносибирской государственной академии образования (ранее – ИГПУ) под руководством старшего преподавателя кафедры всемирной истории ВСГАО Д.Л. Шергина. Необходимость работ диктовалась сбором новых данных по планиметрии и планиграфии находок, уточнением стратиграфической ситуации, а также определением будущих направлений в работе. В результате исследований получены хорошо читаемые стратиграфические разрезы, позволяющие определить возраст конкретных геологических отложений. Характер и последовательность геологических отложений, слагающих террасу, в раскопах в целом сходен. Кроме аналогичной стратиграфической ситуации в раскопах 1 и 2, также сходными являются морфологические черты и номенклатурный набор инвентаря, что позволяет судить о синхронности культуросодержащих горизонтов обоих раскопов. Мощность рыхлых отложений, покоящихся на коре выветривания (слабоокатанные плитки песчаника), составляла 1,8 м. Несмотря на относительно низкую отметку террасы над уровнем реки, аллювиальные отложения отсутствуют. Вся вскрытая толща рыхлых отложений имеет субаэральный склоновый генезис. В полном поперечном разрезе довольно хорошо читаются позднеплейстоценовые субаэральные склоново-делювиальные отложения сартанского периода возрастом 25–10,5 тыс. лет назад, в кровле которых заложены устья морозобойных трещин. Выше расположена пачка голоценовых напластований, подразделяющаяся на ряд слоев с различным литологическим содержанием и интенсивностью окраса от темных до светлых тонов. Именно с голоценовой толщей связаны все артефакты, стратиграфически разбивающиеся на три культуросодержащих горизонта. Описание стратиграфии приводится ниже.

Мощность в метрах:

Слой 1. Дерн (почвенно-растительный горизонт) 0,02–0,06;

Слой 2. Супесь гумусированная черного цвета 0,02–0,26;

Слой 3. Супесь слабо гумусированная серая (подпочвенный горизонт) 0,02–0,10;

Слой 4. Супесь гумусированная черного цвета (погребенная почва) 0,04–0,30;

Слой 5. Супесь слабогумусированная серая, карбонатизированная (подпочвенный горизонт) 0,05–0,24;

Слой 6. Супесь коричневато-бурая карбонатизированная. Корбонаты выделяются в виде белых вертикальных штрихов. Из кровли слоя заложены морозобойные трещины, уходящие в нижележащие отложения на глубину до 0,60 м от устьев 0,04–0,58;

Слой 7. Пески мелко и среднезернистые серые, параллельно слоистые с уклоном в сторону бровки террасы, чередующиеся с прослойками красновато-бурой супеси (продукты выветривания кембрийского песчаника). В 0,30 м от кровли слоя прослеживается прослойка (7а) мощностью до 0,05 м с замещенной карбонатами органикой. Из кровли заложены морозобойные трещины второй генерации 0,02–0,08;

Слой 8. Супесь красновато-бурая с двумя прослоями окатанных плиток песчаника 1,10–1,88;

Слой 9. Плотно расположенные плитки песчаника с заполнением между ними в виде красновато-бурой супеси, вскрытая мощность до 0,26.

Археологический материал фиксировался в 1–5 стратиграфических подразделениях. Исходя из стратиграфической ситуации, выделено 3 культурных горизонта: 1-й (1–2 стратиграфические), 2-й (3-й стратиграфический), 3-й (контакт 4-го и 5-го – 5-й стратиграфический), из которых два нижних отнесены к разным периодам неолита (Ветров, 2003) (рис. 2.А).

Основу керамического комплекса составляет керамика посольского типа, залегающая совместно с усть-бельской и фрагментами сосудов с отпечатками сетки плетенки, имеющих прямой срез венчика и поясок сквозных отверстий под ним. Керамика приурочена к слабо гумусированной серой супеси (подпочвенному горизонту) слою 3 и к кровле гумусированной супеси черного цвета (погребенной почве) слоя 4. Артефакты в слое фиксируются как отдельными скоплениями и залегают в кладках розеточно-

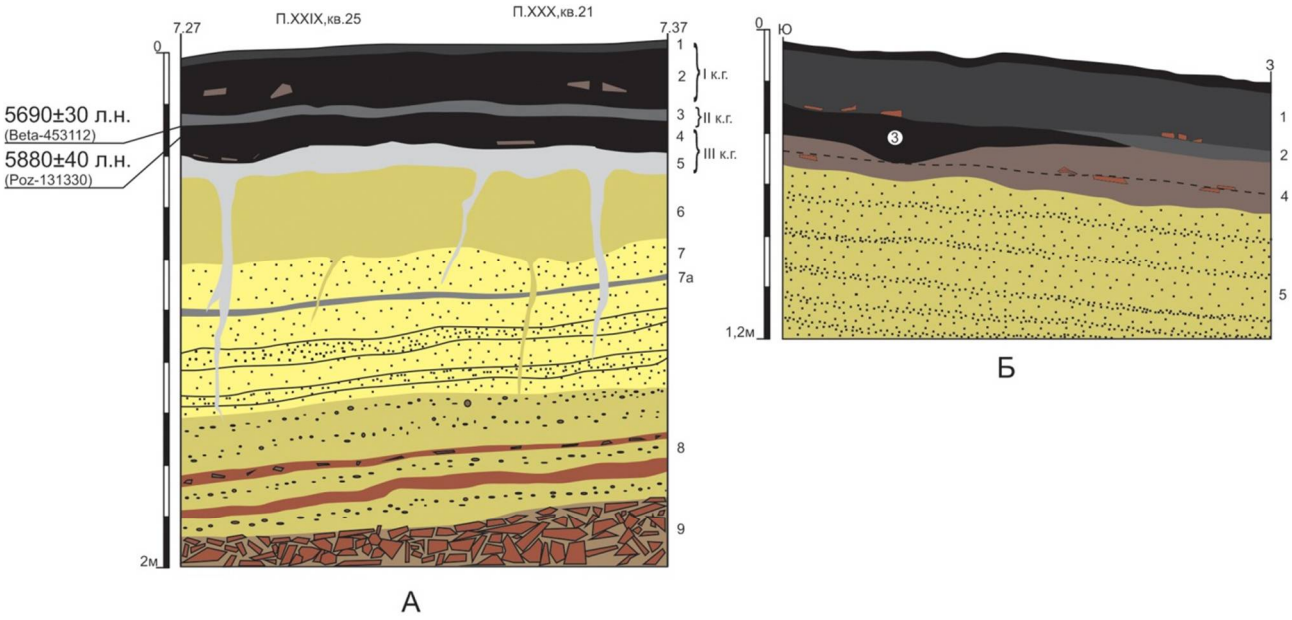

Рис. 2. Археологические объекты Верхней Лены: *А – Местонахождение Поповский Луг. Стратиграфия раскопа 1, 2015 г.; Б – Местонахождение Макарово I. Стратиграфия раскопа, 1980 г.*

Fig. 2. Archaeological sites of the Upper Lena: *A - Popovsky Lug site. Stratigraphy of excavation area No. 1, 2015; B – Makarovo I site. Stratigraphy of excavation area, 1980*

го типа, так и рассеяны по всей площади раскопа, что подтверждается апплцированием при реставрации сосудов из фрагментов разных лет раскопок. На стоянке в слое отмечается смешивание разновременных артефактов, которое произошло в результате компрессии, особенно интенсивно этот процесс отмечался ближе к бровке террасы и связан со склоновыми процессами.

На стоянке керамика посольского типа представлена 504 фрагментами, минимум от 26 сосудов. По форме выделяются сосуды, не профилированные и профилированные с приостренно-округлым дном. Внешняя поверхность покрыта преимущественно вертикальными (относительно оси сосуда) с небольшими отклонениями по сторонам штриховыми оттисками (прокат, выбивка рубчатой лопаточкой). Венчики имеют подтреугольное, подтреугольно-скошеное или овальное утолщение с внешней стороны, с приостренным или прямым срезом. Для сосудов с овальным утолщением характерна непрофилированная форма. Орнамент покрывал верхнюю треть сосудов и наносился посредством зубчатого штампа и треугольного в сечении стека. Характерной чертой для большей части сосудов является поясок сквозных проколов округлой или прямоугольной формы, нанесенных под срезом по прочерченному или продавленному лопаточкой желобку.

Многослойная стоянка Макарово I

Стоянка расположена на первой надпойменной 6–7-метровой аккумулятивно-цокольной террасе правого берега р. Лены, в 15 км от п. Качуг, вблизи д. Макарово. Объект открыт в 1941 г. А.П. Окладниковым, который отнес нижний комплекс стоянки к позднему этапу ленского палеолита, верхний к неолиту (Палеолит и неолит…, 1953. С. 234–238). С 1966 г. работы были продолжены силами Ленской археологической экспедиции Иркутского областного краеведческого музей, а в 1971 и 1980 гг. – Ленской археологической партией КАЭ ИГУ под руководством М.П. Аксенова. В результате вскрытой площади на памятнике было установлено, что нижний слой является мезолитическим, а два верхних слоя отнесены соответственно к неолиту и эпохе палеометалла (Аксенов, 1970). Находки неолита и эпохи ранней бронзы залегали в компрессионном положении, разделить их стратиграфически было довольно сложно. В результате исследовательских работ 1980 г. неолитический комплекс был зафиксирован в к. г. 2, который выделен условно и отделяется от 1 к. г. по прослойке плиток песчаника и приурочен к пачке слабо гумусированной подпочвы (Аксенов, 1981. С. 163; Ветров, Зубков, 1974. С. 147). Стратиграфическая ситуация приводится по юго-западной стенке раскопа 1980 г. (рис. 2.Б)

Мощность в метрах:

Слой 1. Супесь гумусированная черного цвета, сильно задернована в кровле 0,30–0,40;

Слой 2. Карбонатезированная темно-серая (лессовидная) супесь 0,07–0,10;

Слой 3. Углистая масса, заполняющая искусственные углубления 0,15–0,25;

Слой 4. Палевая лессовидная супесь 0,15–0,60;

Слой 5. Пески, супеси, илы, аллювий, вскрытая мощность до 2,50.

Основу керамического комплекса 2 к. г. составили 1623 фрагмента керамики, по техническому декору она делится на сетчатую, шнуровую, рубчатую, гладкостенную. Из всей коллекции керамики было выделено 14 фрагментов, отнесенных нами к посольскому типу, принадлежащих, как минимум, двум сосудам с треугольным утолщением с внешней стороны. Малое количество информативных фрагментов не позволило установить форму и размеры сосудов.

Характеристика и анализ керамической коллекции посольского типа

В целом нами рассмотрено 518 фрагментов из керамических коллекций стоянок Поповского Луга и Макарово I, по фрагментам венчиковой зоны выделено 28 сосудов. Отличительной чертой сосудов посольского типа является наличие сложного венчика, имеющего разные вариации треугольного утолщения (налепа) с внешней стороны. Таким образом, сосуды по форме венчика удалось разделить на четыре группы (рис. 3).

Форма венчиков *первой группы*, включающая два варианта, является самой многочисленной и представлена 14 сосудами. Полный профиль и размеры по всем элементам удалось восстановить у двух сосудов № 1 и № 2.

Сосуд № 1 из Поповского Луга (рис. 4.1) имеет следующие метрические показатели: высота 27–28 см, диаметр венчика составляет 22 см, толщина стенок тулова 0,4–0,5 см, шейки 0,3–0,4 см. Благодаря большому количеству фрагментов (154 фрагмента), удалось восстановить полный профиль сосуда, который имеет сложную закрытую форму с приостренно-округлым дном. Подтреугольное утолщение составило 1,3 см, верхняя и нижняя плоскости которого орнаментированы косо поставленным вправо зубчатым штампом. Под срезом нанесен поясок сквозных отверстий диаметром 0,3 см по узкому прочерченному желобку через 1,5 см. Ниже налепа поверхность оформлена 10-ю горизонтальными рядами треугольных вдавлений, выполненных в технике отступающей лопатки (вправо). При этом верхний ряд оконтурен горизонтально прочерченными линиями. От последнего пояска отходят вертикальные столбики таких же вдавлений, составлен-

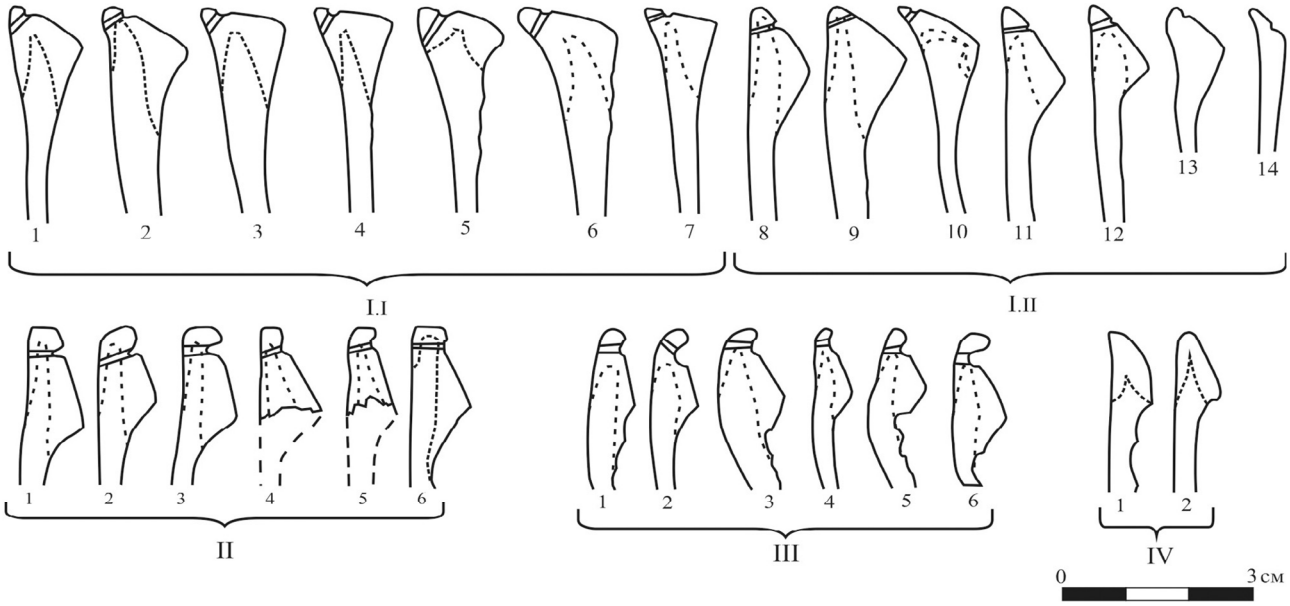

Рис. 3. Формы венчиков сосудов посольского типа Верхней Лены: *группа I – 1–14; группа II – 1–5; группа III – 1–5; группа IV – 1–2 – Поповский Луг. Группа II – 6; группа III – 6 – Макарово I*

Fig. 3. Forms of rims of vessels of the Posol'sky type of the Upper Lena: *group I - 1-14; group II - 1-5; group III - 1-5; group IV - 1-2 - Popovsky Lug. Group II - 6; group III - 6 - Makarovo I*

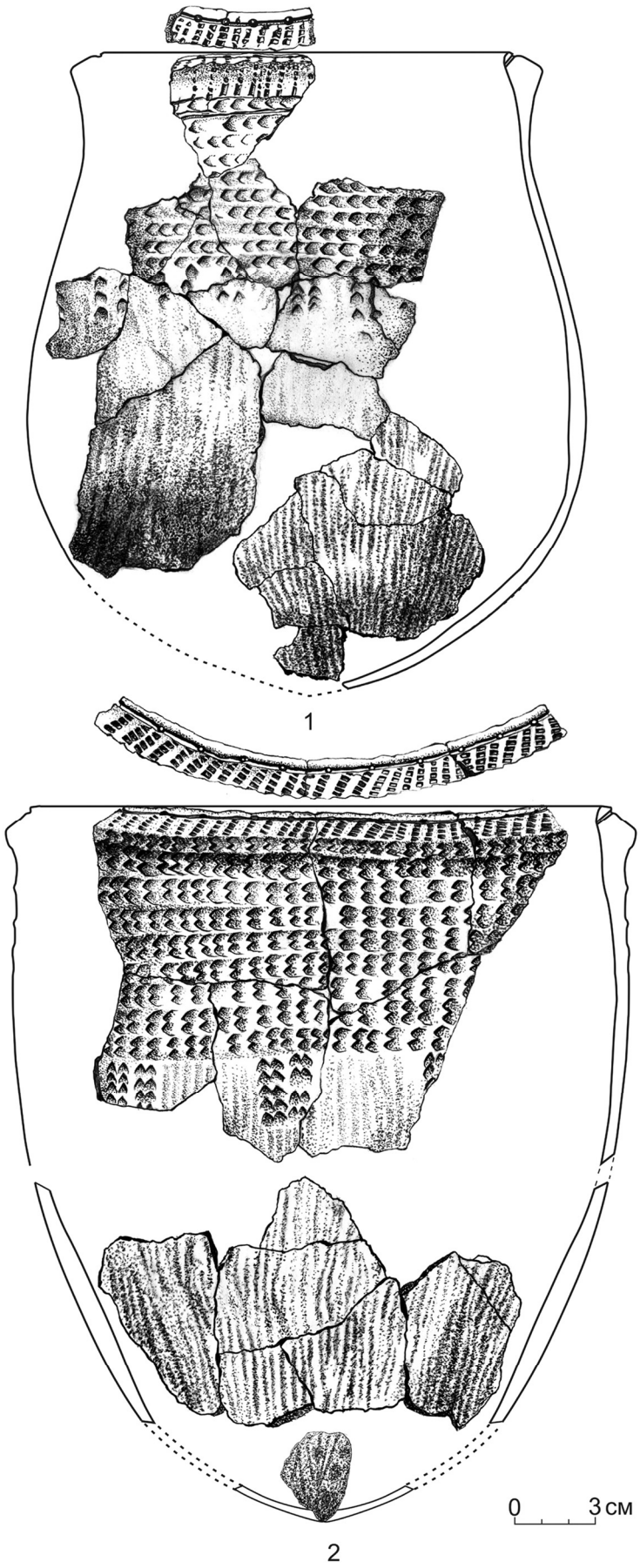

Рис. 4. Поповский Луг, реконструкция сосудов посольского типа: *1 – сосуд № 1, 1972 г.; 2 – сосуд № 2, 2001 – 2002 гг.*
Fig. 4. Popovsky Lug site, reconstruction of Posol'sky type vessels: *1 - vessel No. 1, 1972; 2 - vessel No. 2, 2001-2002*

ных в пары, ориентированные острым окончанием вверх. Тулово и придонная часть сосуда с внешней стороны преимущественно имеет вертикальные отпечатки «рубчатой» лопатки, внутренняя гладкая и не несет на себе никаких следов основы или затирания.

Сосуд № 2 из Поповского Луга (рис. 4.2) представлен 68 фрагментами. Высота 33–34 см, диаметр венчика – 27 см, толщина стенок тулова 0,5–0,7 см, шейки 0,4–0,5 см, по утолщению венчика 1,4 см. Венчик треугольной формы, верхняя плоскость налепа орнаментирована косо поставленным вправо зубчатым штампом, поверх которого ближе к срезу под углом нанесен поясок сквозных проколов диаметром 0,2 см, идущих по прочерченному желобку. Нижняя грань плавно переходит в шейку сосуда, орнаментирована, начиная с ребра налепа, девятью горизонтальными линиями отступающей (вправо) двузубчатой лопаткой. От последнего ряда под прямым углом через 3,5–4,0 см нанесены две нисходящие линии (по 5 шагов) той же лопаткой в технике отступания. Тулово сосуда и придонная часть с внешней стороны преимущественно имеют вертикальные отпечатки «рубчатой» лопатки. Нижняя часть сужается ко дну, в профиль прослеживается кольцевое утолщение в месте соединения спая, где толщина стенки достигает 0,7–0,8 см при общей толщине 0,5 см. Дно толщиной 0,8 см, в экстремальной точке имеет приостренную форму.

Сосуды № 3, 11, 12 имеют сложную закрытую форму со слабой профилировкой верхней части (рис. 5).

Сосуд № 3 (рис. 5.1), представлен 56 фрагментами венчиковой зоны и тулова. Верхняя часть сосуда имеет: диаметр венчика – 26 см, толщину стенок 0,5–0,6 см, по утолщению венчика 1,4 см. Верхняя грань треугольного налепа орнаментирована косо поставленным зубчатым штампом, поверх которого ближе к срезу прочерчен желобок, по которому нанесены сквозные проколы, диаметром 0,2–0,3 см, нижняя – плавно переходит в слабо выраженную шейку, украшена пятью горизонтальными рядами треугольных оттисков (вправо). От последнего под прямым углом отходят линии, состоящие из трёх вдавлений, выполненных прямоугольной лопаткой в накольчато-отступающей технике.

Сосуд № 11 (рис. 5.2), представлен 22 фрагментами. Метрические характеристики составили: диаметр венчика – 28 см, толщина стенок тулова 0,5–0,6 см, шейки 0,4–0,5 см, по утолщению венчика 1,8 см. Венчик треугольной формы, ребро налепа образует прямой угол. Верхняя грань орнаментирована косо поставленным вправо зубчатым штампом, по краю ближе к срезу венчика треугольной лопаточкой в накольчато-протащенной технике выполнен желобок, по которому нанесен поясок сквозных проколов диаметром 0,2 см, через 1,2–1,4 см. Нижняя – плавно переходит в шейку сосуда, которая орнаментирована семью горизонтальными рядами отступающей вправо треугольной лопаткой. Последующие два ряда имеют те же оттиски, но с перерывами в четыре шага[2].

Два сосуда имеют меньший диаметр венчиков, сосуд № 12 (рис. 5.3), представленный 19 фрагментами венчиковой зоны и тулова. Диаметр венчика составил – 18 см, толщина стенок тулова 0,3–0,5 см, шейки 0,4–0,5 см, по утолщению венчика 1,3 см. Венчик треугольной формы, верхняя плоскость налепа орнаментирована вдавлениями косо поставленного вправо зубчатого штампа, поверх которого ближе к срезу прочерчен желобок, по которому нанесены через 0,8–1,1 см под углом сквозные проколы диаметром 0,1–0,2 см. Нижняя грань налепа, плавно переходящая в шейку сосуда, орнаментирована шестью горизонтальными рядами отступающей вправо треугольной лопаткой. Нижний 7-й ряд имеет такие же отпечатки, но лопатка расположена вертикально, острым углом вверх. Внутренняя сторона сосуда в зоне венчика покрыта нагаром, по которому была получена AMS-дата, 5880±40 л. н. (Poz-131330), что составляет 6795–6565 кал. л. н.

Сосуд № 18 (рис. 6.1), представленный 34 фрагментами, имеет диаметр венчика – 20 см, толщина стенок тулова составила 0,3–0,4 см, шейки 0,3 см, по утолщению венчика 1,6 см. Плоскости треугольного налепа орнаментированы вдавлениями зубчатого штампа, поверх которого ближе к срезу прочерчен желобок, по которому нанесены через 1,0–1,2 см, под углом сквозные проколы, диаметром 0,2 см. Ниже налепа, в зоне шейки сосуда, имеются следы горизонтально протащенной зубчатой лопатки, ширина борозд составляет 0,3 см, ниже идут такие же следы, но расположены вертикально, причем начинаются они с более глубоких оттисков, что

[2] Один шаг – одно вдавление.

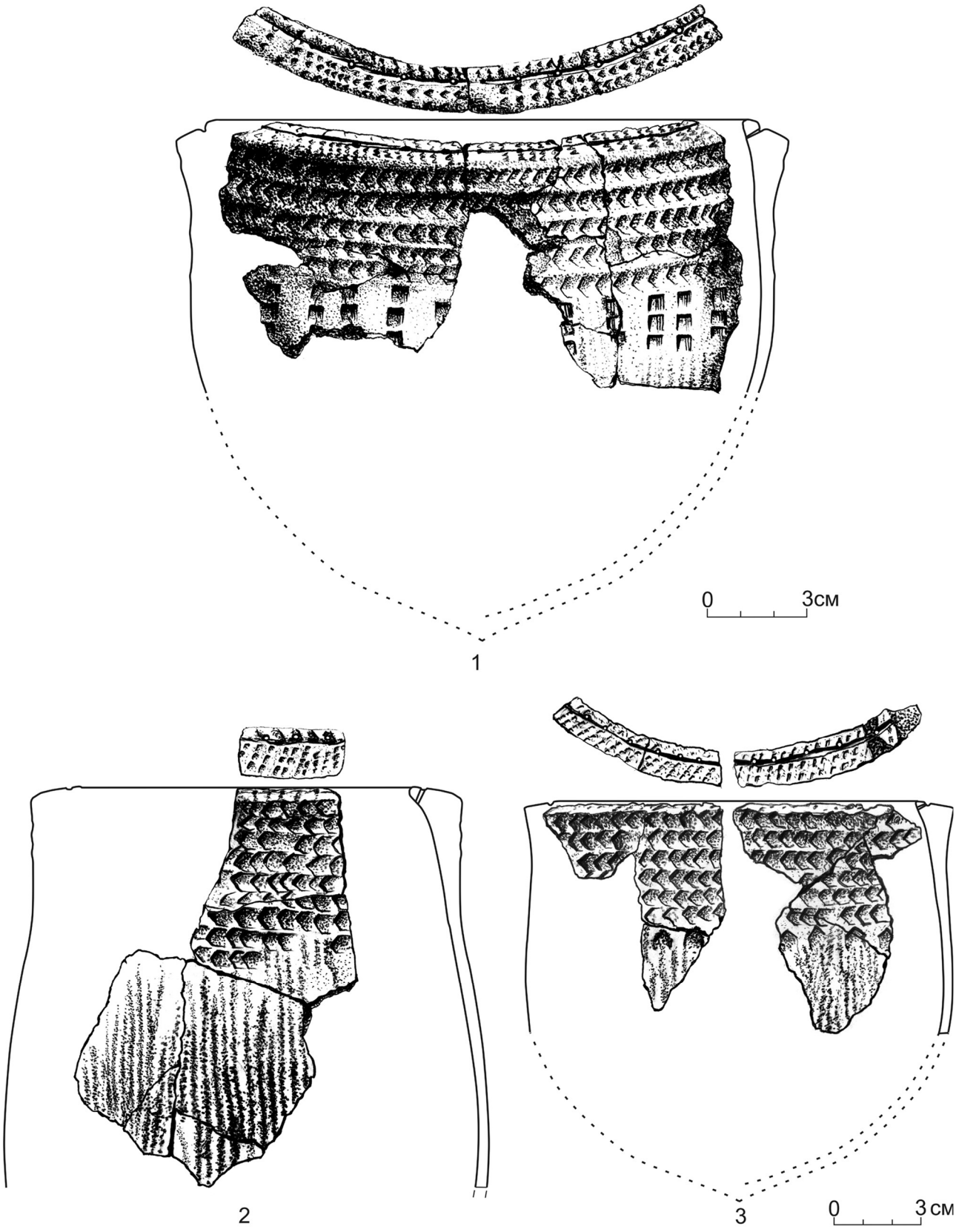

Рис. 5. Поповский Луг, графическая реконструкция сосудов посольского типа: *1 – сосуд № 3, 2002 г.; 2 – сосуд № 11, 2001 г.; 3 – сосуд № 12, 1973 г.*

Fig. 5. Popovsky Lug site, graphic reconstruction of Posol'sky type vessels: *1 - vessel No. 3, 2002; 2 - vessel No. 11, 2001; 3 - vessel No. 12, 1973*

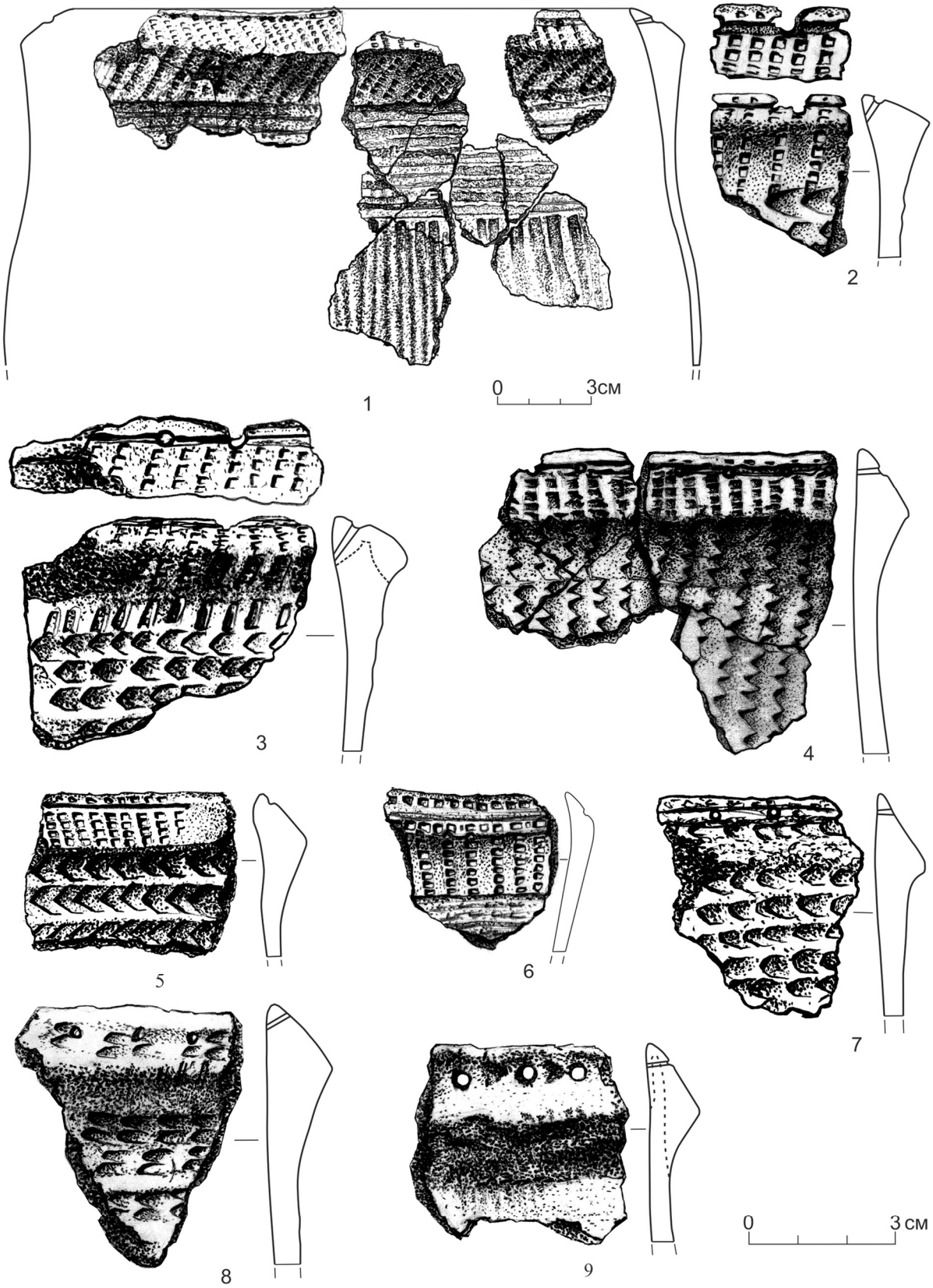

Рис. 6. Поповский Луг, керамика посольского типа I группы: *1 – сосуд № 18, 1972 г.; 2 – сосуд № 4, 1972 г.; 3 – сосуд № 5, 1972 г.; 4 – сосуд № 13, 1972 г.; 5 – сосуд № 20, 1972 г.; 6 – сосуд № 26, 1972 г.; 7 – сосуд № 25, 2002 г.; 8 – сосуд № 14, 1973 г.; 9 – сосуд № 21, 1973 г.*

Fig. 6. Popovsky Lug site, pottery of the Posol'sky type of group I: *1 - vessel No. 18, 1972; 2 - vessel No. 4, 1972; 3 - vessel No. 5, 1972; 4 - vessel No. 13, 1972; 5 - vessel No. 20, 1972; 6 - vessel No. 26, 1972; 7 - vessel No. 25, 2002; 8 - vessel No. 14, 1973; 9 - vessel No. 21, 1973*

говорит о протягивании зубчатого шпателя сверху вниз. Тулово сосуда имеет такие же вертикально расположенные отпечатки протащенной лопаточки.

Остальные восемь сосудов (№ 4, 5, 13, 14, 20–22, 26) представлены 52 фрагментами венчиковой зоны и тулова. Метрические показатели этих сосудов в целом схожи и дают представление о диаметре по венчику, который удалось установить у двух сосудов № 5 – 26 см, и № 13 – 29 см, толщине венчика, которая варьируется от 1,4 см, до 1,0 см, и стенок в зоне шейки и тулова от 0,6 до 0,3 см.

Самым распространенным элементом орнамента треугольного налепа является зубчатый штамп. У трех сосудов (№ 4, 5, 26) такой штамп отмечен на гранях налепа (рис. 6.2, 3, 6), ниже которого расположены горизонтальные ряды, выполненные отступающей лопаткой (вправо) с треугольным концом или горизонтальные ряды протащенной гребенки. У сосудов № 13 и № 20 зубчатый штамп покрывал только верхнюю грань, нижняя, плавно переходя в шейку, имеет отпечатки однозубчатой (рис. 6.5) или четырехзубчатой лопатки. У сосуда № 13 ширина четырехзубчатой лопатки составляла 1,5 см, (рис. 6.4). От последнего горизонтального ряда под прямым углом по всей окружности сосуда через 2,0–2,3 см отходят нисходящие линии (по 6 шагов), представленные в виде отдельных блоков (столбиков), выполненных тем же инструментом в накольчатой технике. Под срезом венчика прочерчен желобок, по которому нанесены сквозные проколы. У сосудов № 20 и № 26 такие проколы отсутствовали (рис. 6.5, 6). В редких случаях налеп украшался оттисками однозубчатой или двузубчатой лопаткой, переходящими на тулово. Так, у сосуда № 14 (рис. 6.8) на верхней грани налепа отмечено «небрежное» нанесение оттисков сдвоенной острозубчатой лопаточкой в накольчато-протащенной технике (вправо). Острые углы зубцов лопатки ориентированы наружу, нижняя грань гладкая. У сосуда № 22 (рис. 6.7) грани налепа украшены треугольными оттисками однозубчатой лопаткой. В обоих случаях ближе к срезу наносился поясок сквозных проколов. Лишь один сосуд № 21, (рис. 6.9), выделенный по одному фрагменту венчика, является гладкостенным. Единственным элементом орнамента стал поясок сквозных проколов, нанесенных по продавленному желобку, выполненному треугольными вдавлениями.

Вторая группа – представлена фрагментами венчиков от 6 сосудов, не позволяющими составить полное представление о форме этих сосудов. Судя по профилю верхней части сосуда № 6 (рис. 7.1), он имеет сложную закрытую форму со слабой профилировкой. Его метрические показатели составили: диаметр – 28 см, толщина – стенок шейки и тулова 0,6–0,7 см, по утолщению венчика 1,3 см. Срез и верхняя грань налепа орнаментированы зубчатым штампом. Под срезом прочерчен глубокий 0,3 см, желобок, шириной до 0,3 см, по которому нанесены через 1,4–2,5 см сквозные проколы округлой формы, диаметром до 0,3 см. Нижняя грань резко переходит в шейку сосуда, орнаментирована как минимум четырьмя горизонтальными рядами отступающей (вправо) двузубчатой лопатки, у которой острые углы ориентированы внутрь. Следует отметить, что два первых ряда имеют более глубокие оттиски, чем последующие. Подобная ситуация прослеживается на сосуде № 19 из этой группы (рис. 7.4), имеющем схожую орнаментацию и метрические показатели с разницей лишь в наличии проколов прямоугольной формы под срезом. Такая неравномерность и разница в глубине оттисков связана с формированием венчиковой зоны, когда нижняя часть ленты примазывалась к внешней поверхности уже подсушенной горловины, поверх которой наносились оттиски орнаментирующим инструментом, в результате чего они получались менее четкие. Более информативным в подтверждении формирования венчика подобным образом является фрагмент венчика сосуда № 1, происходящий из коллекции керамики стоянки Макарово I (рис. 7.6А). Венчик имеет прямой срез с налепом в виде скошенного, вытянутого вниз треугольника, верхняя грань которого орнаментирована косо поставленным зубчатым штампом. Под срезом продавлен поясок мелкозубчатой лопаткой, по которому нанесены сквозные проколы. Нижняя грань налепа орнаментирована горизонтальными рядами таких же оттисков, переходящих на тулово. В месте спая треугольный налеп отслоился от стенки сосуда, что позволило проследить процесс формирования венчиковой зоны (рис. 7.6Б). С целью лучшего закрепления венчиковой ленты осуществлялся перегиб ее верхнего края наружу, нижняя часть примазывалась к внешней поверхности подсушенной стенки, затем наносились оттиски орнаментирующим инструментом, для более надежного со-

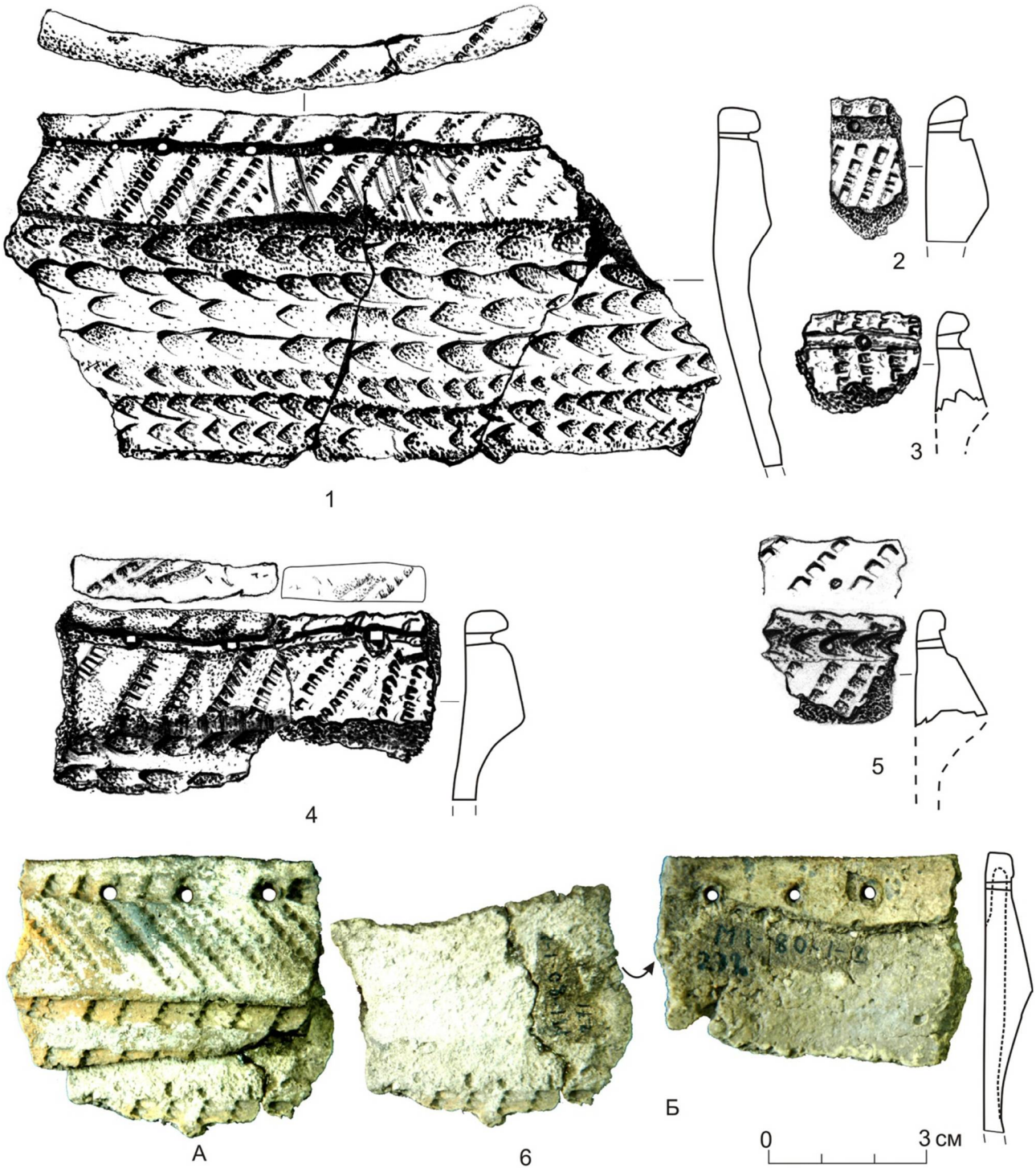

Рис. 7. Керамика посольского типа II группы: *1 – сосуд № 6 (Поповский Луг – 1973 г.); 2 – сосуд № 17 (Поповский Луг – 1972 г.); 3 – сосуд № 24 (Поповский Луг – 1973 г.); 4 – сосуд № 19 (Поповский Луг – 1972 г.); 5 – сосуд № 23 (Поповский Луг – 1973 г.); 6 – Макарово I, 1980 г.: А – сосуд № 1; Б – внутренняя сторона треугольного налепа расслоившегося по спаю*
Fig. 7. Ceramics of the Posol'sky type of group II: *1 - vessel No. 6 (Popovsky Lug-1973); 2 - vessel No. 17 (Popovsky Lug-1972); 3 - vessel No. 24 (Popovsky Lug-1973); 4 - vessel No. 19 (Popovsky Lug-1972); 5 - vessel No. 23 (Popovsky Lug-1973); 6 - Makarovo I, 1980: A - vessel No. 1; B - the inner side of the triangular molding exfoliated along the seam*

единения. На внутренних поверхностях отслоившихся элементов венчика дополнительных технических отпечатков не отмечено.

Сосуды № 17, 23, 24 выделены по одинарным, небольшим фрагментам венчиков, имеющих ограниченные метрические показатели – утолщение венчика 1,3 см, ширину среза от 0,5–0,6 см. Верхняя грань сосудов № 17 и № 24 (рис. 7.2, 3) орнаментирована зубчатым штампом разной направленности (право, лево), с прочерченным глубоким желобком до 0,3 см, и округлыми проколами диаметром 0,2 см. Внутренний борт, срез венчика и верхняя грань налепа сосуда № 23 орнаментированы зубчатым штампом (рис. 7.5). Ниже среза расположен поясок сквозных отверстий диаметром 0,3 см, нанесенных по широкому желобку через 1,1 см, сформированному вдавлениями отступающей треугольной лопаточкой. На фрагментах в профиль просматриваются трещины расслоения, что указывает на способ крепления налепа.

К *третьей группе* – отнесено 6 сосудов, пять из которых (№ 7, 9, 10, 15, 22) происходят из коллекции стоянки Поповский Луг и один сосуд № 2 из Макарово I. У сосудов № 7 и № 9 удалось установить диаметр, составлявший в среднем 27–28 см. Утолщение венчиковой ленты составило от 0,9 до 1,2 см, толщина стенок от 0,4 до 0,6 см. Орнаментация сосудов в основном локализована в двух зонах. Одной являются шейки сосудов, которые опоясывают ряды, нанесенные отступающей треугольной лопаткой или двузубчатой лопаточкой со скошенными внешними углами в виде «копытца» как у сосуда № 2 с Макарово (рис. 8.6). Границей орнаментированной части сосуда, разделяющей шейку и тулово у сосуда № 7, служат две крайние, прерывающиеся через промежутки линии с треугольными оттисками (рис. 8.1). Другой орнаментальной зоной служит утолщение венчика, неотъемлемой частью его орнамента является желобок, расположенный на верхней грани трапециевидного налепа под срезом. Как правило, он наносился в накольчато-отступающей технике тем же инструментом, что и орнамент в зоне шейки или прочерчивался стеком. Частым дополнением такого орнамента является поясок сквозных проколов, нанесенных по желобку (рис. 8.3, 5). Сама же грань во всех случаях украшалась прямым или косо поставленным зубчатым штампом, в некоторых случаях тем же штампом украшался и внутренний скос венчика (рис. 8.2). Нижняя грань налепа была короткой и в большинстве случаев не украшалась. Следует отметить, что оттиски первых горизонтальных рядов под налепом имеют более четкие и глубокие оттиски, чем последующие, что уже отмечалось на сосудах предыдущих групп.

Четвертая группа – представлена двумя сосудами № 8 и № 16, происходящими из коллекции стоянки Поповский Луг. По восстановленной верхней части сосуда № 8 следует, что он имел простую открытую форму с прямым венчиком и почти вертикальными оттисками рубчатой лопатки на внешней стороне. За счет утолщения на внешней стороне венчик имел овальную форму, украшенный косо поставленным зубчатым штампом (рис. 9.1). Верхняя часть сосуда орнаментирована шестью горизонтальными рядами отступающей (вправо) треугольной лопаткой. Ниже те же горизонтальные ряды вдавлений, опускающиеся отдельными блоками ниже горизонтальных поясков. Сосуд № 16 представлен небольшим фрагментом венчика и отличается от предыдущего лишь орнаментацией овального венчика наклонным мелкозубчатым штампом (рис. 9.2). Толщина стенок обоих сосудов составляет 0,6–0,7 см, утолщение венчика 1,0 см. Следует отметить, что венчики обоих сосудов несут следы расслоения, что позволяет воссоздать крепление налепа овальной формы.

В результате проведенного морфологического анализа керамики посольского типа стоянок Поповский Луг и Макарово I, на Верхней Лене на основе изучения 28 сосудов были выделены четыре группы, отличающиеся между собой, прежде всего, формой венчиков.

Форма венчиков *первой группы*, включающая два варианта, является самой многочисленной и представлена 14 сосудами с приостренным срезом венчика. Первый представлен ярко выраженным, массивным венчиком за счет треугольного выступа (налепа) с внешней стороны, ребро которого находится на одном уровне или чуть ниже среза венчика (рис. 3.I.I). Второй (рис. 3.I.II) выделяется за счет опущения ребра подтреугольного налепа ниже среза венчика, что придает ему форму вытянутого треугольника и выглядит менее массивным.

Венчики *второй группы* представлены 6 сосудами (рис. 3.II). Они имеют прямой срез, скошенный массивный налеп подтреугольной формы в виде

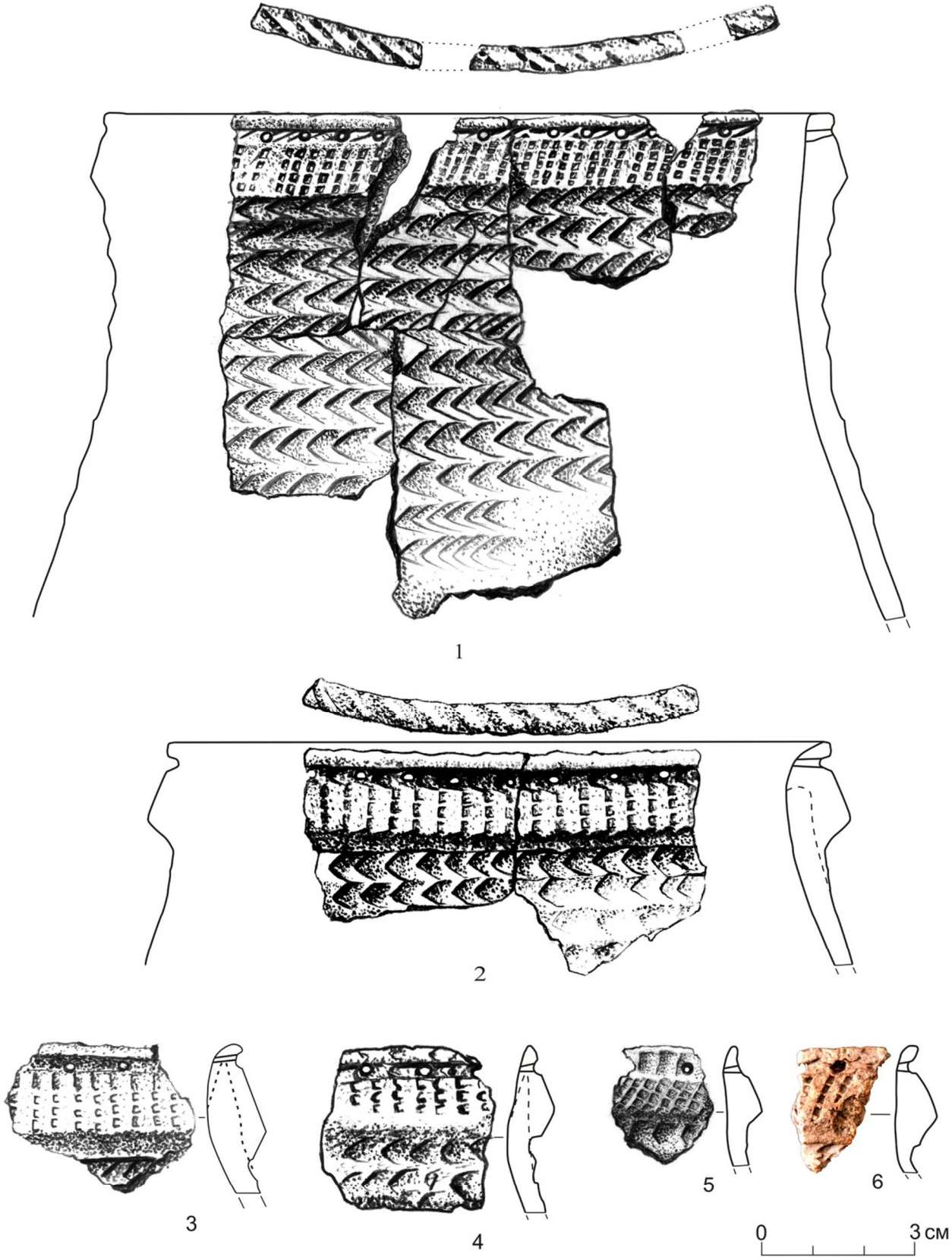

Рис. 8. Керамика посольского типа III группы: *1 – сосуд № 7 (Поповский Луг – 1973 г.); 2 – сосуд № 9 (Поповский Луг – 1972, 2002 гг.); 3 – сосуд № 10 (Поповский Луг – 1971 г.); 4 – сосуд № 22 (Поповский Луг – 1972 г.); 5 – сосуд № 15 (Поповский Луг– 1972 г.); 6 – Макарово I, 1980 г., сосуд № 2*

Fig. 8. Pottery of the Posol'sky type of group III: *1 - vessel No. 7 (Popovsky Lug-1973); 2 - vessel No. 9 (Popovsky Lug-1972, 2002); 3 - vessel No. 10 (Popovsky Lug-1971); 4 - vessel No. 22 (Popovsky Lug-1972); 5 - vessel No. 15 (Popovsky Lug-1972); 6 - Makarovo I, 1980, vessel No. 2*

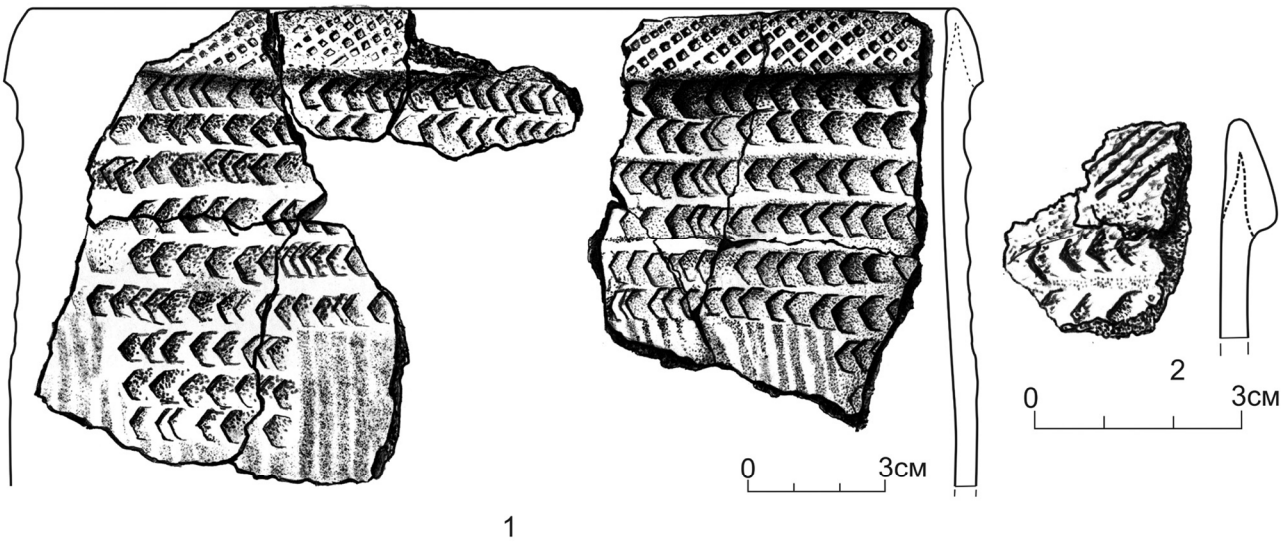

Рис. 9. Керамика посольского типа IV группы: *1 – сосуд № 8 (Поповский Луг – 2001–2002 гг.); 2 – сосуд № 16 (Поповский Луг – 2002 г.)*
Fig. 9. Ceramics of the Posol'sky type of group IV: *1 - vessel No. 8 (Popovsky Lug-2001-2002); 2 - vessel No. 16 (Popovsky Lug-2002)*

широкой ленты, прикрепленной параллельно венчику с внешней стороны.

К третьей группе – отнесено 6 сосудов, пять из которых (№ 7, 9, 10, 15, 22) происходят из коллекции стоянки Поповский Луг и один сосуд № 2 из Макарово I (рис. 3.III). Их объединяет отогнутый наружу венчик с приостренным срезом, слабо выраженный (скошенный) налеп подтреугольной формы, выполненный в виде ленты, прикрепленной параллельно венчику с внешней стороны. Под срезом продавлен глубокий желобок стеком с треугольным окончанием в накольчато-отступающей технике, поверх которого нанесены проколы.

Четвертая группа – представлена двумя сосудами № 8 и № 16 (рис. 3.IV), происходящими из коллекции стоянки Поповский Луг. По восстановленной верхней части сосуда № 8, следует, что он имел простую открытую форму с прямым венчиком. За счет утолщения на внешней стороне венчик имеет овальную форму.

Формовка

Все реконструируемые сосуды имеют форму усеченного овалоида с приостренно-округлым дном. Сборка сосудов осуществлялась при помощи кольцевого ленточного налепа, это подтверждается: 1) наличием на отдельных сосудах кольцевых утолщений в местах соединения спаев, где толщина стенки достигает 0,8–0,9 см при общей толщине от 0,4 до 0,6 см; 2) распадом отдельных фрагментов по спаям. Наиболее длинные спаи характерны для придонной зоны сосудов. При формовке изделий внешняя поверхность, в отличие от сосудов, обнаруженных на сопредельных территориях с оттисками шнура, имела преимущественно вертикальные (относительно оси сосуда) с небольшими отклонениями по сторонам штриховые оттиски, образовавшиеся в результате проката или выколачивания «рубчатой» лопаткой. Отличительной чертой керамики посольского типа является наличие сложного венчика, имеющего «классическую» форму с треугольным, подтреугольно-скошеным или трапецевидным утолщением с внешней стороны, за счет формовки которого выделялась шейка. Сосуды приобретали сложную закрытую форму с приостренным или прямым срезом. Встречаются вариации сосудов, имеющих простую форму и нетипичный для керамики посольского типа овальный по форме венчик. Такая форма близка сосудам усть-бельского типа. А отсутствие некоторых классических элементов орнамента посольской керамики, таких как прочерченный или продавленный треугольной лопаткой желобок и проколы по нему, усиливают эту схожесть.

Что касается формирования венчиковой зоны в целом и налепа в частности, следы расслоения и трещины свидетельствуют о том, что использовалась усиленная лента шириной от 3–5 см. Скорее всего

это связано с тем, что венчик наиболее подвержен механическим (термическим) повреждениям в особенности, если присутствует его отгиб наружу. Для предотвращения таких повреждений использовался ряд технических приемов. В других случаях венчик укреплялся примазкой узкой ленты шириной до 3 см, становясь более массивным, такая примазка укрепляла венчиковую часть изнутри по всей окружности. Также с целью лучшего закрепления венчиковой ленты осуществлялся перегиб ее верхнего края наружу, где нижняя ее часть примазывалась к внешней поверхности уже подсушенной горловины, поверх которой наносились оттиски орнаментирующим инструментом для более надежного соединения со стенками сосуда. Практически на всех выделенных сосудах в таких местах орнаментальная композиция имеет менее глубокие и более смазанные вдавления, в отличие от оттисков в местах без наложения на подсушенные стенки, где оттиски имеют глубокие и четкие отпечатки. Формирование налепа придавало венчику «единообразный» узнаваемый профиль в виде вытянутого треугольника или трапеции. Следует отметить, что формирование венчика и всей верхней части сосудов посольского типа напрямую связано с его орнаментацией, имевшей не только и не столько эстетическое значение, но и технологическое.

Орнаментация

Керамика посольского типа с территории Верхней Лены орнаментирована, орнамент покрывал верхнюю треть сосудов и наносился разнообразными способами (табл. 1). Выявлено три способа их нанесения: продавливание, прочерчивание и прокол. Продавленный орнамент можно разделить на две группы: при помощи штампа и посредством ло-

Таблица 1. **Элементы орнамента керамики посольского типа стояночных комплексов Поповский Луг, Макарово I**

Table 1. **Ornamental elements of pottery of the Posol'sky type of the sites of Popovskiy Lug and Makarovo I**

Техника нанесения	Способ нанесения	Элемент орнамента	Кол-во сосудов
Продавливание	Штамп	 зубчатый штамп	25
	Лопатка	 однозубчатая	16
		 двузубчатая	2
		 двузубчатая (раздвоенная)	1
		 двузубчатая (со скошенными внешними углами)	1
		 4-х зубчатая	1
		 мелкозубчатая	1
		 прямоугольная	1
Прочерчивание	Лопатка	 горизонтальное	16
Прокалывание		 округлое	23
		прямоугольное	1

паточки. В первом случае вдавления производились торцевой частью зубчатого инструмента, а во втором – его краем. Лопаточки имели прямое, остроугольное, двуугольное со скошенными внутрь или наружу углами, многоугольное и мелкозубчатое окончание. Самым распространенным был остроугольный орнамент, причем в некоторых случаях окончание инструмента представляло собой трапецию, а острым или тупым углом наносились вдавления в накольчато-отступающей технике, от этого получались оттиски треугольной формы (рис. 10.A). Такие выводы удалось сделать в результате сравнения оттисков, полученных от эксперимента, проведенного на ленте глины орнаментиром с трапециевидной рабочей частью, изготовленным из клыка кабана (рис. 10.B). Данный инструмент и фрагменты керамики посольского типа были обнаружены в составе коллекции ИОКМ № 1001-13 (рис. 10.C), собранной А.П. Окладниковым в результате археологических исследований Фофановского могильника 1950 г. Прочерченный орнамент на сосудах посольского типа определенный как горизонтально-прямолинейный, получался в результате проведения по поверхности сосуда остроконечным инструментом или же продавливался лопаточкой с различным окончанием. Желобок опоясывал по периметру весь сосуд и располагался на верхней грани налепа под срезом. Орнамент в виде сквозных проколов выполнялся путем прокалывания острым инструментом округлой или прямоугольной формы стенки венчика. Инструмент, которым наносились вышеперечисленные оттиски (прочерчивание желобка, нанесение треугольных оттисков, проколов) выделен из коллекции материала второго слоя стоянки Поповский Луг, раскопа № 1 1972 г. и определен как орнаментир (рис. 10.D).

На керамике орнаментальные мотивы, состоящие из одинаковых элементов, имели, как правило, горизонтальное направление, лишь в зоне плеча шейки сосудов, сочетались с вертикальными (табл. 2), что удалось установить по частично восстановленным восьми сосудам. Проколы в большинстве случаев использовались в дополнение к прочерченному или продавленному орнаменту, но выделялись сосуды и без наличия последних. Мотивы, состоящие из сочетания зубчатого штампа, прочерчивания и сквозных проколов, являются самыми

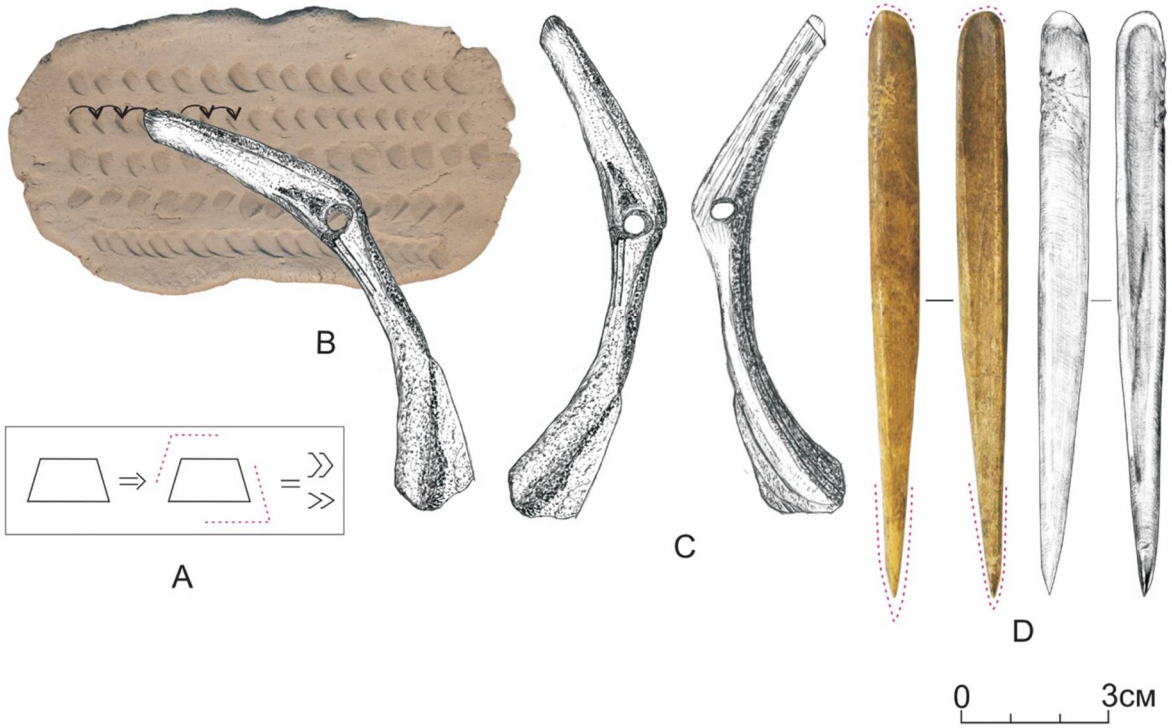
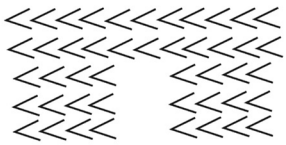
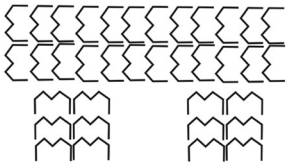
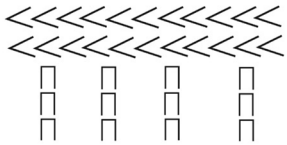
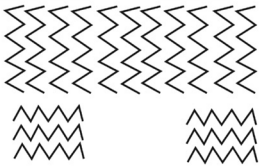
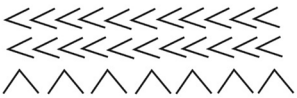

Рис. 10. Орнаментиры из кости: *A – схема реконструкции оттисков, полученных в результате эксперимента; B – оттиски, полученные в результате эксперимента; C - орнаментир из клыка кабана, (ИОКМ № 1001-13, А.П. Окладников, Фофановский могильник, 1950 г.); D – орнаментир из кости, Поповский Луг, раскоп № 1, слой 2, 1972 г.*
Fig. 10. Ornaments made of bone: *A - scheme of reconstruction of impressions obtained as a result of the experiment; B - prints obtained as a result of the experiment; C - boar tusk ornamenter, (IOKM No. 1001-13, A.P. Okladnikov, Fofanovsky burial ground, 1950); D - bone ornamenter, Popovsky Lug, excavation No. 1, layer 2, 1972*

Таблица 2. **Особенности нанесения орнамента керамики посольского типа, стояночных комплексов Поповский Луг, Макарово I**

Table 2. **Peculiarities of ornamentation of pottery of the Posol'sky type, the sites of Popovsky Lug and Makarovo I**

Ориентация нанесения	Особенности нанесения мотивов		Кол-во сосудов
горизонтальное	прерывистое		3
вертикальное	прерывистое		1
			1
			1
			1
	непрерывное		1

распространенными и наносились на утолщение венчиковой зоны. По технике нанесения орнаментальных мотивов композиции можно объединить в группы.

В результате анализа орнаментации сосудов посольского типа определено, что отдельные элементы орнамента и мотивы локализуются в двух зонах. Обязательной принадлежностью первой является венчик с треугольным утолщением, в особенности верхняя его грань, второй являются шейки сосудов. В первой зоне самым распространенным способом нанесения орнамента является продавливание при помощи зубчатого штампа, на 25 сосудах. На верхней грани налепа у 20 сосудов, верхней и нижней 5 сосудах. Оттиски зубчатого штампа на нижней грани налепа, где производилась примазка узкой ленты со стенкой, объясняются нами технической функцией орнамента. В ряде случаев штамп наносился на внутренний борт и срез венчика. Более редкими элементами орнамента первой зоны являются однозубчатые или двузубчатые оттиски (различной формы) лопаткой. Более разнообразным по составу первой зоны являются орнаментальные композиции. По технике нанесения орнаментальных мотивов композиции можно объединить в группы (продавливание, продавливание+прокол, продавливание+прочерчивание, продавливание+прочерчивание+прокол), самой распространенной является последняя. Вторая орнаментальная зона украшалась однозубчатыми, двузубчатыми со скошенными

внутрь или наружу углами, четырехзубчатыми и мелкозубчатыми оттисками, сгруппированными в горизонтальные ряды, лишь в одном случае орнамент отсутствовал. Для второй зоны также характерно сочетание горизонтально и вертикально расположенных композиций.

Обсуждение

Несмотря на локальные особенности (такие как, отпечатки рубчатой лопатки, налеп с внешней стороны, проколы прямоугольной формы), вся керамика посольского типа, выявленная на стояночных комплексах Верхней Лены, демонстрирует свою монолитность, выраженную в стандартном наборе форм и приемах орнаментации. В связи с фрагментарностью большей части сосудов полностью проследить мотивы и орнаментальные ряды, равно как и полные профиля, не представляется возможным, поэтому анализ керамики посольского типа является неокончательным. Нахождение посольской керамики в одних стратиграфических подразделениях с керамикой усть-бельского типа, а также некоторые морфологические сходства, общие технологические приемы и орнаментация позволяют предположить о культурной близости двух традиций. Кроме Качугско-Верхоленского участка, керамика посольского типа, совместно с усть-бельской керамикой, выявлена на севере Верхней Лены, стоянках Назарово I; Марково I, II; Олонцево I (Задонин, 1990. С. 118), Тунгусский ручей II (Инёшин и др., 1990. С. 125). Из-за отсутствия информации о нахождении данного материала проанализировать его не удалось.

Что касается хронологических рамок, то в последние годы очень интенсивно идет процесс по уточнению датировок керамики посольского типа, выявленной на стояночных комплексах. Такой интерес вызван, прежде всего, широким хронометрическим диапазоном и распространением этой керамики в целом на территории Байкальской Сибири.

Рассматривая материалы стояночных комплексов Верхней Лены, В.С. Зубков предложил свою периодизационную схему неолита, в которой бытование посольской керамики отнес к среднему периоду неолита – (вторая половина IV – первая половина III тыс. до н. э.) (Зубков, 1982. С. 74). Нами впервые для керамических комплексов Верхней Лены, где была выявлена керамика посольского типа, получено две надежных радиоуглеродных AMS даты. Первая дата получена по II слою Поповского Луга, по нагару с внутренней стенки сосуда посольского типа № 12, – 5880±40 л. н. (Poz-131330) калиброванный возраст составил в диапазоне 6795–6565 кал. л .н.; вторая – 5690±30 л. н. (Beta-453112) получена по фрагменту от «пенька» рога косули без подработки обнаруженного в скоплении фрагментов посольской керамики, калиброванный возраст составил в диапазоне 6553–6405 кал. л. н. Калибровка всех радиоуглеродных дат выполнена при помощи программы OxCal 4.4.2, атмосферная кривая IntCal20, вероятность 95,4 % (Bronk Ramsey, 2020[3]).

Раннюю датировку имеют ранненеолитические комплексы с посольской керамикой, полученной по слою 11Г Пещеры Еленева 6530±60 л. н. и 6900±115 л. н. (Макаров, 2012. С. 70) и слою VIIA Казачки в интервале 6800–6600 л. н. (Воробьева, Савельев, 1984. С. 149). Наиболее близкие комплексы к Ленским, содержащие керамику посольского типа с надежными радиоуглеродными определениями, выявлены в Прибайкалье: III слой Итерхей; V верхний слой Саган-Забаы II, (Горюнова, Новиков, 2018. С. 101–102; Горюнова, Мархаева, Новиков, 2019); V слой Горелого Леса 5670±32 л. н. (OxA-20574) или 6539–6353 кал. л. н., что соответствует хронологическому диапазону для Прибайкалья 6750–6310 кал. л. н., (Losey et al., 2017. P. 37). Большое количество керамики посольского типа было выявлено в IV к. г. многослойной стоянки Усть-Хайта на р. Белой (Савельев и др., 2001. С. 342), где по углю из слоя получена спорная дата 7040±40 л. н. (СОАН-4438), также эта керамика отмечена в V слое по углю, из которого получена дата 7245±150 л. н. (СОАН-4431). В Забайкалье аналогичная керамика посольского типа была выявлена на стоянках усть-юмурченской группы памятников и отнесена В.М. Ветровым к усть-юмурченской культуре, по относительной хронологии датирована в интервале 5–4,6–3,5 л. н., (Ветров, 2011). По слою II Посольской стоянки – 5750±110 л. н., (ГИН-5792) (Константинов и др., 1995). Верхняя хронологическая граница определена по III слою стоянки Няша – 4080±60 л. н., (Макаров, 2012. С. 69).

Таким образом, гипотеза о распространении керамики посольского типа с запада на восток вроде бы подтверждается результатами радиоуглеродного

[3] Bronk Ramsey C. OxCal 4.4.2. 2020. URL: http://c14.arch.ox.ac.uk (дата обращения 18.02.2021).

датирования, но возникают спорные определения. В статье, посвященной керамике посольского типа многослойной стоянки Усть-Хайта, авторы утверждают, что дата, полученная по IV к. г. ненадежная, а наличие керамики посольского типа в ранненеолитическом V слое объясняется смещением ее из IV к. г. в результате естественных процессов (Савельев, Уланов, 2020. С. 45). Поэтому керамика посольского типа стоянки Усть-Хайта соотнесена по аналогии с такой же керамикой из V синхронного слоя стоянки Горелый Лес, где она определяется средним неолитом. На наш взгляд, такие спорные ситуации решаются путем повторного датирования фаунистических материалов, залегавших совместно с керамикой или из слоев подстилающих или перекрывающих керамические комплексы, которые необходимо определить. В целом мы видим более ранний возраст комплексов, содержащих керамику посольского типа на западе, р. Енисей (Пещера Еленева), где скорей всего она и появилась, после чего происходит ее продвижение по югу Восточной Сибири на восток до Верхнего Витима (Усть-Юмурчен).

Заключение

Выявленные группы керамики посольского типа на Верхней Лене являются «классическим» ее вариантом с внешним утолщением по венчику и покрыты преимущественно вертикальными штриховыми оттисками, широко представлены на стоянках Байкальской Сибири. На основании формы венчиков и метрических характеристик сосудов стало возможным разделить их на 4 группы. Представленные типы оформления венчиков и их модификации позволяют говорить об определенных наборах операций, применявшихся древними мастерами в изготовлении керамики посольского типа. Удалось установить, что нанесение орнамента использовалось с технологической целью, для улучшения соединения деталей при формовке наиболее сложных участков сосуда. Исследования керамики посольского типа, выявленной на Верхней Лене, показали как региональные отличия, заключающиеся в следующем: утолщение венчика с внешней стороны; овальная форма венчика; преобладание зубчатого штампа в орнаментации венчиков; проколы прямоугольной формы; отпечатки рубчатой лопатки на внешней поверхности сосудов – в сравнении с подобной керамикой Прибайкалья обнаруживают полные аналогии, выражающиеся в формах сосудов и приемах орнаментации.

В целом керамика посольского типа на Верхней Лене относится к среднему неолиту, впервые здесь получены AMS-даты, позволившие уточнить возраст, который на сегодняшний момент располагается в пределах 6795–6405 кал. л. н. Их калиброванные значения позволяют определить хронометрический интервал комплекса, включающего керамику посольского типа и усть-бельскую керамику, которая доминирует на стоянке Поповский Луг. Особенностью стоянки Поповский Луг, в целом, как и Верхней Лены, является совместное залегание в слое керамик посольского и усть-бельского типов. Также следует отметить, что на некоторых участках раскопа керамика усть-бельского типа стратиграфически находится ниже посольской. На этом основании можно предположить, что керамика посольского типа на Верхней Лене появилась если не одномоментно с усть-бельской, то по крайней мере обе традиции существовали совместно достаточно длительное время.

Сравнивая возраст керамики посольского типа Верхней Лены с приведенными коррелятами, можно констатировать, что он положительно согласуется с бытованием данных гончарных традиций в Прибайкалье. Таким образом, керамика посольского типа показала наличие тесных культурных связей в среднем неолите Верхней Лены, побережья оз. Байкал, Ангары и Среднего Енисея.

Список источников

Аксенов М.П. Комплекс нижнего культурного горизонта стоянки Макарово на Лене // Древняя Сибирь : сб. ст. Новосибирск : Наука, 1970. Вып. 3. Сибирь и ее соседи в древности. С. 43–52. (Материалы по истории Сибири).

Аксенов М.П. Исследование в долине р. Лены // Археологические открытия 1971 года. М. : Наука, 1972. С. 254–255.

References

Aksenov M.P. (1970) The complex of the lower cultural horizon of the Makarovo site on the Lena. *Drevnyaya Sibir' = Ancient Siberia.* Novosibirsk: Nauka. Iss. 3. Siberia and its neighbors in antiquity. P. 43-52. (In Russ.).

Aksenov M.P. (1972) Research in the Lena River valley. *Arkheologicheskie otkrytiya 1971 goda = Archaeological Discoveries in 1971*. Moscow: Nauka. P. 254-255. (In Russ.).

Аксенов М.П. Исследования на р. Лене // Археологические открытия 1972 года. М. : Наука, 1973. С. 196–197.

Аксенов М.П. Исследования памятников каменного века на верхней Лене // Археологические открытия 1980 года. М. : Наука, 1981. С. 162–163.

Аксенов М.П. Палеолит и мезолит Верхней Лены. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. 370 с.

Ветров В.М. Стратиграфия стоянки Поповский Луг. К вопросу о времени зарождения керамического производства на Верхней Лене // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящие, будущее. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003. С. 49–53.

Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5–4, 6–3,5 тыс. л. н.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 3–7 мая 2011 г. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 34–41.

Ветров В.М., Зубков В.С. Верхний комплекс Макарово I // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного ун-та, 1974. Вып. 1. С. 146–159.

Воробьева Г.А., Савельев Н.А. Строение и возраст культуровмещающих отложений многослойного поселения Казачка I // Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее) : тез. докл. краев. конф. 12–18 сент. 1984 г. Красноярск : КГПИ, 1984. С. 144–150.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Радиоуглеродное датирование керамических комплексов с поселений эпохи неолита побережья Байкала // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2018. № 51. С. 98–107.

Горюнова О.И., Мархаева Д.А., Новиков А.Г. Керамика посольского типа с поселений побережья Чивыркуйского залива озера Байкал // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 47–61. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-47-61.

Думитрашко Н.В. Геоморфологический очерк бассейна верхнего течения рек Лены и Киренги // Труды института физической географии АН СССР. М.-Л., 1936. Т. 23. С. 5–56.

Думитрашко Н.В. Геоморфологический очерк долины верхней Лены : материалы по геоморфологии и палеогеографии СССР // Труды Института географии АН СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 65. С. 196–222.

Aksenov M.P. (1973) Research on the Lena River. *Arkheologicheskie otkrytiya 1972 goda = Archaeological Discoveries in 1972.* Moscow: Nauka. P. 196-197. (In Russ.).

Aksenov M.P. (1981) Study of Stone Age sites in the Upper Lena. *Arkheologicheskie otkrytiya 1980 goda = Archaeological Discoveries in 1980.* Moscow: Nauka. P. 162-163. (In Russ.).

Aksenov M.P. (2009) Paleolithic and Mesolithic of the Upper Lena. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. 370 p. (In Russ.).

Vetrov V.M. (2003) Stratigraphy of the site Popovsky Lug. On the issue of origin of the ceramic production on Upper Lena. *Sotsiogenez Severnoi Azii: proshloe, nastoyashchee, budushchee = Sociogenesis of Northern Asia: Past, Present and Future.* Irkutsk: Irkutsk State Technical University. P. 49-53. (In Russ.).

Vetrov V.M. (2011) Archeology of the Vitim Plateau: Ust-Yumurchen culture (5-4, 6-3,5 Kyr BP). *Drevniye kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri: materialy Mezhdunar. nauch. konf. Irkutsk, 3–7 maya 2011 g. = Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Proceedings of the International Scientific Conference. Irkutsk, May 3–7, 2011*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 2. P. 34-41. (In Russ.).

Vetrov V.M., Zubkov V.S. (1974) Upper assemblage of Makarovo 1 site. *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri = The Ancient History of the Peoples of the South of Eastern Siberia.* Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 1. P. 146–159. (In Russ.).

Vorob'eva G.A., Savel'ev N.A. (1984) Structure and age of the enclosing deposits of the multilayered archaeological site Kazachka 1. *Problemy issledovaniya kamennogo veka Evrazii (k 100-letiyu otkrytiya paleolita na Enisee): tez. dokl. kraev. konf. 12–18 sent. 1984 g. = Problems of the Research the Eurasian Stone Age (to the 100th anniversary of the Paleolithic discovery on the Yenisei). Proceedings of the Regional Conference, September 12-18, 1984.* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. P 144-150. (In Russ.).

Goryunova O.I., Novikov A.G. (2018) Radiocarbon dating of pottery complexes from Neolithic settlements on the Baikal coast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya = Tomsk State University. Journal of History.* No. 51. P. 98-107. (In Russ.).

Goryunova O.I., Markhaeva D.A., Novikov A.G. (2019) Posolskaya type pottery of Chivyrkuisky Bay coast settlements of Lake Baikal. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* Vol. 15. No. 3. P. 47-61. (In Russ). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-47-61.

Dumitrashko N.V. (1936) Geomorphological outline of the basin of the upper reaches of the Lena and Kirenga Rivers. *Trudy Instituta geografii AN SSSR = Proceedings of the Institute of Geography AS USSR.* Moscow-Leningrad. Vol. 23. P. 5-56. (In Russ.).

Dumitrashko N.V. (1955) Geomorphological sketch of upper Lena valley: Materials on geomorphology and paleogeography of the USSR. *Trudy Instituta geografii AN SSSR = Proceedings of the Institute of Geography AS USSR.* Moscow:

Задонин О.В. К проблеме генетического соотношения комплексов мезолита и неолита севера Верхней Лены (по данным анализа поделочного сырья) // Палеоэтнология Сибири : тез. докладов к XXX региональной археологической студенческой конференции. Иркутск : изд-во Иркутского государственного университета, 1990. С. 117–118.

Зубков В.С. Неолит Верхней Лены // Проблемы археологии и этнографии Сибири : тез. докладов к региональной конференции 7–9 апреля 1982 г. Иркутск : Изд-во Иркутского госуниверситета, 1982. С. 73–75.

Инёшин А.В., Галиева О.В., Тирская Е.В. Новые данные по изучению археологических местонахождений в районе г. Усть-Кута на р. Лене // Палеоэтнология Сибири : тез. докладов к XXX региональной археологической студенческой конференции. 29–31 марта 1990 г. Иркутск : изд-во Иркутского государственного университета, 1990. С. 124–125.

Константинов М.В., Базарова Л.Д., Сёмина Л.В. Древнее поселение Посольское (Новые материалы) // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 18–25.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 149–171.

Макаров Н.П. Керамика посольского типа в Байкальской и Средней Сибири // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы III Междунар. науч. конф. Улан-Батор, 5–9 сент. 2012 г. Улан-Батор: Изд-во Монгольского госуниверситета, 2012. Вып. 3. Т. 1. С. 67–72.

Обручев В.А. Древнепалеозойские осадочные породы долины р. Лены между станциями Качугской и Витимской : отчет об исследованиях, произведенных весной 1891 г., с картой и 2 табл. черт. // Записки Восточно-Сибирского отдела ИРГО по общей географии. Иркутск, 1892. Т. 2. № 1. 212 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 18. Ч. I, II. 412 с.

Палеолит и неолит СССР / под ред. А.П. Окладникова // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 2. № 39. 475 с.

Academy of Sciences of the USSR. Vol. 65. P. 196–222. (In Russ.).

Zadonin O.V. (1990) On the problem of the genetic correlation of the Mesolithic and Neolithic complexes in the north of the Upper Lena (according to the analysis of ornamental raw materials). *Paleoetnologiya Sibiri: tez. dokladov k XXX regional'noi arheologicheskoi studencheskoj konferencii = Paleoethnology of Siberia. Proceedings of XXX Russian Archaeological Conference of Students.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 117-118. (In Russ.).

Zubkov V.S. (1982) Neolithic of Upper Lena. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri: Tez. dokladov k regional'noi konferentsii 7–9 aprelya 1982 g.= Problems of archeology and ethnography of Siberia. Proceedings of the Regional Conference, April, 7–9, 1982.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 73–75. (In Russ.).

Ineshin A.V., Galieva O.V., Tirskaya E.V. (1990) New data on the study of archaeological sites in the area of the city of Ust-Kut on the Lena River. *Paleoetnologiya Sibiri: tez. dokladov k XXX regional'noi arheologicheskoi studencheskoi konferencii. 29–31 marta 1990 g. = Paleoethnology of Siberia. Proceedings of XXX Russian Archaeological Conference of Student, March, 29–31, 1990*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 124-125. (In Russ.).

Konstantinov M.V., Bazarova L.D., Semina L.V. (1995) Posol'sk ancient settlement (new data). *Kul'tury i pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Zabaikal'ya i Mongolii = Cultures and Sites of the Bronze and Early Iron Age of Transbaikalia and Mongolia*. Ulan-Ude. P. 18–25. (In Russ.).

Makarov N.P. (2005) Chronology and Periodization of the Neolithic and Bronze Ages of the Krasnoyarsk Forest-Steppe. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Iss. 3. P. 149-171. (In Russ.)

Makarov N.P. (2012) Posolsk-type ceramics in Baikal and Central Siberia. *Drevniye kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. Ulan-Bator, 5–9 sent. 2012 g. = Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Proceedings of the III International Scientific Conference, Ulan-Bator, September, 5–9, 2012.* Ulaanbaatar: Mongolian State University. Iss. 3. Vol. 1. P. 67–72. (In Russ.).

Obruchev V.A. (1892) Ancient Paleozoic sedimentary rocks of the Lena River valley between the Kachugskaya and Vitimskaya stations: report on research carried out in the spring of 1891, with a map and 2 tables, drawings. *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po obshhei geografii = Notes of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society on General Geography.* Irkutsk. Vol. 2. No. 1. 212 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1950) Neolithic and Bronze Age of Cis-Baikal region. Historical and archaeological research. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR = Archaeological Materials and Researches of USSR.* Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Pt. I, II. Vol. 18. 412 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1953) Paleolithic and Neolithic of the USSR. Historical and archaeological research. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR = Archaeological Materials*

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 43. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Ч. III. Глазковское время. 376 с.

Павловский Е.В. К геоморфологии долины верхнего течения р. Лены и нижнего течения р. Витим // Геологический вестник. 1929. Т. 7. № 1–3. С. 46–54.

Савельев Н.А., Тетенькин А.В., Игумнова Е.С., Абдулов Т.А., Инешин Е.М., Осадчий С.С., Ветров В.М., Клементьев А.М., Мамонтов М.П., Орлова Л.А., Шибанова И.В. Многослойный геоархеологический объект Усть-Хайта (предварительные данные) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения, Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 338–352.

Савельев Н.А., Уланов И.В. Керамика посольского типа многослойной стоянки Усть-Хайта (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 34. С. 38–48. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.34.38.

Уланов И.В., Бердников И.М. Керамические комплексы Усть-Белой: систематизация, хронометрия, хронология // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 12. С. 47–80.

Хлобыстин Л.П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // Краткие сообщение Института археологии. Москва, 1978. Вып. 153. С. 93–99.

Цыденова Н.В., Хамзина Е.А. Керамические материалы Посольской стоянки: корреляции и варианты интерпретации // Известия Лаборатории древних технологий. 2006. № 1 (4). С. 323–332.

Шергин Д.Л. К истории исследования стоянки Поповский Луг на Верхней Лене // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Международной научной конференции, Улан-Удэ, 20–23 сентября 2010 г. Улан-Удэ, 2010. Вып. 4. С. 56–60.

Шергин Д.Л. Становление и развитие археологического направления в Иркутском государственном педагогическом институте // Вестник Международного центра азиатских исследований. Иркутск : Оттиск, 2016. Вып. 20. С. 121–127.

Losey R.J., Fleming L., Nomokonova T., Bazaliiskii V.I., Klementiev A.M., Saveliev N.A. Angara–Southwest Baikal // Holocene Zooarchaeology of Cis-Baikal / Eds. R.J. Losey, T. Nomokonova. Mainz: Nunnerich-Asmus Verlag, 2017. Ch. 3. P. 27–51.

and Researches of USSR. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Vol. II. No. 39. 475 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1955) Neolithic and Bronze Age of Cis-Baikal region. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR = Archaeological Materials and Researches of USSR*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. No. 43. Pt. III. Glazkovo Period. 376 p. (In Russ.).

Pavlovskii E. V. (1929) To the geomorphology of the upper Lena River valley and the lower reaches of the Vitim River. *Geologicheskii vestnik = Geological Bulletin*. Vol. 7. No. 1-3. P. 46-54. (In Russ.)

Savel'ev N.A., Tetenkin A.V., Igumnova E.S., Abdulov T.A., Ineshin E.M., Osadchii S.S., Vetrov V.M., Klement'ev A.M., Mamontov M.P., Orlova L.A., Shibanova I.V. (2001) Multilayered geoarchaeological site Ust-Khaita (preliminary data). *Sovremennye problemy Evraziiskogo paleolitovedeniya = Current problems in the Eurasian Paleolithic.* Novosibirsk: Institute of Archeology and Etnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 338–352. (In Russ.).

Savel'ev N.A., Ulanov I.V. (2020) Posol'sky-type ceramics of the multilayered site Ust-Khaita (Southern Angara Region). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series.* Vol. 34. P. 38-48. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.34.38. (In Russ.).

Ulanov I.V., Berdnikov I.M. (2015) Ceramic Complexes of Ust-Belaya: Systematization, Chronometry, Chronology. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series.* Vol. 12. P. 47-80. (In Russ.).

Khlobystin L.P. (1978) Age and correlation of Neolithic cultures of Eastern Siberia. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii = Brief Communications of the Institute of Archeology*. Moscow. Iss. 153. P. 93-99. (In Russ.).

Tsydenova N.V., Khamzina E.A. (2006) Ceramic data of Posolskaya site. Correlations and variants of interpretation. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = News of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 1 (4). P. 323-332. (In Russ.).

Shergin D.L. (2010) On the history of exploration of the site Popovsky Lug on the Upper Lena. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Ulan-Ude, 20–23 sentyabrya 2010 g. = *Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Proceedings of the International Scientific Conference*, Ulan-Ude, *September,* 20–23, 2010. Ulan-Ude. Iss. 4. P. 56-60. (In Russ.).

Shergin D.L. (2016) Formation and development of the archaeological direction in the Irkutsk State Pedagogical Institute. *Vestnik Mezhdunarodnogo tsentra aziatskikh issledovanii = Bulletin of the International Center for Asian Studies.* Irkutsk: Ottisk. Iss. 20. P. 121-127. (In Russ.).

Losey R.J., Fleming L., Nomokonova T., Bazaliiskii V.I., Klementiev A.M., Saveliev N.A. Angara–Southwest Baikal // Holocene Zooarchaeology of Cis-Baikal / Eds. R.J. Losey, T. Nomokonova. Mainz: Nunnerich-Asmus Verlag, 2017. Ch. 3. P. 27–51.

Информация об авторе

Шергин Дмитрий Леонидович,
старший преподаватель кафедры истории и методики,
Лаборатория археологии и этнографии Педагогического института,
Иркутский государственный университет,
664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9, Россия;
старший научный сотрудник, научно-фондовый отдел,
Иркутский областной краеведческий музей
им. Н.Н. Муравьева-Амурского,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 13, Россия,
e-mail: dmitriy-shergin@rambler.ru,
https://orcid.org/0000-0003-2629-9576

Вклад автора

Шергин Д.Л. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 29 января 2023 г.; одобрена после рецензирования 1 марта 2023 г.; принята к публикации 6 марта 2023 г.

Information about the author

Dmitrii L. Shergin,
Senior Lecturer of the Department of History and Methods,
Laboratory of Archaeology and Ethnography of Pedagogical Institute,
Irkutsk State University,
9 Sukhbaatar St., Irkutsk 664011, Russia;
Senior Researcher, Scientific Research and Stock Department,
N.N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History,
13, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: dmitriy-shergin@rambler.ru,
https://orcid.org/0000-0003-2629-9576

Contribution of the author

Shergin D.L. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 29, 2023; approved after reviewing March 1, 2023; accepted for publication March 6, 2023.

ISSN 2415-8739 (print) **Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 33–48**
ISSN 2500-1566 (online) Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 33-48

Археология

Научная статья
УДК 902.64/904
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-33-48

Вооружение лесостепных племен Восточного Забайкалья в монгольское время

А.А. Номоконов

Забайкальское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (ЗКО ВОО ВООПИиК), г. Чита, Россия

Аннотация. Лесостепная часть Восточного Забайкалья, хотя и находилась на периферии кочевого мира, всегда была включена в сложные этнокультурные процессы, происходившие в Центрально-Азиатском регионе. Не обошли они ее и в первой половине II тыс. н. э., в период усиления монгольских племен и становления Великого монгольского государства. Монгольское влияние было во всех сферах жизни – как в духовной, так и в материальной. Конечно же, исключением не было и военное дело. Здесь интересно сравнить уровень развития вооружения населения лесостепного Забайкалья и степных монгольских племен, являвшихся ядром созданного Чингисханом государства. Предметы вооружения на рассматриваемой территории встречены только в погребениях. Поэтому мы постарались охватить максимально большую часть исследованных памятников, используя как уже опубликованные ранее данные, так и не введенные в научный оборот камеральные материалы. Всего были проанализированы материалы из 87 захоронений XII–XIV вв. н. э., расположенных в лесостепной части Восточного Забайкалья. Указанные погребения относятся к ундугунской археологической культуре, выделенной И. И. Кирилловым после изучения в 1974 году могильника на оз. Ундугун. В настоящее время исследованы захоронения, относящиеся к ундугунской культуре, в бассейнах р. Ингоды, Ивано-Арахлейских озер, верхнем течении р. Шилки и, как следствие, накоплен большой фактический материал. Настоящая работа посвящена обобщению сведений по самой многочисленной категории погребального инвентаря – предметам вооружения. Дается классификация вооружения, а описание типов и групп снабжены графической прорисовкой для лучшего восприятия представленной типологии.

Ключевые слова: ундугунская культура, монгольское время, погребальный инвентарь, погребение, кочевники, вооружение, наконечники стрел, наконечники копий, Восточное Забайкалье, колчан, лук

Для цитирования: Номоконов А.А. Вооружение лесостепных племен Восточного Забайкалья в монгольское время // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 33–48. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-33-48

Archaeology

Original article

Armament of the forest-steppe tribes of Eastern Transbaikalia in the Mongol period

Alexei A. Nomokonov

Transbaikal Regional Branch of the All-Russian Public Organization “The All-Russian Society for the Protection of the Sites of History and Culture”, Chita, Russia

Abstract. The forest-steppe part of Eastern Transbaikalia despite its location on the periphery of the nomadic world has always been involved into the complex ethno-cultural processes taking place in the Central Asia region. They did not bypass it in the first half of the II millennium AD, during the period of strengthening of the Mongol tribes and the formation of the Great Mongolian state. The Mongol influence was in all spheres of life, both spiritual and material. The military influence certainly wasn’t exception. Here it becomes interesting to compare the level of development of armament of the population of forest-steppe Transbaikalia and steppe Mongolian tribes, which were the core of the state created by Genghis Khan. Items of weapons in the considered territory are found only in burials. Hence we have tried to cover as much of the studied site as possible, using both previously not previously published data. In total, materials from 87 burial sites of the XII-XIV centuries AD located in the forest-steppe part of Eastern Trans-

© Номоконов А.А., 2023

baikalia were analyzed. These burials belong to the Undugun archaeological culture delineated by I. I. Kirillov after studying the burial ground on the Lake Undugun in 1974. At the moment, burials belonging to the Undugun culture have been investigated in the basins of the Ingoda River, the Ivano-Arakhlei lakes, the upper reaches of the Shilka River and, as a result, a large amount of factual material has been accumulated. This work is devoted to the generalization of information on the most numerous categories of funeral equipment - weapons. The classification of weapons is given, and for a better perception of the typology the description of types and groups provided with a graphic drawings are presented.

Keywords: Undugun culture, Mongol period, funeral equipment, burial, nomads, armament, arrowheads, spearheads, Eastern Transbaikalia, quiver, bow

For citation: Nomokonov A.A. (2023) Armament of the forest-steppe tribes of Eastern Transbaikalia in the Mongol period. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 33-48. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-33-48

Введение

Первая половина II тысячелетия н. э. связана с расселением в Забайкалье монгольских племен (Харинский, 2018. С. 187). На смену погребальной обрядности, характерной археологическим культурам второй половины I тыс. н. э., пришла новая традиция захоронения усопших. Она предполагала ингумацию умерших в вытянутом положении на спине, ориентацию головы на север или северо-восток. Умерших размещали как во внутримогильных конструкциях, так и просто на грунте, причем в грунтовых захоронениях покойного могли положить на подстилку, изготовленную из бересты, войлока или овчины. Внутримогильные конструкции весьма вариативны и представлены погребальными колодами, дощатыми гробами, берестяными коробами. Устойчивой чертой погребального ритуала являлось помещение в погребение жертвенной пищи. Чаще всего – это берцовая кость барана, а также бараньи позвонки. После помещения умершего в могилу и установки жертвенной пищи яму засыпали землей, при этом погребальный обряд не требовал забутовки могильной ямы камнями. Когда яма была засыпана, над ней укладывали камни, которые образовывали чаще всего плоскую однослойную кладку. В большинстве случаев кладки имели овальную и вытянуто-овальную форму, но также зафиксированы кладки округлой и подпрямоугольной формы (Именохоев, 1992. С. 29; Ковычев, 1981; Коновалов, Данилов, 1981; Асеев и др., 1984. С. 45–56; Харинский, 2013. С. 130–131; Харинский, 2015. С. 531; Номоконов, 2017; Номоконов, 2020. С. 42–43).

Не обошли указанные процессы и лесостепную часть Восточного Забайкалья. Здесь также распространился вышеописанный погребальный обряд, в большей степени схожий с обрядностью захоронений из степной полосы Западного и Восточного Забайкалья, хотя в некоторых случаях имел свои отличия. Традиционно погребения, расположенные в лесостепи Восточного Забайкалья, соотносят с ундугунской археологической культурой, выделенной И.И. Кирилловым в 70-е гг. прошлого столетия (Кириллов, 1983). Во многом общие черты между захоронениями ундугунской культуры и степных монгольских племен прослеживаются не только в традиции захоронения умершего, но и в сопроводительном инвентаре. Для написания настоящей работы нами были использованы материалы 87 погребений ундугунской культуры, которые входят в состав следующих могильников: Ундугун; Новотроицк-I, II, III; Дарасун-VI; Илимка-V; Бутуй-I; Дворцы-III, V–IX; Лукия-III. В данной статье мы подробно рассматриваем самую объемную категорию сопроводительного инвентаря – предметы вооружения.

При классификации предметов вооружения, описании их типологии, нами были использованы разработки Ю.С. Худякова, внесшего огромный вклад в изучение комплекса вооружения кочевых племен древности и средневековья (Худяков, 1980; Худяков, 1986; Худяков, 1991; Худяков, 1997).

Предметы вооружения

Самыми многочисленными находками, относящимися к предметам вооружения, являются наконечники стрел. Они представлены двумя классами – железными и костяными. По способу насада наконечники подразделяются на отделы, по форме сечения пера – на группы и по форме пера – на типы.

Железных наконечников обнаружено 135 экземпляров (Ундугун – 20 шт., Новотроицк-I, II, III – 44 шт., Дарасун-VI – 7 шт., Илимка-V – 12 шт.,

Бутуй-I – 6 шт., Дворцы-III, VI–IX – 38 шт., Лукия-III – 8 шт.). По способу насада железные наконечники стрел подразделяются на отдел втульчатых и черешковых (табл. 1). Для шести железных наконечников определить группу и тип не удалось из-за их плохой сохранности (Ундугун – 1 шт., Новотроицк-III – 1 шт., Дворцы-III, IX – 4 шт.). Втульчатые наконечники представлены двумя экземплярами, зафиксированными на могильнике Ундугун. Сечение пера наконечников плоское, форма пера ассиметрично-ромбическая (табл. 1.21). Наконечники имеют следующие размеры: длина пера 2,1 и 3,7 см, ширина 1,1 и 1,3 см, длина втулки 4,9 и 3,9 см. Первый наконечник имеет сомкнутую втулку (Немеров, 1982. С. 170), второй – несомкнутую.

Черешковые наконечники стрел поделены на четыре группы.

Группа I. Трехлопастные. Наконечники имеют трехлопастное сечение пера. Группа поделена на три типа:

Тип 1. Удлиненно-шестиугольные. В коллекции 1 экземпляр, обнаруженный на могильнике Новотроицк-II. Длина пера 5,0 см, ширина 1,9 см, длина черешка 2,2 см. Наконечник с пером шестиугольных очертаний, остроугольным острием, параллельными сторонами, пологими плечиками (табл. 1.1).

Тип 2. Овально-крылатые. В коллекции два экземпляра (мог. Илимка-V и Дворцы-V). Длина пера 4,7 и 3,9 см, ширина 2,4 и 1,6 см, длина черешка 7,8 и 3,3 см соответственно. Наконечники имеют массивное широкое перо, выступающие крылья, покатые плечики и овальное острие (табл. 1.2).

Тип 3. Ассиметрично-ромбические. Имеется один экземпляр, найденный на могильнике Лукия-III. Длина пера 5,4 см, ширина 1,5 см, длина черешка 2,8 см. Наконечник с ромбической формой пера (табл. 1.3).

Группа II. Четырехгранные. Наконечники имеют четырехгранное (ромбическое или прямоугольное) сечение пера. Группа поделена на два типа:

Тип 1. Боеголовковые. В коллекции три экземпляра (Новотроицк-II – 2 шт., Бутуй-I – 1 шт.). Длина пера 5,7–6,3 см, ширина 1,0–1,9 см, длина черешка 1,9–4,8 см. Наконечники имеют ромбическую в сечении боевую головку, прямые плечики, остроугольное острие и короткую или длинную шейку (табл. 1.4). Шейка в сечении четырех или шестигранная.

Тип 2. Томары. В коллекции пять экземпляров (Новотроицк-I – 1 шт., Лукия-III – 4 шт.). Длина пера 5,7–6,7 см, ширина 0,7–1,2 см, длина черешка 3,5–5,7 см. Наконечники имеют вытянуто-трапециевидное перо и тупое острие (табл. 1.5).

Группа III. Плоские. Самая многочисленная и вариативная по типам группа. У наконечников плоское сечение пера. Группа поделена на 15 типов:

Тип 1. Ассиметрично-ромбические. В коллекции 36 экземпляров (Ундугун – 1 шт., Новотроицк-I, II, III – 17 шт., Дарасун-VI – 1 шт., Илимка-V – 3 шт., Бутуй-I – 1 шт., Дворцы-III, VII–IX – 12 шт., Лукия-III – 1 шт.). Длина пера 2,3–7,2 см, ширина 1,0–4,0 см, длина черешка 1,8–6,4 см. Наконечники имеют ассиметрично-ромбическую форму пера, острие варьирует от прямоугольного к тупоугольному (табл. 1.6).

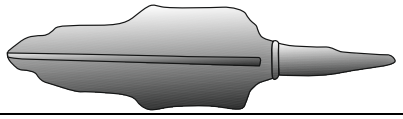
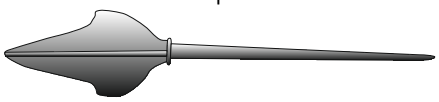
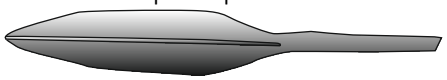
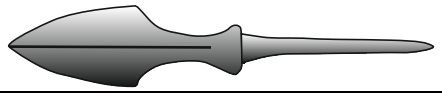
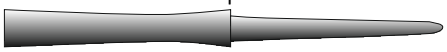
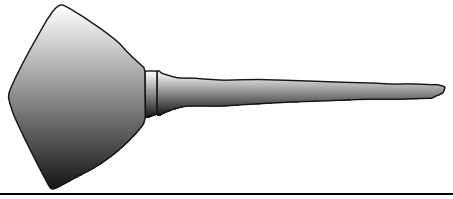
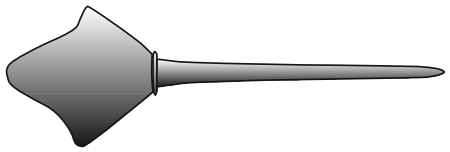
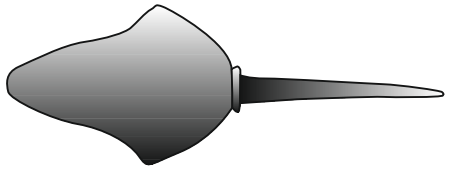
Тип 2. Ромбические. В коллекции 12 экземпляров (Ундугун – 3 шт., Новотроицк-I, II, III – 5 шт., Бутуй-I – 3 шт., Дворцы-VI – 1 шт.). Длина пера 2,2–4,4 см, ширина 2,2–4,4 см, длина черешка 5,2–6,2 см. Наконечники имеют ромбическую форму пера, ширина и длина которого практически совпадают (табл. 1.7).

Тип 3. Фигурно-ромбические. В коллекции 13 экземпляров (Ундугун – 1 шт., Новотроицк-I, III – 5 шт., Дарасун-VI – 1 шт., Илимка-V – 1 шт., Бутуй-I – 1 шт., Дворцы-III, VII, VIII – 4 шт.). Длина пера 1,7–4,7 см, ширина 1,7–3,8 см, длина черешка 2,6–6,4 см. Наконечники в целом имеют ромбическую форму пера и фигурное острие (табл. 1.8).

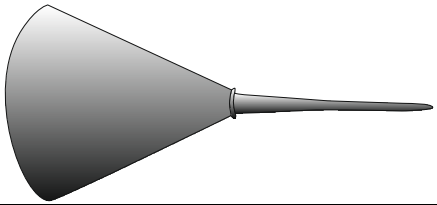
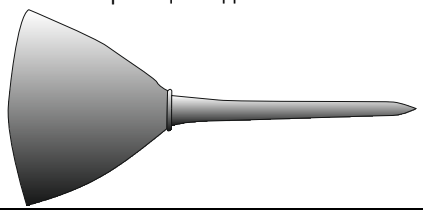
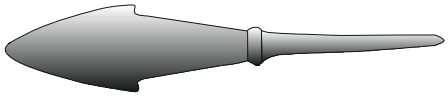
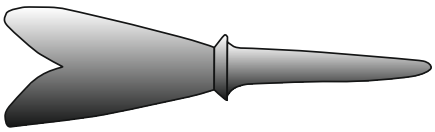
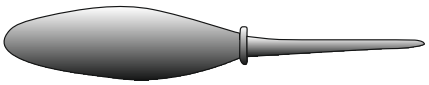
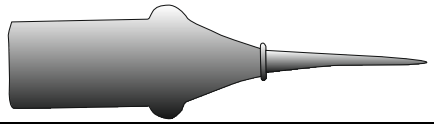
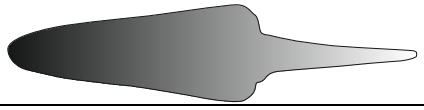
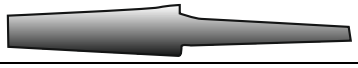
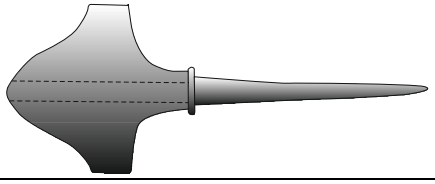
Тип 4. Овально-крылатые. В коллекции 13 экземпляров (Ундугун – 3 шт, Новотроицк-II, III – 2 шт., Илимка-V – 2 шт., Бутуй-I – 1 шт., Дворцы-III,V – 4 шт., Лукия-III – 1 шт.). Длина 3,0–7,0 см, ширина 2,2–5,0 см, длина черешка 1,1–6,4 см. Наконечники с плоским в сечении овальным пером, округлым острием, с выступающими крыльями (табл. 1.9).

Тип 5. Секторные. В коллекции 21 экземпляр (Ундугун – 4 шт., Новотроицк-I, III – 6 шт., Дарасун-VI – 1 шт., Илимка-V – 3 шт., Бутуй-I – 1 шт., Дворцы-III, VI, VII, IX – 6 шт.). Длина пера 3,9–7,6 см, ширина 1,6–2,9 см, длина черешка 3,2–6,0 см. Наконечники имеют трапециевидную форму пера и выпуклое (заоваленное) острие (табл. 1.10).

Таблица 1. **Классификации железных наконечников стрел**
Table 1. **Classifications of iron arrowheads**

Отдел	Группа	№ типа	№ п/п	Тип и форма	Размер (см) (x/y/z)[1]	Могильник (кол-во наконечников)
Черешковые	Трехлопастные 	1	**1**	Удлиненно-шестиугольные 	5,0/1,9/2,2	Новотроицк-II (1)
		2	**2**	Овально-крылатые 	4,7/2,4/7,8 3,9/1,6/3,3	Илимка-V (1) Дворцы-V (1)
		3	**3**	Ассиметрично-ромбические 	5,4/1,5/2,8	Лукия-III (1)
	Четырехгранные 	1	**4**	Боеголовковые 	5,7-6,3/1,0-1,9/1,9-4,8	Новотроицк-II (2) Бутуй-I (1)
		2	**5**	Томары 	5,7-6,7/0,7-1,2/3,5-5,7	Новотроицк-I (1); Лукия-III (4)
	Плоские 	1	**6**	Ассиметрично-ромбические 	2,3-7,2/1,0-4,0/1,8-6,4	Ундугун (1) Новотроицк-I-III (17); Дарасун-VI (1); Илимка-V (3); Бутуй-I (1); Дворцы-III,VII-IX (12) Лукия-III (1)
		2	**7**	Ромбические 	2,2-4,4/2,2-4,4/5,2-6,2	Ундугун (3) Новотроицк-I-III (5) Бутуй-I (3) Дворцы-VI (1)
		3	**8**	Фигурно-ромбические 	1,7-4,7/1,7-3,8/2,6-6,4	Ундугун (1) Новотроицк-I,III (5); Дарасун-VI (1); Илимка-V (1); Бутуй-I (1); Дворцы-III,VII,VIII (4)
		4	**9**	Овально-крылатые 	3,0-7,0/2,5-5,0/1,1-6,4	Ундугун (3) Новотроицк-II,III (2) Илимка-V (2); Бутуй-I (1); Дворцы-III,V (4) Лукия-III (1)

[1] где x – длина пера/ y – ширина пера/ z – длина черешка (втулки)

		5	**10**	Секторные 	3,9-7,6/1,6-2,9/3,2-6,0	Ундугун (4) Новотроицк-I,III (6) Дарасун-VI (1); Илимка-V (3); Бутуй-I (1); Дворцы-III,VI,VII,IX (6)
		6	**11**	Трапециевидные 	3,5/3,5/2,9 4,2/4,2/6,1	Ундугун (2)
		7	**12**	Боеголовковые 	2,5/1,7/3,8 4,1/1,6/4,7 дл.шейки 2,5 и 1,5	Дворцы-VIII (2)
		8	**13**	Двурогие 	1,0-3,1/1,3-3,6/2,1-7,1	Новотроицк III (1) Дарасун-VI (1); Дворцы-VII,VIII (2); Лукия-III (1)
		9	**14**	Овальные 	6,0/1,7/3,0	Ундугун (1)
		10	**15**	Вытянуто-овальные 	6,2/1,4/2,2 6,9/1,8/3,9 дл.шейки 1,6 и 1,3	Новотроицк-III (1) Дворцы-V (1)
		11	**16**	Шипастые 	6,5/1,7/2,0	Дворцы-IX (1)
		12	**17**	Удлиненно-треугольные 	6,0/2,5/3,9 4,0/1,6/1,6	Новотроицк-II (1) Дарасун-VI (1)
		13	**18**	Удлиненно-треугольные с шейкой 	4,1-4,9/1,4-1,8/3,3-4,9 дл.шейки 2,8-2,9	Ундугун (2) Дарасун-VI (1)
		14	**19**	Прямоугольные 	2,6/0,6/3,9	Дарасун-VI (1)
		15	**20**	Овально-ступенчатые 	3,8/3,5/?	Илимка-V (1)

Втульчатые	Плоские 	1	**21**	Ассиметрично-ромбические 	2,1/1,1/4,9 3,7/1,3/3,9	Ундугун (2)

Тип 6. Трапециевидные. В коллекции два экземпляра, обнаруженные на могильнике Ундугун. Длина пера 3,5 и 4,2 см, ширина 3,5 и 4,2 см, длина черешка 2,9 и 6,1 см. Наконечники имеют трапециевидное перо, ширина и длина которого совпадают, острие пера практически прямое (табл. 1.11).

Тип 7. Боеголовковые. В коллекции два экземпляра, обнаруженные на могильнике Дворцы-VIII. Длина пера 2,5 и 4,1 см, ширина 1,7 и 1,6 см, длина шейки 2,5 и 1,5 см, длина черешка 3,8 и 4,7 см. Наконечники имеют выделенную боевую головку, остроугольное острие, прямые плечики, прямоугольную в сечении шейку (табл. 1.12).

Тип 8. Двурогие. В коллекции пять экземпляров (Новотроицк-III – 1 шт., Дарасун-VI – 1 шт., Дворцы-VII, VIII – 2 шт., Лукия-III – 1 шт.). Длина пера 1,0–3,1 см, ширина 1,3–3,6 см, длина черешка 2,1–7,1 см. Наконечники с плоским пером и раздвоенным острием (табл. 1.13).

Тип. 9. Овальные. В коллекции один экземпляр, найденный на могильнике Ундугун. Длина пера 6,0 см, ширина 1,7 см, длина черешка 3,0 см. Наконечник имеет плоское перо овальной формы (табл. 1.14).

Тип 10. Вытянуто-овальные. В коллекции два экземпляра (Новотроицк-III – 1 шт., Дворцы-V – 1 шт.). Длина пера 6,2 и 6,9 см, ширина 1,4 и 1,8 см, длина шейки 1,6 и 1,3 см, длина черешка 2,2 и 3,9 см. Наконечники с вытянуто-овальным пером, параллельными гранями, покатыми плечиками (табл. 1.15).

Тип 11. Шипастые. В коллекции один экземпляр, найденный на могильнике Дворцы-IX. Длина пера 6,5 см, ширина 1,7 см, длина черешка 2,0 см. Наконечник с пером прямоугольной формы, в 1 см от упора, с правой и с левой грани, находятся шипы (выступы) округлой формы (табл. 1.16).

Тип 12. Удлиненно-треугольные. В коллекции два экземпляра (Новотроицк-II – 1 шт., Дарасун-VI – 1 шт.). Длина пера 6,0 и 4,0 см, ширина 2,5 и 1,6 см, длина черешка 3,9 и 1,6 см. Наконечники с треугольным пером и округлыми плечиками, переходящими в черешок (табл. 1.17).

Тип 13. Удлиненно-треугольные с шейкой. В коллекции три экземпляра (Ундугун – 2 шт., Дарасун-VI – 1шт.). Длина пера 4,1–4,9 см, ширина 1,4–1,8 см, длина шейки 2,8–2,9 см, длина черешка 3,3–4,9 см. Наконечники с узким треугольным пером, покатыми или прямыми плечиками и шейкой, заканчивающейся упором (табл. 1.18).

Тип 14. Прямоугольные. В коллекции один экземпляр, найденный на могильнике Дарасун-VI. Длина пера 2,6 см, ширина 0,6 см, длина черешка 3,9 см. Наконечник имеет прямоугольное (долотовидное) перо, немного сужающееся к острию (табл. 1.19).

Тип 15. Овально-ступенчатые. В коллекции один экземпляр, найденный на могильнике Илимка-V. Длина пера 3,8 см, ширина 3,5 см. Наконечник имеет овальное острие, выступающие крылья, вогнутые плечики (табл. 1.20).

Железные наконечники стрел нередко сопровождали костяные свистунки (рис. 1.14, 25). Замечено, что в большинстве случаев свистунки присутствовали на плоских срезнях (секторные, трапециевидные) и овально-крылатых (относящихся как к группе плоских, так и к группе трехлопастных) наконечниках. Свистунки имеют шаровидную или вытянуто-цилиндрическую форму с зауженными концами. В свистунках проделаны по четыре отверстия круглой или овальной (иногда каплевидной) формы. Реже встречаются свистунки других типов. Так, на ассиметрично-ромбическом наконечнике из погребения № 9 могильника Дарасун-VI находилась костяная втулка, усеченная на половину, без отверстий, но с тремя угловатыми подрезками в нижней части (Кириллов и др., 2000. С. 172. Рис. 83.2). В погребении № 1 могильника Новотроицк-I ассиметрично-ромбический наконечник имеет цельнолитую свистунку, длина которой составляет 1,2 см, диаметр 1,0 см, с двумя круглыми отверстиями (рис. 1.9). Также стоит отметить, что фигурно-ромбический наконечник из погребения № 5 могильника Дворцы-VIII вместо черешка, который, очевидно, отломился, оснащен костяной втулкой, прикрепленной к перу при помощи железного шпенька. По мнению

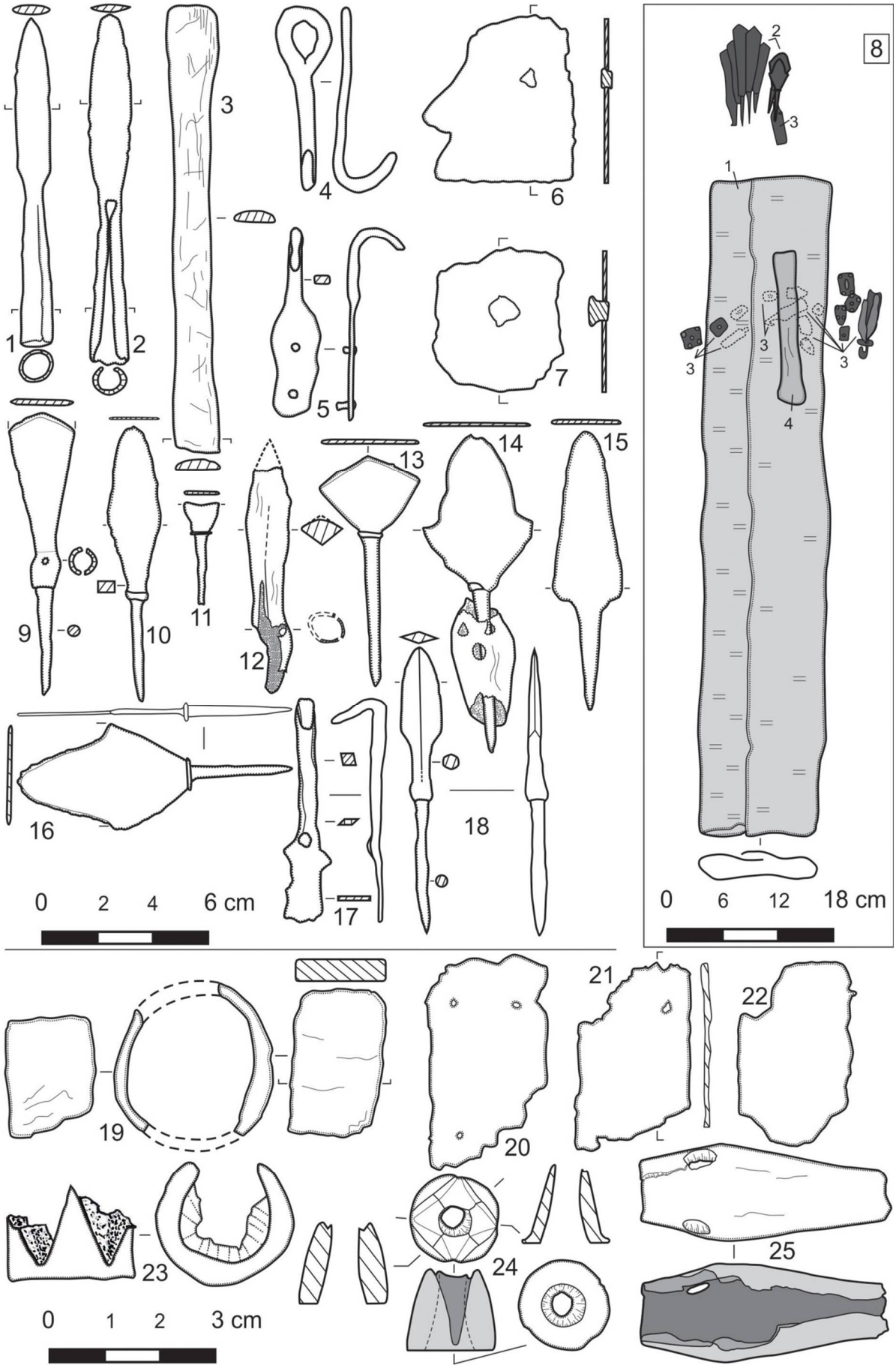

Рис. 1. (См. с. 40) / Fig. 1. (See p. 40)

Рис. 1 (с. 39). Предметы вооружения ундугунской культуры:
1, 2 – наконечники копий; 3 – костяная накладка на лук; 4, 5, 17 – колчанные крюки; 6, 7, 20–22 – панцирные пластины; 8 – колчан (1 – берестяной колчан; 2 – наконечники стрел; 3 – детали пояса колчана; 4 – костяная накладка на лук); 9–11, 13–16, 18 – железные наконечники стрел; 12 – костяной наконечник стрелы; 19 – фрагменты костяного кольца; 23, 24 – костяные томары; 25 – костяная свистунка
Мог. Новотроицк-I: *2, 9 – погр. № 1; 5 – погр. № 2.*
Мог. Новотроицк-II: *15 – погр. № 2; 13, 14 – погр. № 3; 10 – погр. № 4; 12 – погр. № 9.*
Мог. Новотроицк-III: *16 – погр. № 4; 11, 17, 18 – погр. № 5; 1, 8, 20–22 – погр. № 7.*
Мог. Дворцы-V: *3, 4 – погр. № 8.*
Мог. Бутуй-I: *23 – погр. № 7; 6, 7 – погр. № 8.*
Мог. Илимка-V: *24, 25 – погр. № 1; 19 – погр. № 5.*

Fig. 1 (p. 39). Items of weapons of the Undugun culture:
1, 2 - spearheads; 3 - bone lining on the bow; 4, 5, 17 - quiver hooks; 6, 7, 20-22 - armored plates; 8 - quiver (1 - birch bark quiver, 2 - arrowheads, 3 - details of the quiver belt, 4 - bone lining on the bow); 9-11, 13-16, 18 - iron arrowheads; 12 - bone arrowhead; 19 - fragments of a bone ring; 23, 24 - bone arrowheads tomars; 25 - bone whistle
Novotroitsk-I Burial Ground: *2, 9 - burial № 1; 5 - burial № 2.*
Novotroitsk-II Burial Ground: *15 - burial № 2; 13, 14 - burial № 3; 10 - burial № 4; 12 - burial № 9.*
Novotroitsk-III Burial Ground: *16 - burial № 4; 11, 17, 18 - burial № 5; 1, 8, 20-22 - burial № 7.*
Dvorcy-V Burial Ground: *3, 4 - burial № 8.*
Butuy-I Burial Ground: *23 - burial № 7; 6, 7 - burial № 8.*
Ilimka-V Burial Ground: *24, 25 - burial № 1; 19 - burial № 5.*

Ю.С. Худякова, свистунки на монгольских стрелах существенно отличались от свистунок тюркского времени и служили в первую очередь муфтами для крепления и предохранения торцевой части древка от раскалывания (Худяков, 1991. С. 124–125).

Костяных наконечников обнаружено 90 экземпляров (Ундугун – 27 шт., Новотроицк-I, II, III – 10 шт., Дарасун-VI – 4 шт., Илимка-V – 12 шт., Бутуй-I – 7 шт., Дворцы-III, VI–IX – 28 шт., Лукия-III – 2 шт.). Костяные наконечники стрел по способу насада на древко поделены нами на два отдела – черешковые и втульчатые (табл. 2). К сожалению, из-за плохой сохранности пяти наконечников (Ундугун – 4 шт., Бутуй-I – 1 шт.), установить их принадлежность к той или иной группе невозможно.

Среди черешковых наконечников стрел выделено семь групп.

Группа I. Ромбические. Имеют ромбическое сечение пера. Подразделяется на четыре типа.

Тип 1. Ассиметрично-ромбические. В коллекции 32 экземпляра (Ундугун – 9 шт., Новотроицк-I, II, III – 3 шт., Дарасун-VI – 1 шт., Илимка-V – 6 шт., Дворцы-III, VII, VIII – 12 шт., Лукия-III – 1 шт.). Длина пера 1,5–7,7 см, ширина 1,0–1,8 см, длина черешка 1,2–5,9 см. Наконечники с ассиметрично-ромбической формой пера и уплощенным насадом (табл. 2.1).

Тип 2. Удлиненно-ромбические. В коллекции семь экземпляров (Новотроицк-III – 1 шт., Дара сун-VI – 1 шт., Илимка-V – 2 шт., Бутуй-I – 2 шт., Дворцы-VIII – 1 шт.). Длина пера 3,0–6,5 см, ширина 1,1–1,5 см, длина черешка 1,9–6,0 см. Наконечники имеют ромбическую форму пера и уплощенный насад (табл. 2.2).

Тип 3. Удлиненно-треугольные. В коллекции три экземпляра (Дарасун-VI – 1 шт., Бутуй-I – 1 шт., Дворцы-V – 1 шт.). Длина пера 2,1–8,8 см, ширина 1,3–1,5 см, длина черешка 4,6–5,8 см. Наконечники с треугольной формой пера, остроугольным острием и уплощенным насадом (табл. 2.3).

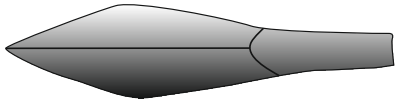
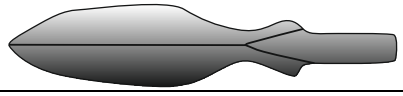
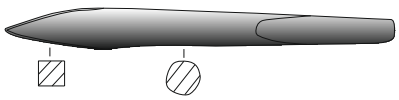
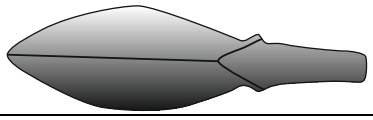
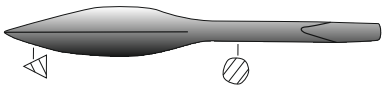
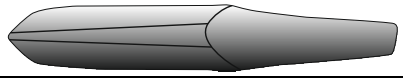
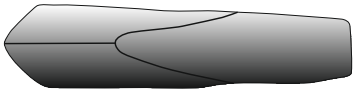
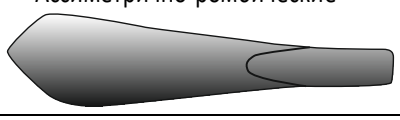
Тип 4. Фигурно-ромбические. В коллекции пять экземпляров (Ундугун – 3 шт., Бутуй-I – 1 шт., Дворцы-III – 1 шт.). Длина пера 3,9–8,6 см, ширина 1,2–1,3 см, длина черешка 2,2–5,6 см. Наконечники имеют ромбическую форму пера, покатые плечики, переходящие в фигурную шейку, уплощенный насад (табл. 2.4).

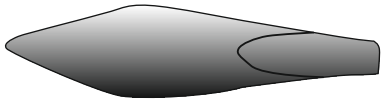
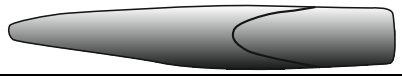
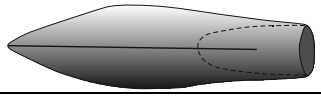
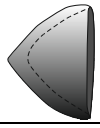
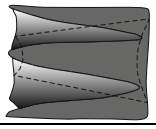
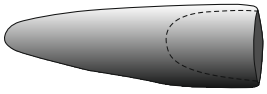
Группа II. Четырехгранные. Наконечники имеют четырехгранное сечение пера.

Тип 1. Боеголовковые. В коллекции два экземпляра, найденные на могильниках Ундугун и Дворцы-V. Длина пера 7,8 и 7,4 см (длина шейки 2,8 и 4,2 см), ширина 0,9 и 1,0 см, длина черешка 4,3 и 4,0 см соответственно. Наконечники с четырехгранной головкой, имеющей треугольную форму, округлой в сечении шейкой и уплощенным насадом (табл. 2.5).

Группа III. Трехгранные. Наконечники имеют трехгранное сечение пера. Подразделяется на три типа:

Таблица 2. **Классификации костяных наконечников стрел**
Table 2. **Classifications of bone arrowheads**

Отдел	Группа	№ типа	№ п/п	Тип и форма	Размер (см)	Могильник (кол-во наконечников)
Черешковые	Ромбические 	1	**1**	Ассиметрично-ромбические 	1,5-7,7/1,0-1,8/1,2-5,9	Ундугун (9), Новотроицк-I,II,III (3), Дарасун-VI (1), Илимка-V (6), Дворцы-III,VII,VIII (12), Лукия-III (1)
		2	**2**	Удлиненно-ромбические 	3,0-6,5/1,1-1,5/1,9-6,0	Новотроицк-III (1), Дарасун-VI (1), Илимка-V (2), Бутуй-I (2), Дворцы-VIII (1)
		3	**3**	Удлиненно-треугольные 	2,1-8,8/1,3-1,5/4,6-5,8	Дарасун-VI (1), Бутуй-I (1), Дворцы-V (1)
		4	**4**	Фигурно-ромбические 	3,9-8,6/1,2-1,3/2,2-5,6	Ундугун (3), Бутуй-I (1), Дворцы-III (1)
	Четырехгранные 	1	**5**	Боеголовковые 	7,8/0,9/4,3 7,4/1,0/4,0 дл.шейки: 2,8 и 4,2	Ундугун (1), Дворцы-V (1)
	Трехгранные 	1	**6**	Ассиметрично-ромбические 	3,4-10,2/0,8-1,2/2,2-3,2	Ундугун (2), Дворцы-III (2)
		2	**7**	Удлиненно-ромбические 	5,3/1,8/3,0 3,9/1,3/2,0	Ундугун (1), Новотроицк-III (1)
		3	**8**	Боеголовковые 	12,0/1,8/3,8 дл.шейки: 5,1	Илимка-V (1)
	Пятигранные 	1	**9**	Ассиметрично-ромбические 	4,9-6,1/1,1-1,4/2,5-4,7	Ундугун (1), Новотроицк-II (1)
	Шестигранные 	1	**10**	Ассиметрично-ромбические 	3,3/1,3/5,9 3,9/1,2/2,7	Бутуй-I (1), Дворцы-III (1)
	Линзовидные 	1	**11**	Ассиметрично-ромбические 	2,8-5,7-1,2-1,3/1,6-2,3	Новотроицк-III (1), Дворцы-III (3)

		2	**12**	Удлиненно-ромбические 	4,2-5,0/1,4-1,5/1,7-3,7	Илимка-V (2), Дворцы-III (1)
		3	**13**	Удлиненно-треугольные 	2,5/1,2/2,7	Лукия-III (1)
	Круглые 	1	**14**	Удлиненно-треугольные 	3,9/1,1/2,1	Новотроицк-II (1)
Втульчатые	Ромбические 	1	**15**	Ассиметрично-ромбические 	4,0-9,1/1,1-1,5	Ундугун (1), Дворцы-III (3)
		2	**16**	Ассиметрично-ромбические комбинированные 	6,3/1,5 общая длина 9,8	Ундугун (1)
		3	**17**	Удлиненно-ромбические 	4,3-7,6/1,6-2,1	Ундугун (2), Новотроицк-II (1), Дарасун-VI (1)
	Круглые 	1	**18**	Пулевидные 	3,5/0,9	Дворцы-VIII (1)
		2	**19**	Конусные 	1,1/1,4	Дворцы-VIII (1)
		3	**20**	Томары 	1,4-2,6/1,6-2,5	Ундугун (2), Илимка-V (1), Бутуй-I (1)
	Полукруглые	1	**21**	Удлиненно-треугольные 	5,5/1,4	Новотроицк-II (1)

Тип 1. Ассиметрично-ромбические. В коллекции четыре экземпляра (Ундугун – 2 шт., Дворцы-III, V – 2 шт.). Длина пера 3,4–10,2, ширина 0,8–1,2, длина черешка 2,2–3,2 см. Наконечники с ассиметрично-ромбической формой пера и уплощенным насадом (табл. 2.6).

Тип 2. Удлиненно-ромбические. В коллекции два экземпляра, найденные на могильниках Ундугун и Новотроицк-III. Длина пера 5,3 и 3,9 см, ширина 1,8 и 1,3 см, длина черешка 3,0 и 2,0 см соответственно. Наконечники с ромбической формой пера и уплощенным насадом (табл. 2.7).

Тип 3. Боеголовковые. В коллекции один экземпляр, найденный на могильнике Илимка-V. Длина пера 12,0 см (длина шейки 5,1 см), ширина 1,8 см, длина черешка 3,8 см. Наконечник с трехгранной головкой, имеющей треугольную форму, округлой в сечении шейкой и уплощенным насадом (табл. 2.8).

Группа IV. Пятигранные. Наконечники с пятигранным сечением пера.

Тип 1. Ассиметрично-ромбические. В коллекции два экземпляра, найденные на могильниках Ундугун и Новотроицк-II. Длина пера 4,9–6,1 см, ширина 1,1–1,4 см, длина черешка 2,5–4,7 см. Наконечники с ассиметрично-ромбической формой пера и уплощенным насадом (табл. 2.9).

Группа V. Шестигранные. Наконечники с шестигранным сечением пера.

Тип 1. Ассиметрично-ромбические. В коллекции два экземпляра, найденные на могильниках Бутуй-I и Дворцы-III. Длина пера 3,3 и 3,9 см, ширина 1,3 и 1,2 см, длина черешка 5,9 и 2,7 см соответственно. Наконечники с ассиметрично-ромбической формой пера и уплощенным насадом (табл. 2.10).

Группа VI. Линзовидные. Наконечники с овальным сечением пера. Подразделяются на три типа:

Тип 1. Ассиметрично-ромбические. В коллекции четыре экземпляра (Новотроицк-III – 1 шт., Дворцы-III – 3 шт.). Длина пера 2,8–5,7 см, ширина 1,2–1,3 см, длина черешка 1,6–2,3 см. Наконечники с ассиметрично-ромбической формой пера и уплощенным насадом (табл. 2.11).

Тип 2. Удлиненно-ромбические. В коллекции три экземпляра (Илимка-V – 2 шт., Дворцы-III – 1 шт.). Длина пера 4,2–5,0 см, ширина 1,4–1,5 см, длина черешка 1,7–3,7 см. Наконечники с пером ромбической формы и уплощенным насадом (табл. 2.12).

Тип 3. Удлиненно-треугольные. В коллекции один экземпляр, найденный на могильнике Лукия-III. Длина пера 2,5 см, ширина 1,2 см, длина черешка 2,7 см. Наконечники с треугольной формой пера, прямыми плечиками, уплощенным насадом (табл. 2.13).

Группа VII. Круглые. Наконечники имеют круглое сечение пера.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. В коллекции один экземпляр, найденный на могильнике Новотроицк-II. Длина пера 3,9 см, ширина 1,1 см, длина черешка 2,1 см. Наконечник с треугольной формой пера и уплощенным насадом (табл. 2.14).

Втульчатые костяные наконечники стрел поделены на три группы.

Группа I. Ромбические. Наконечники имеют ромбическое сечение пера. Подразделяются на три типа.

Тип 1. Ассиметрично-ромбические. В коллекции четыре экземпляра (Ундугун – 1 шт., Дворцы-III – 3 шт.). Длина пера 4,0–9,1 см, ширина 1,1–1,5 см. Наконечники с ассиметрично-ромбической формой пера и скрытой втулкой (табл. 2.15).

Тип 2. Ассиметрично-ромбические комбинированные. В коллекции один экземпляр, найденный на могильнике Ундугун (табл. 2.16). Длина пера 6,3 см, ширина 1,5 см, общая длина 9,8 см. Наконечник имеет удлиненное приостренное перо, грани которого сужаются от ударной части к шейке, плавно переходящей во втулку-свистунку (диаметр 1,5–1,8 см, длина 3,9 см). Втулка имеет четыре треугольнообразных отверстия с округленными углами, а также вставленный во внутрь плоский костяной насад, размером 4,3 см (Ковычев, Номоконов, 2013а. С. 97).

Тип 3. Удлиненно-ромбические. В коллекции четыре экземпляра (Ундугун – 2 шт., Новотроицк-II – 1 шт., Дарасун-VI – 1 шт.). Длина пера 4,3–7,6 см, ширина 1,6–2,1 см. Наконечники с ромбической формой пера и скрытой втулкой (табл. 2.17). Втулка наконечника из могильника Новотроицк-II выполняла также и функцию свистунки (рис. 1.12).

Группа II. Круглые. Наконечники имеют округлое сечение пера. Подразделяются на три типа:

Тип 1. Пулевидные. В коллекции один экземпляр, найденный на могильнике Дворцы-VIII. Длина пера 3,5 см, ширина 0,9 см. Наконечник с овальной ударной частью, параллельными гранями, скрытой втулкой (табл. 2.18).

Тип 2. Конусные. В коллекции один экземпляр, найденный на могильнике Дворцы-VIII. Длина пера 1,1 см, ширина 1.4 см. Наконечник с конусной формой пера, остроугольным острием, скрытой втулкой (табл. 2.19).

Тип 3. Томары. В коллекции четыре экземпляра (Ундугун – 2 шт., Илимка-V – 1 шт., Бутуй-I – 1 шт.). Длина пера 1,4–2,6 см, ширина 1,6–2,5 см. Наконечники трапециевидной формы, расширяющиеся от ударной части к основанию, с вырезанными лопастями-зубцами треугольной формы. Наконечники либо со сквозной втулкой (рис. 1.23, 24), либо ударная часть имеет конусовидное продолжение (Кириллов, 1983. С. 129. Рис. 4.13), выходящее за пределы лопастей-зубцов (табл. 2.20).

Группа III. Полукруглые. Наконечники имеют полукруглое сечение пера.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. В коллекции один экземпляр, найденный на могильнике Новотроицк-II. Длина пера 5,5 см, ширина 1,4 см. Наконечник с треугольной формой пера и скрытой втулкой (табл. 2.21).

Непосредственно со стрелами связаны и футляры, в которых их носили – колчаны. Острия наконечников стрел в большинстве случаев располагались немного выше горловины колчана (если он фиксировался). Это позволяет нам считать, что колчаны в основном были открытого типа, и стрелы хранились в них наконечниками вверх (рис. 1.8) только в редких случаях, как, например, в погребении № 9 могильника Дарасун-VI наконечники располагались одновременно боевой частью и вверх, и вниз. К такому же выводу пришел И.И. Кириллов, отнеся колчаны, найденные в погребениях могильника Ундугун, к типу открытых. По сохранившимся частям исследователь установил, что каркас колчана изготавливался из дерева, а затем обтягивался берестой. Стенки колчанов расширялись от приемника к днищу, а для укрепления берестяных стенок и горловины использовались костяные орнаментированные накладки, которые крепились при помощи деревянных шпеньков (Кириллов, 1983. С. 128). Аналогичную функцию, по всей вероятности, выполняли и бронзовые накладки, зафиксированные в нижней части колчана в погребении № 9 могильника Дарасун-VI.

В некоторых случаях в основании колчана к днищу пришивался специальный карман, предназначенный для ношения в нем железного напильника, использовавшегося для «изощрения» стрел. Для закрепления колчана «в наклонном положении» (Худяков, 1980. С. 112) использовались колчанные крюки двух типов – щитковые (рис. 1.5; 1.17) и проволочные (рис. 1.4). Первые закреплялись при помощи заклепок, вторые – при помощи петли. В погребении № 7 могильника Новотроицк-III зафиксирован пояс колчана, украшенный железными пластинами, которые в свою очередь инкрустированы серебряной фольгой с насечками (Номоконов, 2012. С. 72–74). Пластины крепились к ремню заклепками, а также скреплялись между собой при помощи петель и крючьев (рис. 1.8:3). Интересен тот факт, что хотя в некоторых погребениях обнаружены колчаны, но колчанные крючья от них найдены не были. Ю.С. Худяков отмечает, что в монгольских погребениях не всегда колчанные крюки сопровождают колчаны и наоборот, колчанные крюки встречаются без стрел и колчанов, это, вероятно, свидетельствует о вхождении части крюков в состав принадлежности пояса (Худяков, 1991. С. 127).

В большинстве случаев колчаны располагались справа от умершего, в средней части могильной ямы, за пределами внутримогильной конструкции; реже – слева от погребенного. Количество наконечников стрел в колчанах варьировало в пределах от одного до семнадцати.

Колчаны подобных форм, щитковые и проволочные колчанные крюки распространяются в первой половине II тыс. н. э. по всей Центральной Азии (Худяков, 1991. С. 127–128).

Целых луков в погребениях не найдено, лишь в редких случаях фиксировались фрагменты от сложносоставных луков. Так, в погребениях № 10 могильника Ундугун, № 9 могильника Новотроицк-II, № 7 могильника Новотроицк-III (рис. 1.8:4) и № 5 могильника Дворцы-VIII (рис. 1.3) обнаружены срединные фронтальные («веслообразные») накладки, а в погребении № 5 могильника Новотроицк-III – плечевая фронтальная накладка. По классификации Ю.С. Худякова, луки с подобными накладками относятся к двум типам: со срединной фронтальной накладкой и со срединной фронтальной и плечевой фронтальной накладками. Данные типы луков бытовали в Западном и Восточном Забайкалье со второй половины I тыс. н. э., но с первых веков II тыс. н. э. стали общераспространенными во всем Центрально-Азиатском регионе (Худяков, 1991. С. 103).

Отсутствие костяных накладок на лук в большинстве погребений натолкнуло И.И. Кириллова на мысль о том, что у племен, принадлежавших к ундугунской культуре, в отличие от племен, заселявших степную часть Забайкалья, существовал лук «тунгусского типа», относившийся к типу сложносоставных, но изготовленный из деревянных пластин различных пород дерева: «ели и березы или лиственницы и кедра» (Кириллов, 1983. С. 126). Возможно, что подобный лук действительно использовался племенами ундугунской культуры или же погребальный обряд не предусматривал помещение с покойным боевого лука. Может быть, к такому луку относятся деревянные фрагменты, найденные в погребении № 9 могильника Новотроицк-II.

С использованием лука и стрел, очевидно, связана находка, сделанная в погребении № 4 могильника Илимка-V. Здесь, рядом с наконечниками стрел обнаружены фрагменты костяного цилиндрического кольца (рис. 1.19). Внутренний диаметр его равен 2,0–2,5 см, толщина стенок 0,2–0,3 см, высота 1,5 см. Вероятнее всего, кольцо использовалось при стрельбе из лука для более удобного натягивания тетивы большим пальцем (Нефёдкин, 2003. С. 92).

В погребениях № 1 могильника Новотроицк-I и № 7 могильника Новотроицк-III найдены железные наконечники копий (рис. 1.1, 2). Они относятся к группе линзовидных наконечников. Первый наконечник принадлежит к типу эллипсоидных, имеет длину пера 6,4 см, ширину 1,5 см, длину втулки 6,1 см. Наконечник с округлым острием, округлыми плечиками, короткой шейкой и несомкнутой втулкой. Второй наконечник принадлежит к типу ассиметрично-ромбических, имеет длину пера 5,8 см, ширину 1,2 см, длину втулки 6,0 см. Наконечник с ромбическим пером, параллельными ударными гранями, остроугольным острием, покатыми плечиками и сомкнутым швом на втулке. Наконечники копий располагались в погребениях возле колчанов.

Защитное вооружение представлено редкими находками панцирных пластин. В погребении № 7 могильника Новотроицк-III обнаружены фрагменты от трех железных пластин (рис. 1.20–22). Это длинные узкие пластины овально-прямоугольной формы с прямыми нижними и скругленными верхними краями и отверстиями вдоль длинных и коротких сторон. Ширина пластин 1,8–1,9 см, фиксируемая длина 2,9–3,2 см (пластины обломаны по короткой стороне).

В погребении № 8 могильника Бутуй-I найдены две пластины от пластинчатого доспеха (Ковычев, Номоконов, 2013b. С. 47). Пластины изготовлены из железа, первая (рис. 1.6) имеет размер 5,4 х 5,9 см, толщина 0,1 см; пластина крепилась при помощи железного шпенька (высота его равна 0,3 см, ширина в месте скрепления с пластиной 0,6 см). Вторая пластина (рис. 1.7) имеет размер 4,4 х 5,1 см, толщина 0,1 см; пластина также крепилась при помощи железного шпенька (высота шпенька 0,7 см, ширина в месте скрепления с пластиной 0,7 см). Подобные пластины обычно крепились вместе с подкладкой к верхней защитной одежде изнутри, так что наружу выступали только заклепки (Худяков, 1991. С. 143).

Судя по фрагментарным находкам защитного вооружения, можно полагать, что погребальный обряд не предусматривал помещение в могилу целых доспехов.

Заключение

В целом предметы вооружения из погребений ундугунской культуры характерны комплексу вооружения монгольских племен, который получил широкое распространение по всему поясу Великой степи в период монгольского времени, но есть и незначительные отличия. Связаны они в первую очередь с широким использованием костяных наконечников стрел населением лесостепного Забайкалья. В погребениях ундугунской культуры были найдены разнообразные группы и типы костяных наконечников, при этом в количественном отношении они не многим уступают железным, в то же время в погребениях степных монголов костяные наконечники встречаются гораздо реже. Здесь стоит уточнить, что не во всех могильниках ундугунской культуры прослеживается данная ситуация. В погребениях могильников Новотроицк-I, II, III, Лукия-III, Дарасун-VI, количество костяных наконечников стрел не велико. Так, например, на Новотроицком некрополе зафиксировано всего 10 костяных наконечников и 44 железных, а вот на могильнике Ундугун это соотношение составляет 25 и 20 экземпляров соответственно. Ю.С. Худяков сделал предположение, что частое использование стрел с костяными наконечниками населением лесостепного Забайкалья связано с отдаленностью от основных центров оружейного ремесла (Худяков, 1991. С. 124). Некоторые стрелы с костяными наконечниками являлись специфическими для лесостепного населения, а именно: костяные томары, предназначенные для битья пушного зверя.

В захоронениях ундугунской культуры не было найдено оружия ближнего боя – мечи, палаши, сабли, топоры и т. п. Скорее всего этот факт не свидетельствует о том, что население не использовало данный вид вооружения. Оно было дорогостоящим и, вероятнее всего, по этой причине не помещалось в погребение. По этой же причине редкие находки защитного вооружения представлены фрагментарно (несколько панцирных пластин).

Рассматривая наступательное вооружение, зафиксированное в погребениях ундугунской культуры, можно сделать вывод, что оно в большей степени предназначалось для поражения незащищенного панцирем противника в дистанционном бою. Из всей массы наконечников стрел бронебойные наконечники немногочисленны и типологически не разнообразны – представлены одной группой, в которую входят два типа. Ввиду характера наступательного вооружения и редкости находок защитного вооружения напрашивается вывод о том, что подавляющая часть воинов лесостепного населения Восточного Забайкалья в период монгольского времени представляла легковооруженную конницу.

Список источников

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск : Наука. 1984. 201 с.

Именохоев Н.В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии : сборник научных трудов. Новосибирск : Наука, 1992. С. 23–48.

Кириллов И.И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск : Наука, 1983. С. 123–138.

Кириллов И.И., Ковычев Е. В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 176 с.

Ковычев Е.В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск : Наука, 1981. С. 73–79.

Ковычев Е.В., Номоконов А.А. Могильник Ундугун: итоги археологического изучения // Интеграция археологических и этнографических исследований : сборник научных трудов. Иркутск : Изд-во НИ ИрГТУ, 2013а. Т. 1. С. 95–100.

Ковычев Е.В., Номоконов А.А. Средневековый могильник Бутуй-I // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы IV Междунар. науч. конф. 13–19 сент. 2013 г., г. Чита. Чита, 2013b. Ч. 2. С. 45–49.

Коновалов П.Б., Данилов С.В. Средневековые погребения в Кибалино (Западное Забайкалье) // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск : Наука, 1981. С. 64–73.

Немеров В.Ф. Наконечники стрел ундугунской культуры // Археология Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1982. С. 168–177.

Нефёдкин А.К. Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 352 с.

References

Aseev I.V., Kirillov I.I., Kovychev E.V. (1984) Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages (based on the materials of burials). Novosibirsk: Nauka. 201 p. (In Russ.).

Imenokhoev N.V. (1992) Early Mongolian archaeological culture. *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi srednevekov'ya v Buryatii i Mongolii. Sbornik nauchnykh trudov = Archaeological sites of the Middle Ages in Buryatia and Mongolia. Collection of scientific papers.* Novosibirsk: Nauka. P. 23-48. (In Russ.).

Kirillov I.I. (1983) Undugunskaya culture of the Iron Age in Eastern Transbaikalia. *Po sledam drevnikh kul'tur Zabaikal'ya = Following the footsteps of ancient cultures of Transbaikalia*. Novosibirsk: Nauka. P. 123–138. (In Russ.).

Kirillov I.I., Kovychev E.V., Kirillov O.I. (2000) Darasun complex of archaeological sites. Eastern Transbaikalia. Novosibirsk: Institute of archeology and Ethnography SB RAS. 176 p. (In Russ.).

Kovychev E.V. (1981) Mongolian burials from Eastern Transbaikalia*. Novoe v arkheologii Zabaikal'ya = New in the archeology of Transbaikalia*. Novosibirsk: Nauka. P. 73-79. (In Russ.).

Kovychev E.V., Nomokonov A.A. (2013a) Undugun Burial ground: results of archaeological study. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii: sbornik nauchnykh trudov = Integration of archaeological and ethnographic research. Collection of scientific papers.* Irkutsk: National Research Irkutsk State Technical University. Vol. 1. P. 95-100. (In Russ.).

Kovychev E.V., Nomokonov A.A. (2013b) Medieval burial ground Butui-I. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. 13–19 sent. 2013 g., Chita = Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: materials of the IV International Scientific Conference on September 13-19, 2013, Chita.* Chita. Pt 2. P. 45-49. (In Russ.).

Konovalov P. B., Danilov S.V. (1981) Medieval burials in Kibalino (Western Transbaikalia). *Novoe v arkheologii Zabaikal'ya = New in the archeology of Transbaikalia.* Novosibirsk: Nauka. P. 64-73. (In Russ.).

Nemerov V.F. (1982) Arrowheads of the Undugun culture. *Arkheologiya Severnoi Azii = Archaeology of Northern Asia.* Novosibirsk: Nauka. P. 168-177. (In Russ.).

Nefedkin A.K. (2003) Military affairs of the Chukchi (mid-XVII – early XX century). St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 352 p. (In Russ.).

Номоконов А.А. Погребение воина монгольской эпохи из лесостепного Забайкалья // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 69–76.

Номоконов А.А. Внутримогильные конструкции погребений монгольского времени из лесостепной полосы Восточного Забайкалья // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии : материалы II Международной научной конференции, посвященной 80-летию доктора исторических наук, проф. П.Б. Коновалова, 4–6 декабря 2017 г., Улан-Удэ. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2017. С. 185–190.

Номоконов А.А. Снаряжение коня у населения лесостепного Забайкалья в XII–XIV вв. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2020. Т. 16. № 2. С. 40–51.

Харинский А.В. Погребальная практика монголов в XII–XIV вв. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы IV Междунар. науч. конф. 13–19 сент. 2013 г., г. Чита. Чита, 2013. Ч. 2. С. 125–131.

Харинский А.В. Монгольские погребения XIII–XIV вв. на территории Байкальского региона // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая, 12–16 октября, 2015, Хух–Хото. Хух-Хото, 2015. Ч. II. С. 531–538.

Харинский А.В. Южное Прибайкалье накануне образования Монгольской империи // Археология евразийских степей. Средневековая археология : материалы VIII Международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. 2018. № 4. С. 187–192.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск : Наука, 1980. 175 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск : Наука, 1991. 189 с.

Nomokonov A.A. (2012) Burial of a warrior of the Mongol epoch from the forest-steppe Transbaikalia. *Gumanitarnyi vector = Humanitarian Vector*. No. 2 (30). P. 69–76. (In Russ.).

Nomokonov A.A. (2017) Internal burial structures of the Mongol period from the forest steppe zone of Eastern Transbaikalia. *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii: materialy II mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi. 80-letiyu doktora istoricheskikh nauk, prof. P. B. Konovalova, 4–6 dekabrya 2017 g., Ulan-Ude =Topical issues of archeology and Ethnology of Central Asia: materials of the II international scientific conference dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor P. B. Konovalov, 4-6 december, 2017 Ulan-Ude.* Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. P. 185–190. (In Russ.).

Nomokonov A.A. (2020) Horse ammunition of the population of forest-steppe Transbaikalia in XII–XIV centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 16. No. 2. P. 40-51. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2013) Funerary practice of the Mongols in the XII–XIV centuries. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. 13–19 sent. 2013 g., Chita = Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: materials of the IV International Scientific Conference on September 13-19, 2013, Chita.* Chita. Pt. 2. P. 125–131. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2015) Mongolian burials of the XIII-XIV centuries on the territory of the Baikal region. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya, 12–16 oktyabrya, 2015, Khukh–Khoto = Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China, 12–16 Oktober, 2015, Khukh–Khoto*. Huh-Hoto. Pt. II. P. 531-538. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2018) Southern Baikal region on the eve of the formation of the Mongolian Empire. *Arkheologiya evraziiskikh stepei. Srednevekovaya arkheologiya: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve», posvyashchennoi pamyati G. A. Fedorova-Davydova = Archeology of the Eurasian steppes. Medieval Archaeology: materials of the VIII International Scientific Conference "Dialogue of Urban and Steppe Cultures in the Eurasian space", dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov.* No. 4. P. 187-192. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. (1980) Armament of the Yenisei Kyrgyz of the VI-XII centuries. Novosibirsk: Nauka. 175 p. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. (1986) Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia. Novosibirsk: Nauka. 268 p. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. (1991) Armament of Central Asian nomads in the era of the early and developed Middle Ages. Novosibirsk: Nauka. 189 p. (In Russ.).

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 159 с.

Khudyakov Yu.S. (1997) Armament of the nomads of Southern Siberia and Central Asia in the era of the developed Middle Ages. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. 159 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Номоконов Алексей Александрович,
член Совета,
Забайкальское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры»,
672038, г. Чита, ул. Сухая Падь, 5, Россия,
e-mail: aleksei.nomokonoff@yandex.ru

Information about the author

Alexei A. Nomokonov,
Council member,
Transbaikal Regional Branch of the All-Russian Public Organization “The All-Russian Society for the Protection of Sites of History and Culture”,
5, Suhaya Pad St., Chita 672038, Russia,
e-mail: aleksei.nomokonoff@yandex.ru

Вклад автора

Номоконов А. А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Nomokonov A. A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2022 г.; одобрена после рецензирования 12 января 2023 г.; принята к публикации 23 января 2023 г.

Article info

The article was submitted November 15, 2022; approved after reviewing January 12, 2023; accepted for publication January 23, 2023.

ISSN 2415-8739 (print) **Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 49–63**
ISSN 2500-1566 (online) Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 49-63

Археология

Научная статья
УДК 550.384.32
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-49-63

Косторезная мастерская гребенщика XI–XII вв. на территории района Завеличье г. Пскова

А.В. Фисенко [1, 2]

[1] Государственное бюджетное учреждение культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области», г. Псков, Россия
[2] Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье публикуются материалы Климентовского-6 раскопа 2017 г. в Пскове. В ходе археологического исследования на левом берегу р. Великой собрана коллекция, насчитывающая 240 находок. Значительную часть находок из костяного сырья – 31 единицу составляют предметы, которые маркируют наличие косторезного ремесла – заготовки изделий и отходы производства из плотного рога и костей животных. Анализ заготовок изделий позволил установить, что они однотипны и представлены деталями односторонних наборных расчесок. Датировка обнаруженного производственного комплекса – рубеж XI–XII вв., что изменяет устойчивые представления исследователей о бытовании таких вещей не позднее XI века. На сегодняшний день известно о 27 односторонних наборных расческах и их футляров с территории средневекового Пскова, но косторезная мастерская, занимавшаяся их изготовлением, обнаружена впервые. При работе с материалами раскопа удалось частично реконструировать планировку этого участка Пскова и связать работу и жизнь мастера-костореза с конкретными археологическими объектами. Важно отметить не только датировку выявленного производственного комплекса, выходящую за рамки устоявшихся представлений, но и узкоспециализированную его направленность, а также факт, что производимая категория изделий традиционно связывается с элитарными слоями населения. Производство таких вещей – это не бытовая обработка кости или рога, а высокохудожественная работа. Аккуратно и симметрично сделанные, зачастую богато орнаментированные, такие вещи изготовлялись специально на продажу. Изготовление односторонних наборных расчесок – сложный и трудоемкий процесс, большинство исследователей косторезного дела Северной Европы согласны во мнении об узкой специализации подобных мастеров.

Ключевые слова: археология, средневековый Псков, Завеличье, косторезное дело, производственный комплекс, обработка рога, односторонние наборные расчески, рубеж XI–XII вв., планировка участка города, скандинавские культурные традиции

Благодарности: хочется высказать слова признательности начальнику раскопа – Сергею Владимировичу Степанову за возможность работы с полевыми материалами, не вошедшими в основной текст отчета, консультативную поддержку и предоставленную возможность публикации материалов.

Для цитирования: Фисенко А.В. Косторезная мастерская гребенщика XI–XII вв. на территории района Завеличье г. Пскова // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 49–63. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-49-63

Archaeology

Original article

Workshop for manufacturing single-sided combs in XI-XII centuries on the territory of the Zavelichie district of the city of Pskov

Alexei V. Fisenko [1, 2]

[1] State Budgetary Institution of Culture of the Pskov Region “Archaeological Center of the Pskov Region”, Pskov, Russia
[2] Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

© Фисенко А.В., 2023

Abstract. The article publishes the materials of the Klimentovsky-6 excavation in 2017 in Pskov. During the archaeological research on the left bank of the Velikaya River a collection of 240 finds was assembled. A significant part of the finds from bone raw materials - 31 units are items which mark the presence of the manufacture of objects from bone - blanks of products and production waste from dense horn and animal bones. An analysis of the product blanks made it possible to establish that they are of the same type and are represented by the details of single-sided type-setting combs. The dating of the discovered production complex is the turn of the 11th-12th centuries, which changes the researchers' stable ideas about the use of such things before the 11th century. To date, 27 one-sided typesetting combs and their cases are known from the territory of medieval Pskov, but the bone carving workshop that made them was discovered for the first time. Working with excavation materials, it was possible to partially reconstruct the layout of this section of Pskov and link the work and life of the master bone carver with specific archaeological objects. It is important to note not only the dating of the identified production set, which goes beyond the established notions, but also its highly specialized focus, as well as the fact that the manufactured category of products is traditionally associated with the elite strata of the population. The production of such things is not a household processing of bone or horn, but a highly artistic work. Neatly and symmetrically made, often richly ornamented, such things were made especially for sale. The manufacture of single-sided type-setting combs is a complex and time-consuming process, most researchers of the bone-carving business of Northern Europe agree on the narrow specialization of such craftsmen.

Keywords: archeology, medieval Pskov, Zavelichie, bone carving, production complex, horn processing, single-sided typesetting combs, turn of the XI-XII centuries, planning of the city site, Scandinavian cultural traditions

Acknowledgements: I would like to express my gratitude to the head of the excavation, Sergey Vladimirovich Stepanov for the opportunity to work with field materials that were not included in the main text of the scientific report, for advisory support and for the opportunity to publish materials.

For citation: Fisenko A.V. (2023) Workshop for manufacturing single-sided combs in XI-XII centuries on the territory of the Zavelichie district of the city of Pskov. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 49-63. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-49-63

В ходе полевого сезона 2016–2017 гг., на левом берегу р. Великой на участке строительства гражданских зданий (по адресу: ул. Красноармейская, д. 2) в Пскове были проведены крупные охранные археологические раскопки. Исследованная раскопами площадь составила 4763 кв. м. Раскопы получили шифр – Климентовские[5].

Основным поводом для публикации послужили итоги исследования на Климентовском-6 раскопе, который располагался восточнее основной изучаемой площадки (рис. 1). Раскоп площадью 645 кв. м имел прямоугольную в плане форму, вытянутую по линии север – юг с отклонением длинной оси на 10 градусов к западу от направления на север. Площадь раскопа была разделена на 10 участков (А–К). В ходе изучения предматериковых и материковых отложений были установлены наиболее высокие точки древней дневной поверхности (участки А и В), которые соотносятся с северо-западной частью раскопа. С участков Г, Д начинался резкий перепад древней дневной поверхности с отклонением в юго-восточном направлении. По глубинам общий перепад между крайними точками раскопа по оси север – юг достигал порядка 2,5 м. Относительно ровная площадка была отмечена лишь в южной части раскопа – на участках И, К. Эти участки попали в зону первой береговой террасы левого берега р. Великой (рис. 2). По итогам археологических работ, на основе вещевой коллекции и сопоставительного анализа изменения форм керамических сосудов, установлены общие датировки культурных отложений, они ограничены рамками – рубеж XI–XII – XVIII вв., при мощности средневекового культурного слоя 1,2 метра[6] (Степанов, 2018. С. 3)[7].

Общий состав остеологической коллекции. Общее число собранного остеологического материала по раскопу составило 7869 ед., из этого числа законченные формы изделий – 19 ед., предметы-маркеры косторезного ремесла – 31 ед. и кухонные остатки – 7822 ед. Находки, связанные с деятельностью костореза, были сгруппированы в

[5] Раскопы получили свой шифр по расположенной поблизости церкви Климента Папы Римского, памятника архитектуры XIV в.

[6] Общая мощность антропогенных отложений достигала 2,6 м.

[7] Степанов С.В. Отчет об археологических раскопках в 2017 году в г. Пскове по адресу: ул. Красноармейская, д. 2 (Климентовский VI раскоп) // Архив ИА РАН. 2018. Ф-1. Р-1. № 56345.

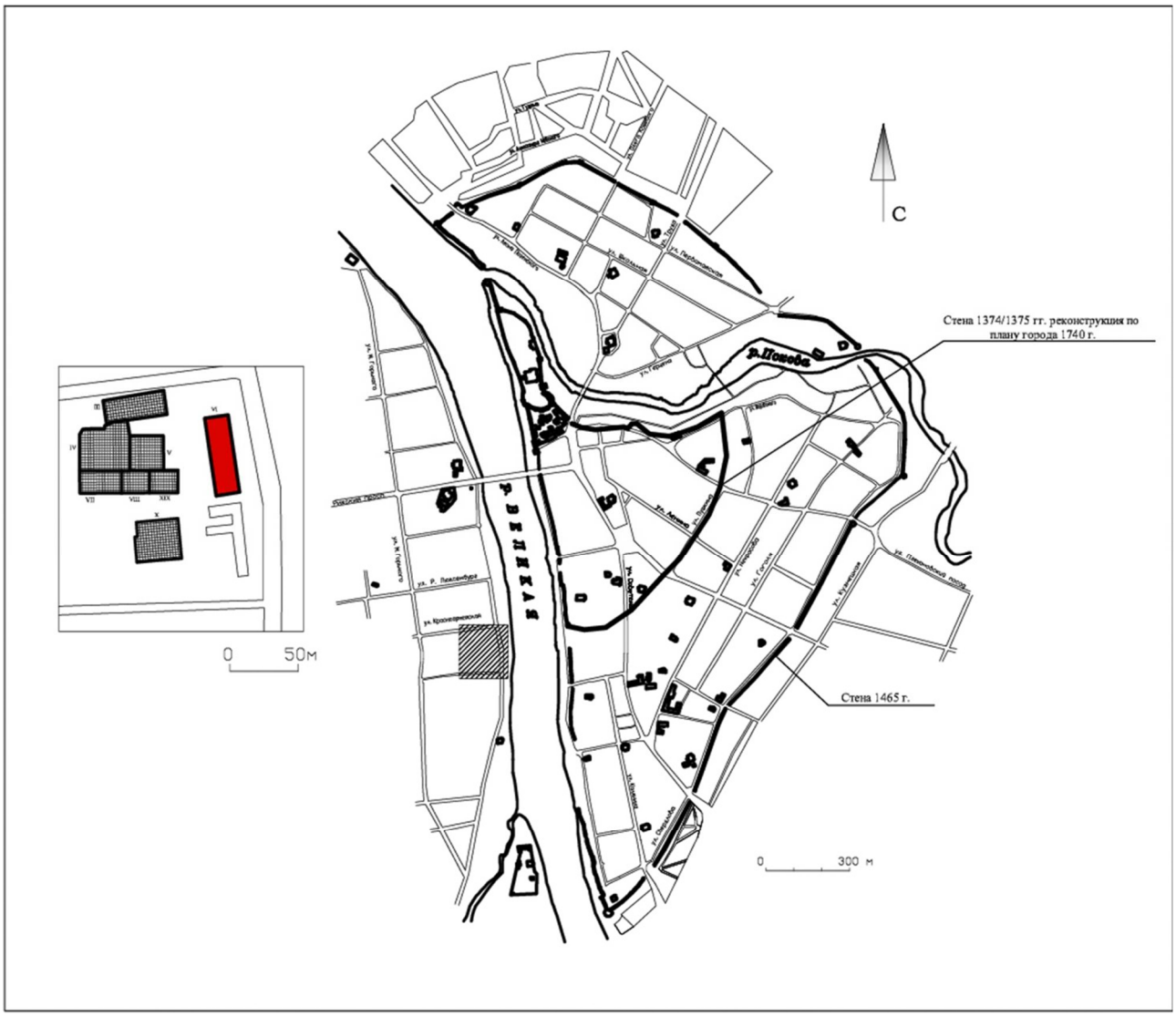

Рис. 1. Расположение Климентовского-6 раскопа на карте г. Пскова *(раскоп обозначен красным цветом)*
Fig. 1. Location of the Klimentovsky-6 excavation area on the map of Pskov *(the excavation showed by red color)*

южной части раскопа, где выявлены наиболее активные следы жизни человека древнерусского времени (участки И, К). На площадь этих двух участков приходится 91 % находок: уч. К – 63 % и уч. И – 28 %, также единичные находки сделаны на участках Ж и З, которые примыкают к указанным участкам.

Состав сырья предметов-маркеров косторезного ремесла, атрибуция заготовок. Состав сырья маркеров косторезного ремесла представлен преимущественно плотным рогом. Всего таких находок 31 ед., из них спилы плотного рога – 18 ед., заготовки изделий – 12 ед. Одна находка представлена спилом трубчатой кости крупного рогатого скота.

Анализ технологии получения заготовок из плотного рога показал, что они однотипны и представлены деталями односторонних наборных расчесок, среди которых есть заготовки накладок – 6 ед. и заготовки зубчатых пластин – так же 6 ед. (рис. 3.1–12; табл. 1). Если атрибуция части анализируемых находок как заготовок накладок односторонних наборных расчесок и двух заготовок зубчатых пластин не вызывают сомнений (рис. 3.1–8), то другие находки (рис. 3.9–12) нами были определены в качестве заготовок зубчатых пластин исходя из принципа изготовления конструктивной части расчески. Для изготовления этих частей выбирались прямые участки рога, из которых выпиливались цилиндры, впоследствии цилиндры распиливались или раскалывались продольно и, таким образом, получались заготовки зубчатых пластин. Мы исходили из того, что тол-

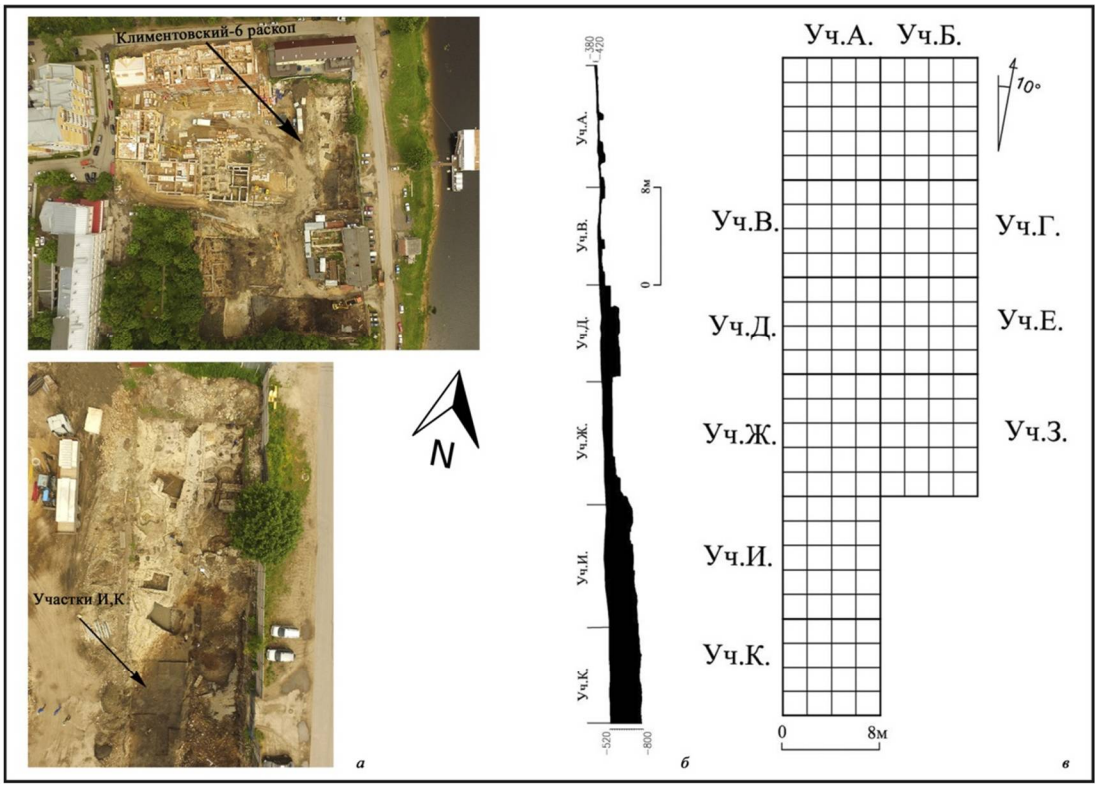

Рис. 2. План разбивки Климентовского-6 раскопа с обозначением участков: *а – общий вид на раскоп с воздуха (фотография выполнена Р.Г. Подгорной. Из личного архива С.В. Степанова); б – западный профиль раскопа; в – план разбивки раскопа*

Fig. 2. Plan of the Klimentovsky-6 excavation with the designation of sites: *a - general view of the excavation area from the air (photo taken by R.G. Podgornaya. From the personal archive of S.V. Stepanov); б - western wall of the excavation area; в – excavation plan*

щина обнаруженных спилов плотного рога[8], которые были расколоты продольно, позволяла мастеру использовать эти фрагменты в качестве заготовок для пластин с зубцами.

Характеристика заготовок накладок и отходов косторезного ремесла. По итогам анализа морфологических особенностей и размерных характеристик заготовок накладок определено, что законченные изделия в длину не должны были превышать 10–15 см, высота изделий не превышает 1–1,5 см, толщина не превышает 1 см (рис. 4). Такие размеры заготовок характерны для «второй группы гребенок» по разработанной классификации О.И. Давидан на материалах Старой Ладоги (Давидан, 1962). Особенностями этой группы являются малые размеры – их длина варьирует от 8 до 16,2 см, ширина накладок 1–1,7 см, толщина 3,5–5,5 см. Из заготовок накладок выделяется только одна, которая сохранилась фрагментарной и имеет треугольное сечение (рис. 3.5) об этой накладке мы поговорим ниже.

Коллекция отходов косторезного ремесла представлена фрагментами разных частей плотного рога. Основную долю остатков от процесса первичной разделки сырья занимают боковые части лопаты рога – 8 ед., отпиленные кончики веток рога – 3 ед. Также выявлены 2 розетки рога, добытые как способом сезонного сбора сброшенных рогов, так и экземпляр с фрагментом черепа животного – это указывает на то, что сырье костореза было снято с убитого животного. Остальные находки представляют собой небольшие сколы, оставшиеся в момент отделения плотной части рога от серединной (губчатой) – 5 ед.

В силу обнаружения узкоспециализированного производственного комплекса, связанного с изготовлением сложных в производстве изделий, привлекает внимание общий состав находок из кости: три фрагмента накладок односторонних расчесок (все они орнаментированы), два фрагмента пластин с отверстиями и заклепками от наборных расчесок,

[8] Толщина роговых пластин варьирует у разных заготовок от 11,5 до 31,5 мм.

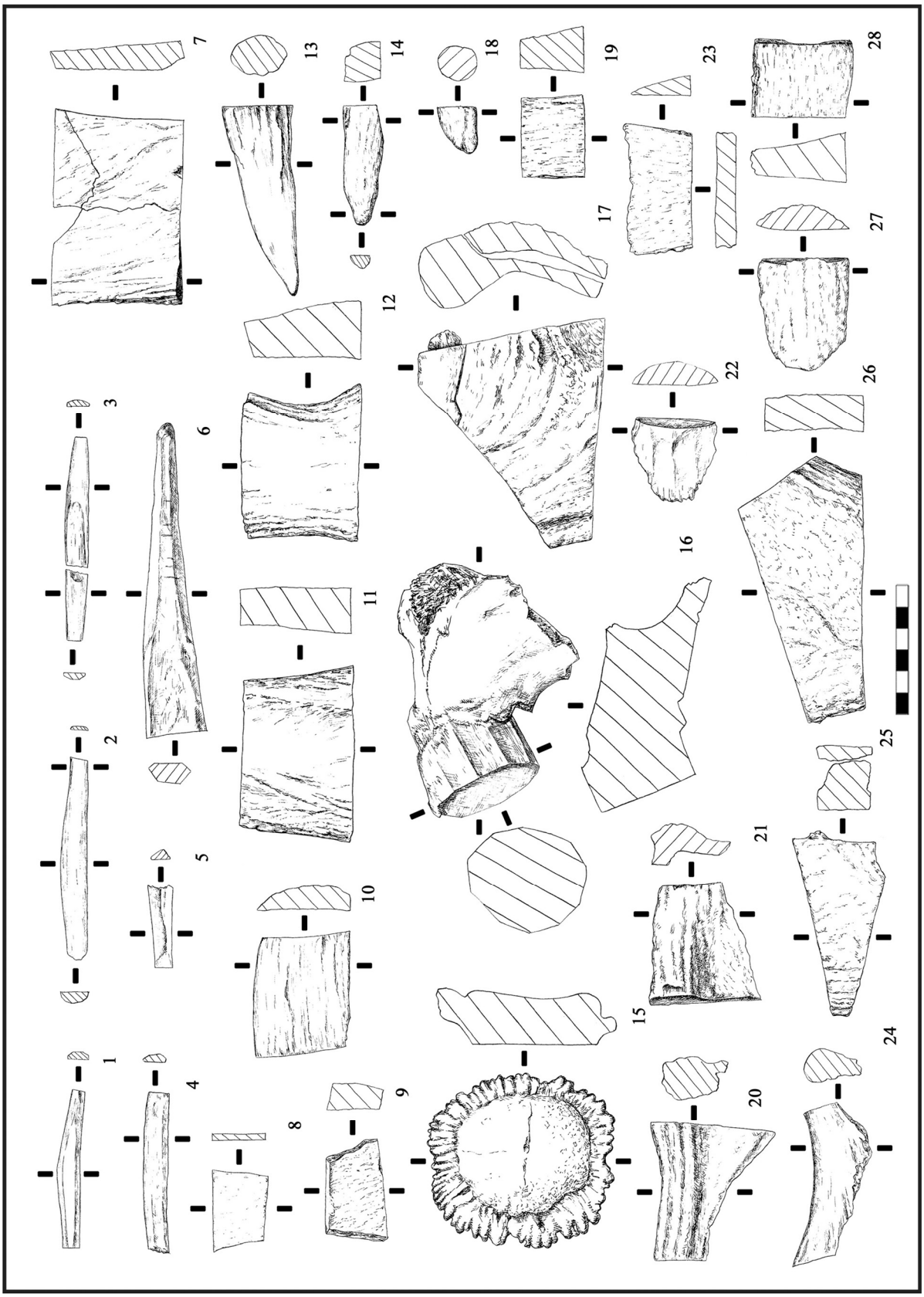

Рис. 3. Коллекция маркеров косторезного ремесла XI–XII вв. Климентовский-6 раскоп
Fig. 3. Collection of production wastes and blanks of bone products of the 11th-12th centuries. Klimentovsky-6 excavation area

Таблица 1. **Дополнение к рис. 3. Список индивидуальных находок**
Table 1. **Addendum to Fig. 3. List of finds**

№ на рисунке	№ по описи	название по описи	материал	уч	кв	пл	комплекс
1	81	накладки (?) заготовка	рог	З	117	36	–
2	138	накладка	рог	К	168	37	–
3	157	накладки заготовка	рог	К	175	37	–
4	217	заготовка изделия	рог	К	179	39	яма 111
5	139	накладки заготовка	рог	К	168	37	–
6	224	заготовка изделия	рог	К	178	39	яма 123
7	225	пластина	рог	К	168	39	яма 140
8	149	пластина	рог	К	168	37	–
9	152	спил рога (пластина)	рог	К	168	37	–
10	128	спил рога	рог	И	164	37	–
11,12	220	спил рога – 2 шт.	рог	К	171	38	яма 115
13	131	спил рога	рог	К	182	37	–
14	127	спил рога	рог	И	164	37	–
15	82	спил рога	рог	З	125	36	–
16	221	спил рога	рог	К	170	38	яма 116
17	46	спил рога	рог	И	153	34	–
18	78	спил рога	рог	Ж	139	36	–
19	222	спил рога	рог	К	175	38	яма 122
20	88	спил рога	рог	И	163	36	–
21	45	спил рога	рог	И	153	34	–
22	209	спил рога	рог	И	157	36	яма 71
23	148	спил рога (пластина)	рог	К	171	37	–
24	150	спил рога	рог	К	168	37	–
25	68	спилы рога	рог	И	153	35	–
26	216	спил рога	рог	К	179	39	яма 111
27	67	спил рога	рог	И	161	35	–
28	126	спил рога	рог	И	158	37	–

фрагмент копоушки, проколка и амулет (пуговица?) из зуба животного (рис. 5; табл. 2). Из этого перечня изделий только одна орнаментированная накладка (рис. 5.1) была обнаружена за пределами участков И, К, все остальные находки могут быть отнесены к работе выявленного ремесленного комплекса костореза.

Этапы производства односторонних расчесок. Реконструкция этапов производства односторонних наборных расчесок неоднократно становилась предметом исследований как зарубежных, так и отечественных специалистов. Из исследований последних 20 лет, в которых поднималась тема изготовления односторонних наборных расчесок, можно выделить работы Л.И. Смирновой, О.А. Кондратьевой, М.С. Сергеевой, М. Рийкелькхейзена, С. Эшби, Н. Экхоффа, Н. Пил и Шьерда ван Рила (Smirnova, 2005; Кондратьева, 2011; Сергєєва, 2011; Rijkelijkhuizen, 2011; Ashby, 2013; Eckhoff, 2014[9]; Pil, 2014-215[10]; Sjoerd van Riel, 2017). Несмотря на то, что специалисты продолжают описывать производственные этапы изготовления односторонних расчесок, надо признать, что преимущественно используются наработки и выводы, сформулированные еще в 40–80-х гг. XX вв. Из обширного списка литера-

[9] Eckhoff N.A. Tracing paths. A study of combs from Viking Age Iceland. Master's Thesis in Archaeology. Oslo. Department of Archaeology, Conservation and History. Faculty of Humanities. 2014. 100 p.

[10] Pil N. Comb making activity in Early Medieval Antwerp. Thesis in degree of Bachelor of Art and Archaeology. Amsterdam: Vrije Universiteit Amsterdam. 2014-2015. 75 p.

длина	высота	толщина
75 мм	9,83 – 10,81 мм	4 – 4,5 мм
94,46 мм	8,14 – 12,11 мм	2,41 – 4,33 мм
92,13 мм	7,05 – 11,04 мм	1,76 – 3,18 мм
75,08 мм	9,85 – 10,79 мм	4,1 – 4,55 мм
ф-т 38,24 мм	7,87 – 11,1 мм	3,31 – 4,75 мм
145,76 мм	8,05 – 26,95 мм	7,81 – 10,2 мм

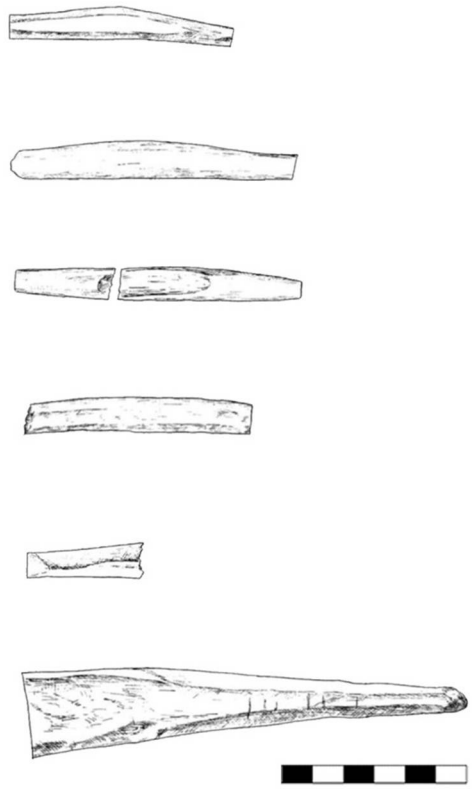

Рис. 4. Размерные характеристики заготовок накладок односторонних наборных расчесок. Климентовский-6 раскоп
Fig. 4. The dimensions of the blanks for the overlays of single-sided combs. Klimentovsky-6 excavation area

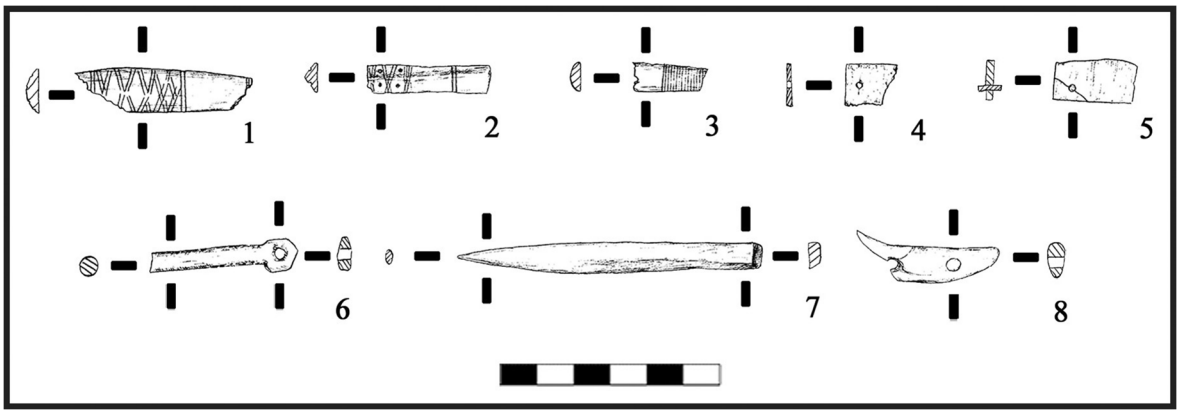

Рис. 5. Находки из кости XI–XII вв. Климентовский-6 раскоп
Fig. 5. Finds of the bone of the 11th-12th centuries. Klimentovsky-6 excavation area

туры мы бы хотели выделить работы, на которые наиболее часто ссылаются исследователи, это публикации Г. Янкуна, Е. Цнотливы, И. Ульбрихт, К. Амброзиани и А. Макгрегора (Jankuhn, 1943; Cnotliwy, 1958; Cnotliwy, 1973; Ulbricht, 1978; Ambrosiani, 1981; MacGregor, Currey, 1983; MacGregor, 1985). Касаясь этапов производства односторонних расчесок, хотелось бы выделить работу отечественного исследователя О.А. Кондратьевой (Кондратьева, 1986). На основании исследований Д.Н. Эдинга, О.И. Давидан, И. Ульбрихт, К. Амброзиани (Эдинг, 1940; Давидан, 1962; Давидан, 1968; Ulbricht, 1978; Ambrosiani, 1981) и ряда других исследователей, О.А. Кондратьевой удалось четко представить все этапы изготовления односторонних наборных расчесок VIII–XI вв. Исследовательницей была установ-

Таблица 2. **Дополнение к рис. 5. Список индивидуальных находок**
Table 2. **Addendum to Fig. 5. List of finds**

№ на рисунке	№ по описи	название по описи	материал	уч	кв	пл
1	19	накладка орнаментированная	рог	Г	69	31
2	113	накладка орнаментированная	рог	К	181	36
3	159	накладка с линейным орнаментом кальцинированная	рог	К	172	37
4	158	накладка кальцинированная с заклёпкой	рог, железо	К	176	37
5	170	накладка с заклёпкой	рог, цв. металл	К	167	38
6	155	изделие с ушком для подвешивания	рог	К	177	37
7	133	проколка	кость	К	181	37
8	134	подвеска-амулет с двумя отверстиями (пуговица?)	зуб животного	К	178	37

лена следующая очередность производственных операций:

1. Выпиливание из сырья первичных заготовок накладок и зубчатых пластин.

2. Обработка накладок и зубчатых пластин, придание им необходимой формы и пропорций.

3. Работа по нанесению орнамента на накладки.

4. Сборка гребня.

5. В собранном виде прорезка зубьев на пластинах.

6. В отдельных случаях финальным этапом изготовления расчесок была художественная раскраска (Кондратьева, 1986. С. 68).

Придерживаясь указанной последовательности технологических операций, можно утверждать, что в коллекции Климентовского-6 раскопа все заготовки относятся к 1 и 2 производственным этапам.

Датировка коллекции маркеров косторезного ремесла. Основной пик попадания в культурный слой отходов производства и заготовок изделий соотносится с пластом 37 (37 % находок), а также 38 и 39 (13 % и 19 % соответственно). На уровне 38 и 39 пластов маркеры косторезного ремесла выявлены в заполнениях ям, которые были впущены с уровня 37 пласта. Датировка 37 пласта раскопа и ям, в которых сделаны находки, соответствует рубежу XI–XII вв.

Указанная датировка не совсем укладывается в привычные хронологические рамки бытования односторонних расчесок. Начиная с публикации Б.А. Колчина 1958 г., касавшейся хронологии новгородских древностей (Колчин, 1958), в отечественной историографии сложилось устойчивое мнение, что период бытования односторонних наборных расчесок на территории Руси не выходит за рамки XI в. В дальнейшем в целом ряде узкоспециализированных работ такое представление о хронологии этой категории находок было поддержано (Давидан, 1962; Кондратьева, 1987[11]; Флерова, 2001. С. 38–40). В свете обнаружения мастерской с хорошо стратифицированным и датированным слоем такое представление о хронологии бытования односторонних расчесок нам представляется не совсем корректным.

Объяснение своей позиции хотелось бы начать с того факта, что в Новгороде известны немногочисленные находки, датировки которых 1155–1186 гг., 2 пол. XII – рубеж XII–XIII вв., 1177–1197 гг. (Смирнова, 1997. С. 177–179). Все эти находки имеют свою специфику в плане конструктивных элементов и орнаментации, являются редкими и в своем роде уникальными экземплярами. Стоит отметить, что в монографии О.А. Кондратьевой присутствуют упоминания о том, что интересующая нас категория находок из стран Скандинавии, Западной и Восточной Европы обнаруживается в слоях XII, XIII–XIV вв. (Кондратьева, 2011. С. 63–64, 72–73, 77, 83, 92–93, 97, 105, 110). Также в своей более ранней работе О.А. Кондратьева отмечала, что односторонние

[11] Кондратьева О.А. Изделия косторезного ремесла Руси IX–XI вв. как исторический источник (по материалам гребней) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1987. 23 с.

наборные расчески с линейным орнаментом имеют общеевропейскую распространенность и использовались в X–XII вв., а отдельные образцы односторонних расчесок с кружковым орнаментом были выявлены в слоях XII–XIII вв. (Кондратьева, 1997. С. 303–304). Конечно, наиболее массовое распространение эти предметы получили в хронологический период IX–XI вв. и этот факт мною не оспаривается. Тем не менее зарубежные исследователи не столь категоричны в вопросе о рамках бытования односторонних наборных расчесок. На сегодняшний день можно констатировать наметившуюся тенденцию расширения периода их использования. Так, в монографии Л.И. Смирновой мы находим таблицу наиболее значимых комплексов с односторонними наборными расческами, в которой присутствуют такие датировки как: сер. XI – нач. XII в. – г. Корк, Ирландия; нач. XI–XIV в. – г. Шлезвиг, Германия; нач. XI–XVI в. – г. Тронхейм, Норвегия; кон. XI–XIII в. – г. Уотерфорд, Ирландия (Smirnova, 2005. P. 28. Table 1). Работа Марло Рийкелькхейзена, посвященная изучению гребней из кости и рога Голландии, представляет достаточно широкий период бытования этой категории находок от IV до XIV в. Автор осторожно упоминает, что некоторые экземпляры могли храниться как ценные семейные реликвии, однако доводит период бытования односторонних наборных расчесок до XIV в. (Rijkelijkhuizen, 2011 P. 201. Fig. 8). Также можно отметить работу британского ученого Стива Эшби, посвященную типологии гребней Британии и Северной Европы. Из этой работы нам бы хотелось выделить тип 8a, который имеет следующие характеристики: односторонние гребни с заклепками и соединительной пластиной треугольной формы в сечении, размер, как правило, 10–20 см в длину. Датируется этот тип изделий периодом X–XII вв. (Ashby, 2010. P. 6)[12]. В этой связи вызывает интерес заготовка накладки, выявленная на Климентовском-6 раскопе (рис. 3.5) и законченная форма накладки (рис. 5.2), которые имеют треугольное сечение. Безусловно, говоря о производстве односторонних наборных расчесок в период рубежа XI–XII вв. мы не хотим, чтобы у читателя сложилось представление о массовости и тотальной распространенности этого факта на общеевропейской карте. Но тем не менее функционирование мастерской, занимавшейся изготовлением односторонних наборных расчесок на рубеже XI–XII вв., не противоречит общему хронологическому периоду распространения этой категории находок.

Реконструкция планировки и пространственный анализ мест обнаружения находок. Понимание общего контекста попадания в культурный слой заготовок изделий и отходов косторезного ремесла невозможно без изучения планировки участка в месте их обнаружения. С этой целью нами была проведена работа по ее реконструкции на период середины XI–XII вв. В силу плохой сохранности находок из органики – деревянных конструкций, мы воспользовались планом расположения ям, в заполнениях которых обнаружен материал обозначенного периода. В пределах раскопа суммарно выявлена и изучена 141 яма, из них 57 относятся к периоду XI–XII вв. Основной массив комплексов древнерусского периода, как ранее говорилось, был выявлен в южной части раскопа. На участке И выявлено 10 ям и на участке К – 32 ямы.

Составление сводного плана ям выявило следы частокольных канавок, постройку древнерусского времени и множество небольших ям хозяйственного назначения (рис. 6). Планировка реконструируется следующим образом. В северо-восточном углу участка И располагалась постройка, ориентированная параллельно линии частокольной канавки. Восточная часть ямы постройки нарушена поздним перекопом. Постройка имела подпрямоугольную форму, размерами сохранившихся частей 3 х 2,7 м. Она располагалась неподалеку от частокольного ограждения. Имея направления частокольных канавок, мы можем произвести реконструкцию огороженной территории. На участке И была выявлена угловая часть частокола, которая вместе с линией частокола участка К образует внутреннее пространство. Определить является ли это границей участка двора или выделением хозяйственной части не представляется возможным, так как с восточной стороны рассматриваемых участков было выявлено большое по площади пят-

[12] Ashby S. A typological guide for the Spot-Identification of medieval bone/antler combs from the British Isles and Northern Europe. 2010. 12 p. Published of the ICAZ Worked Bone Research Group. URL: https://wbrg.net/images/stories/typology/ashby_comb_typology_2010.pdf (дата обращения: 15.02.2023)

но нарушения культурного слоя, произошедшего в XX веке. Основная часть столбовых и хозяйственных ям выявлена внутри огороженной частоколом территории.

При картографировании мест обнаружения заготовок наборных расчесок и отходов косторезного ремесла оказалось, что, как и большинство хозяйственных ям, они сгруппированы внутри огороженного частоколами пространства (рис. 7).

Брак или заготовки? Локальное скопление ям и маркеров косторезного ремесла может свидетельствовать о том, что это место двора использовалось для выкидывания мусора. Для подтверждения гипотезы мы провели моделирование мест концентраций кухонных остатков, обнаруженных вне комплексов костей животных, птиц и рыб, по суммарным данным 37–38 пластов для участков И, К (рис. 8). С этих участков и пластов приходится 1151 ед. этой категории массового материала. Анализируя распределение различных костных остатков по плану раскопа на уровне изучаемых пластов, нами было обнаружено, что и «кухонные» костные остатки, и ямы с маркерами косторезного ремесла, и отдельные находки предметов и отходов косторезного ремесла в слое сгруппированы в южной и центральной частях огороженной частоколом территории. Обнаружение заготовок деталей одно-

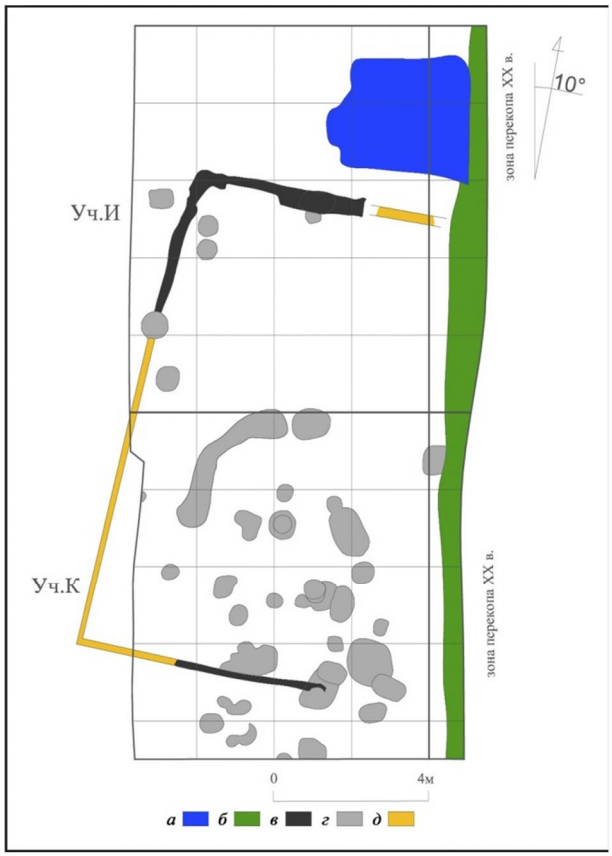

Рис. 6. Реконструкция застройки XI–XII вв. *Условные обозначения: а – постройка; б – зона нарушения культурного слоя; в – частокольные траншеи; г – хозяйственные ямы XI–XII вв.; д – реконструкция границ участка*

Fig. 6. Reconstruction of buildings set in the 11th-12th centuries. *Symbols: а - building; б - zone of disturbance of the cultural layer; в - stockade; г - pits of the 11th-12th centuries; д - reconstruction of the boundaries of the site*

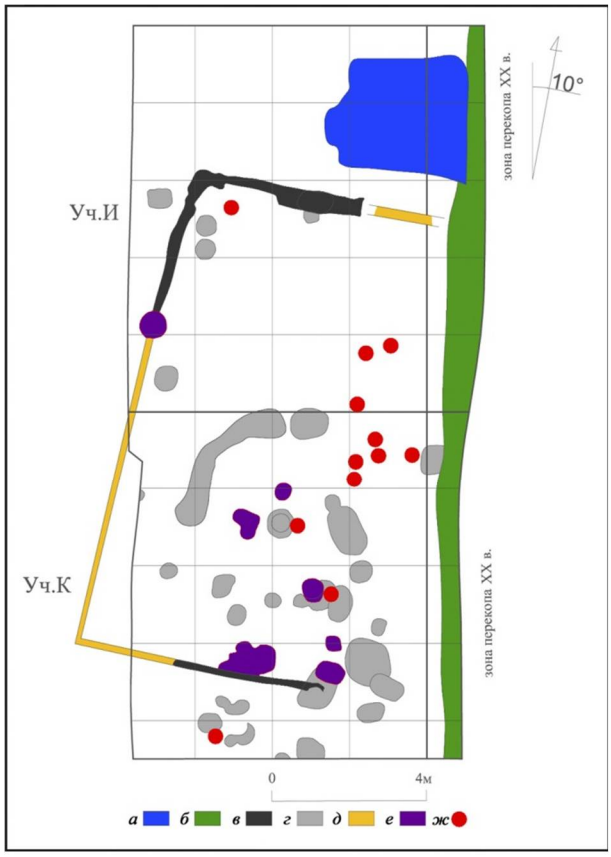

Рис. 7. Совмещение реконструкции застройки XI–XII вв. и мест обнаружения маркеров косторезного ремесла. *Условные обозначения: а – постройка; б – зона нарушения культурного слоя; в – частокольные траншеи; г – хозяйственные ямы XI–XII вв.; д – реконструкция границ участка; е – ямы с маркерами косторезного ремесла; ж – место обнаружения маркера косторезного ремесла*

Fig. 7. Combination of the reconstruction of buildings set of the 11th-12th centuries and places of detection of markers for the production of horn products. *Symbols: а - building; б - zone of disturbance of the cultural layer; в - stockade; г - pits of the 11th-12th centuries; д - reconstruction of the boundaries of the site; е - pits with markers the production of horn products; ж - place of detection of a marker for the production of products from horn*

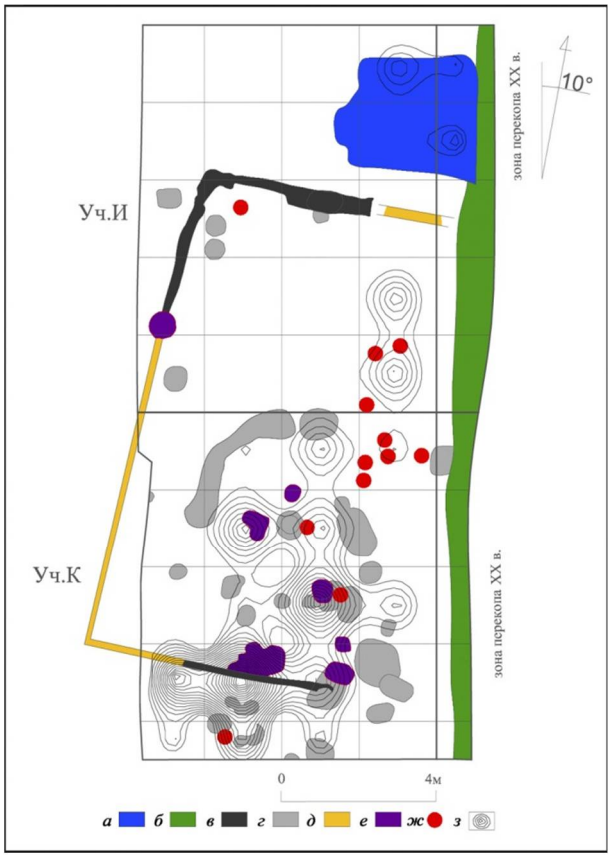

Рис. 8. Совмещение реконструкции застройки XI–XII вв., мест обнаружения маркеров косторезного ремесла и модели концентраций кухонных остатков (минимальный контур 20 ед., шаг горизонталей 5 ед.). *Условные обозначения: а – постройка; б – зона нарушения культурного слоя; в – частокольные траншеи; г – хозяйственные ямы XI–XII вв.; д – реконструкция границ участка; е – ямы с маркерами косторезного ремесла; ж – место обнаружения маркера косторезного ремесла; з – распределение кухонных остатков*

Fig. 8. Combination of the reconstruction of buildings set of the 11th-12th centuries, the places of detection of markers for the production of horn products and the model of kitchen waste concentrations (minimum contour 20 units, horizontal step 5 units). *Symbols: а - building; б - zone of disturbance of the cultural layer; в - stockade; г - pits of the 11th-12th centuries; д - reconstruction of the boundaries of the site; e- pits with markers the production of horn products; ж - place of detection of a marker for the production of products from horn; з - distribution of kitchen waste*

сторонних расчесок в местах концентраций кухонных остатков и в заполнении ям с бытовыми отходами говорит о том, что они были отбракованы во время изготовления изделий.

Приезжий мастер или «местная традиция»? Безусловно, односторонние наборные расчески относятся к типу раннесредневековых североевропейских древностей. Обнаружение производственного комплекса Климентовского-6 раскопа ставит перед исследованием ряд вопросов. Во-первых, являлся ли мастер носителем скандинавской культуры, а выявленный производственный комплекс отражением торговых и культурных связей со Скандинавией или его нужно рассматривать в контексте местной, переосмысленной традиции? Во-вторых, производил ли мастер символ, выраженный в законченной форме изделия или копию, которая соответствует определенной идее (Хейзинга, 2011. С. 233)? В-третьих, производил ли мастер предмет с сугубо утилитарной функцией или в изделии присутствовала определенная семантика? В наиболее общем виде все эти вопросы сводятся к изучению феномена присутствия скандинавского субстрата в жизни средневековых городов Северо-Западной Руси. На весь ряд поставленных вопросов ответить не представляется возможным. Тем не менее на сегодняшний день у исследователей относительно раннесредневекового Пскова сложилась устойчивая позиция о присутствии постоянного сравнительно немногочисленного скандинавского этнического компонента, который был представлен в основном торговцами, участвовавшими в международном обмене (Седов, 2003; Яковлева, Салмина, Королева, 2012. С. 159). Наиболее заметно это выражено на примере статусных погребений древнерусского некрополя Пскова[13] (Малышева, 2012. С. 90). Немаловажным замечанием будет тот факт, что в Пскове в раннесредневековое время было несколько могильников: на территории Среднего города, на территории Окольного города, на Завеличье и на Запсковье (Пушкина, 2012. С. 23. Рис. 5). Могильники в Завеличье и Запсковье, вероятно, использовались жителями небольших поселений, вошедших в структуру города немного позднее. Как отмечают исследователи, процесс градообразования привел к усложнению этнического состава населения и появлению ранее не проживавших на этой территории этнических групп. Археологически это фиксируется в вещевых комплексах (фибулах, ременной гарнитуре, предметах культа), которые уверенно маркируют скандинавскую культурную традицию. Из 80 изученных

[13] Общая датировка псковского некрополя X – нач. XI в.

погребений некрополя 5 могут быть отнесены к скандинавским. Захоронения скандинавов на городском кладбище, которые рассредоточены среди других погребений, а также находки скандинавских украшений не в слое некрополя указывают на то, что увеличение числа жителей Пскова в ранний период происходило не только за счет ближайших поселений, но и за счет приезжего элемента (Пушкина, 2012. С. 25). Безусловно, процесс усложнения этнического состава населения продолжался параллельно с процессом развития г. Пскова как значимого политического, экономического и духовного центра Северо-Западной Руси.

Изученный производственный комплекс Климентовского-6 раскопа располагался на территории района Завеличье, датируется рубежом XI–XII вв. Это период, когда перестают активно функционировать могильники Пскова, а Завеличье входит в структуру города. Очевидно, что с прекращением функционирования некрополей, выходцы из Скандинавии и носители скандинавской культуры не исчезают в Пскове, устоявшиеся торговые связи не прекращаются. С расширением города и посада жители небольших поселений вливаются в общегородское пространства и постепенно становятся «псковичами». Обнаружение изучаемых находок на территории жилого двора свидетельствует о стационарном производстве и о том, что мастер-косторез проживал непосредственно на территории этого двора. Очевидным является тот факт, что ремесленник был знаком с технологической цепочкой (стратегией) изготовления сложных в производстве изделий. Безусловно, производство односторонних наборных расчесок – это не местная традиция, а заимствование. Весьма сложно ответить на вопрос о самоидентификации мастера-костореза, так как он мог быть как «странствующим» ремесленником (Ambrosiani, 1981) – носителем различных производственных традиций, который по какой-то причине осел в Пскове, так и торговцем-ремесленником непосредственно из Скандинавии. Еще одним возможным вариантом является потомок ранее приехавших мастеров, который проживал уже несколько поколений в Пскове и изготавливал изделия по «старине», также это мог быть местный производитель, полностью восстановивший процесс изготовления товара, на который был спрос. Тем не менее мастер-косторез придерживался определенных эстетических норм, безусловно, связанных со скандинавской традицией, которые уже были сформированы у местных покупателей. Выявленный производственный комплекс отражает общую совокупность торговых, культурных и местных традиций, отражает реалии крупного центра Древней Руси на стыке культур.

Заключение. Важно отметить не только датировку выявленного производственного комплекса, выходящую за рамки устоявшихся представлений, но и узкоспециализированную его направленность, а также факт, что производимая категория изделий традиционно связывается с элитарными слоями населения. Производство таких вещей – это не бытовая обработка кости или рога, а высокохудожественная работа. Аккуратно и симметрично сделанные, зачастую богато орнаментированные, такие вещи изготовлялись специально на продажу. Изготовление односторонних наборных расчесок – сложный и трудоемкий процесс. Большинство исследователей косторезного дела Северной Европы согласны с мнением об узкой специализации подобных мастеров.

Список источников

Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1962. № 4. С. 95–108.

Давидан О.И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1968. № 10. С. 54–63.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Советская археология. 1958. № 2. С. 92–111.

References

Davidan O.I. (1962) Combs of Staraya Ladoga. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha = Archaeological Collection of the State Hermitage*. No. 4. P. 95-108. (In Russ.).

Davidan O.I. (1968) On the question of the origin and dating of the early combs of Staraya Ladoga. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha = Archaeological Collection of the State Hermitage*. No. 10. P.54-63. (In Russ.).

Kolchin B.A. (1958) Chronology of Novgorod antiquities. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet Archeology*. No. 2. 92-111. (In Russ.).

Кондратьева О.А. Технология производства средневековых односторонних наборных гребней // Археология и история Пскова и Псковской земли : тезисы докладов предстоящей научно-практической конференции. Псков, 1986. С. 67–70.

Кондратьева О.А. Древнерусские гребни IX–XI вв.: местное производство и общеевропейские традиции // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: В 2 т. СПб. – Псков : Невельская типография, 1997. Т. 1. С. 300–308.

Кондратьева О.А. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России. СПб. : Российский этнографический музей, 2011. 242 с.

Малышева Н.Н. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города) // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века : в 2-х т. Т. 1: Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города). СПб. : Нестор-История, 2012. С. 26–90.

Пушкина Т.А. Раннегородские могильники Древней Руси IX–XI вв. (несколько предварительных наблюдений) // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века : в 2-х т. Т. 1: Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города). СПб. : Нестор-История, 2012. С. 5–25.

Седов В.В. Становление Пскова // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания) : материалы Международной научной конференции : в 2 т. М. : Московский государственный университет печати, 2003. Т. 1. С. 8–18.

Смирнова Л.И. К вопросу о верхней границе бытования односторонних составных гребней в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология : материалы научной конференции, Новгород, 28–30 января 1997 г. Вып. 11. 1997. С. 176–182.

Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII века: искусство и ремесло (по материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб. : Алетейя, 2001. 252 с.

Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 409 с.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала: из истории

Kondrat'eva O.A. (1986) Technology for the production of single-sided combs. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli: tez. dokladov predstoyashchei nauchno-prakticheskoi konferentsii = Archeology and History of Pskov and the Pskov Land*. *Proceedings of the Science-Practice Conference.* Pskov. P. 67-70. (In Russ.).

Kondrat'eva O.A. (1997) Old Russian combs of the 9th-11th centuries: local production and common European traditions. In 2 Vol. *Pamyatniki stariny. Kontseptsii. Otkrytiya. Versii = Sites of Antiquity. Concepts. Discoveries. Versions.* St. Petersburg - Pskov: Nevel printing house. Vol. 1. P. 300-308. (In Russ.).

Kondrat'eva O.A (2011) Combs of the 9th-19th centuries in everyday life, rituals, folklore, crafts and artistic creativity of Ancient Rus' - Russia. St. Petersburg: Russian Museum of Ethnography. 242 p. (In Russ.).

Malysheva N.N. (2012) Early city necropolis of ancient Pskov (based on materials from excavations on the territory of the Middle City). *Drevnerusskii nekropol' Pskova X - nachala XI veka: v 2-kh t. T.1: Rannegorodskoi nekropol' drevnego Pskova (po materialam raskopov na territorii Srednego goroda) = Old Russian necropolis of Pskov of the 10th - early 11th centuries: in 2 vol. Vol. 1. Early city necropolis of ancient Pskov (based on materials from excavations on the territory of the Middle City)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. P. 26-90. (In Russ.).

Pushkina T.A. (2012) Early city burial grounds of Ancient Rus' of the 9th-11th centuries. (several preliminary observations). *Drevnerusskii nekropol' Pskova X - nachala XI veka: v 2 t. T. 1: Rannegorodskoi nekropol' drevnego Pskova (po materialam raskopov na territorii Srednego goroda) = Old Russian necropolis of Pskov of the 10th - early 11th centuries: in 2 vol. Vol. 1. Early city necropolis of ancient Pskov (based on materials from excavations on the territory of the Middle City)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. P. 5-25. (In Russ.).

Sedov V.V. (2003) Formation of Pskov. *Pskov v rossiiskoi i evropeiskoi istorii (k 1100-letiyu pervogo letopisnogo upominaniya): materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 2 t. = Pskov in Russian and European history (to the 1100th anniversary of the first annalistic mention): Proceedings of the International Scientific Conference: in 2 vol.* Moscow: Moscow State University of Printing Arts. Vol.1. P. 8-18. (In Russ.).

Smirnova L.I. (1997) On the issue of the upper limit of the existence of single-sided composite combs in Novgorod. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii = Novgorod and Novgorod land. History and archeology. Proceedings of the Scientific Conference.* Novgorod. Iss. 11. P. 176-182. (In Russ.).

Flerova V.E. (2001) Carved bone of the south-east of Europe of the 9th–12th centuries. St. Petersburg: Aleteiya. 252 p. (In Russ.).

Kheizinga I. (2011) Homo Ludens. A study of the play-element in culture. St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha. 409 p. (In Russ.).

Eding D.N. (1940) Carved sculpture of the Urals: from

звериного стиля. М. : Государственный исторический музей, 1940. 104 с.

Яковлева Е.А., Салмина Е.В., Королева Э.В. Псков // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М., Вологда : ИАРАН, Древности Севера, 2012. С. 138–162.

Ambrosiani K. Viking Age Combs, Comb Making and Comb Makers: In the Light of Finds from Birka and Ribe. Stockholm: Department of Archaeology, North-European, University of Stockholm, 1981. 175 p.

Ashby S.P. Making a Good Comb: Mercantile Identity in 9th to 11th-century England // Everyday Life in Viking Towns. Oxford: Oxbow Books, 2013. pp. 193-208.

MacGregor A.D., Currey J.D. Mechanical Properties as Conditioning Factors in the Bone and Antler Industry of the 3rd to the 13th Century AD // Journal of Archaeological Science. Vol. 10. Iss. 1. 1983. Pages 71-77.

MacGregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn. The Technology of Skeletal Materials Since the Roman Period. Croom Helm, London. 1985. 245 p.

Rijkelijkhuizen M. Dutch medieval bone and antler combs // Written in Bones: Studies on Technological and Social Contexts of Past Faunal Skeletal Remains. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, Instytut Archeologii, 2011. pp. 197-207.

Sjoerd van Riel. Viking age combs. Local products or objects of trade? // Lund Archaeological Review, 2017. Vol. 23. pp. 163-178.

Smirnova L. Comb-making in Medieval Novgorod (950-1450): An Industry in Transition. Oxford: BAR Publishing, 2005. 334 p.

Jankuhn, H. Die Ausgrabungen in Haithabu (1937-1939). Vorläufiger Grabungsbericht. (= Deutsches Ahnenerbe; Das Ahnenerbe, Reihe B: Fachwissenschaftl. Unters. Abt. Arbeiten zur Vor- u. Frühgeschichte; Band 3). Berlin-Dahlem, Ahnenerbe-Stiftung Verlag, 1943. 231 S. (In German).

Ulbricht I. Die Geweihverarbeitung in Haithabu. Die Ausgrabungen in Haithabu. Karl Wachholtz Verlag Neuműnster, 1978. 151 p. (In German).

Cnotliwy E. Wczesnosredniowieczne przedmioty z rogu i kosci z Wolina, ze stanowiska 4 // Materialy Zachodnio-pomorskie. T. 4, 1958, 155-240. (In Polish).

Cnotliwy E. Rzemiosło rogownicze na Pomorzu wczesnośredniowiecznym. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1973. 331 s. (In Polish).

Сергєєва М.С. Косторізна справа у Стародавньому Києві. К.: КНТ, 2011. 256 с.

Yakovleva E.A., Salmina E.V, Koroleva E.V. (2012) Pskov. *Rus' v IX–XI vekakh: arkheologicheskaya panorama = Rus' in the 9th–11th centuries: an archaeological panorama.* Moscow; Vologda: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Antiquities of the North. P. 138-162. (In Russ.).

Ambrosiani K. Viking Age Combs, Comb Making and Comb Makers: In the Light of Finds from Birka and Ribe. Stockholm: Department of Archaeology, North-European, University of Stockholm, 1981. 175 p.

Ashby S.P. Making a Good Comb: Mercantile Identity in 9th to 11th-century England // Everyday Life in Viking Towns. Oxford: Oxbow Books, 2013. pp. 193-208.

MacGregor A.D., Currey J.D. Mechanical Properties as Conditioning Factors in the Bone and Antler Industry of the 3rd to the 13th Century AD // Journal of Archaeological Science. Vol. 10. Iss. 1. 1983. Pages 71-77.

MacGregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn. The Technology of Skeletal Materials Since the Roman Period. Croom Helm, London. 1985. 245 p.

Rijkelijkhuizen M. Dutch medieval bone and antler combs // Written in Bones: Studies on Technological and Social Contexts of Past Faunal Skeletal Remains. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, Instytut Archeologii, 2011. pp. 197-207.

Sjoerd van Riel. Viking age combs. Local products or objects of trade? // Lund Archaeological Review, 2017. Vol. 23. pp. 163-178.

Smirnova L. Comb-making in Medieval Novgorod (950-1450): An Industry in Transition. Oxford: BAR Publishing, 2005. 334 p.

Jankuhn, H. Die Ausgrabungen in Haithabu (1937-1939). Vorläufiger Grabungsbericht. (= Deutsches Ahnenerbe; Das Ahnenerbe, Reihe B: Fachwissenschaftl. Unters. Abt. Arbeiten zur Vor- u. Frühgeschichte; Band 3). Berlin-Dahlem, Ahnenerbe-Stiftung Verlag, 1943. 231 S. (In German).

Ulbricht I. Die Geweihverarbeitung in Haithabu. Die Ausgrabungen in Haithabu. Karl Wachholtz Verlag Neuműnster, 1978. 151 p. (In German).

Cnotliwy E. Wczesnosredniowieczne przedmioty z rogu i kosci z Wolina, ze stanowiska 4 // Materialy Zachodnio-pomorskie. T. 4, 1958, 155-240. (In Polish).

Cnotliwy E. Rzemiosło rogownicze na Pomorzu wczesnośredniowiecznym. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1973. 331 s. (In Polish).

Sergeeva M.S. (2011) Bone-cutting business in ancient Kyiv. Kyiv: KNT. 256 p. (In Ukrainian).

Информация об авторе

Фисенко Алексей Владимирович,
научный сотрудник отдела по организации и координации работ по сохранению археологического наследия,

Information about the author

Alexey V. Fisenko,
Researcher at the Department for Organization and Coordination of Work on the Preservation, Archaeological Heritage of the State Budgetary Institution of

Государственное бюджетное учреждение культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области»,
180006, г. Псков, ул. Герцена, 1/1, Россия;
соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Институт археологии РАН,
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Россия,
e-mail: F1son@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0006-2019-6217

Вклад автора

Фисенко А.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2023 г.; одобрена после рецензирования 1 марта 2023 г.; принята к публикации 6 марта 2023 г.

Culture of the Pskov Region "Archaeological Center of the Pskov Region".
1/1, Herzen St., Pskov 180006, Russia,
Applicant for the degree of candidate of historical sciences, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences,
19, Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117292, Russia,
e-mail: F1son@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0006-2019-6217

Contribution of the author

Fisenko A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 10, 2023; approved after reviewing March 1, 2023; accepted for publication March 6, 2023.

Археология

Научная статья
УДК 908
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-64-81

В поисках саянских городищ

С.В. Снопков [1, 2]

[1] Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
[2] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Искусственные оградительные сооружения – «городища» – широко представлены в археологии Прибайкалья. Начиная с XIX века в литературе упоминаются находки подобных сооружений в юго-западной части Прибайкалья, в том числе в Тункинской и Окинской долинах. Обнаружение «древнего города» в предгорьях Тункинских Альп относится к 1809 году. В следствие особого внимания, проявленного Иркутским губернатором Трескиным к находке, было организовано изучение этого памятника. В результате присутствие «древних развалин» было подтверждено, но их происхождение и назначение остались невыясненными. Позднее территория, где были обнаружены развалины, привлекла внимание геологов, так как там были обнаружены необычные известняки. Сопоставление этих сообщений показало, что речь идет об одних и тех же объектах. О необычном холме в долине реки Оки, похожем на искусственную насыпь, сообщил известный географ П.А. Кропоткин в 1875 г. Проведенные Детским центром «Лазурит» экспедиции показали, что указанные объекты не являются рукотворными сооружениями, а представляют собой геологические памятники, образовавшиеся под влиянием ряда геологических факторов. «Древний монгольский город» на самом деле оказался известковыми отложениями (травертинами), образовавшимися при осаждении карбоната кальция из воды минерального источника Субургын-Аршан. Сложные формы травертинов – террасы, барьеры, стены – создали ландшафт, напоминающий древние сооружения. «Китайская насыпь» в долине реки Оки оказалась фрагментом конечной морены (ледниковых отложений) одного из горных ледников Бельских гольцов Восточных Саян. В результате эрозионной деятельности рек Ока и Гарган один из моренных холмов приобрел форму похожую на искусственную насыпь.

Ключевые слова: городища, юго-западное Прибайкалье, Тункинская долина, Окинская долина, минеральный источник Субургын-Аршан, травертины, ледниковые отложения, И.Д. Черский, П.А. Кропоткин

Для цитирования: Снопков С.В. В поисках саянских городищ // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 64–81. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-64-81

Archaeology

Original article

In search of Sayan settlements

Sergey V. Snopkov [1, 2]

[1] Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
[2] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. Artificial defensive structures – “settlements” – are widely represented in the archeology of the Baikal region. Since the XIX century, finds of similar structures in the southwestern part of the Baikal region, including in the Tunka and Oka valleys, have been mentioned in the literature. The discovery of the “ancient city” in the foothills of the Tunka Alps dates back to 1809. As a result of the special attention shown by the Irkutsk governor Treskin to the find, a study of this site was organized. As a result, the presence of “ancient ruins” was confirmed, but their origin and purpose remained unclear. Later, the area where the ruins were discovered attracted the attention of geologists as unusual limestones were discovered there. Comparison of these messages showed that we are talking about the same objects. The famous geographer P.A. Kropotkin reported about an unusual hill in the valley of the Oka River similar to an artificial embankment in 1875. The expeditions conducted by the Children's Center “Lazurit” showed that these objects are not artificial structures, but are geological sites formed under the influence of a number of geological factors. The “ancient Mongolian city” actually turned out to be calcareous deposits (travertines) formed during the deposition of

© Снопков С.В, 2023

calcium carbonate from the water of the mineral spring Suburgyn-Arshan. The complex forms of travertines – terraces, barriers, walls – have created a landscape resembling ancient structures. The “Chinese embankment” in the valley of the Oka River turned out to be a fragment of the terminal moraine (glacial deposits) of one of the mountain glaciers of the Belsky chars of the Eastern Sayans. As a result of the erosive activity of the Oka and Gargan Rivers, one of the moraine hills acquired a shape similar to an artificial embankment.

Keywords: settlements, South-Western Baikal region, Tunka Valley, Oka Valley, the mineral spring Suburgyn-Arshan, travertines, glacial deposits, I.D. Chersky, P.A. Kropotkin

For citation: Snopkov S.V. (2023) In search of Sayan settlements. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 64-81. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-64-81

Введение

Широко распространенными в Предбайкалье археологическими памятниками являются «городища». «Городищами», по определению А.В. Харинского, называются археологические объекты, выраженные в окружающем ландшафте искусственными оградительными сооружениями в форме рвов, валов, стен и каменных гряд. Эти конструкции, как правило, отделяют территорию внутри сооружения от окружающей местности, и в прошлом выполняли различные функции (Харинский, 2002. С. 109). Часть из них могла иметь оборонительный характер. Но чаще «городища» являлись маркирующей конструкцией, ограждающей сакральное культовое место от мифических врагов и потусторонних сил.

Предбайкальские «городища» представлены 5 территориальными группами: ангарской, кудинской, верхнеленской, приольхонские и северобайкальской. Наибольшим конструктивным разнообразием отличаются приольхонские «городища». К настоящему времени в Предбайкалье известна почти сотня «городищ» (Харинский, 2002. С. 109).

Первое описание ряда приольхонских «городищ» было сделано И.Д. Черским. Постройки из каменных плит и обломков он называл «каменным стенами» (Черский, 1880, С. 63). Термин «городище» к подобным археологическим памятникам в Предбайкалье был впервые применен в 1881 г. Н.Н. Агапитовым, который проводил исследования в Кудинской долине (Агапитов, 1882).

В более позднее время предбайкальские «городища» изучались Н.К. Качаловой, И.В. Асеевым, В.В. Свининым, О.И. Горюновой, А.В. Харинским и др. (Харинский, 2002. С. 110).

В 1924 г. известный археолог П.П. Хороших в описании археологических памятников Иркутского края отмечал, что «… каменные стены, остатки построек и «выкладки», подобные приольхонским, встречаются и в других областях Сибири: в Тункинской долине у Мондинского караула, по р. Оке, по рекам Иркуту, Селенге, Джиде, в северной части Монголии по р. Буксой, по р. Амур и в Енисейском крае» (Хороших, 1924. С. 32). При этом П.П. Хороших указывал, что «городища», расположенные по рекам Иркут, Буксой, Унга, Куда и Мурин, сложенные из земли и щебня, приписываются местным населением «китайцам» и называются «китайскими городищами» или «китайскими дворами» (Хороших, 1924. С. 33).

Кроме мест, указанных П.П. Хороших, следует также указать сообщения о находках каменных сооружений по долинам рек южного побережья Байкала. Одно из них опубликовано в издании «Иркутская археология: газетный компендиум советского периода». В газете «Власть труда» от 8 июля 1925 г. (№ 153), была опубликована заметка некого Малышева «Археологическая находка. Остатки каменного века (по телефону от соб. корр.) Ст. Выдрино (Заб. ж. д.)», в которой сообщалось: «Охотники на соболей, выйдя на реку Снежную, в отроги Хамар-Дабана обнаружили там древние постройки из камня. Камни покрыты надписями и изображениями человеческих голов. Около построек охотники нашли предметы домашнего обихода, сделанные из камня. Найдено несколько каменных стрел и топоров» (Иркутская археология…, 2019. С. 79). Другое сообщение относится к долине реки Солзан (хр. Хамар-Дабан). По информации местных краеведов, по левому берегу реки в нескольких километрах от автомобильной дороги находится каменная стена, высотой около 1 м.

Если предбайкальские памятники (в долинах рек Ангара, Куда и Лена; в Приольхонье и на Северном Байкале) достаточно активно изучаются, то про саянские «городища» – в Тункинской и Окинской долинах – известно мало. В 2002–2016 гг. Детским центром «Лазурит» (МБОУ СОШ № 7, п. Култук, Слюдянского района) было проведено несколько

краеведческих экспедиций по поиску и изучению «городищ» в юго-западном Прибайкалье. В статье приводятся результаты этих экспедиций.

Древние развалины вблизи поселка Аршан

В 1856 г. А.А. Мордвинов[1] в Записках СОИРГО опубликовал заметку, в которой сообщил о древних развалинах, случайно найденных «около крепости Тунка» в 1809 г. В заметке сообщалось, что в 1809 году чиновники Иркутского Губернского Правления – советник Берг и ассесор Цитович отправились на отдых «к Тункинским минеральным водам»[2]. Во время своего путешествия, осматривая окрестности, они наткнулись на остатки «какого-то древнего здания, которое они осмотрели, и доставили иркутскому гражданскому губернатору Трескину описание наружного состояния развалин» (Мордвинов, 1856. С. 13).

Губернатор проявил большой интерес к открытию и направил в Тунку инженера-поручика Чертова с заданием «осмотреть во всей подробности» найденные «древние развалины». В октябре 1809 года инженер-поручик отправился в Тунку на минеральные источники изучать открытый «археологический памятник». Чертов подробно описал «развалины»: «При западном хребте гор, облегающих Тункинскую долину, в 25 верстах от Тункинской крепости, находятся минеральные воды, и при самом истоке их, полуверстою ближе, существуют остатки неизвестного города. … Главная стена, которой высота в немногих местах до 3 аршин, … в общем своем положении образует полуциркуль … состоящий из многих мелких дуг. Концы этого полуциркуля, обращенные к упомянутому выше хребту, уменьшаясь неприметно, примыкают к другой значительной же стене, которая с постепенным уменьшением, направляется к тому же хребту и исчезает вскоре в земле. К восточной и южной сторонам стен этих, и преимущественно к первой из них, примыкают многие другие стены, несравненно меньшей величины …все эти мелкие пристройки окружает большая (по протяжению) стена, которая во многих местах прерывается и напоследок вовсе теряется. Вообще же все стены, соединяясь одна с другой, представляют множество мелких, правильных, разнообразных дуг, расположенных так часто и так смешанных в своих направлениях, что невозможно определить цели, для которой какая-либо стена или вся пристройка была назначена» (Мордвинов, 1856. С. 13–14).

По результатам своих наблюдений инженер-поручик пришел к выводу, что «древние развалины» можно отнести к гражданской архитектуре, так как они являются амфитеатром, воздвигнутым в честь минерального источника. «Находясь при подошве горы, на отлогой возвышенности, в конце обширнейшей долины, здание это имело величественный вид» (Мордвинов, 1856. С. 14). Из расспросов местных бурят Чертов выяснил, что жители Тункинской долины ничего не знают о происхождении этих развалин и называют их «Монголы Шибет» («монгольская крепость»).

Чертов доложил губернатору о результатах своих изысканий, предположив, что «древнее сооружение» относится к временам могущества Монголов. В своем донесении, сопровождаемом вычерченным планом развалин, инженер-поручик указал, что материал, из которого сложены стены сооружения, «представляет плотную слитную массу, не показывающую ни малейшего соединения, по наружности известковую, смешанную частью с глиной и ещё каким-то неизвестным материалом. … стены были выведены летом лепной работой из одного состава» (Мордвинов, 1856. С. 15).

Губернатор Трескин не удовлетворился полученными результатами, и в 1810 году вновь отправляет Чертова на продолжение работ. В течение 6 дней инженер-поручик занимался «проломом» стены, но не обнаружил ничего нового. На этом работы были закончены (Мордвинов, 1856. С. 15–16). Загадка «древних развалин» так и осталась не раскрытой.

В 1875 году в Тункинской долине проводил геологические исследования знаменитый исследователь И.Д. Черский. Изучая горные породы предгорья Восточных Саян западнее р. Кынгарга, на ручье Халугун ученый обнаружил горизонтальные слои карбонатной горной породы, которую он определил как «пресноводный известняк». «Пористый известняк этот занимает площадь около квадратной версты и располагается у самого подножья Альп (Черский,

[1] Мордвинов Александр Александрович (1813–1869), гос. деятель, писатель, краевед. В 1850-х служил окружным начальником в Енисейске, затем в Иркутске. С 1862 г. – вице-губернатор в Чите.

[2] По-видимому, на источники «Субургын-Аршан» (или «Старый Аршан»), которые находятся неподалеку от деревни Тагархай.

1875. С. 179). «… Поверхность известняка опускается к своей южной окраине целым рядом невысоких уступов до 3 ф. высоты, окруженных невысокими, почти отвесными или круто наклоненными стенками в виде валиков, направляющихся по дугообразным, пересекающимся линиям, вследствие чего значительная часть местности разделена на небольшие сегменты, придающие ей весьма оригинальный вид в особенности потому, что валики эти образуются крутопоставленными, скорлуповатыми и соответственно изогнутыми слоями пористового известняка, придающими всему явлению характер искусственного сооружения» (Землеведение…, 1894. С. 77). Исследуя обнаруженный «пресноводный известняк» Черский обратил внимание на его необычное строение, «… состоящее в перемежаемости тонких (0,5–2 мм) слоев, из которых между каждыми двумя очень мелкокристаллическими, почти землистыми, располагается один, состоящий из удлиненных кристалликов, стоящих друг возле друга в отвесном положении к плоскости наслоении. … Строение это при дугообразной изогнутости слоев придает поперечным разрезам породы сходство с годичными кольцами древесных стволов» (Черский, 1875. С. 180). Формирование пластов «озерных известняков» Черский объяснял отложением на дне древнего озера известковых осадков, которые появились после размыва неслоистых известняков в горах Восточного Саяна, при этом ступенчатая форма «озерных известняков» связана с рельефом поверхности дна озера.

О результатах исследований И.Д. Черского сообщается в небольшой заметке «Что такое «древние развалины, найденные около крепости Тунки в 1809 году?», размещенной в Известиях СОИРГО (Что такое…, 1876. С. 155).

Таким образом, Черский отверг гипотезу об искусственном происхождении «стен» и пришел к выводу, что «древние развалины» – это своеобразные формы отложения известковых пород. Позднее Черский подкорректировал свое мнение относительно озерного происхождения известняка и объяснял их «отложениями древних известковых ключей» (Землеведение…, 1894. С. 77). Интересно то, что Черский в отчетах не описывает сам источник, возможно, он не был на нем.

В начале XX века район предгорий Тункинских Альп, где находится более двух десятков различных источников (из которых наибольшую известность получили источники «Аршан Тункинский» – современный курорт Аршан), привлек большое внимание исследователей. Источники изучались А.В. Львовым, Г. Кропачевым, М.М. Васильевским, Н.И. Толстихиным и др. (Львов, Кропачев, 1909; Васильевский, Толстихин, 1930). В результате, известковые отложения, описанные Черским, однозначно были определены геологами, как травертины[3].

Наиболее крупные залежи известкового туфа были обнаружены юго-восточнее источника Субургын Аршан. Черский оценивал возраст травертинов как неогеновый, но позднее геологи пришли к выводу, что известковые туфы образовались значительно позднее. На основании обнаруженных в 1928 году в травертинах наземных моллюсков и отпечатков растений возраст травертинов был определен как четвертичный (Васильевский, Толстихин, 1930. С. 14). Черский и Львов считали, что известковый туф осаждался на дне древнего озера, но «присутствие в травертине ископаемых наземных животных и растительных форм» опровергло это предположение (Васильевский, Толстихин, 1930. С. 15).

Источник «Субургын-Аршан» расположен у подножия Тункинских Альп вблизи деревни Тагархай (рис. 1). Этот источник был известен уже в начале XIX века. Субургын-Аршан также называют «Старый Аршан», «Аршан II», «Баруун-Аршан» (Западный Аршан). Минеральные воды современного курорта «Аршан» – Аршан Тункинский – были открыты намного позднее, лишь в конце XIX века местными охотниками. Первое сообщение об открытии минерального источника на реке Кынгарга было сделано на заседании ученого совета Томского университета священником Саган-Нурской церкви Иаковом Чистохиным в 1894 году, а в 1896 г. его сообщение было опубликовано в «Известиях Томского университета» (Булгатов, 1959. С. 7–9).

Субургын-Аршан представляет собой несколько выходов слабо минерализованных углекислых гидрокарбонатных вод[4]. На расстоянии около 100 м находится три выхода вод (рис. 2). Восточный – наиболее крупный – располагается в карстовом провале и имеет 5 выходов воды (Васильевским и Толстихиным

[3] Травертин (или известковый туф) – горная порода, образующаяся в результате осаждения карбоната кальция из горячих или холодных углекислых источников.

[4] Физико-химические характеристики были измерены в ходе детской краеведческой экспедиции 27.08.2016 г.

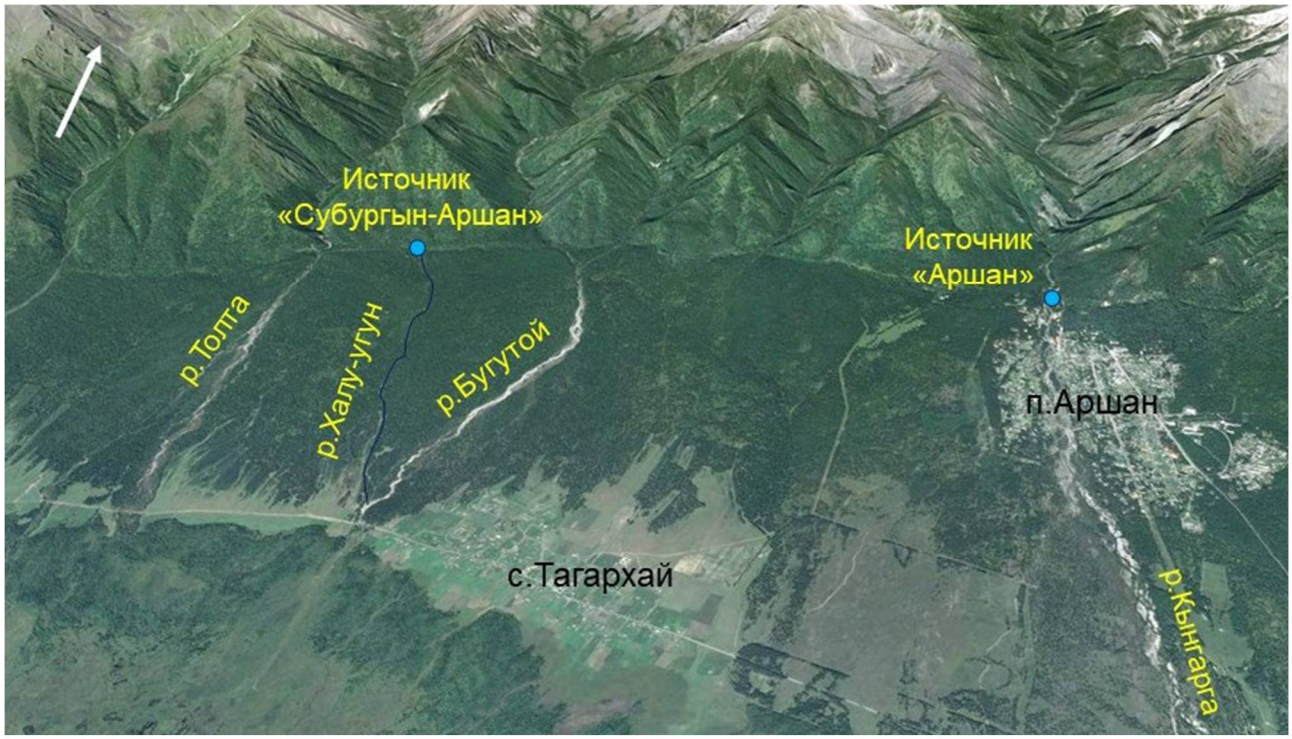

Рис. 1. Схема местоположения источника «Субургын-Аршан»
Fig. 1. Diagram of the location of the source "Suburgyn-Arshan"

отмечалось 8) (рис. 3). Общий дебит карстовых вод этого источника (рис. 4) составляет около 1 м^3/с, а общая минерализация – 0,12–0,14 г/л. Вода восточного источника образует ручей со скоростью течения около 2 м/с. Температура воды при выходе её на поверхность составляет 15,3º С, благодаря чему ручей и получил название Халу-угун («Теплая вода»). Питание этих источников – карстовое, т. е. осуществляется в основном за счет подземного перехвата воды рек (Бугутоя или Толты).

Западнее располагается второй выход вод. Он имеет дебит 2–4 л/с, минерализацию 0,16 г/л и температуру 12º С. Третий, самый западный и самый незначительный по дебиту воды, имеет минерализацию 0,21 г/л и температуру 9,8º С. Второй и третий источники образовались в результате разгрузки подземных вод по геологическому разлому.

По сравнению с холодной углекислой водой современного курорта «Аршан» вода источников Субургун-Аршана в 6–10 раз ниже по минерализации[5] (Ломоносов и др., 1977. С. 160) и почти в два раза выше по радиоактивности (Васильевский, Толстихин, 1930. С. 28–29).

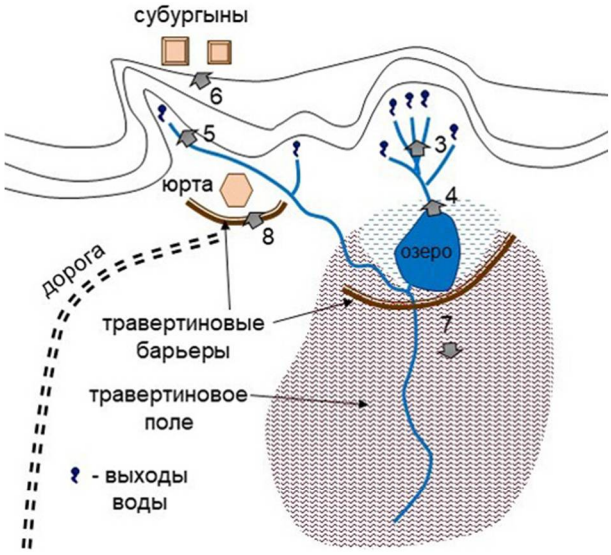

Рис. 2. Схема источника «Субургын-Аршан» *(широкие стрелки указывают на место и направление фотографирования; номера рядом с широкими стрелками соответствуют номерам рисунков в тексте, где приведены фотографии обозначенных мест)*

Fig. 2. The diagram of the "Surgyn-Arshan" source *(the wide arrows indicate the place and direction of photographing; the numbers next to the wide arrows correspond to the numbers of drawings in the text where photographs of designated places are shown)*

[5] Минерализация холодной углекислой воды курорта Аршан изменяется от 1,2 до 4,2 г/л.

Рис. 3. Восточные ключи минерального источника
Fig. 3. Eastern mineral water spring

Рис. 4. Поток воды, создаваемый восточными ключами
Fig. 4. The flow of water created by the eastern water springs

Рис. 5. Западный лечебный ключ
Fig. 5. Western medical water springs

В качестве целебной воды используется вода западного источника (рис. 5). Местные жители и приезжие использовали воду источников в лечебно-оздоровительных целях уже в конце XVIII – начале XIX века. Черский в отчете о своей экспедиции сделал запись: «… р. Халу-угун, прославившейся между жителями Тункинской долины своими целебными свойствами и называемой «Теплыми водами» разве потому только, что речка эта не замерзает зимой. … Во время моей поездки на Халу-угун, я встретился с двумя крестьянами, возившими эту воду к себе на дом» (Черский, 1875. С. 179). «… Местное население водой этих источников издавна пользуется как целебной, и в летний период часто скапливается довольно значительное число людей, принимающих ванны и пребывающих круглые сутки в палатках на открытом воздухе…» (Булгатов, 1959. С. 76).

Согласно преданиям местных жителей, источник Субургын-Аршан был открыт монгольским ламой – Хоршид гэгээн Галсан Содном Жамцо. Предание рассказывает, как лама, находясь в Тункинской долине, вознесся на вершину горы Мундарга и принес оттуда «живую воду». Эту воду он влил в источник у подножья хребта, после чего вода стала неповторимой и уникальной по своим свойствам. Местные жители уверенны, что вода обладает целебными свойствами – помогает при болезнях рук, ног, всех внутренних болезнях. «Раньше буряты ставили под падающие воды аршана лошадей с больными ногами, начинающих хромать» (Тунка…, 1998. С. 188). В 1915 году здесь было построено несколько домиков (бревенчатых юрт) для людей приезжающих лечиться на Субургын-Аршан. В 1920 году на террасе выше источников ламы Хандагатайского дацана[6] возвели каменный субургын, позднее рядом был сооружен новый – оштукатуренный и раскрашенный (рис. 6).

[6] Хандагатайский (Хойморский) дацан был построен весной 1917 года в местности Хандагайта в Хойморах (долина реки Барун-Хандагай, левый приток реки Тунка). В 1917 году в дацане было 103 ламы, а в 1920 году – 213. В 1936 году дацан был закрыт.

Рис. 6. Субургын
Fig. 6. Buddhist religious building

Экспедиция Детского центра «Лазурит»

В 2015–2016 гг. Детским центром «Лазурит» была организована экспедиция с целью обследования источника Субургын-Аршан, отложений травертинов и поиска «древнего города», описанного Чертовым (Котлобай, Снопков, 2005; Мясников, Снопков, 2017). Во время двух экспедиций был обследован участок тайги площадью более 3 км^2. Исследования осложнялись сильной залесенностью и заболоченностью местности. Участки залегания известковых отложений закрыты дерном, мхом и кустарниками.

В ходе экспедиции было установлено, что площадь распространения травертинов значительно больше, чем считалось ранее (Черский, 1875. С. 180; Васильевский, Толстихин, 1930. С. 15). Протяженность поля травертинов достигает почти 1000 м, а его ширина – 150 м. Отложения известкового туфа имеют разнообразные формы. Часто травертины образуют плоские террасы округлой формы, у которых по краю образуется небольшой бортик. Округлая часть террас с бортиком расположена ниже по склону (рис. 7). Размеры травертиновых террас меняются в широком диапазоне – от 2–3 до 60 метров. Мощность отложений известкового туфа изменяется от нескольких см до 3–4 метров. Часто округлые террасы примыкают друг к другу, образуя структуры причудливой формы – внешне напоминающие рукотворные конструкции (Мясников, Снопков, 2018).

Рис. 7. Травертиновые барьеры
Fig. 7. Travertine barriers

Необычную форму известняков Черский объяснял следующим образом: первоначально образуются «более или менее конические осадки туфа», затем «от разрушения этих конусов и различных позднейших к ним приращений туфа» образуются дугообразные валики, «входившие прежде в состав основания таких конусов» (Землеведение…, 1894. С. 77–78).

На самом деле, полукруглые террасы с бортиком по краю являются типичной формой при образовании травертинов. Карбонат кальция осаждается из минеральной воды при наступлении определенных условий (снижение температуры и потеря углекислого газа, воздействие бактерий и водорослей и др.). Травертины образуются тем интенсивнее, чем выше минерализация воды, скорость охлаждения воды, ниже давление воздуха и небольшая скорость течения. От этих же условий зависит расстояние от источника до места осаждения известкового материала. Образовавшиеся карбонатные осадки перегораживают поток, что приводит к образованию водоема, по краям которого начинает интенсивно осаждаться известковый материал. В результате появляется полукруглый травертиновый барьер, внутри которого находится чашеобразное понижение (рис. 7). Постепенно такая ванна заполняется отложениями и образует террасу. Поток воды, которому травертиновый барьер перегораживает путь, вынужден находить себе новый путь и процесс начинается сначала (Мясников, 2017. С. 37–38).

Большой дебит источников в прошлом привел к образованию обширного травертинового поля. Снижение дебита источника привело к тому, что осаждение карбоната кальция стало происходить ближе к выходам минерализованной воды, а более ранние и более удаленные травертиновые образования заросли лесом. Чем выше дебит и минерализация источника, тем более крупные образуются террасы и барьеры. Например, в США в штате Оклахома минеральный источник создал травертиновые дамбы пересекающие долину реки Фолс-Крик.

Первые (от источника Субургун-Аршан) отложения травертинов начинаются в 10–20 метрах от источников. Ниже целебного (западного) источника располагается травертиновая терраса, диаметром около 40 м, поднятая на 1–1,5 м над окружающим

рельефом (рис. 2). Травертиновый пласт внешне похож на искусственный фундамент, на котором находятся руины восьмигранной бревенчатой юрты (рис. 8).

Наиболее обширные и мощные отложения карбоната кальция располагаются в долине ручья Халу-угун. На расстоянии 50–60 м от выхода минеральных вод находится протяженный дугообразный барьер, который перегородил ручей и привел к образованию заболоченного озерка.

Наиболее высокие и протяженные травертиновые стены находятся в 500 м от источника (рис. 9). Здесь известковые отложения сформировали ступенеобразный покров (рис. 10) и серию дугообразных стен (рис. 11–14), ширина которых изменяется от 50 до 150 см. Высота этих стен-барьеров достигает 1,5 м относительно внутренней поверхности (рис. 12), и до 3 м – относительно внешней поверхности (рис. 13–14). Стены идут одна за одной, нередко примыкая друг к другу. В целом сочетание мелких и больших травертиновых барьеров создало сложное, разнообразное по формам травертиновое поле (рис. 15). По-видимому, эти барьеры и были приняты в XIX веке за развалины древнего города.

Появление такого обширного и необычного по форме поля травертинов, по-видимому, связано с длительным периодом образования толщи известковых туфов из минеральных вод источника. Другим фактором, влиявшим на процесс образования травертинового поля, было значительное изменение в минерализации и дебите воды в период осаждения карбоната кальция. Таким образом, в ходе геологических исследований стало очевидно, что «древние развалины» являются природным объектом и образовались в результате осаждения известковистого материала из воды минерального источника Субургын-Аршан.

«Китайская насыпь» Кропоткина

Еще об одном интересном объекте упомянул в своих дневниках известный географ и революционер князь Петр Алексеевич Кропоткин. Во время своей экспедиции по Восточным Саянам в 1865 году он обратил внимание на необычные холмы посреди долины Оки.

Кропоткин писал: ««Норин-Хоройский караул. 25 мая. Ока бежит широким руслом … Сама долина – болото, края ее – валуны с галькой … Они подни-

Рис. 8. Остатки бревенчатой юрты
Fig. 8. The remains of a log yurt

Рис. 9. Схема распространения травертина в долине ручья Халу-угун
Fig. 3. The scheme of travertine distribution in the valley of the Halu-ugun Creek

Рис. 10. Травертиновый покров в долине ручья Халу-угун
Fig. 10. Travertine cover in the valley of the Halu-ugun Creek

Рис. 11. Травертиновая «стена»
Fig. 11. Travertine "wall"

Рис. 12. Внутренняя сторона травертиновой «стены»
Fig. 12. The inner side of the travertine "wall"

Рис. 13. Внешняя сторона травертиновой «стены»
Fig. 13. The outer side of the travertine "wall"

Рис. 14. Ступенчатая внешняя сторона травертиновой «стены»
Fig. 14. The stepped outer side of the travertine "wall"

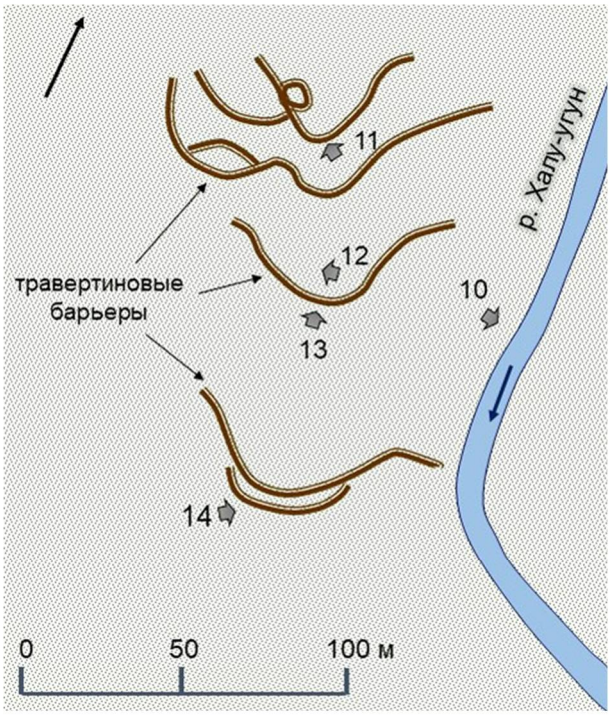

Рис. 15. Схема распространения травертиновых «стен» *(широкие стрелки указывают на место и направление фотографирования; номера рядом с широкими стрелками соответствуют номерам рисунков в тексте, где приведены фотографии обозначенных мест)*

Fig. 15. The distribution scheme of travertine "walls" *(the wide arrows indicate the place and direction of photographing; the numbers next to the wide arrows correspond to the numbers of drawings in the text where photographs of designated places are shown)*

маются более 100 футов над долиною реки. Их присутствие положительно необычайно. Местами они очень закруглены и заставляют думать, что натащила их река, но, во всяком случае, не такая Ока, какою мы ее знаем, а, несомненно, более высоко текшая, несравненно шире и, главное, несравненно сильнее. Караул, возле которого разбросаны юрты бурят, находится в расширении долины».

Еще один холм вызвал у князя еще большее удивление: «Посреди ее (долины Оки) возвышается футов на 70 насыпь, теперь округленная и состоящая из гальки и земли. Происхождение ее, несомненно, искусственное. Но кем и когда она засыпана, не добиться. Русские не предпринимали никогда, по самому своему характеру, да и никогда не в силах были бы предпринять подобную постройку. Следовательно, вернее всего отнести ее к тем же силам, которые воздвигали гигантские валы на Аргуни, покит<айски>(?), на Амуре. Только соединенные силы тысяч людей могли приняться за такое дело» (Кропоткин, 1992. С. 245–246). Правда, позднее в описании своей экспедиции, опубликованном в Записках Сибирского отделения РГО, об искусственном происхождении холмов Кропоткин высказывается менее уверенно: «Норин-Хоройский караул … построен на овальном возвышении … Оно состоит из гальки и гравия. Происхождение его довольно странно. Есть ли это следствие размытия, которое, смывши кругом все наносы в долине Оки, могло оставить только овальное, в виде отрезного конуса, возвышение в 200 саж. наибольшего диаметра? Странно. Или оно насыпное. Но кем в таком случае?» (Кропоткин, 1867. С. 25).

Летом 2002 года Детский центр «Лазурит» в долине реки Ока (Окинский район, Бурятия) проводил краеведческую экспедицию «По следам экспедиций П.А. Кропоткина» (Леонтьев, Снопков, 2004). Одной из задач экспедиции был поиск и обследование «искусственной насыпи», описанной Кропоткиным. Местоположение холма, привлекшего внимание исследователя, установить было несложно, так как имелось точное указание – «рядом с Норин-Хоройским караулом».

Долина Оки в этом месте представляет широкую равнину. Сама река прижимается к левому склону долины, а на правом берегу находятся несколько холмов сложной конфигурации, высотой до 40 м (Крестенко, Снопков, 2004). Среди холмов есть несколько озер овальной и округлой формы. Крутые до 30–40º склоны холмов резко контрастируют с окружающей равниной. Здесь же справа в Оку впадает бурная горная речка Гарган. Заинтересовавший Кропоткина холм располагается на правом берегу Гаргана недалеко от его устья (рис. 16).

Все холмы имеют похожую форму – выпуклую в сторону Оки и вогнутую со стороны склона. С вогнутой стороны холмов в большинстве случаев находятся овальные озера или болотца. Холмы сложены хорошо окатанными валунами, галькой и песком. Прямо напротив холмов, к долине Оки справа подходит четко выраженная троговая (ледниковая) долина реки Урда-Гарган (левый приток Гаргана). Современная речная долина под углом пересекает древнюю ледниковую. Несомненно, что во время ледникового периода по этой троговой долине двигался ледник и спускался в долину реки Оки и, возможно, даже пересекал её (рис. 16).

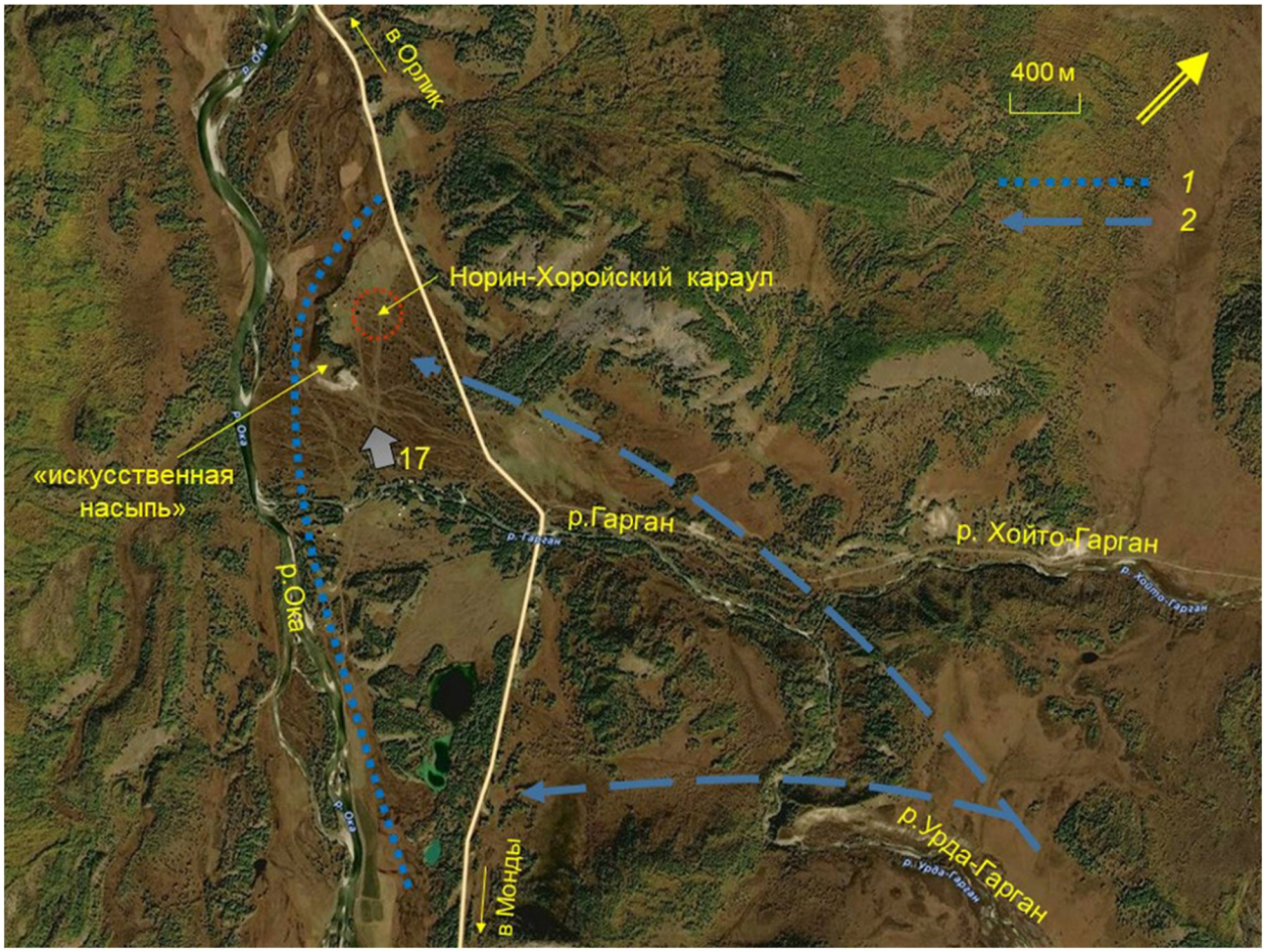

Рис. 16. Схема расположения «необычных холмов», обнаруженных П.А. Кропоткиным в долине реки Ока *(широкие стрелки указывают на место и направление фотографирования; номера рядом с широкими стрелками соответствуют номерам рисунков в тексте, где приведены фотографии обозначенных мест).* ***Условные обозначения:*** *1 – край сохранившихся ледниковых отложений (морен); 2 – направления движения ледников по долине реки Урда-Гарган*
Fig. 16. The layout of the "unusual hills" discovered by P.A. Kropotkin in the valley of the Oka *River (the wide arrows indicate the place and direction of photographing; the numbers next to the wide arrows correspond to the numbers of drawings in the text where photographs of designated places are shown).* ***Symbols:*** *1 - the edge of preserved glacial deposits (moraines); 2 - the direction of movement of glaciers along the valley of the Urda-Gargan River*

Работами В.А. Обручева, А.В. Львова, С.В. Обручева, М.Г. Гросвальда и других исследователей доказано присутствие в долине реки Оки следов обширного оледенения. После отступления ледника в долине Оки остались ледниковые отложения – морены. «Необычные холмы» Кропоткина являются конечными моренами древнего ледника. Их форма типична для ледниковых отложений. Тот холм, который Петр Алексеевич принял за «искусственную насыпь», был частично размыт реками (с западной стороны Окой, с южной – Гарганом), что привело к увеличению крутизны склонов. В результате холм приобрел вид насыпи – с плоской вершиной и крутыми склонами (рис. 17). В настоящее время холм с юго-восточной стороны частично разрушен карьером, в котором добывался грунт при строительстве дороги. До устройства карьера холм действительно выглядел необычно и напоминал насыпь.

Заключение

Во время экспедиций Детского центра «Лазурит» были обследованы «городища» в Тункинском и Окинском районах Республики Бурятии, которые в разные годы были отмечены исследователями. Было установлено, что описываемые в литературе древние «искусственные сооружения» на самом деле являются природными (геологическими) объектами: «древний город» Мордвинова оказался известковыми отложениями источника Субургын-Аршан, а китайская «искусственная насыпь» Кро-

Рис. 17. «Искусственная насыпь» возле Норин-Хоройского караула с юго-восточной стороны
Fig. 17. "Artificial embankment" near the Norin-Khoroi guard from the south-eastern side

поткина – ледниковыми отложениями. Проведенные во время экспедиции 2008 г. поиски «городищ» в районе п. Монды не увенчались успехом. Объектов, похожих на рукотворные сооружения (за исключением небольших каменных кладок), обнаружено не было. Возможно, поводом для описания древних сооружений в районе Монд также послужили сложные по форме ледниковые отложения, осложненные неотектоническими движениями, которые здесь широко развиты.

Список источников

Агапитов Н.Н. Прибайкальские древности: изображения на утесах Байкала (городища Иркутской губернии) // Известия ВСОРГО. Иркутск : Типография Н.Н. Синицина, 1881. Т. 12. № 4–5. С. 1–23.

Булгатов А.В. Курорт Аршан. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1959. 127 с.

Васильевский М.М., Толстихин Н.И. Минеральный источник «Аршан Тункинский» // Материалы по геологии и полезным ископаемым Восточной Сибири. Иркутск : Издание Бурят-Монгольского районного геолого-разведочного управления, 1930. Вып. 2. 37 с.

Землеведение Азии Карла Риттера. География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею. Восточная Сибирь; Озеро Байкал и Прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби. СПб., 1894. Ч. 1. Саянское нагорье в пределах Иркутской губернии до юго-западной оконечности озера Байкала, к югу от Большого Сибирского тракта. СПб., 1894. 605 с.

Иркутская археология: газетный компендиум советского периода. Часть I. 1919–1941 гг. / Коллектив авторов. Иркутск : Издательские решения, 2019. 199 с.

References

Agapitov N.N. (1881) Baikal antiquities: images on the cliffs of Lake Baikal (settlements of Irkutsk province). *Izvestiya VSORGO = Reports of the Siberian of the Branch of the Imperial Russian Geographical Society.* Irkutsk: Tipografiya N.N. Sinitsina. Vol. 12. No. 4-5. P. 1-23. (In Russ.).

Bulgatov A.V. (1959) Resort Arshan. Ulan-Ude: Buryat Publishing House. 127 p. (In Russ.).

Vasil'evskii M.M., Tolstikhin N.I. (1930) Mineral spring "Arshan Tunkinsky". *Materialy po geologii i poleznym iskopaemym Vostochnoi Sibiri = Materials on geology and minerals of Eastern Siberia.* Irkutsk: Publication of the Buryat-Mongol Regional Geological Exploration Department. Iss. 2. 37 p. (In Russ.).

(1894) The Geography of Asia by Karl Ritter. The geography of the countries that are part of Asian Russia or border with it. Eastern Siberia; Lake Baikal and the Baikal countries, Transbaikalia and the Gobi Steppe. Part 1. The Sayan Highlands within the Irkutsk province to the southwestern tip of Lake Baikal, south of the Great Siberian Highway St. Petersburg. 605 p. (In Russ.).

Collective of authors. (2019) Irkutsk Archeology: a newspaper compendium of the Soviet period. 1919-1941. Irkutsk: Publishing Solutions. Pt. I. 199 p. (In Russ.).

Котлобай Н., Снопков С.В. «Таинственные развалины» Тункинской долины // Байкальское кольцо: материалы областной научно-практической конференции учащихся 6–9 декабря 2005 г. Иркутск, 2005. С. 45–48.

Крестенко Н., Снопков С.В. Таинственные холмы реки Оки // Байкальское кольцо : материалы областной научно-практической конференции учащихся 30 ноября – 3 декабря 2004 г. Иркутск, 2004. С. 112–116.

Кропоткин П.А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск : Типография Окружного штаба, 1867. Книжки IX и X. С. 1–94.

Кропоткин П.А. Дневники разных лет. М. : Советская Россия, 1992. 464 с.

Леонтьев А., Снопков С.В. Детский лагерь «По следам экспедиций П.А. Кропоткина» // Байкальское кольцо–2003 : материалы научно-практической конференции, Иркутск : 2004. С. 12–14.

Ломоносов И.С., Кустов Ю.И., Пиннекер Е.В. Минеральные воды Прибайкалья. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. 223 с.

Львов А., Кропачев Г. Краткий отчет о результатах исследования «Аршана», произведенного по поручению Восточно-Сибирского отдела Географического Общества и Общества врачей // Известия ВСОРГО, Иркутск : Типография Иркутского товарищества печатного дела. Котельниковская № 1, 1909. Т. XL. С. 41–77.

Мордвинов А. О древних развалинах, найденных около крепости Тунки в 1809 г. // Записки Сибирского отдела ИРГО. СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1856. Кн. 1. С. 13–16.

Мясников П., Снопков С.В. Загадка «древнего города» // Байкальское кольцо: материалы региональной краеведческой конференции школьников 7–10 декабря 2016 г. Иркутск : Центр развития дополнительного образования детей, 2017. С. 103–110.

Мясников П., Снопков С.В. Загадка «древнего города» // Край родной – Прибайкалье :. материалы научно-просветительских чтений им. Б.И. Дыбовского. Юбилейный сборник. Иркутск : «Репроцентр А1», 2018. С. 194–201.

Мясников П.М. В поисках «древнего города» в Тункинской долине Бурятии // Геоархеология и археологическая минералогия–2017. Научное издание. Миасс : Институт минералогии УрО РАН, 2017. С. 35–38.

Kotlobai N., Snopkov S.V. (2005) “Mysterious ruins” of the Tunka Valley. *Baikal'skoe kol'tso: materialy oblastnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii uchashchikhsya 6–9 dekabrya 2005 g. = Baikal Ring. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference of Students, December 6-9, 2005.* Irkutsk. P. 45-48. (In Russ.).

Krestenko N., Snopkov S.V. (2004) Mysterious hills of the Oka River. *Baikal'skoe kol'tso: materialy oblastnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii uchashchikhsya 30 noyabrya – 3 dekabrya 2004 g. = Baikal ring. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference of Students, November 30 - December 3, 2004.* Irkutsk. P. 112-116. (In Russ.).

Kropotkin P. A. (1867) The journey to the Oka Guarding station. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = The Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society.* Irkutsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba. Books IX, X. P. 1–94. (In Russ.).

Kropotkin P.A. (1992) Diaries of different years. Moscow: Sov. Russia. 464 p. (In Russ.).

Leont’ev A., Snopkov S.V. (2004) Children's camp “In the footsteps of P.A. Kropotkin's expeditions”. *Baikal'skoe kol'tso–2003: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii = Baikal Ring-2003. Materials of the scientific and practical conference.* Irkutsk. P. 12-14. (In Russ.).

Lomonosov I.S., Kustov Yu.I., Pinneker E.V. (1977) Mineral waters of the Baikal region. Irkutsk: East-Siberian Publishing House. 223 p. (In Russ.).

L’vov A., Kropachev G.A. (1909) Brief report on the results of Arshan's research. *Izvestiya VSORGO = Izvestia of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society.* Irkutsk: Publishing House of the District Headquarters. Kotel'nikovskaya No. 1. Vol. 40. P. 41-77. (In Russ.).

Mordvinov A. (1856) About the ancient ruins found near the Tunka fortress in 1809. *Zapiski Sibirskogo otdela IRGO = Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society.* St. Petersburg: Printing House of Eduard Pratz. Book 1. P. 13-16. (In Russ.).

Myasnikov P., Snopkov S.V. (2017) The riddle of the “ancient city”. *Baikal'skoe kol'tso: materialy regional'noi kraevedcheskoi konferentsii shkol'nikov 7–10 dekabrya 2016 g. = Baikal Ring. Proceedings of the Regional Local History Conference of Schoolchildren, December 7-10, 2016.* Irkutsk. P. 103-110. (In Russ.).

Myasnikov P., Snopkov S.V. (2018) The riddle of the “ancient city”. *Krai rodnoi – Pribaikal'e. Materialy nauchno-prosvetitel'skikh chtenii im. B.I. Dybovskogo. Yubileinyi sbornik = Native land - Baikal region. Proceedings of Scientific and Educational Readings named after B.I. Dybovsky. Anniversary collection.* Irkutsk: “Reprocenter A1”. P. 194-201. (In Russ.).

Myasnikov P.M. (2017) In search of an “ancient city” in the Tunka Valley of Buryatia. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya–2017. Nauchnoe izdanie = Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy - 2017. Scientific publication.* Miass: Institute of Mineralogy of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 35-38. (In Russ.).

Тунка: история и современность: в 2 т. Улан-Удэ: «Буряад унэн», 1998. Т. 1. 320 с.

Харинский А.В. Топография и конструкция «городищ» маломорского побережья озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во Института географии СО РАН, 2002. Вып. 2. С. 109–126.

Хороших П.П. Исследования каменного и железного века Иркутского края (остров Ольхон) // Известия биол.-геогр. НИИ при ИГУ. 1924. Т. 1. Вып. 1. 49 с.

Черский И.Д. Еловский отрог как связь между Тункинскими Альпами и Саяном // Известия Сибирского Отдела ИРГО. Т. VI. № 4. 1875. С. 137–183.

Черский И.Д. Предварительный отчет о геологическом исследовании береговой полосы оз. Байкал // Известия Восточно-Сибирского Отдела ИРГО. 1880. Т. 11. № 1–2. С. 8–83.

Что такое «древние развалины, найденные около крепости Тунки в 1809 году»? // Известия СОИРГО. 1876. Т. VII. № 4–5. С. 155.

(1998) Tunka: History and Modernity. In 2 vol. Ulan-Ude: “Buryaad unen”. Vol. 1. 320 p. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2002) Topography and construction of “settlements” of the Malomorsky coast of Lake Baikal. *Arkheologicheskoe nasledie Baikal'skoi Sibiri: izuchenie, okhrana i ispol'zovanie: sb. nauch. tr. = Archaeological heritage of Baikal Siberia: study, protection and use. Collection of scientific works.* Irkutsk: Publishing House of the Institute of Geography SB RAS. Iss. 2. P. 109-126. (In Russ.).

Khoroshikh P.P. (1924) Studies of the Stone and Iron Age of the Irkutsk Region (Olkhon Island). *Izvestiya biol.-geogr. NII= Reports of Biol.-Geogr. Research Institute.* Vol. 1. Iss. 1. 49 p. (In Russ.).

Cherskii I.D. (1875) Yelovsky spur as a link between the Tunka Alps and Sayan. *Izvestiya Sibirskogo Otdela IRGO = Reports of the Siberian of the Branch of the Imperial Russian Geogpaphical Society.* Vol. VI. No. 4. P. 137-183. (In Russ.).

Cherskii I.D. (1880) Preliminary report on the geological study of the coastal strip of the lake Baikal. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela IRGO = Reports of the Siberian of the Branch of the Imperial Russian Georpaphical Society.* Vol. 11. No. 1-2. P. 8-83. (In Russ.).

(1876) What is the “ancient ruins found near the Tunka Fortress in 1809”? *Izvestiya SOIRGO = Reports of the Siberian of the Branch of the Imperial Russian Geographical Society.* Vol. VII. No. 4-5. P. 155. (In Russ.).

Информация об авторе

Снопков Сергей Викторович,
кандидат геолого-минералогических наук,
доцент кафедры геологии нефти и газа геологического факультета,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия;
ведущий научный сотрудник Сибирской школы геонаук,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 89, Россия,
e-mail: snopkov_serg@mail.ru

Information about the author

Sergey V. Snopkov?
Cand. Sci. (Geological and mineralogical),
Associate Professor of the Department of Oil and Gas Geology of the Geological Faculty,
Irkutsk state University,
1, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia;
Leading Researcher of the Siberian School of Geosciences,
Irkutsk National Research Technical University,
89, Lermontov St, Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: snopkov_serg@mail.ru

Вклад автора

Снопков С.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Snopkov S.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2023 г.; одобрена после рецензирования 28 февраля 2023 г.; принята к публикации 6 марта 2023 г.

Article info

The article was submitted February 6, 2023; approved after reviewing February 28, 2023; accepted for publication March 6, 2023.

История

Научная статья
УДК 165.9
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-82-90

История фундаментальных идей: духовность

А.И. Шафоростов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье показывается смысловая связь таких терминов как дух, душа, тело и духовность. Ставится задача конкретизации понимания идеи духовности через выявление специфики основных контекстов рассмотрения духовности в религии, науке, искусстве и философии. Философия стремится взять смысловое содержание всех указанных форм видения и понимания духовности, сохраняя при этом самостоятельность. Философия выступает основой рассмотрения духовного бытия в силу того, что, во-первых, она имеет дело только с *предельными основаниями форм различных проявлений духовности*. Во-вторых, она *соотносит* эти предельные основания друг с другом, задавая тем самым целостность мировоззрения. Философский подход к изучению «духа» закладывается в античности в учении Платона об идеях. Духовность в итоге у Платона предстает как стремление человека: 1) возвыситься над земным миром и 2) приобщиться к миру идей. В обоих случаях духовность связана с разумом, так как в целом для античной культуры характерна связь мудрости и духовности. Духовность как способность устанавливать смысловую связь внутреннего мира человека с целостностью бытия предполагает задействование рациональности. Однако связь духовности и рациональности неоднозначна, что проявляется в потере влияния духовности на современную науку. В качестве фундаментального основания идеи духовности предлагается: 1) духовность есть способность человека, связанная с его включенностью в изменчивый мир природы и мир его душевной активности; 2) духовность необходимым образом связана с процессом самоидентификации человека; 3) духовность реализуется как процесс смыслополагания, что связано с раскрытием рационального начала сознания человека; 4) духовность является способностью не обезличенной массы, но конкретного человека.

Ключевые слова: духовность, дух, душа, телесность, рациональность, Платон, идея, умозрение, смыслополагание, самоидентификация, философская антропология

Для цитирования: Шафоростов А.И. История фундаментальных идей: духовность // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 82–90. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-82-90

History

Original article

The history of fundamental ideas: Spirituality

Alexander I. Shaforostov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The aim of this article is to show the problem in understanding spirituality. The semantic connection of such terms as spirit, soul, body and spirituality is shown. The task is to concretize the understanding of the idea of spirituality by identifying the specifics of the main aspects of the consideration of spirituality in religion, science, art and philosophy. Philosophy strives to take the semantic content of all these forms of vision and understanding of spirituality, while maintaining independence. Philosophy is the basis for considering spiritual existence due to the fact that, firstly, it deals only with the ultimate foundations of the forms of various manifestations of spirituality. Secondly, it relates these ultimate foundations to each other, thereby setting the integrity of the worldview. The philosophical approach to the study of the "spirit" was laid down in Antiquity in Plato's theory of ideas. Spirituality, as a result, appears in Plato as a person's desire to 1) rise above the earthly world and 2) join the world of ideas. In both cases, spirituality is connected with consciousness, since in general, the connection of wisdom and spirituality is characteristic of classical culture. Spirituality as the ability to establish a semantic connection of the inner world of a person with the integrity of being presupposes the involvement of rationality. However, the connection between spirituality and rationality is ambiguous, which is manifested by the loss of the influence of spirituality in modern science. As the fundamental basis of the idea of spirituality it is pro-

© Шафоростов А.И., 2023

posed: 1) spirituality is the ability of a person associated with his involvement into the unstable world of nature and the world of his mental activity; 2) spirituality is necessarily connected with the process of human self-identification; 3) spirituality is realized as a process of identification, which is associated with the disclosure of the rational principle of human consciousness; 4) spirituality is an ability not of an impersonal mass, but of a certain person.

Keywords: spirituality, spirit, soul, physicality, rationality, Plato, idea, mind-vision, sense-setting, self-identification, philosophical anthropology

For citation: Shaforostov A.I. (2023) The history of fundamental ideas: Spirituality. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 82-90. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-82-90

Человек – существо духовное. Это положение представляется бесспорным и очевидным. У нас нет возражений против него, но нет и вопросов к нему. Вопросов же о том, *должен* ли человек быть духовным, как различить духовное и недуховное, где в жизни мы можем встретить духовность? – можно поставить очень много. Кроме того, есть вопросы и другого характера: если человек в действительности является духовным существом, то откуда же берется бездуховность, почему необходимы усилия для поддержания духовности?

В современной культуре проблема духовности справедливо относится к одной из ключевых. В ней переплетены многие аспекты понимания мира и человека, именно проблема духовности оказывается той практической стороной философии, которая обращена к каждому человеку в его решении вопроса о своем смысле жизни. Этот вопрос открывает целую серию вопросов, которые объединены тем, что на них нельзя ответить в общей форме, требуется пережить ответ на основе своего личного опыта. Такие вопросы, называемые духовными, обращают нас к поиску смысла жизни и смысла бытия, к возможности нахождения чего-то вечного, неуничтожимого смертью, к поиску запредельных сторон человеческой души, к пониманию тех мотивов, которые оказываются важнее инстинкта сохранения жизни.

Решение этих вопросов предполагает обращение человека к тем истинам, на которых основана вся человеческая культура, без которых человека ждет простое физическое существование. В этом аспекте тема духовности предстает как некая укорененность человека в первозданных сферах смыслового бытия как поиска истоков человеческой сущности.

Существует ли проблема в понимании того, что является духовностью? Если обратиться с вопросом – «что такое духовность?» – к любому человеку, то ответ наверняка будет получен. При этом важно не то, *какими* будут эти ответы, но то, что у каждого *есть* ответ на этот вопрос. Эти ответы, конечно, во многом стереотипны: чаще всего дух, духовность понимаются как что-то высокое, обращенное к вечности, к богу, к смыслу жизни, – но для нас важнее не содержание ответов, а их *наличие* в сознании каждого человека. Сам факт того, что у каждого человека есть какое-то, пусть весьма скромное представление о духовности, свидетельствует о важности духовности в жизни человека.

Но если обратиться с тем же вопросом – «что такое духовность?» – к специалистам, то ситуация здесь оказывается сложнее. Во-первых, нет привилегированной сферы знания или культуры, которая могла бы достаточно точно зафиксировать понимание духовности, дав ему определение. Во-вторых, многообразие проявлений духовности создает основу для столкновения различных подходов к пониманию духовности, и само понятие «духовность» сегодня – предмет споров: «Ему то отказывают в рациональном содержании и относят к сфере «умствования», далекого от науки, то, наоборот, пытаются выразить в набор· «эмпирически проверяемых» суждений, выраженных на языке специальных, в том числе «естественных» наук, то погружают в контекст богословия, то находят уместным лишь для описания художественных замыслов или глубоко интимных переживаний человеческой личности, а то и вовсе употребляют без особого разбора – для красоты слога» (Порус, 2022. С. 37). В итоге складывается ситуация, когда «В новейшей философии понятие «дух» непопулярно» (Доброхотов, 2010. С. 706).

В истории культуры издавна существует устойчивая традиция закрепления духовности за сферой религии, что во многом оправданно. Проблема в том, что рассмотрение и осмысление идеи духовности в контексте этой традиции оказываются, во-первых, зависящими от понимания природы религиозности, во-вторых, ограниченными сферой религиозности.

Следствием господства очевидного отнесения духовности к сфере религии стала относительно слабая разработанность собственно философского осмысления проблемы духовности. В итоге в XXI в., когда по многим причинам изменяется и место религии в обществе, и отношение общества к религии – осознается потребность разработки проблемы духовности в контексте выявления различных аспектов человеческого бытия.

Это проявилось в оформлении и развитии такой отрасли философского знания как философская антропология, а для осмысления духовности приоритетными стали такие аспекты бытия человека как телесность, рациональность и духовность (см.: Лекторский, 2001).

Исходно понимание духовности вторично по отношению к представлению о *духе*. Кратко *духовность* можно определить, как качество, свойство, способность человека, а *дух* как надчеловеческое начало.

Философский подход к изучению «духа» закладывается в античности Платоном в его учении об идеях. Бытие идей у него одновременно предстает как духовное бытие, то есть идеи не только образуют свой (отстраненный от человека) мир идей, но этот идеальный мир оказывается связан с человеком. Связь мира идей с человеком у Платона излагается многократно и многоаспектно. При этом нельзя не отметить, что в понимании этой связи Платон следует своему учителю – Сократу, для которого цель жизни человека заключалась в приобщении к миру космического Разума (миру идей в терминологии Платона). Мир идей задает человеку смысл жизни, и это именно *самодостаточный* замкнутый мир, упорядоченный благодаря центральной идее Блага (Платон сравнивает центральную идею с Солнцем, освещающим все предметы). Духовность в итоге у Платона предстает как стремление человека: 1) возвыситься над земным миром и 2) приобщиться миру идей. В обоих случаях духовность прямо связана с разумом, так как в целом для античной культуры характерна связь мудрости (частным случаем которой выступает разум) и духовности (Гатри, 2021. С. 43). Кроме того, понимание идеального начала как первичного (идеи вечны и неизменны, идея – это *эйдос*, что можно перевести как «совершенный образ») у Платона задает отношение к материальному миру как «миру несовершенных подобий». При таком понимании мира идей и мира вещей стремление возвыситься над материальным миром представляется вполне очевидным.

Отрицательное отношение к материальному в античной мысли было представлено не только в платонизме, но и у стоиков. Причина такого отношения – в отсутствии у материи самостоятельного бытия, то есть принципиальная пассивность материи: «Тело нуждается в материи как субстрате, однако понятийно отличается от нее» (Поленц, 2015. С. 135).

Религиозный контекст понимания духовности определяется тем, что бог (в монотеистической традиции) наделяется трансцендентным характером, то есть Бог – это запредельная реальность. Установить отношения с трансцендентным богом – не в силах человека. Необходимо участие Духа, то есть силы, исходящей от бога и направленной к человеку, и стремление человека «выйти навстречу», что предполагает и очищение сознания (этому учил еще Сократ) и волевое отрешение от привязанности к земному миру (религиозная практика аскезы, отшельничества и т. п.).

Религиозный контекст понимания духовности и христианства, и других религиозных традиций повлиял на формирование нескольких понятий, имеющих свои смысловые особенности и в то же время часто используемых как синонимы: душа, дух, духовность, духовное и т. д. И уже внутри смыслового поля, образуемого этими понятиями, получают новую (религиозную) интерпретацию представления о «внутреннем человеке», «внутреннем мире», «духовной сущности», выражающие онтологический аспект духовности. При этом представление об изначальной *одухотворенности природы* связывается со смыслом, который в той или иной форме присутствует в божественном промысле.

Отмеченный понятий ряд (дух, душа, духовность) соотносится и с такой, идущей от античной мысли и дополняемой христианством, традицией, как различение духа, души и тела. Эта традиция в философии связана с именами Парменида (выделение сущего и бытия) и Платона (выделение вещи и ее идеи). Тело – это сфера сущего, а дух – это сфера бытия (то есть вечного и неизменного). Душа выступает *посредником* между этими сферами в силу того, что душе присущи и телесность, и духовность.

Душа – источник активности, или, как говорит А. Уайтхед, «спонтанность принадлежит к сущности души» (Уайтхед, 1990. С. 443). Душа направляет действия тела, что позволяет человеку вмешиваться в реальность, пытаясь изменить ее к лучшему. А для

духа важность наличия души заключается в том, что душа, хоть и не без усилия, но все-таки способна удерживать в себе полноту бытия, «сопротивляясь внешнему, сосредоточиваясь и не давая себе рассеяться, расслабиться, разложиться» (Бородай, 2008. С. 158).

Изначально душа – «психе» (греч. psyhe – дыхание) – это буквальное воспроизведение главного признака живого – дыхания. Душа занимает в системе мироустройства особое место, поскольку она является движущим (активным) началом всех вещей.

Но не все древнегреческие мыслители признавали, что душа обладает особой сущностью. Так, Демокрит определял душу как скопление наиболее подвижных мелких круглых атомов. Душа, следовательно, подобна любым другим природным вещам, поскольку все они также состоят из атомов. Подвижность же атомов души позволяет ей быть источником активности, движения. Развитие в античности представлений о душе связано с тем, что софисты, затем Сократ и другие мыслители стали уделять все больше внимания не отношениям человека к природе, к материальным вещам, а его отношениям к другим людям.

Аристотель попытался преодолеть платоновский дуализм души и тела.

Основа его учения о душе – понимание души как формы, а тело – это материя: главное в том, что нет материи без формы, т. е. душа (в различной степени) присутствует везде. Аристотель дает душе классическое определение: «душа есть то первое, посредством чего мы живем, ощущаем и мыслим» (Аристотель, 1976. С. 397). Он выделяет виды души: 1) растительная – обеспечивает вегетативные функции организма – питание, рост, размножение, она способна к ощущениям; 2) животная – способна к движению, способна к чувственному восприятию; 3) разумная душа – она отвечает за мышление, т. е. использование абстрактных понятий.

Согласно Парменид, мысль (субъект) и предмет мысли (объект) тождественны, так как мысль невозможна без того, на что она направлена; как выражение общности в субъекте она неизбежно совпадает с общностью (единством) в объекте, и потому познающее и сознаваемое – не две разнокачественные природы, а всего лишь две проекции – внутренняя и внешняя – единой и неделимой мысляще-мыслимой цельности (истины) (Семушкин, 1996. С. 172)[1]. Здесь важно то, что уже в самых основаниях онтологии дается одно из первых выражений идеи *логосности* бытия, и в античной традиции духовность оказывается соотносимой с логосом[2].

Учение Платона о мире идей содержит несколько уровней и кроме познавательного (гносеологического) аспекта содержит также изложение представлений о природе человека, о цели его жизни. Идеи не просто есть отдельно от вещей (именно так часто определяют сущность идеализма, родоначальником которого признается Платон), но бытие и есть эйдос. Это значит, что подлинное бытие воплощено в идеях, поэтому идеи ни в чем не нуждаются, не изменяются, вечны. Быть (такое понимание бытия распространяется не только на вещи, но и на человека) – значит, в какой-то степени приобщиться к эйдосам, миру идеальных форм.

Центральная идея у Платона – идея Блага – задает собственно духовное отношение к жизни. «Благо» при этом, как отмечает швейцарский исследователь античности В. Буркерт, вовсе не рассматривается с самого начала как этическая категория, «но как все, стоящее того, чтобы к нему стремиться, включая полезное» (Буркерт, 2004. С. 545). Обобщая, можно сказать, что Благо у Платона может пониматься как «смысл», и человек стремится увидеть и смысл жизни в целом, и осмысленность отдельных событий, вещей, процессов.

Человек у Платона ищет основания мирового бытия и основания своей жизни *за пределами* наличного мира. Соответственно, установление связи бытия человека с миром идей порождает представление о духовном ("идейном"). Хотя идеи в чистом виде отсутствуют в земном мире и прямо не даны человеку, путем умозрения человек может от наблюдения за земными (изменчивыми, несовершенными, материальными) вещами обратиться к созерцанию чистых идей. Здесь Платон продолжает путь Пифагора, Парменида, Сократа, для которых подлинное бытие открыто разуму. Подлинное бытие – это истинное бытие, а духовность – это стремление к истине. Таким образом,

[1] Семушкин А. В. У истоков европейской рациональности (Начало древнегреческой философии) : учеб. пособие. М. : Интерпракс, 1996. 192 с.

[2] Подробнее о логосе как законе бытия см.: Шафоростов, 2018.

здесь утверждается рациональное (умозрительное) понимание духовности.

В целом же идея духовности оказывается связанной с раскрытием такой способности человека как возможность «видеть невидимое». К сфере невидимого относится не только то, что трансцендентно человеку определенной эпохи и культуры, но и сфера возможного. А. Уайтхед отмечал, что «Концептуальное постижение нереализованной возможности становится главным фактором человеческой духовности» (Уайтхед, 1990. С. 358).

Именно способность «видеть невидимое» во многом определяет духовную составляющую мировоззрения. Прежде всего, следует пояснить возможные варианты истолкования «невидимости».

Во-первых, буквальный смысл – невидимость как недоступность физическому зрению. Но уже на ранних этапах становления человеческой культуры происходит усложнение процесса зрения, появляется «внутреннее» зрение, зрение эстетическое как способность видеть красивое. Одним из проявлений такого зрения становится миф, получивший яркое эстетическое выражение в античной культуре. Между миром видений и миром повседневной реальности нет жесткой границы, но есть зыбкая грань, нарушаемая или по воле мифических существ, или из-за действий человека. Так, определенные сны получают ту же силу, значение и «истину», как и события, переживаемые наяву (Кассирер, 2001. С. 51).

С этим связано мифическое представление о том, что на глазах смертных лежит пелена, их зрением смертные не могут видеть богов потому, что на глазах человека лежит пелена: невидимый мир скрыт для него. Но благодаря богам невидимое может стать видимым – такими примерами полна «Одиссея» Гомера.

Также в античности наука, философия и литература развивают такой вид зрения как «теория», что в буквальном смысле означает «зрение умом». А «теория» как научное умозрение дополняется «театром». Отмечается, что оба термина – «теория» и «театр» – производные от глагола «наблюдать», «быть участником зрелища» (Павленко, 2012. С. 31), что позволяет охарактеризовать античный тип духовности как «наблюдающий», или теоретический.

Во-вторых, невидимость понимается социокультурно – то, что вообще можно и что нельзя «увидеть» человеку как представителю определенной культуры. Отсюда берет начало «табуированное» зрение – то есть способность видеть то, что «нельзя делать», в дальнейшем развивающееся в этическое зрение как способность различать «должное/недолжное».

Когда человек открывает мир умозрения (мир чисел у пифагорейцев) или начинает сам строить умозрительный мир (создание античных мифов и театра), то происходит своеобразное удвоение мира. К миру земному (подчиненному задаче выживания) добавляется сфера духовного (сфера смысла). Духовность, таким образом, изначально формируется как стремление человека возвыситься над уровнем физического выживания и увидеть свою связанность с целостностью мира: смысл и есть включенность в целое.

Но стремление включить жизнь человека в целостность мира сталкивается с двумя принципиальными сложностями. Первое – где источник целостности мира и как эта целостность (то есть миропорядок) поддерживается? И второе – где граница жизни человека, можно ли считать физическую смерть завершением духовной жизни?

Очевидно, что понимание духовности и духовного изначально теснейшим образом связаны с религией. Миф по своей природе не оказывает особого влияния на развитие понимания духовности в силу того, что для мифа есть только *один мир*, в котором вместе обитают и боги и люди, только боги скрыты от взглядов людей. Поэтому в мифе тема возвышения (восхождения) человека к источнику целостности мира как минимум вторична, гораздо популярнее тема снисхождения героев в подземное царство, что не дает ответа на вопрос о целостности (осмысленности) человеческой жизни.

Принципиальное отличие религии от мифа – это *удвоение* мира, то есть признание отделенного от земного божественного (трансцендентного) мира. Религия в общем виде может пониматься как признание того, что, во-первых, существуют *высшие* силы, во-вторых, эти силы не только есть где-то там, в божественном (неземном) мире, но оказывают влияние на жизнь *конкретного* человека. «Высшие» в данном случае означает «стоящие *над* объективными законами», и религия задает вертикальное измерение уровней бытия, выделяя два мира – земной (низший) и небесный (высший).

Религиозное измерение духовности важно тем, что именно в религии человек находит основания для веры в свою связь с целостностью бытия, переживает и мыслит эту связь. В христианстве понимание духов-

ности расширяется и включает волевой аспект – человек не только мыслит и эмоционально переживает, но и активно стремится волевым усилием (аскеза, пост, молитва и т. д.) стать соучастником высших сил.

Наука, цель которой – открытие законов объективного бытия и выявление причинно-следственных отношений, имеет отношение к духовности в двух смыслах. Во-первых, наука как поиск истины часто истолковывается как форма духовных исканий. Яркий пример – И. Ньютон, физика которого не просто находилась под сильным влиянием христианских идей, но и являлась важной частью его понимания всемирного исторического процесса как переходящего в предреченную Священным Писанием милленаристскую стадию (Шаров, 2021. С. 128). Наука духовна тем, что добывает новое знание, позволяющее создать новые смыслы.

Во-вторых, наука стремится создать собственно научное понимание духовности, определяя проблему духовности как проблему творчества, выхода за границы чисто эмпирического бытия и восхождение к высшим ценностям (Истина, Добро, Красота). Но вывод о том, что наука – это духовное освоение действительности – представляется малообоснованным хотя бы в силу слабой определенности понятия «духовное». Цель науки – познание, а не осмысление мира, и такая оценка науки вполне объективна, так как осмысление по своей сути есть выявление и выражение *целостности*. Целостность же мира – это предмет философии.

Искусство в гораздо большей степени, чем наука имеет отношение к духовности. Это связано с тем, что основа искусства – это субъективная реальность, ее выражение и сопереживание различных субъективных реальностей. Искусство – это видение мира, определяемое ценностями и смыслами человека. Также искусство направленно на создание образов и представлений, позволяющих выразить «мир невидимого», тот уровень бытия, на который направлен духовный взор человека. И такие образы помогают человеку увидеть подлинное (духовное) бытие «здесь и сейчас», в пределах привычного нам существования. Так, по Гегелю, выход искусства к подлинному бытию обеспечивается тем, что оно (искусство) – является одной из «существенных форм самораскрытия абсолютного духа в акте художественного творчества конкретного творца» (Бычков, 2018. С. 80).

Каждому из указанных вариантов понимания духовности присущ свой язык, и для выявления специфики духовного бытия каждого из названных уровней необходимо понять каждый из них *изнутри,* а затем перевести всё это на философский – понятийный в своей основе – язык. Почему именно философия выступает основой рассмотрения духовного бытия?

Философия связана и с наукой, дающей теоретическое вѝдение мира, и с искусством, выражающим глубокие идеи в форме образов и переживаний, и с религией, сочетающей и образность духовного переживания бытия и строгую понятийность теологии. Философия стремится взять смысловое содержание всех указанных форм видения и понимания духовности, сохраняя при этом самостоятельность. Самостоятельность философии, ее несводимость к другим подходам к осмыслению духовной жизни проявляется двояко. Во-первых, она имеет дело только с *предельными основаниями форм различных проявлений духовности*. Во-вторых, она *соотносит* эти предельные основания друг с другом, задавая тем самым целостность мировоззрения.

Важно подчеркнуть стремление современной философии к смещению центра проблематики духовности в направлении понимания духовного бытия *конкретного человека*, а не обезличенного человечества. Обобщая тысячелетнюю традицию понимания духа и духовности, можно кратко отметить следующее. Дух, как таковой, *безличен*, духовность – всегда *чья-то*, то есть духовность предстает как связь человека с духом в двух смыслах: 1) духовность как результат такой связи (духовность как одухотворение); 2) духовность как условие, как способность к общению с духом. Таким образом, духовность предстает как наделение безличного духа субъективностью, «наделение лицом». В частности, это выражается в схематичном изображении процесса взросления человека и его становления как духовного существа – 1) лицо (дается от рождения, и предстает как «индивидуализированное эмпирическое»[3]); 2) личность (результат раскрытия своих возможностей и обретения свободной воли); 3) лик (духовное лицо человека, выражающее то, куда направлен его духовный взор).

[3] «Понятие лика выражает онтологическую проявленность; лицо – индивидуализированное эмпирическое; личина – полная противоположность лику, блокирующая явление абсолютного» (Гусев, 2001).

Г. Гегель, автор «Философии духа» и «Феноменологии духа», то есть автор, для которого изучение духа было главнейшим предметом его деятельности, вполне справедливо определял философию как духовное самосознание своей эпохи. При этом Гегель смог соединить в своем понимании духа две традиции: 1) развитую в философии неоплатонизма идею *объективного* духа и 2) возникшую в европейской философии Нового времени (прежде всего, Декарт) рефлексивно-*субъективное* понимание духа (Перов, 2010. С. 456).

Осмысление феномена духовности предполагает обращение не только к тому, как *выражается* духовное бытие человека в различных сферах его жизни, но и к вопросу – как *возникает* духовное бытие, каковы условия его становления и развития. Возникновение духовного бытия рассматривается нами в контексте понимания природы личности, главный принцип объяснения которой может быть определен как *принцип самопорождения.*

Выражение *«порождение бытия»* включает в себя двойственное истолкование, и эта двойственность в полной мере должна быть отнесена к сущности личности. Во-первых, порождение бытия понимается как порождение *самой* личности целостным миром, включающим и природу, и социальность. То есть в качестве *рождающегося* бытия выступает сама личность. Во-вторых, это порождение бытия *внутри* личности в результате ее становления, реализации творчества, когда создаются новые смыслы, ценности, когда происходит актуализация во внутреннем мире личности подлинного бытия. Поэтому определяющим принципом рассмотрения феномена духовного бытия выступает соотнесение целостности человеческого существа с целостностью мира[4]: мир духовный, культурный, социальный, космический – простирается вне нас и внутри нас. «Духовность – это способность переводить универсум внешнего бытия во внутреннюю вселенную личности на этической основе, способность создавать тот внутренний мир, благодаря которому реализуется себе-тождественность человека, его свободы от жесткой зависимости перед постоянно меняющимися ситуациями» (Крымский, 1992. С. 23).

Одним из следствий реализации этого принципа является избрание философской антропологии как методологической основы рассмотрения проблем духовности. Именно философская антропология, представленная, в частности, такими именами как М. Шелер (1874–1928 гг.) и Х. Плеснер (1892–1985 гг.), изначально поставила перед собой задачу целостного постижения человека, т. е. рассмотрение человека не только в качестве субъекта духовного творчества и моральной ответственности, но и его природную сферу.

Плеснер понимает эксцентричность как предрасположенность, склонность человека к выходу за рамки непосредственного существования, за пределы реально данного, его стремление к трансцендентным ориентирам самоизменения. Стремясь к бесконечному самоизменению, человек всегда пребывает «вне места» и в «ничто», то есть является существом, утратившим самость и «приговоренным» к вечному поиску себя и самоусовершенствованию (Плеснер, 2004. С. 244–246).

Направленность философской антропологии на понимание человека как существа духовно-телесного получает дальнейшее развитие в проблематизации роли тела в становлении и организации духовной сферы бытия человека. Исследуются природные задатки человеческой духовности (Шадриков, 2001)[5], особое внимание уделяется головному мозгу, его функциональной асимметрии, определяющей специфику человеческого восприятия и воображения (Дубровский, 2002).

Духовность как способность (и необходимость) устанавливать смысловую связь внутреннего мира человека с целостностью бытия находит свое выражение в рациональности. Однако связь духовности и рациональности неоднозначна. В эпоху Просвещения установление культа разума как главного условия достижения индивидуальной свободы на первое место ставило рациональное знание, науку, но не духовность.

Во-первых, на разделение рациональности и духовности в эпоху Просвещения повлияло вполне традиционное для того времени понимание духовности исключительно в контексте религиозности. Тем самым закладываются основания для нерелигиозного понимания духовности, что в явном виде выражается позже, на рубеже XIX–XX веков.

[4] О человеке как микрокосме, по сложности не уступающему макрокосму, говорил еще Сократ, устанавливая тем самым связь между человеком и миром.

[5] Шадриков И.А. Происхождение человечности : учеб. пособие для вузов. М. : Логос, 2001. 295 с.

Во-вторых, определенную роль в изменении понимания рациональности сыграл Кант, чья критика разума совершила «деонтологическую революцию»: «Деонтологическая революция немецкого мыслителя состоит в том, что он перенес источник морального закона из области трансцендентного в разум автономного субъекта» (Белокобыльский, Левицкий, 2022. С. 32). То есть сфера трансцендентного и духовного оказывается отделенной от индивидуального разума.

Развитие рационального познания и научного мировоззрения ведут к «расколдованию мира» (эта тема подробно обсуждалась М. Вебером (Вебер, 1990) и снижению потребности духовного развития человека. Но рациональность имеет и обратное влияние на духовность: в современных условиях потери значимости традиционных ценностей именно рациональность становится тем необходимым инструментом для пересмотра устаревших моральных правил и норм (Лекторский, 2001. С. 37).

Итак, в качестве фундаментального основания идеи духовности можно выделить следующее: 1) духовность есть способность человека, связанная с его включенностью в изменчивый мир природы и мир его душевной активности; 2) духовность необходимым образом связана с процессом самоидентификации человека, что предполагает «возвышение» над сиюминутной, текучей действительностью в направлении подлинного (вечного) бытия, имеющего различные формы своего выражения в религии, искусстве, науке; 3) духовность реализуется как процесс смыслополагания, что связано с раскрытием рационального начала сознания человека; 4) духовность субъективна, ее невозможно отделить от человека и заменить «духовным производством».

Список источников

Аристотель. О душе : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1976. С. 369–450.

Белокобыльский А.В., Левицкий В.С. Онтологические горизонты этического, или насколько глубок кризис современной этики // Вопросы философии. 2022. № 7. С. 27–38.

Бородай Т.Ю. Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона. М. : Издатель Савин С. А., 2008. 284 с.

Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика. СПб. : Алетейя, 2004. 585 с.

Бычков В.В. О духовности в искусстве // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 76–87.

Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

Гатри У.К.Ч. История греческой философи : в 6 т. Т. III: Софисты. Сократ. СПб. : Владимир Даль, 2021. 823 с.

Гусев Д.В. Понятия «лик» и «личность» в контексте философии мифа А.Ф. Лосева // Сер. Мыслители. Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Вып. 8 / Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 300 с. URL: http://anthropology.ru/ru/text/gusev-dv/ponyatiya-lik-i-lichnost-v-kontekste-filosofii-mifa-af-loseva (дата обращения 10.11.2022).

Доброхотов А.Л. Дух // Новая философская энциклопедия : в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 706–708.

Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М. : Канон+, 2002. 368 с.

Кассирер Э. Философия символических форм. Мифологическое мышление. М.; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001. Т. 2. 280 с.

References

Aristotle. (1976) About the soul. Essays: in 4 vol. Vol. 1. Moscow: Thought. P. 369-450. (In Russ.).

Belokobyl'skii A.V., Levitskii V.S. (2022) Ontological horizons of ethics, or how deep is the crisis of modern ethics. *Voprosy Filosofii = Problems of Philosophy.* No. 7. P. 27-38. (In Russ.).

Borodai T.Yu. (2008) The birth of a philosophical concept. God and Matter in Plato's Dialects. Moscow: Ed. Savin S.A. 284 p. (In Russ.).

Burkert V. (2004) Greek religion: Archaic and Classical. St. Petersburg: Alethea. 585 p. (In Russ.).

Bychkov V.V. (2018) On the spirituality in art. *Voprosy Filosofii = Problems of Philosophy*. No. 5. P. 76-87. (In Russ.).

Weber M. (1990) Science as a vocation and profession. Selected works. Moscow: Progress. P. 707-735. (In Russ.).

Guthrie W.K.C. (2021) History of Greek Philosophy. In 6 vol. Vol. 3. Sophists. Sokrat. St. Petersburg: Vladimir Dal'. 823 p. (In Russ.).

Gusev D.V. (2001) The concepts of “face” and “personality” in the context of A.F. Losev's philosophy of myth. The Thinkers series. The Meanings of myth: mythology in history and culture. Iss. 8. Collection in honor of the 90th anniversary of Professor M.I. Shakhnovich. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. 300 p. (In Russ.). Available from: http://anthropology.ru/ru/text/gusev-dv/ponyatiya-lik-i-lichnost-v-kontekste-filosofii-mifa-af-loseva (Accessed November 10, 2022)

Dobrokhotov A.L. (2010) Dukh. The New Philosophical Encyclopedia. In 4 vol. Vol. 1. Moscow: Mysl'. P. 706-708. (In Russ.).

Dubrovskii D.I. (2002) The problem of the ideal. Subjective reality. Moscow: Canon+, 368 p. (In Russ.).

Kassirer E. (2001) Philosophy of symbolic forms. Vol. 2. Mythological thinking. Moscow; St. Petersburg: University Book. 280 p. (In Russ.).

Крымский С.Б. Контуры духовности: новые контексты идентификации // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 21–28.

Лекторский В.А. Духовность и рациональность // Эпистемология классическая и неклассическая. М. : Эдиториал УРСС, 2001. С. 32–37.

Павленко А.Н. Пределы интерсубъективности (критика коммуникативной способности обоснования знания). СПб. : Алетейя, 2012. 280 с.

Перов Ю.В. Лекции по истории классической немецкой философии. СПб. : Наука, 2010. 531 с.

Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию. М. : РОССПЭН, 2004. 368 с.

Поленц М. Стоя. История духовного движения. СПб. : Издательский проект «Quadrivium», 2015. 1040 с.

Порус В.Н. Духовность и свобода // Вопросы философии. 2022. № 9. С. 36–46.

Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. 720 с.

Шаров К.С. Метафизика пространства как эпистемологическая основа гетеродоксальной теологии и историографии Исаака Ньютона // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 126–137.

Шафоростов А.И. История формирований представлений о реальности. Шаг первый: законы природы в античной мысли // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 131–140.

Krymskii S.B. (1992) Contours of spirituality: new contexts of identification. *Voprosy Filosofii = Problems of Philosophy*. No. 12. P. 21-28. (In Russ.).

Lectorskii V.A. (2001) Spirituality and rationality. *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya = Classical and non-classical epistemology*. Moscow: Editorial URSS. P. 32-37. (In Russ.).

Pavlenko A.N. (2012) Limits of intersubjectivity (criticism of the communicative ability to substantiate knowledge). St. Petersburg: Aleteiya. 280 p. (In Russ.).

Perov Yu.V. (2010) Lectures on the history of classical German philosophy. St. Petersburg: Nauka. 531 p. (In Russ.).

Plesner H. (2004) The stages of organic and human. Introduction to philosophical anthropology. Moscow: ROSSPEN. 368 p. (In Russ.).

Polentz M. (2015) Standing up. The history of the spiritual movement. St. Petersburg: Publishing project “Quadrivium”. 1040 p. (In Russ.).

Porus V.N. (2022) Spirituality and freedom. *Voprosy Filosofii = Problems of Philosophy.* No. 9. P. 36-46. (In Russ.).

Whitehead A.N. (1990) Selected works on philosophy. Moscow: Progress. 720 p. (In Russ.).

Sharov K.S. (2021) Metaphysics of space as an epistemological basis of heterodox theology and historiography of Isaac Newton. *Voprosy Filosofii = Problems of Philosophy*. No. 5. P. 126-137. (In Russ.).

Shaforostov A.I. (2018) The history of the formation of ideas about reality. Step one: the laws of nature in ancient thought. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 14. No. 2. P. 131-140. (In Russ.).

Информация об авторе

Шафоростов Александр Иванович,
доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: ashafor@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0003-2417-2635

Information about the author

Alexander I. Shaforostov,
PhD, Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: ashafor@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0003-2417-2635

Вклад автора

Шафоростов А.И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Shaforostov A.I. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 ноября 2022 г.; одобрена после рецензирования 19 декабря 2022 г.; принята к публикации 12 января 2023 г.

Article info

The article was submitted November 20, 2022; approved after reviewing December 19, 2022; accepted for publication January 12, 2023.

ISSN 2415-8739 (print) **Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 91–114**
ISSN 2500-1566 (online) Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 91-114

История

Научная статья
УДК 94(47).048
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-91-114

Полк Афанасия Пашкова в 1655 г.: состав, вопросы комплектования и обеспечения перед отправкой в Даурию из Енисейска (с именным списком)

Е.А. Багрин [1], В.И. Трухин [2]

[1] Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, г. Санкт-Петербург, Россия
[2] Фонд поддержки социально-ориентированных проектов и программ «Петропавловск», г. Москва, Россия

Аннотация. Статья, подготовленная на основе неопубликованных документов Российского государственного архива древних актов, объединенных в Стлб. 508 Фонда 214 (Сибирский приказ), рассказывает о комплектовании первого полка, который был официально отправлен для присоединения к России территорий Забайкалья и Приамурья (Даурии) в 1655 г. под командованием бывшего енисейского воеводы Афанасия Пашкова. Большое внимание в исследовании уделяется практике подбора и обеспечения служилых людей для отправки в Даурию. Приказы о направлении людей в Даурию пришли в сибирские города неравномерно в течение июня – сентября 1655 г. Комплектование отрядов в 11 сибирских городах заняло от 4 до 20 дней. Наибольшее число привлеченных ратников пришлось на города Тобольского разряда. В первую очередь подбирались неженатые мужчины среднего возраста, имевшие хорошую репутацию. Они должны были составить «костяк» постоянного состава гарнизонов крепостей, контролирующих новые территории. Однако в ряде мест из-за отсутствия контингента, полностью соответствующего предписанным параметрам, в поход прибрали и женатых служилых людей, а также наемников. Перевод отрядов в Енисейск и подготовка их к походу заняли около 1 года с момента отправки приказа правительства. Пашков неоднократно сообщал в Москву, что 300 ратников, выделенных правительством для похода, недостаточно, а для такого дальнего и длительного похода не хватает боеприпасов и оружия. Кроме того, в статье подробно раскрывается механизм того, как правительство планировало обеспечить полк продовольствием на пути через Илимский и Тугирский остроги. В рамках этой работы впервые в исторической литературе приведены поименные списки служилых людей, отправившихся в Даурию.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, стрельцы, Афанасий Пашков, Енисейск, Забайкалье, Даурия, история, Сибирь, XVII век, генеалогия

Для цитирования: Багрин Е.А., Трухин В.И. Полк Афанасия Пашкова в 1655 г.: состав, вопросы комплектования и обеспечения перед отправкой в Даурию из Енисейска (с именным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 91–114. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-91-114

History

Original article

Regiment of Afanasy Pashkov in 1655: composition and recruitment before expedition to Dauria from Yeniseisk (with list of names)

Egor A. Bagrin [1], Vladimir I. Trukhin [2]

[1] Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia
[2] The Petropavlovsk Foundation for Socially-Oriented Projects and Programmes Support, Moscow, Russia

Abstract. The article is based on unpublished documents of Russian State Archive of Ancient Acts. It describes the recruitment of the first regiment under the command of the former Yeniseisk governor Afanasy Pashkov which was officially sent for accession of Transbaikalia and the Amur region (Dauria) territories to Russia in 1655. This study is focused on the procedure of selecting and providing warriors before sending to Dauria. War orders came to Siberian towns nonuniformly during June - September of 1655th. The recruitment of troops in 11 Siberian towns took from 4 to 20 days. The largest number of recruited warriors was in Tobolsk. First of all unmarried middle-aged men who had a high reputation were selected. They should form the “backbone” of

© Багрин Е.А., Трухин В.И., 2023

regular forces of the fortress garrisons that control the new territory. However, some married warriors were recruited in locations when the candidates did not meet the requirements. The transfer of detachments to Yeniseisk and their preparation for the campaign took about 1 year from the moment the government order was sent. Pashkov repeatedly reported to Moscow that 300 warriors allocated by the government for the campaign were not enough as well as ammunition and weapons for such a long campaign. In addition, the article details the mechanism of how the government planned to provide the regiment with food on the way through the Ilimsk and Tugir fortresses. As part of this work, for the first time in historical literature, the article provides the warriors' lists of names sent to Dauria.

Keywords: troops, Cossacks, Streltsy, Afanasy Pashkov, Yeniseisk, Transbaikalia, Dauria, history, Siberia, XVII century, genealogy

For citation: Bagrin E.A., Trukhin V.I. (2023) Regiment of Afanasy Pashkov in 1655: composition and recruitment before expedition to Dauria from Yeniseisk (with list of names). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 91-114. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-91-114

Несмотря на то, что историки неоднократно обращались к походу бывшего енисейского воеводы Афанасия Филипповича Пашкова[1] в Даурию и основанию Нерчинского воеводства в 1656–1662 гг. как к одному из важнейших этапов присоединения Сибири к России, до сих пор нет специальных исследований, посвященных военной составляющей этого вопроса. Последний включает в себя разработку плана переброски на Дальний Восток значительного по числу людей военного контингента, комплектование полка Пашкова, процесс перехода, систему вооружения и снабжения и т. п. В данной статье мы попытались, в первую очередь освятить формирование полка Пашкова в период, предшествующий выходу его из Енисейска в 1656 г. в Забайкалье. Обычно историки отмечают только общую канву этих событий, не приводя подробных данных. Например, П.А. Словцов писал: «Велено (А.Ф. Пашкову – Авт.) набрать в старой Сибири для него 300 ч., снабдить его из Тобольска военными снарядами, послать из Илимска провиант в ос. Тугирский и подчинить ему все команды амурские» (Словцов, 2006. С. 91). Ту же информацию мы можем найти и у А.П. Васильева в книге «Забайкальские казаки» (Васильев, 1916. С. 103–104). Оба автора в первую очередь черпали свои данные в наказе Пашкову от 20 августа 1655 г. П.Т. Яковлева и В.А. Александров описали эти моменты еще короче, упомянув только о численности служилых людей. При этом последний справедливо отметил, что Пашков считал «командированные» ему силы недостаточными и набрал в Енисейске и Братском остроге еще 160 чел. добровольцев из числа гулящих людей, связав эти события с переселенческим движением, охватившим Восточную Сибирь (Яковлева, 1958. С. 39; Александров, 1984. С. 32). Более подробно комплектование полка описала Г.А. Леонтьева, сообщив сколько ратников было послано каждым из 11 сибирских городов. Также автор отметила, что дополнительно 120 чел. были набраны в Енисейске и 40 чел. в Братском остроге. Всего 460 чел. Те же сведения мы можем найти и в монографии В.Д. Пузанова и в диссертации П.Н. Бараховича[2] (Леонтьева, 2012. С. 31; Пузанов, 2010а. С. 145). А.Р. Артемьев, ссылаясь на данные В.И. Малышева, писал о том, что с Пашковым было 420 служилых людей и 200 охочих вольных людей (Артемьев, 1999. С. 38).

Таким образом, подробные данные о подготовке похода Пашкова в Даурию фактически не приводились. Между тем эта информация, безусловно, интересна, и введение ее в научный оборот позволит обогатить историю формирования и развития вооруженных сил России в Сибири. Основой нашего исследования стали документы из Российского государственного архива древних актов, объединенные в рамках Столбца 508 Фонда 214 (Сибирский приказ). В рамках этой работы, впервые в исторической литературе нами приведены поименные списки служилых людей, отправившихся в Даурию.

Предпосылки похода в Даурию. Подготовка к отправке полка И.И. Лобанова-Ростовского. В нача-

[1] А.Ф. Пашков был воеводой в Енисейске с 1650 по 1655 гг. Занимая этот пост, Пашков инициировал перестройку укреплений Енисейска, который к 1652 г. получил острог, имевший 8 башен «с верхними, и с середними, и с нижними бои, и со всяким боевым строеньем» (Кочедамов, 2020. С. 270–271; Барахович, 2019. С. 21).

[2] Барахович П. Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды) : дис. … на соискание ученой степени канд. ист. наук. Красноярск, 2016. С. 158.

ле 1650-х гг. от якутского воеводы Д. Францбекова в Москву стали поступать сведения о богатой Даурской земле, расположенной рядом с рекой Амур. Е. Хабаров, действовавший в Приамурье по указу Францбекова, сообщал, что на Амуре «родится» яровой хлеб, «и рыба де … калуги, и осетры и всякая, что и в Волге», а в «темных больших лесах» много соболя и другого зверя. Хабаров отмечал, что «Даурская земля Лены прибылнее, и против всей Сибири будет». К его отпискам прилагались расспросные речи пленных даурских князцов. В них сообщалось, что рядом с Даурией находятся земли князя Богдоя и гора, где добывали серебряную руду, а жители «делают золото и серебро; да у них же родитца жемчюг и каменье дорогое и всякия краски, и делают отласы, и бархаты, и камки, и тафты, и киндяки, и кумачи». Однако Богдой располагал значительной военной силой и огнестрельным оружием, так что для его покорения нужно было не менее 6000 ратников (Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову, 1894. С. 1–2)[3]. В то же время, енисейский воевода А.Ф. Пашков писал в Москву в 7160, 7161, 7162 гг.[4] о необходимости 3000 служилых людей для присоединения этих территорий (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Стлб. 508. Л. 194–198).

Естественно, эти сведения вызвали в правительстве большой интерес. Ресурсы «освоенной» Сибири были уже в значительной мере истощены, и Даурия воспринималась очень перспективным местом. «Для подлинного разведывания» было решено послать на р. Амур московского дворянина Д. Зиновьева и 150 служилых людей из разных сибирских городов. Одновременно началась подготовка к отправке в Даурию трехтысячного полка под руководством окольничего, воеводы и князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского. При определении в Сибирском приказе общей численности военного контингента, который планировали отправить на Дальний Восток, видимо, опирались на расчеты Пашкова (Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову, 1894).

В 7161 г.[5] правительство[6] приказало Пашкову, бывшему в это время Енисейским воеводой, отправить для даурской службы судами «по первой полой воде» из Енисейска на Ленский волок в Илимский острог в сопровождении енисейских служилых людей 3000 чети муки ржаной, по 1000 чети круп и толокна из тобольской присылки 7160 г. и енисейской пахоты. Провиант предназначался для полка Лобанова-Ростовского, который должен был вскоре прийти в Даурию. В это же время илимский воевода Богдан Денисович Оладьин получил приказ отправить часть этих припасов с илимскими и верхоленскими служилыми людьми на р. Нюкзю и р. Тугирь к Даурскому волоку. Здесь они должны были построить амбары для хранения и охранять их, дожидаясь постройки острога. 3 марта 1655 г. с илимским пятидесятником Пронькой Задубиным в Москву от Оладьина пришло сообщение о том, что к июлю 1654 г. ржаная мука была доставлена не полностью, а крупы и толокна «ничево не прислано». Енисейские служилые люди Ивашка Вязьма «с товарыщи» не смогли из-за «морозов» доставить много припасов. Те же, что привезли, им пришлось выгружать на берег по ходу движения «за мелкою водою». Кроме того, в казне не было качественных, крепких снастей для судов, отправляемых по р. Олекма: «парусов и завозов и подчалов и бечев и на дроги и на возки и на петли и на поворины и на причалки веревок». Не было их и в «привозе» у торговых и промышленных людей. Для изготовления оснастки на месте можно было купить у них «неводное прядено» и изготовить из него веревки, однако продавали его очень дорого по 5 руб. за пуд. По подсчетам илимского воеводы требовалось потратить не менее 500 руб., чтобы укомплектовать суда для перевозки хлеба. Для решения этой задачи Оладьин предложил взять хорошие, не поврежденные при проходе по р. Тунгуске[7] судовые снасти с енисейских судов, которые привезут остатки хлеба на Ленский волок. Он просил правительство в этом случае предписать Пашкову не высчитывать причиненные Енисейску убытки с илимских служилых людей. Он также обратил внимание на то, что посылка илимских людей в Ени-

[3] Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле 1655 // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1894. Т. 15. 35 с.

[4] Сентябрь 1651 – август 1652, сентябрь 1652 – август 1653, сентябрь 1653 – август 1654 гг.

[5] Сентябрь 1652 – август 1653 гг.

[6] В Сибирском приказе документ оформил дьяк Третьяк Васильев (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 120).

[7] Главной причиной порчи снастей было то, что веревки «перебивались о каменья» на речных порогах.

сейск (за хлебными припасами для Якутска) и на Даурский волок требовала привлечения всего состава илимского гарнизона (около 100 чел.). Это могло привести к тому, что нести караульную службу и охранять илимских ясачных людей и пашенных крестьян будет некому. В 7161 г.[8] в такой ситуации на р. Илим недалеко от острога мангазейские тунгусы, убили 10 чел. у ясачных илимских «иноземцев» и ранили их жен и детей. Отметим также, что между Оладьиным и Пашковым были напряженные отношения («не дружба»), что, безусловно, негативно влияло на взаимодействие. 15 августа 1655 г. правительство для выполнения задачи по перевозке хлеба на р. Тугирь разрешило Оладьину взять снасти с енисейских судов, которые привезут хлебные запасы в Илимск. В это же время грамота,[9] написанная 20 августа 1655 г. из Москвы в Енисейск, обязала нового енисейского воеводу Акинфова, сменившего Пашкова весной 1656 г., привезти в Илимск все положенные хлебные запасы, «что в тех недосвозных хлебных запасех нашей даурской службе мотчанья и порухи не было» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 101–105, 114–116, 120–130).

Одновременно с задачей построить на р. Тугирь пункт для хранения провианта для полка Лобанова-Ростовского, илимский воевода получил задание обеспечить 3000 его ратников и их «годовые» запасы судами для преодоления отрезка пути от Илимска до Даурского волока. По расчетам на р. Лене должны были построить 250 судов. Чтобы оснастить такое количество кораблей, требовалось: «для верхового Даурсково ходу Олекмою рекою парусы и судовых варовых снастей на всякое судно парус по дватцать по четыре полотнища, а вышину по дватцати по четыре аршина да верховых снастей на дроги и на ноги и на возжи и на скутовые по сту по двaт цати по до девяти сажен да по два спуска бечев мерою спуск по шестьдесят сажен да для больших порогов завозов и подчалов на десять дощеников по два спуска по мере спуск по осмьдесят сажен и всего … по смете надобно для … Даурские службы в Ылимском остроге на двесте на пятьдесят дощеников в парусы восмьдесят одна тысеча пятьсот аршин холсту хрящу судовых варовых снастей на дроги и на ноги и на возжи и на скутовые и бечев(ы) шестьдесят тысеч сажен да дватцать пять завозов дватцать пять подчалов по мере четыре тысечи сажен». Получив указания, Оладьин написал в Москву, что в казне нет запасов снастей и нет денег на их покупку. Небольшое количество холста для парусов можно было купить у торговых людей по цене гривна за аршин холста. Взять же снасти с дощаников, на которых служилые люди прибудут из Енисейска, Оладьин не считал возможным, отмечая, что большая их часть будет непригодна: «по Тунгуске и по Илиму рекам идучи на больших порогах и на шиверах перебьютца и в Даурской ход не годятца потому что …. Даурской ход Олекъмою рекою тежел пороги и шиверы большие». Кроме того, он отметил, что в уезде мало пашенных крестьян и жильцов, которые располагают лошадьми, необходимыми для перевоза полка Лобанова-Ростовского за Ленский волок. В ответ правительство в марте 1655 г. поручило сообщить илимскому воеводе, что все необходимое для постройки судов он получит из Тобольска (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 131–134).

В то время как происходили описанные выше события, из Приамурья 12 декабря 1654 года в Москву вернулся Зиновьев, привезя оттуда Е. Хабарова и несколько представителей коренных жителей (Красноштанов, 2008. С. 437). В докладе, сделанном в Сибирском приказе боярину князю Алексею Никитичу Трубецкому и дьяку Григорию Протопопову, Зиновьев подтвердил общую информацию о Даурии и сообщил, что оставил на Амуре сопровождавших его служилых людей, переподчинив их О. Степанову, который заменил Е. Хабарова на посту руководителя экспедиции. Кроме того, он приказал амурским служилым людям «взойти Шилкою рекою вверх, и поставити на Шилке реке, на усть реки Зии, да на усть реки Урки, под Даурским волоком, для приходу государевых людей остроги, и изготовить всяких хлебных запасов и скота». Иноземцы, привезенные Зиновьевым, сообщили, что в землях дауров, дючеров и гиляков, живущих по Амуру, насчитывается около 10 000 жителей, которые платят дань богдойскому царю по соболю с человека (Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову, 1894. С. 1–5).

Однако Зиновьев привез с Амура и тревожные вести, которые заставили отложить отправку в Си-

[8] Сентябрь 1652 – август 1653 гг.

[9] Грамоты енисейскому и илимскому воеводам до Тобольска были отправлены с верхотурскими стрельцами Наумком Глазуновым и Макарком Ивановым (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 140).

бирь полка Лобанова-Ростовского. Он доложил о том, что казаки не смогли сделать в Приамурье крепость, которая могла бы стать центром закрепления за Россией новых земель. Отсутствие опорных пунктов дополнялось острой нехваткой запасов продовольствия даже для имеющихся на Амуре сил, не говоря уже о 3000 новых ратников. Даурские пашни были заброшены, а собственных посевов не было. Кроме того, Зиновьев на практике убедился в том, что сибирские коммуникации не готовы для переброски большого военного контингента на такие значительные расстояния (Багрин, 2021а).

Получив эти сведения, правительство решило начать присоединение Даурии с постройки крепостей и поисков путей решения проблемы снабжения продовольствием. Ввиду того, что амурские казаки не справились с возложенной на них задачей и были большие опасения, что приказ Зиновьева они также не выполнят, эта миссия была поручена Пашкову, который разбирался в даурских делах и неоднократно писал о них в Москву. Кроме того, на посту енисейского воеводы он проявил себя как эффективный и инициативный управленец, значительно усиливший оборону Енисейска. Сведя воедино все полученные данные, царь Алексей Михайлович повелел енисейскому воеводе Пашкову оставить свой пост и «в Даурской земле быти воеводою».

В ряде исследований (напр. Артемьев, 1999. С. 47; Албазинский острог…, 2019. С. 84 и др.), в том числе таких фундаментальных как «Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы», можно найти сведения о том, что указ о назначении Пашкова на воеводство «на Амур-реку в Китайской и Даурской землях» был датирован 20 июня 1654 г., а наказ об организации его службы в Даурии был создан не ранее 12 декабря 1654 г. (РКО, 1969. С. 199)[10]. Однако с такой датировкой вряд ли можно согласиться. Весь комплекс документов Сибирского приказа, созданный в связи с формированием полка Пашкова, укладывается в период, начиная с 8 мая по 25 августа 1655 г. Всего сибирским приказом о «даурском отпуске» было подготовлено «26 грамот да грамота патриахова к архиепископу» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 141 об.) и, в том числе, «Царская грамота воеводе Пашкову о его отправке на Даурскую службу» от 25 августа 1665 г. (РГАДА Ф. 214. Стлб. 508. Л. 101–105). В ней, в частности, говорится: «…а почему тебе в Даурской земле быти и н(а)ши всякие дела делать к тебе н(а)ш указ с сею нашею грамотою…» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 102 об.). В это же время был создан и послан «даурский наказ» Пашкову. Об его отправке прямо говорится в грамоте, направленной 29 июня Тобольским воеводам: «… посланы н(а)ши грамоты к вам в Тоболеск …да в Енисейской острог н(а)ш даурской наказ к воеводе к Афонасью Пашкову…» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 138). Поэтому назначение Пашкова на воеводство в Даурию и подготовку ему наказа следует датировать маем – августом 1655 года.

Подготовка полка А.Ф. Пашкова в Даурский поход 1655–1656 гг. Одновременно с грамотами в «сибирские города»[11], призванные обеспечить поход ратниками, была отправлена грамота новому енисейскому воеводе Ивану Павловичу Акинфову. Енисейск был назначен центром подготовки похода в Даурию. Акинфов получил приказ обеспечить участников экспедиции Пашкова хлебным жалованьем на 7164 г.[12] Ратники должны были получить ржаную муку, крупы и толокно, привезенную в Енисейск в 7162 г.[13] сыном боярским Иваном Курбатовым и тобольскими служилыми людьми. Для того чтобы сохранить хлеб для даурской службы, Акинфову запрещалось выдавать его в жалованье енисейским служилым людям, ружникам и оброчникам, а также посылать в остроги и зимовья, управляемые из Енисейска. К весне 1656 г., когда «вскроется лед», должны были быть готовы казенные суда, парусы и

[10] Русско-китайские отношения в XVII веке : Материалы и документы. В 2 т. / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М.: Наука, 1969. Т. 1. 613 с.

[11] В Москву (в Сибирский приказ боярину, князю Алексею Никитичу Трубецкому и дьяку Григорию Протопопову) отписку о выполнении приказа привезли: из Верхотурья 27 ноября 1655 г. верхотурской сын боярской Измайло Коптев; из Березова 28 ноября 1655 г. атаман Осип Федоров; из Тюмени 18 декабря 1655 г. тюменский сын боярский Петр Олтуфьев; из Томска 10 января 1655 г. томский сын боярский Василий Старков; из Сургута десятник казачий Гришка Осипов Сомов; из Тобольска 30 декабря 1655 г. с Иваном Резицким; из Красноярска 21 января 1657 г. красноярский казак Мишка Ульянов. (РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стлб. 508. Л. 142 об., 149 об., 159 об., 160 об., 177 об., 213).

[12] Сентябрь 1655 – август 1656 гг.

[13] Сентябрь 1653 – август 1654 гг.

снасти для отправки полка Пашкова (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 97–98).

25 августа 1655 г. в Москве были написаны, а 29 августа 1655 г. посланы грамота и наказ Пашкову «за печатью сибирского приказу». До Тобольска с остальными, посланными в Сибирь документами, ее «наскоро» довезли верхотурские стрельцы. Далее в Енисейск бумаги Пашкова и грамоты для енисейского воеводы Акинфова должен был доставить «нарочитый гонец» «безо всякого задержанья» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 138–139).

В грамоте и наказе[14] Пашкову предписывалось отправиться в Даурию с сыном Еремеем «в товарищах», возглавив сводный полк из 300 стрельцов и казаков, прибывших из «сибирских розных городов». При этом брать в поход енисейских служилых людей запрещалось. Это требование было вызвано тем, что в Енисейске не хватало людей для сбора ясака и других государственных служб. В Баргузинский и Ангарский остроги на Байкале в 7164 г.[15] нужно было отправить 73 человека. В «новой Брацкой Балаганской острог» требовалось 50 чел. и еще 20 чел. в Нижний Братский острог. Всего 143 чел. При этом в наличие у Акинфова, принявшего Енисейск в августе 1655 г., было всего 70 служилых людей (из них 24 чел. вернулись из Баргузина, куда ранее были отправлены 52 чел.). Кроме того, отряды, состоявшие из 6 и 5 человек, отправились с ясачной казной в Москву. Остальные несли службу в отдаленных местах. 138 чел. в составе отрядов детей боярских Петра Бекетова, Микифора Кольцова, Василия Колесникова и Ивана Максимова, а также, пятидесятника Алексея Оленя в 7160, 7162, 7163[16] гг. были направлены Пашковым на «новоприбылую службу на великую реку Шилку и на Ергень озеро и на Килку реку». Колесников и Максимов должны были поставить «острог на усть Хилка реки, где впала в Селенгу реку на мугальскои стороне». До приезда в Енисейск Акинфова Пашков приказал этим отрядам не возвращаться в Енисейск, а идти на реку Шилку и ждать его прихода. Очевидно, что Пашков хотел использовать любую возможность, чтобы увеличить свой полк[17]. Однако после жалобы Акинфова на эти обстоятельства, Сибирский приказ запретил Пашкову включать в состав своей экспедиции енисейских служилых людей (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 199–201, 267).

На Пашкова возлагалась задача «росмотря где пригоже, где не чает приходу воинских богдойских людей поставити острог, и всякими крепостми укрепити, и в остроге устроити настоящую церковь, во имя Воскресения Христова; а у той церкви приделати два предела, во имя Алексея митрополита, да Алексея человека Божия». Кроме того, он должен был взять под свое командование Амурское войско, которое после отъезда Ерофея Хабарова возглавлял Онуфрий Степанов и принять у амурских казаков все казенное оружие. Пашков оценивал этот военный контингент в негативном ключе. Он скорее опасался, чем был рад увеличению за счет амурских ратников своего войска. Пашков обращал внимание правительства на то, что Амурское войско «самовольно», к нему присоединились «с Лены из Ылимсково острогу ссыльные воры … живут шарпаньем а острога и города тебе государю не поставили». Он также отмечал то, что посланных с ним сил недостаточно, чтобы «воров … смирить» и привести к государеву крестному целованию, а также обязать выплачивать десятую пошлину с военной добычи. Особенно это касалось «охочих даурских служилых из беглых людей» (Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову, 1894. С. 7–8; РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 196–198). Грамота, предписывающая О. Степанову служить под началом Пашкова, была написана в Москве 29 февраля 1656 г. (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 205–206).

К Пашкову из Москвы был послан даурский толмач Ондрюшка Колча, которого в столицу привез из экспедиции Дмитрий Зиновьев[18] (РГАДА. Ф. 214.

[14] Наказ Пашкову оставался основным документом, регламентирующим деятельность приказных людей Нерчинского уезда вплоть до 1680 г., когда было образовано Нерчинское воеводство во главе с Ф.Д. Воейковым (Трухин, 2020. С. 156).

[15] Сентябрь 1655 – август 1656 гг.

[16] Сентябрь 1651 – август 1652, сентябрь 1653 – август 1654 , сентябрь 1654 – август 1655 гг.

[17] В дополнение к основным силам Пашков на свои личные средства собрал в Енисейске, Братском и Илимском острогах отряд новоприборных людей, поверстав их в казаки. Кроме того, с воеводой были его дворовые люди, общее число которых достигало 70 чел. (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 331).

[18] Ондрюшка Колча «изменил» в Даурии. Позвав ясачных сборщиков «прежнего» даурского служилого человека Ивана Иванова и томского казака Алешку Каленова в земли таргачинцев, подчинявшихся богдойским людям

Стлб. 508. Л. 319). Кроме того, Пашков, которому было предписано, прибыв в Даурию, послать туда посольство из 5–6 служилых людей и толмача, будучи еще енисейским воеводой, оставил в Енисейске «Даурские земли» толмача-новокрещена Тимошку Иванова, который сопровождал даурскую ясачную казну из Якутска в Москву. Иванов знал китайский, даурский и тунгуский языки и был «учен китайской грамоте». Его поверстали в казаки по Енисейскому острогу и выдали жалованье вперед на 7165 г. Кроме того, Пашков дал ему «своих дватцать рублев денег чтоб ему Тимошке на … г(о)с(у)д(а)р(е)ве службе в посылках платьем быть одежну»[19] (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 348–349).

К 27 августа 1655 г. Пашков не получал из Москвы и Тобольска оружия и боеприпасов для похода и никаких указаний насчет, «что со мною холопом твоим будет … наряду пушек и пороховые и свинцовые казны и мушкетов». Естественно, воеводу беспокоил этот вопрос, однако до 1658 г. он так и не был решен. Пашков писал правительству о том, что 300 ратников слишком мало, чтобы подчинить и контролировать новые земли: «службе мне холопу твоему быть не с кем по великой … реке Шилке и по Амуре реке и в области китайсково государьства и в Даурской земле в государствах своих живут цари и кочевьями кочуют их иноверных розных земель многие люди». Пашков считал, что для успешного похода нужно не менее 3000 служилых людей (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 194–198). Не раньше 29 февраля 1656 г. из Москвы к Пашкову отправили 1350 р. (вторую половину жалованья для возглавляемых им служилых людей на 1656 г.) вместе с томским служилым человеком Филькою Помельцовым и Володькою Окинфовым из Сургута «за их счетом и за печатьми»[20]. Они должны были успеть застать Пашкова в Енисейске. В случае же опоздания енисейский воевода обязывался послать их с провожатыми в след экспедиции на «легком судне». К этому времени правительство уже получило просьбу Пашкова о присылке артиллерии и запасного ручного огнестрельного оружия. Ему было обещано прислать из Москвы пищали «сколько доведется» в будущем (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 194 об.–195 об., 202–204, 207–211, 216–219).

Пашков должен был передать Акинфову свои дела, печать Енисейского острога, соболиную, денежную и хлебную казну. Свое и сына денежное содержание воеводе предписывалось взять из енисейских доходов. В качестве продовольственных припасов Пашкову поручалось получить из «Енисейской пахоты» 80 четей муки ржаной и по 10 четей круп и толокна. Кроме того, следовало взять с собой выписку из таможенных книг Енисейска, «почему в Даурской земле со всяких товаров против Енисейского со всяких людей збирати таможенные пошлины». Поход должен был начаться весной 1656 г. Суда должны были пройти через Илимский острог реками Леной и Олекмой до Даурского волока, откуда предстояло отправить дорогою хлебные запасы в Тугирский острог. На случай если в Илимске будет недостаточно пашенных крестьян с подводами для перевозки грузов через Илимский волок, Пашкову предписывалось оставить часть запасов, взяв с собой «сколко мочно». Оставленные же в Илимске, должны были привезти в Даурию позднее или заменить их хлебными припасами, размещенными заранее в Тугирском остроге для «даурской службы». Последний вариант объявлялся более предпочтительным, чтобы «от воски ваших запасов илимским де людем большой тягости и оскорбленья не было от того б … наши крестьяне пашенные были извозны и не розорились» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 101–105, 112–113, 203).

Илимский воевода Богдан Оладьин должен был обеспечить дальнейшее продвижение полка Пашкова, прибывшего из Енисейска. Для этого в его уезде должны были подготовить суда. 20 августа 1655 г. правительство приказало тобольской администрации выслать в Енисейск, а оттуда в Илимск «безо всякого мотчанья» необходимые для экспедиции материалы. В их число входили: «новые» варовые веревки для судовых снастей «на завоз и на подчалы и на дроги … и на возжи и на петли и на

(манчьжурам), он «велел их убить, а сам он изменник остался у них в таргачинской земле и говорил … чтоб оне …ясака не давали» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 319).

[19] Толмач Тимофей Иванов бежал из даурского полка 18 июля 1656 г. с «Енисея реки» в Енисейск по подговору енисейского воеводы И. Акинфова, который увез его с собой в Москву (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 348–349).

[20] Провожатыми их были томские служилые люди Ивашка Аристов, Якушко Панов, Сенка Приезжей (?), Трошка Дорофеев и Пашка Михайлов, нарымский служилый человек Офонька Семенов и кетцкие служилые люди Еремка Аристов, Тимошка Осипов и Сенка Артемьев (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 211).

причалки», конопляный холст для парусов, 30 пудов «поличного» железа для изготовления скоб и топоров, 10 пудов «укладу»[21] и 10 стоп писчей бумаги (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 110–111, 119, 135–136).

Кураторами процесса создания Даурской экспедиции и образования нового воеводства стали руководители Сибирского приказа князь Трубецкой и дьяк Протопопов. В Даурию направлялись военные из 11 городов: Тобольска (60 чел.), Томска (50 чел.), Березова (40 чел.), Тюмени (40 чел.), Тары (30 чел.), Верхотурья (20 чел.), Пелыма (15 чел.), Красного Яра (15 чел.), Кузнецка (10 чел.), Туринска (10 чел.) и Сургута (10 чел.). Всего 300 чел. (см. таблицу 1) (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 89–97).

Таким образом, для экспедиции более 2/3 ратников были взяты из городов и острогов Тобольского разряда и около 1/3 – из Томского разряда (преимущественно непосредственно из Томска). Отметим, что Тобольск отправил около 12 % от числа бывших в городе стрельцов и казаков, Пелым – около 26 % от общей численности служилых людей в гарнизоне, Верхотурье – 18 %, Туринск – 17 %, Березов 16 %, Томск – около 6%, Кузнецк – 5 %, Красный Яр – 5 %, Сургут – 5 %, Тюмень – 4 %, Тара – 4 %[22]. Из этих данных очевидно, что при формировании даурского полка правительство учитывало пограничное положение ряда крепостей, подвергавшихся постоянным набегам кочевников, выделяя из состава их гарнизонов небольшое число ратников. Почему так неравномерно была распределена нагрузка между Пелымом и Сургутом, близкими по своему военному потенциалу, не ясно. Вероятно, сыграла роль непосредственная военная обстановка вокруг этих крепостей.

В грамотах предписывалось выбирать для похода людей среднего возраста («не старых и не малых»), холостых и нарочитых (пользующихся доверием и уважением) с хорошим исправным оружием. Перед отправкой они должны были получить денежное, хлебное и соляное жалованье[23] за 7163 год[24] и еще «одно» на 7164 г.[25] (при этом хлеб и соль взять в Енисейске). Местом сбора военных отрядов был назначен Енисейск. Для их транспортировки использовались казенные дощаники. Служилые люди городов Тобольского разряда: Туринска, Пелыма, Тюмени, Тары, Верхотурья направлялись туда через Тобольск. Правительство предполагало, что служилые люди выдвинутся из своих городов весной. Все они должны были успеть прибыть в Енисейск летом «к отпуску» в Даурию воеводы Пашкова. Однако в действительности весной грамоты к сибирским воеводам не пришли. Раньше всего они прибыли в Тюмень (20 июня 1655 г.), а позднее всех в Томск (12 августа 1655 г.) и Красноярск (16 сентября 1655 г.). Томскому воеводе, чтобы выполнить приказ, пришлось уложиться с отправкой людей в Даурию всего в 4 дня, а из Красноярска ратники были направлены к Пашкову только в марте следующего года (см. таблицу 2) (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 90–97, 142–144, 148–159, 160–171, 173–178, 182–183, 213).

В Тобольске комплектование отряда было поручено стрелецкому и казачьему голове Якову Шульгину, который вскоре доложил в съезжей избе, что в наличии есть только 34 чел. «холостых» из числа пеших стрельцов и казаков. Кроме того, другие люди, подходящие под требование грамоты, находились вне Тобольска на различных службах. Часть из них сопровождала разные грузы: 16 чел. на кочах отправились в Мангазею, 6 чел. с вином и колодником на р. Лену, 19 чел. с хлебными запасами и колодниками в Енисейский острог. Остальные несли службу в других местах: 8 чел. на Собской и Обдорской заставе, 13 чел. на годовой службе в Адбашском остроге и еще 32 чел., сопровождавшие Д. Зиновьева на р. Амур, остались в Даурии. Всего 94 чел. Вместо них Я. Шульгин выбрал 26 чел. из тех же категорий служилых людей, но «женатых» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 162–164).

[21] Уклад – сталь, которою укладывают или наваривают на лезвия столярных и других металлических орудий.

[22] Расчет производился на основе данных о численности гарнизонов сибирских крепостей (Никитин, 1988. С. 29; Сорокин, 1992; Пузанов, 2010a. С. 131, 163, 177, 194, 208, 223, 244, 259; Пузанов, 2010b; Пузанов, 2016; Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды) : дис. … канд. ист. наук. Красноярск. 2016. С. 18).

[23] Например, оклад кузнецких служилых людей: десятник 5 руб. с полтиной, пушкарь 6 руб., рядовой 5 руб. Хлебное и соляное жалованье было одного размера у всех: 5 чети с осминою ржи, 2 чети овса, 1,5 пуда соли.

[24] Сентябрь 1654 – август 1655 гг.

[25] Сентябрь 1655 – август 1656 гг.

Таблица 1. **Состав военного контингента, направленного к воеводе Пашкову для похода в Даурию в 1655 г. (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62–67, 64об, 188–189, 284–285, 190, 142–144, 148–159, 173–178, 182–183, 212–213, 284–285, 291, 335)**
Table 1. **The composition of the military contingent sent to the voivode Pashkov for a campaign in Dauria in 1655**

Место прибора	Численность	Категории служилых людей	Начальные люди
Тобольск	60	Стрельцы и пешие казаки	*Атаман* Федоров Иван (провожатый до Енисейска) *Пятидесятник* Габышов Богдашко Кузьмин *Десятники* **Колупаев Власко Савельев**[26] Богданов Обросимко Захватка Варламко Дмитреев Иванов Кузка Клюсов Микифорко Лаптев Якунька Смердов Ивашко Тимофеев Саранчин Мишка Яковлев Арканов Петрушка Михайлов
Томск	50	Пешие казаки	*Пятидесятник* Евсевьев Любимко *Десятники* Помельцов Филка **Прокофьев Федька** Ондреев Данилка Костянтинов Васка Белянинов Пронька Ложников Трофимко
Березов	40	Казаки	*Пятидесятник* Свешников Микифорко *Десятники казачьи* **Романов Ивашко** Иванов Лазарко Смагин Ивашко Дементьев Елфимко
Тюмень	40	Пешие казаки	*Пятидесятник* **Бутаков Бориско Ондреев** *Десятники* Исаков Якунька Казаринов Федька Исаков Кулик Пронька Иванов Нефедов Микитка Пономарев Васка Афонасьив **Сергеев Ромашка**

[26] Жирным выделены служилые люди, которые били челом о неправомерности действий енисейского воеводы Акинфова, представляя военные корпорации сибирских городов, входивших в состав полка Пашкова (Например: «Тарсково города десятничишко казачей Оска Минин рядовые казачишка все тритцать ч(е)л(о)в(е)к»).

Тара	30	Пешие казаки, стрельцы	*Сын боярский* Богачев Гур (провожатый до Тобольска) *Десятник казачий* **Минин Оска** Сатковской Стешка Яковлев Максимко
Верхотурье	20	Стрельцы, стрелецкие дети, братья и племянники	*Пятидесятник* Сусоров Игнашка *Десятники* **Корташев Ивашко** Лапин Ивашко Артемьев Ларко Григорьев Петрушка
Пелым	15	Казаки	*Десятник казачий* **Зуев Тараско** Яковлев О…ка
Красный Яр	15	Казаки	*Красноярский конный пятидесятник* Кочергин Дружинка (провожатый до Енисейска) Григорьев Терешка Иванов Оксенко *Казак* **Силуянов Лучка**
Кузнецк	10	Казаки	*Десятники казачьи* **Болдырь Потапко Федоров** Мурзин Ганка *Пушкарь* Немчин Ивашко Федоров
Туринск	10	Стрельцы, казаки	*Десятник казачий* **Максимов Микитка** Шенин Ивашко
Сургут	10	Казаки	*Десятник казачий* Ярославцов Демка Иванов *Казак* **Тимофеев Мишка**

Таблица 2. **Данные, связанные с датами отправки и получения документов о направлении служилых людей в Енисейск в полк Пашкова, временем их выхода из своих городов и приезда в узловые точки маршрута (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 142–144, 148–159, 160–171, 173–178, 182–183, 213, 220–222)**
Table 2. **Data related to the dates of sending and receiving documents on the sending of servicemen to Yeniseisk to the Pashkov regiment, and the time of their departure from their cities and arrival at the nodal points of the route**

Города и остроги, получившие грамоты о походе в Даурию	Воеводы и другие администраторы	Время написания отправки и прибытия грамоты	Время отправления военных отрядов в Даурию
Тюмень	Матюшка (Матвей) Полуехтов	Пришла 20 июня 1655 г.	1) 16 июля 1655 г. прибыли в Тобольск (прошло 36 дней от получения приказа) 2) 25 июля 1655 г. убыли в Енисейск (10 дней были в Тобольске)

Верхотурье	Лев Измайлов и подьячей Григорий Похабов	Написана Москве 7 мая 1655 г. Отправлена 10 июня 1655 г. Пришла 22 июня 1655 г.	1) Вышли из Верхотурья 2 июля 1655 г. (10 дней сборы) 2) 24 июля 1655 г. прибыли в Тобольск (добирались 22 дня)
Тобольск	Воеводы: Василий Иванович Хилков Иван Иванович Посного Гагарин Дьяки: Богдашко Обобуров Гришка Углев	Написана в Москве 8 мая 1655 г. Пришла 27 июня 1655 г.	Вышли из Тобольска 17 июля 1655 г. (20 дней сборы)
Туринск	Матвей Мусин Пушкин	Пришла до 6 июля 1655 г.	1) 6 июля 1655 г. прибыли в Тобольск 2) 25 июля 1655 г. убыли в Енисейск (19 дней были в Тобольске)
Березов	Сергей Малово	Пришла 6 июля 1655 г.	Вышли из Березова 21(29) июля 1655 г (15 дней сборы)
Тара	Ивашка Чеадаев	Пришла 6 июля 1655 г.	1) Вышли из Тары 12 июля 1655 г. (6 дней сборы) 2) 20 июля 1655 г. прибыли в Тобольск (добирались 8 дней, всего от времени получения приказа прошло 14 дней)
Пелым	Петр Львов	Пришла не позднее 16 июля 1655 г.	1) Вышли из Пелыма не позднее 16 июля 1655 г. Прибыли в Тобольск 2) 25 июля 1655 г. убыли в Енисейск (не менее 9 дней были в Тобольске)
Сургут	Никифорко Мещерской	Пришла 17 июля 1655 г.	1) Вышли из Сургута 25 июля 1655 г. (8 дней сборы)
Томск	Микифорко Нащокин Аверкейко Болтин	Пришла 12 августа 1655 г.	Вышли из Томска 16 августа 1655 г. (4 дня сборы)
Кузнецк	Федор Баскаков	–	–
Красноярский острог	Михайло Скрябин	Пришла 16 сентября 1655 г.	Вышли из Красноярска 9 марта 164 г.
Енисейск (о направлении отрядов из сибирских городов)	Иван Павлович Акинфов	Отправлена из Москвы 11 мая 1655 г.	27 августа 163 г. служилые люди из всех городов еще не добрались до Енисейска

В Верхотурье, Туринске и Тюмени также не нашлось требуемого числа холостых служилых людей. Туринский воевода отправил в поход и холостых, и женатых ратников. Тюменский воевода отметил, что «выбрать было холостых всех некого многие по острошкам и по слободам на … годовых службах а иные были на сплавной за … хлебными запасы». Верхотурские и тюменские стрельцы и пе-

шие казаки выбрали «меж себя» тех, кто отправиться в Даурию, при этом, старые и женатые наняли и отправили вместо себя замену из числа «не тяглых», холостых стрелецких детей, братьев и племянников. Наниматели предоставили воеводе поручные записи о своих наемниках. В Верхотурье места стрельцов заняли 10 чел. «из гулящих людей наемщиков». Кроме того, все они были приведены к крестному целованию. Тюменцы, отправившие вместо себя родственников, лишились окладных мест и просили воеводу заново поверстать их в «выбылые места в пешую службу». Однако правительство запретило воеводам в городах Тобольского и Томского разрядов выдавать жалованье служилым людям, отправившим вместо себя «из гулящих людей наемщиков», «чтобы дача была не вдвое». Кроме того, в случае если в убылые места были поверстаны новоприборные люди, а служилые люди, заменившие себя в даурском походе наемниками уже получили выплаты по окладам, предписывалось их незамедлительно забрать в казну (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 142–143, 154–156, 166, 217–218). Все служилые люди, направленные в Даурию, были перечислены воеводами городов и острогов в «имянные списки», которые были переданы в Сибирский приказ. К 8 апреля 1657 г. в Москве не получили перечни ратников только из Пелыма, Туринска и Красного Яра и требовали их прислать (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 216, 219, 221). Большинство из этих списков сохранилось в составе Столбца 508. Содержавшиеся в них имена внесены в Приложение к данной статье.

Отметим, что вывод в Даурию даже такого небольшого контингента, который был направлен в экспедицию Пашкова, негативно отразился на способности гарнизонов сибирских городов выполнять возложенные на них службы. Например, воевода Тары отмечал, что «всяких служеб на Таре много а служитлых людей от часу убывает а Тарской город украинной служилые люди надобны». Он просил разрешения поверстать казачьих детей, «которые в службу пригодятся» на места ушедших служилых людей (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 212, 216–217). Однако весной 1657 г. воеводам городов Тобольского и Томского разрядов было запрещено верстать людей в места служилых людей, ушедших в Даурию (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 221–222).

Выдача жалованья не везде соответствовала предписаниям грамот. Тобольские служилые люди потребовали от воеводы выдать им и вторую часть хлебного и соляного жалованья за 164 г.[27], т. к. им нужно было оставить средства пропитания для своих родных: холостых матерям, а женатых женам и детям. Воевода выполнил их просьбу «потому что те служилые люди бедны и поднятца было им на вашу государеву службу нечем» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 165). Березовские служилые люди так же по своей просьбе получили хлебное жалованье на 7164 г.[28] в Березове, а не в Енисейске «для их бедности … чтоб им было чем поднятца» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 150). Так же было и в Таре (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 174). В Верхотурье отправляемые в Даурию ратники не получили соляное жалованье на 7163 г.[29], т. к. оно всегда выдавалось им в Тобольске (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 143). В Тюмени не было денег для необходимых выплат по окладам и воеводе пришлось занять 215 руб. у «тюменских жильцов и у торговых людей и церковных старост». Жалованье на 7164 г.[30] выслали уже вслед за уже отправившимся в поход отрядом. Оно должно было быть получено служилыми людьми в Тобольске (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 155). В Туринске и Пелыме также не было денег для выдачи жалованья на 7164 г.[31], об этом служилые люди подали челобитные в Тобольске «де им на ту … дальную службу из Тобольска никоими мерами поднятца нечем нужны и бедны». Тобольскому воеводе удалось с большим трудом занять денег для выдачи денежного жалованья. Кроме того, Туринские Пелымские, Тюменские, Тарские стрелцы и казаки подали челобитную о выдаче им на 7164 г.[32] хлеба и соли в Тобольске «де им и без хлебного … жалованья на … даурскую службу идти невозможно и чтоб … велели им дать для той даурские службы … хлебного жалованья вперед же на 164 год чем бы им дойти до Енисейского острогу». Тобольские воеводы не смогли удовлетворить эту просьбу полностью, а выдали всем ратникам «по чети муки по чети круп и толокна» в счет их окладов для пути в Енисейск, где они должны были получить положенные им припасы полностью (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 167–169).

[27] Сентябрь 1655 – август 1656 гг.
[28] Сентябрь 1655 – август 1656 гг.
[29] Сентябрь 1654 – август 1655 гг.
[30] Сентябрь 1655 – август 1656 гг.
[31] Сентябрь 1655 – август 1656 гг.
[32] Сентябрь 1655 – август 1656 гг.

Только Томский воевода сообщил о характере вооружения служилых людей: «с добрым ружьем с пищальми и с рогатины» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 177–178). Из Тобольска в Енисейск для полка А. Пашкова, следуя приказу из Москвы, отправили 50 пуд. пороха «ручного з деревом» и 100 пуд. свинца[33] (уже в начале похода Пашкова, к моменту нахождения полка в Братском остроге из запасов осталось 25 пуд. пороха и 50 пуд. свинца, вероятно, вследствие раздачи боезапаса новоприборным людям, которых Пашков набрал из гулящих людей в Енисейске и около Братского острога) и 100 ведер вина «горячего». Кроме того, Симеон «архиепископ Сибирскои и Тобольской» должен был отправить антиминсы «к трем престолам», сосуды и книги для церковной службы[34], черного попа и белого дьяка. Ими стали чёрный поп Сергий и белый дьякон Леонтий[35]. На «подъем» им выдавалось по 15 руб., по 10 чети ржаной муки, по 2 чети с «осминою» круп и толокна и по три пуда соли. Также к ним планировалось присоединить знаменитого протопопа Аввакума, переводимого из Тобольска в Якутский острог (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 57, 94 об., 101, 106–108, 109 об., 112, 161, 202–202 об.). Ему так же полагалось жалованье, установленное наравне с черным попом и белым дьяконом. В Даурию Аввакум направлялся вместе с женой и детьми в качестве белого попа. В Даурском походе, в отличии от первоначально назначенного ему в качестве места ссылки Якутска, ведение церковных служб ему было разрешено. Отправленные в Енисейск отряды и боеприпасы, прибывали к Пашкову в течение 1655–1656 гг. Отправиться в даурских поход воевода смог только летом 1656 г.

Подводя общий итог этапу, предшествующему выходу полка Пашкова в Даурию, отметим:

1. Правительство, назначив воеводой опытного в сибирской службе человека, имеющего подробные сведения о Даурии, пыталось избежать проблем перехода, выявленных Зиновьевым.

2. Перевод отрядов численностью 300 чел. из 11 сибирских городов в Енисейск и подготовка их к походу в Даурию заняли около 1 года с момента отправки приказа правительства.

3. Приказы об отпуске людей в Даурию пришли в сибирские города неравномерно в течение июня – сентября 1655 г. В связи с этим время их сбора в Енисейске также было серьезно растянуто во времени.

4. Комплектование отрядов в сибирских городах заняло от 4 до 20 дней.

5. В ряде случаев (Тобольск, Верхотурье, Туринск, Тюмень) воеводы не смогли строго следовать предписаниям выбора в поход холостых людей среднего возраста. Вместо них по выбору служилых людей пошли женатые казаки и стрельцы, их дети, братья и племянники, а также наемники. В какой-то степени в будущем это уменьшало возможность оставить их в Даурии на постоянную службу.

6. В экспедиции не было запаса казенного оружия, а количество выданного пороха и свинца было небольшим и рассчитано примерно на 1 год.

7. Запасы продовольствия фактически исчерпывались только теми, что были выданы служилым людям в качестве жалованья. Пополнить их предстояло в Тугирском острожке за счет «хлеба», заготовленного для войска Лобанова-Ростовского. Это вносило фактор неопределенности, т. к. было неясно, в каком объеме они были туда доставлены из Илимска.

Таким образом, правительство, с одной стороны, старалось сделать поход максимально эффективным, с другой – его материальное обеспечение было явно недостаточным, также как и задействованные в нем людские ресурсы. Вероятно, приоритетным был расчет на усиление полка Пашкова за счет амурских казаков (оказавшийся в итоге неправильным из-за разгрома их маньчжурами в 1658 г.). В то же время мы можем предположить, что первоначально в сибирском приказе, еще не отказавшимся от идеи отправить в Даурию трехтысячный корпус,

[33] Полк Пашкова не получал другого боезапаса минимум до 29 июля 1658 г. К этому моменту воевода просил о получении пушек, затинных пищалей, запасных мушкетов, пороха и свинца в 7164 г. из Енисейска, а затем с р. Тунгуски и в 7165 г. с р. Ангары. Находясь в Даурии на р. Шилке, Пашков снова повторил свою просьбу. 29 июля 1658 г. он «бил челом» в Москву с казачьи пятидесятником Игнатом Ивановым о присылке оружия и боеприпасов. 4 августа 7167 г. челобитная была подана в Москве (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 57–59).

[34] Книги и сосуды для службы не были присланы и к 29 июля 1658 г., хотя в остроге на устье Нерчи уже была построена церковь во имя Благовещенья Богородицы (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 345).

[35] Леонтий умер в Братском остроге по пути к Байкалу (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 345).

рассчитывали, что Пашкову следует выделить только такие силы, которые будут достаточны для того, чтобы продержаться в новых землях год-два до прихода Лобанова-Ростовского, в течение которых даурский воевода построит остроги и заведет пашню.

Безусловно, что вопросы, касающиеся подготовки полка Пашкова для похода в Даурию, не исчерпываются данной статьей и будут рассмотрены в будущем с привлечением новых, еще не введенных в научный оборот документов.

Приложение
Именные списки служилых людей, отправленных в Даурию в составе полка А.Ф. Пашкова в 1655–1656 гг.[36]

Березовский город (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 152–153).

Пятидесятник

Свешников (Свешников) Микифорко[37]

Казаки

Ангрышов (Ангрышев) Тимошка Прокопьев[38]
Бабарыкин Калинка
Баженов Ромашко
Башкир Микитка Семенов
Гаврилова Юрка Ондреев[39]
Дементьев Ефимко (Елфимко[40])
Добрышин Мишка Обросимов
Елфимов Васка[41]
Замятин (Замятнин) Ондрюшка Григорьев[42]
Зубов Ивашко Яковлев[43]
Киселев Ивашко Михайлов
Коцыбнев Бориско Лукьянов
Курсин Митька Петров[44]
Лапотников Ивашко Офонасьев
Лапухин Прошка (Пронька) Микифоров[45]
Лонщаков Гришка Иванов[46]
Майда Сенка Ондреев
Медведев Ивашко Мартынов

[36] Публикуются в соответствии с сохранившимися документами, направленными сибирскими воеводами в Москву. Кроме того, в Приложении указаны имена служилых людей, участвовавших в походе в Даурии, но не отмеченных в именных списках. Кроме того, не была установлена принадлежность к военным корпорациям конкретных городов следующих служилых людей: Колмак Мишка, Казанец Ывашко (РГАДА Ф. 214. Стлб. 508. Л. 249).

[37] Десятник. Вел переговоры с енисейским воеводой о получении хлебного жалованья 30 июня 1656 г. Отмечен Пашковым как человек, прислушивающийся к проповедям ссыльного протопопа Аввакума. За что воевода его «с вашей государевой службы в походе ис полку своево выслал вон» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 186, 260). Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 303). В 1670-х гг. в Нерчинске служили казаки Ф.Я. Свешников (десятник) и Л.И. Свешников (Багрин, 2021b). Ф.Я. Свешников к 1689/1691 гг. получил чин пятидесятника. Кроме того, в казаках числился Тимофей Свешников (Багрин, 2021c).

[38] Был грамотен, прикладывал руку за себя и своих товарищей. Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 295 об.). Я.Г. Солодкин отметил, что династия Ангрышевых служила в Березове в течение всего XVII в. «По документам 1620-х и 1647 гг. известны казаки Ангрышевы – Юрий, Григорий, Назар, Борис, «Пронька» (Солодкин, 2018. С. 136–137). Видимо, Тимофей Ангрышов был сыном последнего.

[39] По данным Солодкина, Юрий Андреев Гаврилов был березовским атаманом. Его отец Андрей Гаврилов был одним из первых казаков Березова, дважды награжденный за свою службу в Москве (Солодкин, 2018. С. 72–73, 88, 113, 115, 135).

[40] Был грамотен, прикладывал руку за себя и своих товарищей. Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л.189 об., 308 об.)

[41] Елфимов Васка входил в начальный состав гарнизона Березова не позднее 1622/1623гг. Отправленный в Даурию В. Елфимов мог быть как этим же лицом, так и его родственником (Солодкин, 2018. С. 135).

[42] Был грамотен, прикладывал руку за себя и своих товарищей. Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189, 189 об., 295 об.)

[43] Отец И.Я. Зубова Якушка Зубов отмечен как березовский годовальщик в Мангазее (Солодкин, 2018. С. 74).

[44] Семья Курсиных служила в Березове с начала формирования его гарнизона до конца XVIII в. (Солодкин, 2018. С. 26, 114, 136–137 и др.).

[45] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).

[46] В 1658–1659 годах вместе с Григорием по именным книгам города Березова числился Ивашко Семенов Лоншаков, вероятно, его отец (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д 343, Д. 418, Д. 444) Григорий Иванович принял участие в походе отряда Пашкова и в дальнейшем служил в Нерчинске, получил звание – нерчинский сын боярский. В 1670-х гг. находился на должности приказного человека Телембинского острога. С февраля 1678 г. по сентябрь 1679 был приказным человеком Албазинского острога. В 1685 году Г.И. Лоншаков снова был назначен приказным человеком Теленбинского острога. Неоднократно использовался нерчинским воеводой для дипломатических связей. В 1690 году Г.И. Лоншаков был направлен в Пекин с дипломатической миссией. Вернулся в Нерчинск 6 сентября 1690 г. Из Нерчинска он был отправлен в Москву и умер по дороге в 1691 году (Трухин, 2021).

Мещеряков[47] Семейка Ондреев
Мещеряков Якимко Иванов
Нечаев Ивашко
Ногин Офонька Кузьмин
Овдеев Петрушка
Онтонов Тихонко
Орлов Куземка Иванов
Осипов Федка[48]
Охлопков Фомко Григорьев
Федька Первово Яковлева[49]
Рыжиков Софронко Микитин
Суетин Вторко Кирьянов[50]
Телицын Якунька Максимов[51]
Тиханов Левка
Торлопов Митька Говрилов[52]
Усков Трофимко Иванов[53]
Устюжанин Титко Иванов[54]
Читальницын Илюшка
Чортов Сенка Микифоров[55]
Шадрин Мишка Иванов
Шахов Ивашко Прокопьев[56]

Казаки Березовского города, не вошедшие в именной список, направленный березовскими воеводами в Москву.[57]

Иванов Лазарко[58]
Мозолевъской Лучка[59]
Нарымцов Ефремко[60]
Романов Ивашко[61]
Смагин Ивашко[62]
Сидоров Фалька[63]
Стефанов Прохарко[64]
Тельной Ивашко[65]

2. Верхотурский город (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 144).

Стрельцы
Десятник
Корташев (Корташов) Ивашко[66]

Рядовые
Божин Васка
Бархатов Куземка

[47] Семья Мещеряковых служила в Березове с начала формирования его гарнизона (Солодкин, 2018. С. 114).
[48] Вероятно, может быть потомком новокрещена Н. Осипова, служившего в Березове и Сургуте в начале XVII в. (Солодкин, 2018. С. 5, 16).
[49] Потомок березовского казака Первого Яковлева, входившего в состав гарнизона Березова в 1620-е гг. В 1651 г. в березовских детях боярских числился его полный тезка Первой Яковлев (Солодкин, 2018. С. 93, 113, 117, 137).
[50] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62, 189). В 1670-х гг. в Нерчинске служил толмач Дмитрий (Митька) Суетин (Багрин, 2021b; Багрин, 2021c).
[51] Семья Телицыных служила в Березове с начала формирования его гарнизона до конца XVIII в. Его отец Максим Телицын возглавлял в 1641 г. отряд, отправленный на р. Индигирку (Солодкин, 2018. С. 26, 77, 115). В 1689–1691 гг. Яков (Якушко) Телицын служил десятником в гарнизоне Нерчинска (Багрин, 2021c).
[52] Семья Торлоповых, включая отца Митьки Гаврилу, служила в Березове с начала формирования его гарнизона до конца XVIII в. (Солодкин, 2018. С. 26, 115, 136–138).
[53] В 1670-х гг. в Нерчинске служил Трофим Иванов. Он же числился в нерчинских казаках и в 1689–1691 гг. (Багрин, 2021b; Багрин, 2021c).
[54] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[55] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[56] Семья Шаховых служила в Березове с начала формирования его гарнизона до XVIII в. В рассматриваемый отрезок времени Иван Шахов служил ясачным сборщиком в Обдорском городке, однако нам точно не известно, был ли это Иван Прокопьев (Солодкин, 2018. С. 114, 134–135).

[57] Упоминаются в других документах, относящихся к походу Афонасия Пашкова в Даурию.
[58] «Березовсково города десятничишка казачей» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[59] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[60] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[61] «Березовсково города десятничишко казачей» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 285). Возможно, Смагин.
[62] «Березовсково города десятничишка казачей» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189). Возможно, Ивашка Романов
[63] Пашков писал в одной из отписок: «во 165-м году идучи на … даурскую службу из брацково острогау полку моев[о] Березовског(о) города служилой ч(е)л(о)в(е)к Фалька Сидоров с вашие г(о)с(у)д(а)р(е)вы службы збежал и ваше г(о)с(у)д(а)р(е)во денежное жалованье и пищаль и порох и свинец снес и ваше г(о)с(у)д(а)р(е)во хлебное жалованье тайно роздал или будет продал неведомо кому А на Березов г(о)с(у)д(а)ри город к воеводе к Сергею Малово я холоп ваш о том беглом казаке в прошлом же во 165 году писал» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 340).
[64] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 192 об.).
[65] Отмечен Пашковым как человек, прислушивающийся к проповедям ссыльного протопопа Аввакума. За что воевода его «с вашей государевой службы в походе ис полку своево выслал вон» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 186).Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62).
[66] Десятник. Вел переговоры с енисейским воеводой о получении хлебного жалованья 30 июня 1656 г. (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189, 260). В Нерчинском остроге в 1670-х гг. служил Данила Корташов (Багрин, 2021b).

Кожевник Филька
Новокрещен Стенька
Онисимов Родька
Ортемьев Ларка
Офонасьев Федька
Сусоров Игнашка[67]

Стрелецкие дети, братья и племянники
Десятник
Лапин Ивашко[68]

Рядовые
Башар Ивашко Микифоров (вместо Ывашки Зиновьева)
Володимеров Самылко (вместо Васки Таскина)
Григорьев Петрушка вместо Захарки Грязново
Жданов Микитка вместо Ывашки Шапочника
Ондреев Омелька вместо Куземки Костарева
Павлов Микитка вместо Корытова
Пряничников Митька вместо Офоньки Толстово
Розкольнов Ивашко вместо Стенки Михеева
Рышков Ивашко вместо Микитки Кокшарова
Филипов Ивашко вместо Гришки Костянтинова

Казаки Верхотурского города, не вошедшие в именной список, направленный Верхотурскими воеводами в Москву.
Евсевьев Микитка[69]
Офонасьев Ивашка[70]

3. Красноярский острог[71]
Пятидесятник
Кочергин Дружинка[72]

Десятник
Иванов Оксенко[73]

Казаки
Григорьев Терешка[74]
Кочергин Титко[75]
Ошихин Ивашко[76]
Потылицын Ивашко[77]
Силуянов Лучка[78]
Степанов Мишка[79]
Чунептев Терешка[80]

4. Кузнецкий острог (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 182–183).
Десятник
Болдырь Потапко

Пушкарь
Немчин Ивашко Федоров

Рядовые
Атаманов Калинка Петров[81]
Броннин Васка[82]
Грифилов Овдокимко
Иванов Волотька
Иванов Кондрашка
Миронов Ивашко
Омельянов Пронька
Ортемьев Кирюшка (Кирилко)[83]

Казаки Кузнецкого острога, не вошедшие в именной список, направленный Кузнецкими воеводами в Москву
Мурзин Ганка[84]
Федоров Потапко[85]

[67] В 1658 г. был пятидесятником. Сопровождал отписки Пашкова в Москву (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 335).
[68] Десятник. Вел переговоры с енисейским воеводой о получении хлебного жалованья 30 июня 1656 г. (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 260).
[69] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[70] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[71] Роспись красноярских служилых людей посланных на даурскую службу в столбце 508 не сохранилась.
[72] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 213).
[73] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63, 190).
[74] Десятник. В 1658 г. сопровождал отписки Пашкова в Москву (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 335). Возможно Чунептев.
[75] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).
[76] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).
[77] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 194 об.).
[78] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 285).
[79] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).
[80] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).
[81] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).
[82] Возможно, прочтение Бронник
[83] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).
[84] «Десятничишко казачеи» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63).
[85] Отвозил отписку Пашкова в Сибирский приказ. Выехал из Сибири 4 июня 1657 г., прибыл в Москву 27 октября 1657 г. Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 187, 190, 285, 241, 3390. Возможно. Болдырь.

5. Пелымский город[86]

Десятник
Зуев Тараско[87]
Яковлев О…ка[88]

Рядовые
Иванов Бориско[89]
Иванов Васька[90]
Михайлов Ывашко[91]
Федоров Васька[92]

6. Сургутский город (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 147).

Акинфеев (Окинфов, Акинфов) Володька[93]
Батуринов Сергушка Михайлов
Бяшкин Петрушка Иванов[94]
Голощапов Гришка Федоров
Ковалев Андрюшка Аверкиев (Оверкиев[95])
Куйвашев Ивашко Аникеев
Михайлов Мартынко
Петров Ганька
Тимофеев Мишка[96]
Ярославцов Демка Иванов[97]

Казаки Сургутского города, не вошедшие в именной список, направленный Сургутскими воеводами в Москву.

Васильев Онтонко[98]
Ларионов Митька[99]

7. Тарский город (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 175–176).

Антипин Ивашко
Афонасьев (Офонасьев) Петрушка [100]
Григорьев Петрушка
Емельянов Трошка
Жерноков (?) Мишка Афанасьев
Кирилов Осташка
Колачников Мишка Савельев
Колударов Корнилко
Котовщик (?) Федька Яковлев
Мезенин Дениско
Минин Оска[101]
Немков Олешка Федоров
Никитин Ивашко
Олферов Мануилко (?)
Остяк Мишка
Пушкарев Федька Филипов
Пушкарев Якунька
Резин Ганка Григорьев
Сальников Митька
Сатковской (Садъковской) Стешка (Стенька)[102]
Серебряник Лучка Тихонов
Степанов Пронька
Строкин Стенька
Суслов Власко
Федосеев Ромашко
Фомин Фролко
Черного Левка
Шатернин Якунька
Яковлев Максимко
Ясырев Пиминко

Казаки Тарского города, не вошедшие в именной список, направленный Тарскими воеводами в Москву.

Иванов Васка[103]

---

[86] Роспись Пелымских служилых людей посланных на даурскую службу в столбце 508 не сохранилась.
[87] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[88] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63).
[89] Был грамотен, прикладывал руку за себя и своих товарищей. Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190 об.).
[90] Был грамотен, прикладывал руку за себя и своих товарищей. Отвозил отписки Пашкова в Москву в 7164 г. Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190 об., 336).
[91] Сопровождал отписки Пашкова и коллективную челобитную даурского полка в Москву в 1656–1657 гг. (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 283).
[92] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).
[93] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 202, 210).
[94] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).
[95] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).
[96] Был грамотен, прикладывал руку за себя и своих товарищей. Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190 об.).
[97] «Десятничишко казачей» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 64 об., 190).
[98] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).
[99] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).
[100] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62, 189).
[101] Десятник. Представлял в Енисейске енисейским воеводой Акинфовым интересы даурских служилых людей в получении хлебного жалованья (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 260).
[102] «Десятничишка казачей» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[103] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62).

Иванов Левка[104]
Игнатьев Ивашко[105]
Федоров Ивашко[106]

8. Тобольский город (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 170–172).

Стрельцы
Григорьев Ондрюшка
Коновал Мишка Дементьев
Лапин Офонька Иванов
Ондреев Ивашко
Парва Федька Семенов[107]
Портной мастер Петрушка Гаврилов[108]
Самсонов Васка
Сергеев Ондрюшка
Сурин Куземка Моисеев
Харчевников Микитка Иванов
Шутов Ивашко Ондреев[109]
Щербак (Оникеев)[110] Ивашко Оникеев

Пешие казаки

Михайловы Станицы Остафева
Рядовые
Гарасимов Илейка
Колмогорец Васка Матвеев
Ларионов Александрик
Трофимов Семейка

Ивановы Станицы Федорова
Десятники
Богданов Обросимко
Колупаев (Савельев)[111] Власко Савельев

Рядовые
Грибанов Демка Микитин
Новосильцов Ивашко Федосеев
Пенеженин Костка Иванов
Сосновской Савка Иванов
Федоров Гарасимко
Холкин Ивашко Павлов

Ондреевы Станицы Булдакова
Рядовые
Вахромеев Мишка
Леонтьев Васка[112]
Меркурьев Агафонко
Прокопьев Ивашко
Ондреев Кондрашка
Оникеев Томилко

Петровы Станицы Вагачова
Рядовые
Колыванов (?) Власко Петров
Личарда Гришка Оникеев
Макарьев Бориско
Мокеев Мишка
Плотник Исачко Малахов
Синявской Родка
Яковлев Мартынко

Меньшово Станицы Выходцова
Десятник
Саранчин Мишка Яковлев

Рядовые
Горлищев Потапко Васильев
Исаков Ортюшка (Артюшка)[113]
Парфеньев Васка

Мурзины Станицы Выходцева
Рядовые
Таскаев Семейка Сысоев
Евсевьев Митька
Логинов Микитка[114]
Чесноков Ганка Васильев

Омельяновы Станицы Васильева
Десятник
Смердов Ивашко Тимофеев

[104] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189). Возможно, Черного. Служил в 1675–1677 гг. в Нерчинске (Багрин, 2021b).
[105] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[106] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[107] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 188).
[108] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л.188, 311).
[109] В 1675–1677 гг. в Нерчинске служил Илюшка Иванов сын Шутов (Багрин, 2021b).
[110] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 188).
[111] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62, 188, 284).
[112] Служил в Нерчинске в 1675–1677 гг. (Багрин, 2021b).
[113] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 188).
[114] Служил в Нерчинске в 1675–1677 гг. (Багрин, 2021b).

Рядовые

Васильев Оверька
Вахромеев Петрушка
Винокуров Васка Михайлов
Елисеев Ганка
Котовщик Куземка Иванов
Прокопьев Федька
Устюженин Федька Савельев
Фишов (?) Федосейко Ильин

Ивановы Станицы Ковырзина

Десятник

Захватка (?) Варламко Дмитреев

Рядовые

Барабанщик Ивашко Терентьев
Байков Семейка
Сауров Ондрюшка Леонтьев
Углев Федька Русанов

Казаки Тобольского города, не вошедшие в именной список, направленный Тобольскими воеводами в Москву.

Арканов Петрушка Михайлов [115]
Астроханцов (Астраханцов) Ивашко [116]
Габышов Богдашко Кузьмин [117]
Зверев (Зверов) Гарасимко[118]
Иванов Ивашко[119]
Иванов Максимко[120]
Иванов Кузка[121]
Клюсов Микифорко[122]
Лаптев Якунька[123]
Мосеев Куземка[124]
Савуров Ондрюшка[125]
Самопальников Ивашко[126]

[115] Десятник. Был грамотен, прикладывал руку за себя и своих товарищей. Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62, 188).

[116] Был грамотен, прикладывал руку за себя и своих товарищей. Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63 об., 188 об., 284 об.) Астроханцов Иван Иванов, сын состоял в гарнизоне Нерчинска в 1670-х гг. (Багрин, 2021b). В 1689–1691 гг. в Нерчинске служил десятником Астроханцов Иван (Багрин, 2021c).

[117] Десятник, пятидесятник. Был грамотен, прикладывал руку за себя и своих товарищей. В декабре 1657 г. ранен на р. Шилке во время похода на тунгусов под предводительством Еремея Пашкова (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62, 188, 191 об, 291 об., 320). В 1648–1649 годах служил в Якутском остроге – «седел у государевых дел в Съезжей избе вместо подьячего». Участник похода Ерофея Хабарова на Амур, исполнял там обязанности подьячего. В мае 1655 года подъячий Богдан Габышев был отправлен О. Степановым с Амура с ясачной казной за 7162 и 7163 год в Москву (с Трофимом Никитиным). Габышев прибыл в Якутск (с ним Ивашко Иванов Южак, Онтонка Евсевьев, Андрюшка Степанов Потаповых, Тимошка Федотов, Симанко Захаров, Степанко Левонтьев Новгородец, Ивашка Харитонов, Андрюшка Васильев, Трофимка Микитин, Баженко Измайлов, Марчко Андреев, Титко Левонтьев, Евсейко Фотеев (Гурылев), Семейка Михайлов, Кирилка Игнатьев (Кобель), Федька Дмитриев Сургуцкий, Мишка Левонтьев и др.). Кроме того, часть людей, сопровождавших казну до волока – 10 чел из Тобольска и Сургута без разрешения ушли с Тугиря в Якутск (Кубышкин Ивашко, Колупаев Тихонко, Чюрка Ивашко, Софронов Макарко, Москва Ивашко, Паруньин Андрюшка, Лыткин Федька, Камень Федотко, Иванов Парфенко). 11 июня 1655 г. казна была отправлена в Москву. 13 февраля 1656 года казна прибыла в Сибирский приказ. Ее сопровождал Богдан Козьмин Габышев, описанный как ленский (якутский) служилый человек. С ним были ленские служилые люди – Вторко Катаев, Куземка Лошаков, Тимошка Ливинц, Ларька Шумилов, Трофимко Микитин, Любимка Меркурьев, Пронка Григорьев, Онтонка Иарков, Пронка Ортемьев, Ивашко Ашманаев, Ивашко Переменин, даурские служилые люди – Тимошка и Митька Ивановы (выходцы из иноземцов), Митька Назаров Тютя, Ондрюшка Васильев Строганов, Тимошка Федотов Муха, Семейка Михайлов, Евсевейка Фотеев Гурылев, Богдашко (Баженка) Измайлов, Ивашко Харитонов Широково, Оска Яковлев Оленев, Марчко Андреев, целовальники – Моска Федотов Ивашко Крюков (Красноштанов, 2008. С. 299–300, 526–527, 535–536).

[118] Был грамотен, прикладывал руку за себя и своих товарищей. Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63 об., 188).

[119] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 188).

[120] Был грамотен, прикладывал руку за себя и своих товарищей. Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63 об., Л.188, 190 об., 286 об.).

[121] «Десятничишка казачей» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62, 188). Возможно, Котовщик Куземка.

[122] Десятник пеших казаков. 21 апреля 1657 г. привез отписку Пашкова в Сибирский приказ (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 248 об., 281 об., 282 об.).

[123] «Десятничишка казачей» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62).

[124] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 188). Возможно, Сурин.

[125] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 188). Возможно, Сауроф.

[126] Был грамотен, прикладывал руку за себя и своих товарищей. Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63 об., 188, 189 об.).

9. Томский город (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 179–181).

Десятники

Белянинов Пронька
Костянтинов (Костентинов) Васка[127]
Ондреев Данилка[128]
Помельцов Филка[129]
Прокофьев (Прокопьев)[130] Федька

Рядовые казаки

Анисимов Володька
Астороханцов Емелька
Бубенной Ивашко
Буянов Ивашко
Варламов Першутка
Герасимов Тимошка
Григорьев Нестерко
Губкин Вавилко
Каленой Олешка[131]
Кожевников Стенка
Колмогоров Якушко
Костромитинов Тишка
Круглыхин Куземка
Лаврентьев Ивашко
Ламанов (Ламонов) Левка[132]
Лапкин Сенка
Ложников Денко
Ложников Трофимко (Трошка)[133]
Лукьянов Денко
Маслов Гришка
Маслов Ивашко
Микитин Баженко[134]
Милованов Игнашка[135]
Моклоков Федька
Морковкин Васка
Немчин Ромашка
Носов Юшко[136]
Овдокимов Гришка
Ортемьев (?) Сенька (?)
Осипов Логинко
Пестрединной Осипко
Помельцов Стенька
Поршенников Ивашко[137]

[127] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 188).

[128] Десятник. Вел переговоры с енисейским воеводой о получении хлебного жалованья 30 июня 1656 г. В декабре 1657 г. ранен на р. Шилке во время похода на тунгусов под предводительством Еремея Пашкова (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 260, 320).

[129] Упомянут Пашковым как человек, прислушивающийся к проповедям ссыльного протопопа Аввакума. За это воевода «велел учинить наказанье бить кнутом на козле нещадно, и отпустил ево в Томской город» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 186).

[130] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 188, 284).

[131] Убит в декабре 1657 г. в Таргачинской земле из-за предательства проводника и толмача Ондрюшки Колчи (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 319). В 1675–1677 гг. в Нерчинске служил казак с похожей фамилией (прозвищем) Коленов Иван (Багрин, 2021b).

[132] Был грамотен, прикладывал руку за себя и своих товарищей. Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63 об., 189 об., 286 об.).

[133] Десятник. Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62).

[134] В 1670–1680-ые гг. служил в Нерчинске. Получил звание – нерчинский сын боярский (Акты Исторические. СПб., 1842. Т. IV. С. 561).

[135] В 1670–1680-ые гг. служил в Нерчинске. В 1670 году в чине казачьего десятника, возглавлял миссию в Пекин (Центральный государственный архив КНР. Отдел Минской и Цинской династий. Ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений, подлинные документы периода Канси Цяньлун. 1670. № 1. Л. 1–4). Получил звание – нерчинский сын боярский. В 1675 году сопровождал посольство Николая Спафария в Пекин (Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 37. Л. 1–2). В 1681 году в качестве приказного человека Зейского и Селенбинского острогов обследовал и детально описал долину реки Зеи и её притока Селемджи (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 14). В 1684–1685 годах сопровождал в поездке в Москву тунгусского князя Гантимура с сыном (Высочайше учрежденная под пред. статс-секретаря Куломзина Комис. для исслед. землевладения и землепользования в Забайкал. обл. Материалы. Вып. 5. Исторические сведения. Приложения. № 20. СПб., 1898. С. 13). Вероятно, потомок И. Милованова Васка Милованов служил пятидесятником в Нерчинске в 1689–1691 гг. (Багрин, 2021c).

[136] Служил в Нерчинске в 1675–1677 гг. (Багрин, 2021b). В 1689–1691 гг. в Нерчинске в чине десятника служил Носов Юрий (Юшко) Иванов сын (Багрин, 2021c).

[137] Иван Поршенников томский служилый человек, участвовал в постройке Нерчинского, Иргенского и Телембинского острогов. В 1664 г. поверстан в дети боярские. В 1667 г. переведен на службу в Енисейск. В 1668 г. приказной человек Селенгинска. Занимался организацией десятинной пашни, укреплением городских оборонительных укреплений. Принимал деятельное участие в миссии Ф.А. Головина, ездил с дипломатическими поручениями к монгольским тайшам. В дальнейшем был приказным человеком Баргузинского острога и головой енисейских

Романов Петрушка
Сеченово Илейка
Степанов Ивашко
Стрелковской (Стрелъков)[138] Трофимко (Трошка)[139]
Тюменец Любимко
Тюменцов Мишка
Чюскаев Мартинко (Мартынко)[140]
Шапошников Ортюшка (Архипко)[141]
Шманов Стенька
Шумилов Ивашко Васильев[142]
Щукин Гришка[143]
Яковлев Петрушка

Казаки Томского города, не вошедшие в именной список, направленный Томскими воеводами в Москву.

Соловар Ивашко[144]
Евсевьев Любимко[145]

10.Туринский острог[146]

Десятник казачий
Микитка Максимов[147]
Шенин Ивашко[148]

Казаки
Кондратьев Петрушка[149]
Лукьянов Кононко[150]
Микитин Сидорко[151]
Микифоров Гришка[152]
Петров Павлик[153]

Тюменский город (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 157–159).

Пятидесятник
Бутаков Бориско Ондреев

Десятники
Пономарев Васка Офонасьев
Кулик Пронька Иванов

Рядовые
Барыгин Костька Васильев
Бетюков Харка Олфимов
Васильев Ондрюшка
Голодов Ларка Тимофеев
Голян Семейка Евъстегниев
Ершов Федька Федоров
Звозянин Ондрюшка Сидоров
Игнаев Калинка
Кадошников Ивашко Михайлов
Казаринов Федька Исаков[154]
Каньков Гришка Аникеев
Киселев Спирка Микитин
Колашников Ивашко Захаров
Котовщик Елфимъко Григорьев
Кузнец Петрушка Осипов[155]
Ларионов Аристко

пеших казаков (Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. 1686–1691 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М. : Наука, 1972. Т. 2. С. 210).

[138] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 188).

[139] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 188).

[140] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).

[141] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).

[142] Пашков писал: «Да в н(ы)нешнем г(о)с(у)д(а)ри во 166-м году с Ынгоды реки недоплыв великие реки Шилки с вашие ж г(о)с(у)д(а)р(е)вы службы збежал Томсково города служилой ч(е)л(о)в(е)к Ивашко Васильев Шумилов и ваше г(о)с(у)д(а)р(е)во денежное жалованье и пищаль пор(о)х и свинец снес» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 340).

[143] В 1675–1677 гг. Нерчинске служил Щукин Иван (Багрин, 2021b).

[144] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).

[145] «Пятидесятничишко казачей» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62, Л. 188). Возможно Тюменец. Позднее тобольский сын боярский. В 1677–1678 годах приказной человек Албазинского острога (Трухин, 2019). В 1689–1691 гг. в Нерчинске служил казак Евсевьев Самсон (Багрин, 2021c).

[146] Роспись Туринских служилых людей посланных на даурскую службу в столбце 508 не сохранилась.

[147] Десятник казачий. Во время похода в 7165 г. (сентябрь 1656 – август 1657 гг.) повез с р. Ангары челобитную от Пашкова в Москву с просьбой прислать оружие и боезапас. Затем также отвозил отписки Пашкова в Сибирский приказ. 4 июня 1657 г. выехал из Сибири, прибыл в Москву 27 октября 1657 г. Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 58, 184 об., 187, 190, 241, 316, 337 об., 339).

[148] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63).

[149] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).

[150] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).

[151] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).

[152] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 190).

[153] Сопровождал отписки Пашкова и коллективную челобитную даурского полка в Москву в 1656–1657 гг. (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 283).

[154] «Десятничишко казачей» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189). Вероятно, его потомок Казаринов Афонасий в 1689–1691 гг. служил пятидесятником в гарнизоне Нерчинска (Багрин, 2021c).

Ларионов Матюшка
Ляквцын (Литовцын?) Якунька Иванов
Мезенец Тренька Павлов
Опалев Родька Семенов
Полосков Ортюшка Терентьев
Пономарев Ондрюшка Иванов[156]
Скороход (Васильев)[157] Петрушка Васильтьев
Софонова Ивашко Кирилов
Суетин Фролко Михайлов
Телятников Якунька Михайлов
Тотарин (Панфилов[158] Ивашко Панфилов
Устюженин Ивашко Мартемьянов
Усюжанин Тренька Иванов[159]
Филатов Офонька
Черного Илейка Матвеев
Шишелякин Ивашко Федоров
Шкулев Гришка Михайлов
Юдин Елфимко[160]
Юдин Перша
Южак Семейка Кузмин[161]
Яньчанин Ондрюшка Васильев

Казаки Тюменского города, не вошедшие в именной список, направленный Тюменскими воеводами в Москву.

Голой Левка[162]
Долгопол Митька[163]
Иванов Филька[164]
Исаков Якунька[165]
Микитин Офонька[166]
Микифоров Тимошка[167]
Нефедов Микитка[168]
Сартаков Ларька[169]
Сергеев Ромашка[170]
Судейкин Ивашко[171]

[155] В 1675–1677 гг. в Нерчинске служил Иван Петров Кузнец, который мог быть сыном Петра Осипова Кузнеца (Багрин, 2021b).
[156] В 1670-х гг. в Нерчинске служил Иванов Андрей (Багрин, 2021b).
[157] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[158] Упомянут также в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[159] Служил в Нерчинске в 1670-х гг. (Багрин, 2021b).
[160] В Нерчинске в 1689–1691 гг. служил в чине десятника Карп Юдин (Багрин, 2021c).
[161] В 1675–1677 гг. в Нерчинске служил Семен Кузмин Томской (Багрин, 2021b).
[162] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[163] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189)
[164] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[165] «Десятничишко казачей» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[166] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[167] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62).
[168] «Десятничишко казачей» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62).
[169] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189).
[170] «Десятничишко казачей» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189, 284).
[171] Упомянут в (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 189). В 1689–1691 гг. в Нерчинске служил казак Якушка Судейкин (Багрин, 2021c).

Список источников

Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток : Дальнаука, 1999. 336 с.

Багрин Е.А. Полк О. Степанова: к вопросу о составе и численности Амурского войска 1653–1658 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021a. Т. 17. № 4 (41). С. 103–118.

References

Zabiyako A.P., Cherkasov A.N. (2019) Albazin fortress: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 348 p. (In Russ.).

Aleksandrov V.A. (1984) Russia at the Far Eastern borders (second half of the 17th century). Khabarovsk: Khabarovsk Publishing House. 272 p. (In Russ.).

Artem'ev A.R. (1999) Towns and forts of Transbaikalia and Amur region in the second part of the XVII-XVIII centuries. Vladivostok: Dal'nauka. 336 p. (In Russ.).

Bagrin E.A. (2021a) O. Stepanov's regiment: composition and number of Amur army in 1653-1658. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 17. No. 4 (41). P. 103-118. (In Russ.).

Багрин Е.А. Вооруженные силы Нерчинского уезда в 1660–1670-е гг.: к вопросу о кризисе системы обороны Восточного Забайкалья // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2021b. Т. 7. № 3. С. 14–33.

Багрин Е.А. Гарнизон Нерчинска в конце 1689–1691 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2021c. Т. 7. № 4. С. 3–19.

Барахович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. Красноярск : Литерапринт, 2019. 304 с.

Васильев А.П. Забайкальские казаки: исторический очерк. Т. 1. Чита : Типография Войскового Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска, 1916. 232 с.

Кочедамов В.И. Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых. В 4 т. СПб. : Сохраненная культура, 2020. Т. IV. 372 с.

Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров: документальное повествование. Хабаровск : Приамурское географическое общество, изд-во «РИОТИП» краевой типографии. 2008. 752 с.

Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М. : Изд-во Московского педагогического государственного университета, 2012. 321 с.

Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1988. 256 с.

Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). СПб. : Алетейя, 2010a. 432 с.

Пузанов В.Д. Служилые люди города Тобольска // Северный регион: наука, образование, культура. 2010b. № 1 (21). С. 55–68.

Пузанов В.Д. Командировки служилых людей города Тобольска в Томский разряд в XVII в. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (30). С. 150–156.

Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М. : Вече, 2006. 512 с.

Солодкин Я.Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий: очерки ранней истории : монография. Нижневартовск : Нижневартовский государственный университет, 2018. 142 с.

Сорокин М.Е. Земля кузнецкая (XVII век). Кемерово : Притомское, 1992. 55 с.

Трухин В.И. Первая Даурская служба Алексея Толбузина // Межрегиональная конференция «XII Дорохинские чтения», Албазино, 19–22 июля. 2019 г. Благовещенск : Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского. 2019. С. 1–12.

Bagrin E.A. (2021b) Military forces of Nerchinsky district in 1660-1670s. Crisis of defense system of the Eastern Transbaikalye. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science.* Vol. 7. No. 3. P. 14-33 (In Russ.).

Bagrin E.A. (2021c). Garrison of Nerchinsk at the end of 1689-1691. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science.* Vol. 7. No. 4. P. 3-19 (In Russ.).

Barakhovich P.N. (2019) Yeniseisk in the XVII-XVIII centuries. Little-known pages of history. Krasnoyarsk: Literaprint. 304 p. (In Russ.).

Vasil'ev A.P. (1916) Trans-Baikal Cossacks: a historical essay. Vol. 1. Chita: Publishing House of the Military Economic Board of the Transbaikal Cossack Army. 232 p. (In Russ.).

Kochedamov V.I. (2020) Works on the history of urban planning with commentaries by modern scientists. In 4 vol. St. Petersburg: Sokhranennaya kul'tura. Vol. IV. 372 p. (In Russ.).

Krasnoshtanov G.B. (2008) Yerofey Pavlovich Khabarov. Khabarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo, izdvo "RIOTIP" kraevoi tipografii. 752 p. (In Russ.).

Leont'eva G.A. (2012) Service people in Eastern Siberia in the second half of the XVII – first quarter of the XVIII century (based on materials from the Irkutsk and Nerchinsk counties). Moscow: Moscow Pedagogical State University. 321 p. (In Russ.).

Nikitin N.I. (1988) Service people in Western Siberia. Novosibirsk: Nauka. 256 p. (In Russ.).

Puzanov V.D. (2010a) Military factors of the Russian colonization of Western Siberia (late 16th – 17th century). St. Petersburg: Aleteiya. 432 p. (In Russ.).

Puzanov V.D. (2010b) Service people of the city of Tobolsk. *Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura = Northern Region: Science, Education, Culture.* No. 1(21). P. 55-68. (In Russ.).

Puzanov V.D. (2016) Trips military people of the city of Tobolsk in the Tomsk region in the XVII century. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Journal of Shadrinsk State Pedagogical University.* No. 2(30). P. 150-156. (In Russ.).

Slovtsov P.A. (2006) History of Siberia. From Ermak to Catherine II. Moscow: Veche. 512 p. (In Russ.).

Solodkin Ya.G. (2018) The Cossacks of North-Western Siberia at the turn of the XVI–XVII centuries: essays of early history. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. 142 p. (In Russ.).

Sorokin M.E. (1992) The land of Kuznetsk (XVII century). Kemerovo: Pritomskoe. 55 p. (In Russ.).

Trukhin V.I. (2019) Alexey Tolbuzin 's first Daurian service. *Mezhregional'naya konferentsiya «XII Dorokhinskie chteniya». Albazino. 19–22 iyulya, 2019 = Interregional Conference «XII Dorokhin Readings». Albazino. 19-22 July, 2019.* Blagoveshchensk: Amurskii oblastnoi kraevedcheskii muzei im. G.S. Novikova-Daurskogo. P. 1-12. (In Russ.).

Трухин В.И. Административно-территориальное устройство Приамурских земель в составе Русского государства в XVII веке // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 150–161.

Трухин В.И. История Албазинского острога в персоналиях: Григорий Лоншаков – приказной человек Албазинского острога в 1678–1679 годах // Град Албазин: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. «Новиковские чтения». Благовещенск, 14–15 октября 2021 г. Благовещенск, 2021. С. 1–17.

Яковлева П.Т. Первый Русско-китайский договор 1689 года. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. 236 с.

Trukhin V.I. (2020) Administrative-territorial structure of the Amur lands as part of the Russian state in the 17th century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 150-161. (In Russ.).

Trukhin V.I. (2021) The history of the Albazinsky fortress in personals: Grigory Lonshakov - the commanding man of the Albazinsky fortress in 1678-1679. *Grad Albazin: Mezhregional'naya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Novikovskie chteniya", Blagoveshchensk, 14–15 oktyabrya 2021 g = Grad Albazin: Interregional Scientific and Practical Conference "Novikov Readings". Blagoveshchensk, 14–15 October, 2021.* Blagoveshchensk. P. 1-17. (In Russ.).

Yakovleva P.T. (1958) The first Russian-Chinese treaty of 1689 Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 236 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Багрин Егор Андреевич,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы,
Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина,
190000, г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 3, Россия,
e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0003-3067-9117
Трухин Владимир Ильич,
научный консультант,
Фонд поддержки социально-ориентированных проектов и программ «Петропавловск»,
105082, г. Москва, пер. Рубцов, 13, Россия,
e-mail: tru_vi@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0001-6831-1858

Information about the authors

Egor A. Bagrin,
Cand. Sci. (History), leading researcher of the Scientific and Methodological Department,
Boris Yeltsin Presidential Library,
3, Senatskaya Square, Saint-Petersburg 190000, Russia,
e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0003-3067-9117
Vladimir I. Trukhin,
scientific consultant,
The Petropavlovsk Foundation for Socially-Oriented Projects and Programmes Support,
13, Rubtsov Lane, Moscow105082, Russia,
e-mail: tru_vi@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0001-6831-1858

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 27 декабря 2022 г.; одобрена после рецензирования 23 января 2023 г.; принята к публикации 6 февраля 2023 г.

Article info

The article was submitted December 27, 2022; approved after reviewing January 23, 2023; accepted for publication February 6, 2023.

ISSN 2415-8739 (print) **Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 115–128**
ISSN 2500-1566 (online) Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 115-128

История

Научная статья
УДК 94(47).048+568.9
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-115-128

Реконструкция маньчжурских позиций при второй осаде Албазина

А.Ю. Лохов [1], И.Е. Еремин [2], А.В. Нацвин [2]

[1] Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, г. Благовещенск, Россия
[2] Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия

Аннотация. Использование авторами в предыдущих работах фактологической верификации, осуществляемой путем параметрического согласования весьма разрозненных данных при помощи компьютерного программного обеспечения, позволили кардинально расширить традиционное представление об общем устройстве Албазинского государственного острога, полностью разрушенного маньчжурами после его первой кратковременной осады летом 1685 года. Опираясь на полученный опыт и выработанную методику фактологической обработки информационных данных и возможности компьютерной реконструкции, используемые на постоянной основе, авторы смогли не только проводить восстановление внешнего облика полностью утраченных статичных объектов, но и визуализировать общую динамику боевых действий. Другими словами авторами предложена компьютерная технология ретроспективы исторических событий. Интегрируя обобщенный массив используемых справочных и контрольных данных, становится возможным получить достаточно обоснованную картину исходной диспозиции подразделений маньчжурской армии, имевшей место на первоначальном этапе второй осады Албазина, начавшейся летом 1686 года. Проведенная авторами исследовательская работа, заключавшаяся в фактическом сопоставлении документальной информации, заимствуемой из письменных архивных и других источников, с визуальными элементами как русских, так и иностранных графических данных, позволила установить объективное расположение китайских осадных батарей на огневых позициях, инженерных сооружений, а также мест размещения полевых лагерей маньчжурского экспедиционного корпуса, прибывшего к Албазину. Использование ЭВМ для проведения комплексной интеграции общей совокупности рассматриваемых данных дает возможность их достоверной исторической реконструкции в виде синтетической схемы, что в очередной раз показало свою достаточную эффективность в области исторических исследований.

Ключевые слова: Албазинский острог, верификация, историческая информатика, компьютерное моделирование, крепостной вал, осада, осадный вал, осадная батарея, пушка, тактическая схема

Для цитирования: Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Реконструкция маньчжурских позиций при второй осаде Албазина // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 115–128. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-115-128

History

Original article

Reconstruction of Manchurian positions during the second siege of Albazin fortress

Aleksei Yu. Lokhov [1], Ilya E. Yeremin [2], Aleksei V. Natsvin [2]

[1] The Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky Far Eastern Higher Combined Arms Command School, Blagoveshchensk, Russia
[2] Amur State University, Blagoveshchensk, Russia

Abstract. Initially the authors using computer software verified data by parametric matching of very disparate data. This operation allowed them to radically expand the traditional idea of the general structure of the Albazin fortress completely destroyed by the Manchurians after its first short-term siege in the summer of 1685. Based on the experience and the developed methodology of factual processing of information data and the possibilities of computer reconstruction authors allow not only to restore the

© Лохов А.Ю, Еремин И.Е., Нацвин А.В., 2023

appearance of completely lost static buildings, but also to visualize the overall dynamics of hostilities. In other words, the authors have proposed a computer technology for retrospective of historical events. By integrating the generalized array of reference and control data used it becomes possible to obtain a sufficiently substantiated picture of the initial disposition of the units of the Manchurian army that took place at the initial stage of the second siege of Albazin fortress, which began in the summer of 1686. The research work carried out by the authors consisted in the actual comparison of documentary information borrowed from written archival and other sources with visual elements, both Russian and foreign graphic data. It allowed us to establish the objective location of Chinese siege batteries in firing positions, engineering structures, as well as the locations of field camps of the Manchurian expeditionary corps that arrived to Albazin. The use of computers for the complex integration of the total set of data makes it possible to get reliable historical reconstruction in terms of a synthetic scheme which has once again shown its sufficient effectiveness in the field of historical research.

Keywords: Albazinsk fortress, verification, historical informatics, computer simulation, rampart, siege, siege rampart, siege battery, cannon, tactical scheme

For citation: Lokhov A.Yu., Yeremin I.E., Natsvin A.V. (2023) Reconstruction of Manchurian positions during the second siege of Albazin fortress. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 115-128. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-115-128

Освоение земель Приамурья являлось естественным историческим процессом в ходе формирования территории государства Российского в XVII веке. Являясь результатом активной и дальновидной политики царской власти в попытках выйти и закрепиться на естественных рубежах, освоить территории незанятые третьими государствами, этот процесс был обусловлен правом первооткрывателей и носил мирный характер. Однако образование Цинской империи на территории Маньчжурии, сопредельной с территорией Приамурья, поставило под угрозу попытки мирной экспансии осваиваемого региона русскими первопроходцами. После покорения Китая на юге вектор территориальных интересов империи Цин был перенаправлен на север для завоевания соседствующих северных земель, в том числе и Приамурья. В результате выдвинутых маньчжурских войск на левый берег Амура произошли известные события, отложившие более чем на полтора столетия решение территориальных вопросов в пользу России. Всестороннее изучение этих исторических событий, развернувшихся вокруг Албазинского воеводства, к тому времени утвердившегося в качестве государственного субъекта, другими словами, вооруженной агрессией против Российского государства, вызывают неослабевающий интерес еще со времен первого амурского сплава, осуществленного под руководством графа Муравьева-Амурского в середине XIX века (Мелихов, 1974; Александров, 1984; Международные отношения…, 1989; Мясников, 1980; Доронин, 2002; Степанов, 2011; Черкасов, Беляков и др., 2014; Беляков, Вальчак, Степанов и др., 2014; Трухин, Крюков, 2019[1]; Трухин, Багрин, 2019; Забияко, Трухин, 2021). Развернувшиеся боевые действия, в ходе двух осад Албазинского острога, предпринятые армией Цинского Китая в 1685 и 1686–1687 годах, по численности многократно превышающей гарнизоны осажденных, привели к подписанию Нерчинского договора. По условиям этого договора, острог не просто оказывался на территории, отходившей Китаю, но и подлежал полному его уничтожению. 5 сентября 1689 года служилыми людьми А. Бейтона деревянные сооружения острога были сожжены, а крепостной земляной вал раскопан. При этом процедура носила унизительный характер, так как проходила на глазах китайских дипломатов и военачальников (Артемьев, 1999. С. 109). Таким образом, был утрачен уникальный архитектурный облик первого центра государственной власти в Приамурье.

На протяжении достаточно продолжительного времени историками, археологами и краеведами был проведен и продолжает проводиться большой комплекс исследовательских мероприятий по установлению мест расположения и поиск остатков фортификационных элементов, сохранившихся на территории Албазина для восстановления архитектурного образа утраченного памятника воинской славы. Однако даже современные археологические исследования, проводимые на территории Албазинского городища, начиная с 70-х годов прошлого столетия по настоящее время, так и не смогли выявить де-

[1] Албазинское воеводство : сборник документов / В.И. Трухин, В.В. Крюков. Хабаровск : Библиотека Дальневосточного казачества, 2019. 628 с.

тальную картину как первой, так и второй конфигурации общего устройства рассматриваемого архитектурного комплекса (Артемьев, 1999; Албазинский острог…, 2019). Необходимо отметить, что наиболее полным решением упомянутой задачи принято считать макет Албазинского острога периода 1685 года, разработанный Н.П. Крадиным в начале текущего тысячелетия на базе обобщения всех исходных данных, скопившихся к тому времени (рис. 1).

В свою очередь всесторонняя информатизация современной сферы гуманитарных знаний, характеризуемая практической возможностью удаленного доступа к цифровым копиям архивных документов, а также текущий прогресс в области реализации соответствующих баз данных, обусловили активное развитие достаточно нового научного направления Digital Humanities, также называемого «Цифровыми гуманитарными науками» (Ивакин, 2016). Кроме того, существующие технические возможности ПЭВМ, а также доступность профильного программного обеспечения и информационных данных интернет-пространства принципиально расширили рабочий инструментарий самых разных областей прикладных гуманитарных исследований, в том числе и исторической информатики (Владимиров, 2005; Саблин, 2013; Козлова, Талапов, 2011). Таким образом, применение новых информационных технологий и математических методов в исследованиях истории России в настоящее время закрепилось в качестве самостоятельного исследовательского направления. Например, авторами настоящей статьи показано, что фактологическая верификация весьма разрозненных данных, осуществляемая путем их параметрического согласования при помощи программного обеспечения компьютера, позволяет кардинально расширить традиционное представление об общем устройстве Албазинского государственного острога, полностью разрушенного маньчжурами после его кратковременной осады летом 1685 года (Еремин, Трухин, Бугаев, 2019; Еремин, Нацвин, Трухин, 2020; Еремин, Нацвин, Трухин, Лохов, 2020; Еремин, Нацвин, Трухин, Черкасов, 2020).

Таким образом, посредством примененного авторами системного подхода, реализуемого в рамках комплексного параметрического согласования текстовых, графических, археологических и топографических исходных данных путем использования средств компьютерного моделирования, авторам удалось разработать оригинальную цифровую модель Албазинского государственного острога, подвергнутого дополнительному укреплению в результате срочной перестройки летом 1983 года, которая является наиболее полной на текущий момент времени. В последующем использование полученной

Рис. 1. Макет Албазинского острога, разработанный Н.П. Крадиным
Fig. 1. The layout of the Albazin fortress, designed by N.P. Kradin

этой цифровой модели позволило авторам с помощью 3D-принтера провести 3D-прототипирование (3D-печать) и получить уменьшенный высокотехнологичный макет Албазинского острога, который в настоящий момент размещен в общедоступном месте здания учебного корпуса Амурского государственного университета (рис. 2).

Кроме того, предлагаемая технология ретроспективы исторических событий обеспечивает возможность компьютерной реконструкции не только внешнего облика полностью утраченных статичных объектов, но и визуализации общей динамики боевых действий. Действительно, в предшествующих работах (Лохов, Еремин, Нацвин, 2021; Лохов, Еремин, Нацвин, 2022b) было показано, что фактологическая верификация разнотипных источников позволяет выявлять новые исторические аспекты, достоверность которых подтверждается их достаточно четким согласованием. Стоит отметить, что большинство из вышеназванных результатов стало возможно благодаря наличию исторического изображения первой осады Албазинского острога, представленного на китайском рисунке «Luosha», хранящегося в библиотеке Конгресса США (рис. 3). Кроме того, установлено, что данное изображение, отображающее диспозицию противоборствующих сторон, по сути, является боевым графическим документом.

Приступая к описанию конкретных деталей предлагаемого авторами решения рассматриваемой задачи, остановимся на первичной верификации общей согласованности ее исходных текстовых данных, генерируемых на базе комплексного анализа соответствующего содержания двух достаточно часто используемых сборников архивных документов[2,3]. Не вызывает сомнений, что вторая осада Албазинской деревоземляной крепости бастионного типа, возведенной воеводой А.Л. Толбузиным к июню 1686 года на месте деревянного острога, уничтоженного маньчжурами летом 1685 года, началась 7 июля 1686 года. Данный факт однозначно определяется донесением А. Толбузина, отправленным Нерчинскому воеводе И. Власову: *«В нынешнем во 194 году, июля в 7 день, пришли под Албазинск неприятельские богдойские воинские многие люди в болшом собранье, на бусах и горою конми, с огненным городовым приступным боем и с пушки; и июля, господине, с 7 числа да июля ж по 12 число неприятелские богдойские люди обошли Албазинск город бусами вверх по зарешную сторону протокою, и стоят по верхную сторону города под монастырем и ниже монастыря к Албазинску, по обе стороны Амура реки; а богдойская сила и конница обошла горою и стоит круг Албазинска, и пушки наведены на город с четырех сторон, и из пушек по Албазинску городу бьют и приступают накрепко…»*[4]. Данная осада продолжалась в течение пяти месяцев. В ходе этого времени подходы и подступы к крепости были полностью отрезаны возведенными инженерными сооружениями вокруг острога и блокированы маньчжурскими войсками. А сам острог подвергался периодическим обстрелам из пушек, которыми руководили двадцать голландских иезуитов. В результате одного из таких обстрелов через амбразуру в укреплении был смертельно ранен воевода А. Толбузин, который находился на одной из башен крепости.

Кроме того, из документов Сибирского приказа можно уточнить ряд фактов, объективно детализирующих расположение китайских осадных батарей на огневых позициях, инженерных сооружений, а также мест размещения полевых лагерей маньчжурского экспедиционного корпуса, прибывшего к Албазину под командованием Лантаня: *«…Да в четырех местах [у маньчжуров] построены роскаты, и на тех роскатах поставлено по 2 пушки, да около одного роскату поставлено 15 пушек ломовых, а против города за Амуром зделан вал земляной же… Да они ж, неприятельские люди, около Албазина зделали 3 городка, и в тех городках построили многие юрты»*[5].

В свою очередь некоторые детали, качественно дополняющие общую картину исходных архивных данных, содержатся и в китайских источниках:

[2] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археологической комиссией. Т. 10. СПб. : Тип. Э. Пранца, 1867. VIII. 504 с.

[3] Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. 1686–1691 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М. : Наука, 1972. Т. 2. 836 с. С. 110.

[4] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археологической комиссией. Т. 10. СПб. : Тип. Э. Пранца, 1867. VIII. 504 с. С. 257.

[5] Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. 1686-1691 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М. : Наука, 1972. Т. 2. 836 с. С. 110.

Рис. 2. 3D-макет Албазинского острога, разработанный авторами
Fig. 2. 3D layout of the Albazin fortress, developed by the authors

Рис. 3. Картографический рисунок «Luosha» из китайского атласа XVII в.
Fig. 3. Cartographic drawing "Luosha" from the Chinese atlas of the XVII century

«3 числа пятого месяца (13 июня) Лантань с войском прибыл к реке Хэйлунцзян, а 14 числа (24 июня) достиг Мыньдаиня. Лантань после совещания с фудутунами Баньдарша и Мала циньцзюнь шивэем и ланчжуном Гуаньбао и хэйлунцзянским цзянцзюнем Сабсу разделил у реки Эрхэхэ войско [на две части] и направил его к Албазину водным и сухим путями… 28 числа (8 июля) войска, следовавшие по суше и на судах, соединились в местности Чакэдань, находящейся непосредственно вблизи Албазина… 1 числа шестого месяца (10 июля) Лантань расположил войско на западном берегу Хэйлунцзяна и приказал военным судам блокировать течение реки выше города… 4 числа (13 июля) ночью Лантань приказал войску палить по городу с северной стороны из пушек хунъипао и послал фу-

дутунов Баньдарша и Яциня с войском и знаменами подступить к городу с юга…»[6].

Таким образом, опираясь на согласованное обобщение представленных текстов, можно достаточно обоснованно утверждать, что первоначальная диспозиция маньчжурских войск имела следующую конфигурацию. Базовый лагерь располагался с правой стороны Амура, а на его противоположном берегу были сооружены три полевых лагеря и четыре насыпные артиллерийские батареи.

Не вызывает сомнения, что по всем правилам китайского военного искусства позиции осадных батарей должны были равномерно охватывать полевые фасы Албазинской крепости. При этом можно предположить, что пятнадцать тяжелых пушек (хунъипао), одновременно упоминаемые как в русских, так и китайских документах, располагались напротив ее северо-восточного угла, то есть в том же самом месте, что и во время первой осады острога 1985 года (рис. 3).

С другой стороны, помимо анализируемых письменных источников, объективно необходимых для обеспечения полноты общей картины исходной информации, важную роль играет графическое изображение второй осады Албазина, опубликованное голландцем Н. Витсеном в 1705 году (рис. 4). Конкретные первоисточники, послужившие основой названной гравюры, достоверно неизвестны. Однако, принимая во внимание, что в ее заглавии маньчжуры названы «Sinesen» (Синцами), в то время как в русских документах они обычно именовались «богдоями», исходные документы были европейскими. Кроме того, хорошо известно, что при подготовке карты Тартарии Н. Витсен использовал сообщения голландского миссионера-иезуита Ф. Вербиста, под руководством которого в столице Цинской империи отливались пушки европейского образца (хунъипао), следовательно, именно его корреспонденции и могли являться информационной основой изучаемого документа (Албазинский острог…, 2019).

Фактическое сопоставление документальной информации, заимствуемой из письменных архивных источников, с визуальными элементами гравюры Н. Витсена показывает их неплохую корреляцию и придает дополнительную детализацию искомым

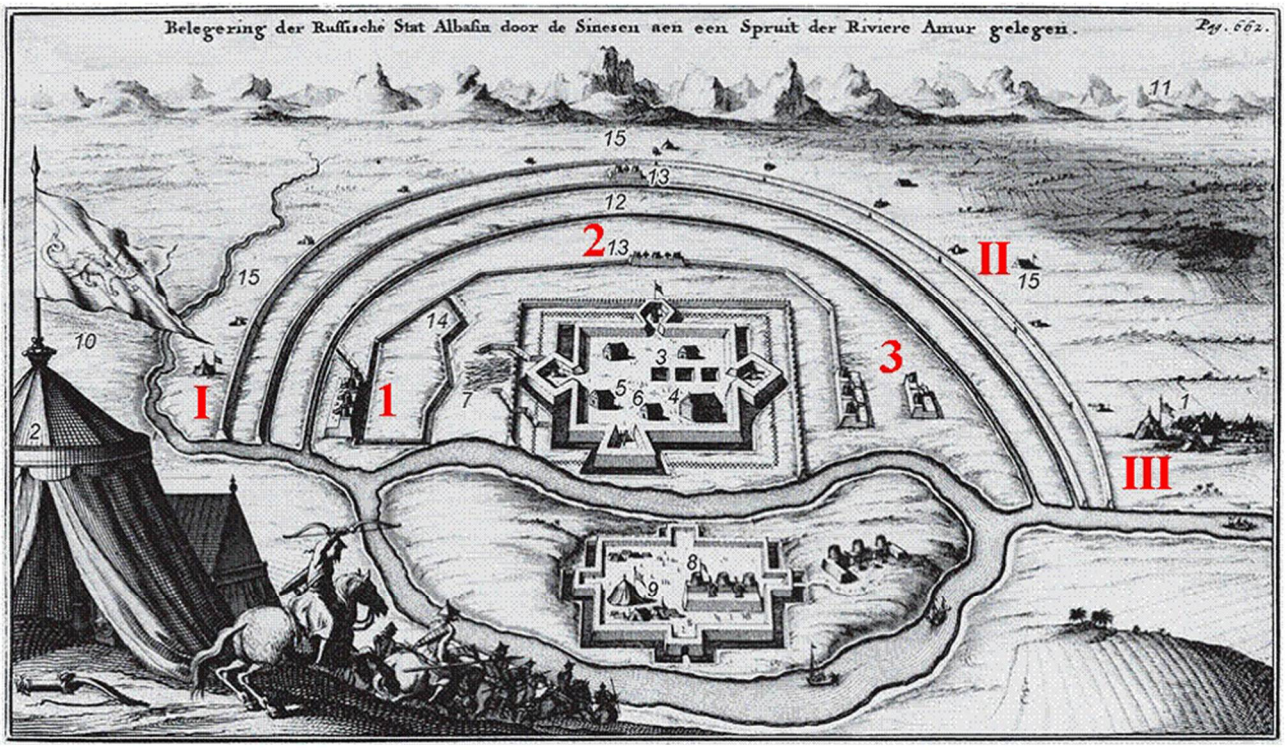

Рис. 4. Голландская гравюра «Осада синцами русского города Албазина»: *римские цифры – полевые лагеря; арабские цифры – насыпные батареи*

Fig. 4. Dutch engraving "The Siege of the Russian city of Albazin by the Germans": *Roman numerals - field camps; Arabic numerals - bulk batteries*

[6] Там же. С. 693.

историческим данным. Во-первых, все три полевых маньчжурских лагеря приобретают четкую топографическую привязку относительно рассматриваемой местности. Во-вторых, становится вполне определенным местоположение позиций, по крайней мере трех из четырех первоначальных осадных батарей китайских орудий.

Является очевидным, что все, сохранившиеся на текущий момент остатки крепостных валов, имеют прямое отношение ко второй осаде Албазина. При этом для топографической верификации позиций осадных войск оказывается доступным только один объект – остатки батареи, находящиеся в ста двадцати метрах севернее северо-западного угла городища. Однако общий набор археологических данных может быть значительно расширен, благодаря описаниям остатков маньчжурских позиций, еще наблюдавшихся в XIX и XX веках, но окончательно утраченных в настоящее время. В качестве первого из подобных первоисточников следует отметить топографический план Албазинского острога, составленный в 1855 году русским ботаником и зоологом Р.К. Мааком в ходе своего знаменитого похода по Амуру (рис. 5).

Кроме того, им была составлена детальная характеристика остатков базового маньчжурского лагеря, расположенного на правом берегу: *«Самое укрепление, окруженное земляным валом, со рвом, в длину имеет 110, а в ширину 18 саженей. На передней части вала, на разстоянии около 25 саженей от севернаго конца укрепления, находится возвышение в виде полукруга, значительно возвышающееся над прочими частями вала… На северной и южной сторонах укрепления находятся выступы вала в виде четырехугольника; в обращенных к реке углах этих четырехугольников сделаны отверстия, вероятно также служившия входами в укрепление. Вал, составляющий западную сторону укрепления, не имеет никаких перерывов; к внутренней его стороне примыкают 4 маленькия укрепления, состоящия каждое из вала, образующаго род бастиона. Внутри укрепления находится множество маленьких четырехугольных углублений, идущих параллельными рядами и занимающих все площадь…»* (Маак, 1859. С. 67).

В свою очередь контрольная информация о месте расположении двойного внешнего вала, сооруженного маньчжурами на этапе перехода к долго-

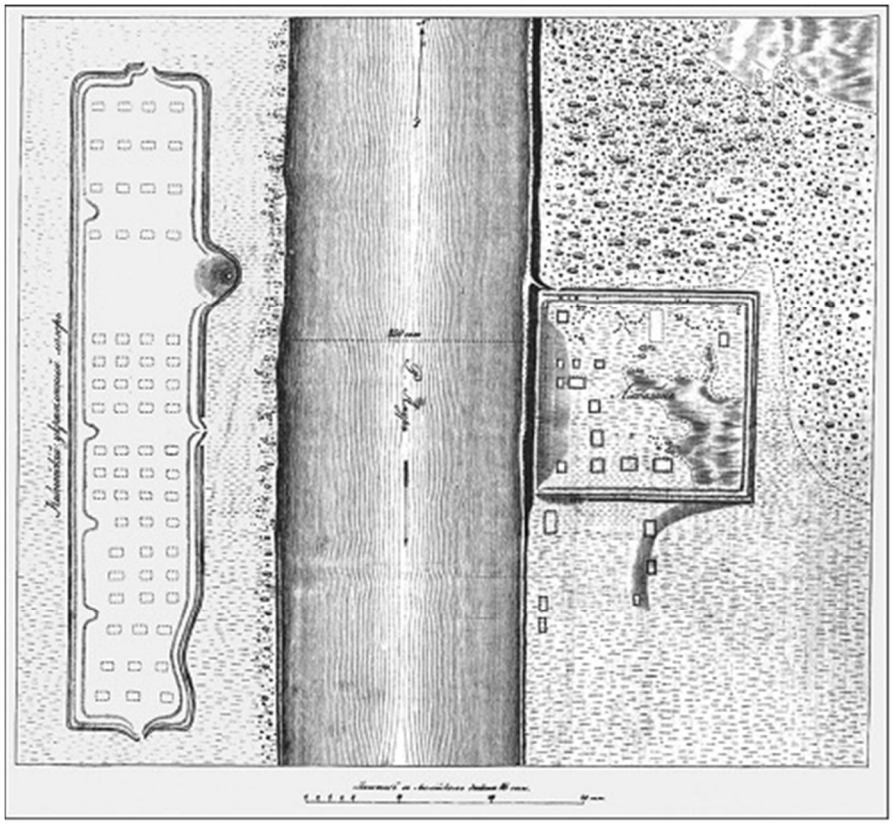

Рис. 5. Топографический план острога, составленный Мааком
Fig. 5. Topographic plan of the fortress, compiled by Maak

временной блокаде Албазинской крепости, может быть заимствована из топографических планов села Албазино, составленных в 1902 и 1953 годах (Голубцов, 1902; Новиков-Даурский, 1953). Детализируя общее содержание названных графических документов, следует отметить достаточно интересное обстоятельство. Если в начале прошлого века рассматриваемые остатки осадных валов оценивались и обозначались в качестве русских укреплений, то уже к его середине их принадлежность стала ставиться под сомнение (рис. 6). В настоящее время, принимая во внимание практическую доступность гравюры Витсена, является очевидным, что изучаемые земляные насыпи являются остатками внешней границы позиций маньчжурских войск.

Непосредственная процедура совмещения вышеназванных топографических планов с современной картой, представленной спутниковым снимком, реализовывалась в два этапа. На первом – авторами была осуществлена взаимная калибровка масштабов топографического плана 1899 года и спутникового снимка рассматриваемой местности. На втором этапе масштабно согласованные карты следовало наложить друг на друга с учетом точного совмещения объектов, используемых в качестве реперов. При этом реперами были выбраны: контуры валов Албазинского острога, протока Старица (карта 1902 года) и остатки ее старого русла на спутниковом снимке; картографическое и фактическое местоположение остатков северной китайской батареи (Лохов, Еремин, Нацвин, 2022а).

Таким образом, интегрируя обобщенный массив используемых справочных и контрольных данных, становится возможным получить достаточно обоснованную картину исходной диспозиции подразделений маньчжурской армии, имевшей место на первоначальном этапе второй осады Албазина (рис. 7). Комментируя основные детали методики формирования предлагаемой авторами топологической схемы, необходимо отметить ее следующие теоретические предпосылки.

Во-первых, прежде всего, были фактически ло-

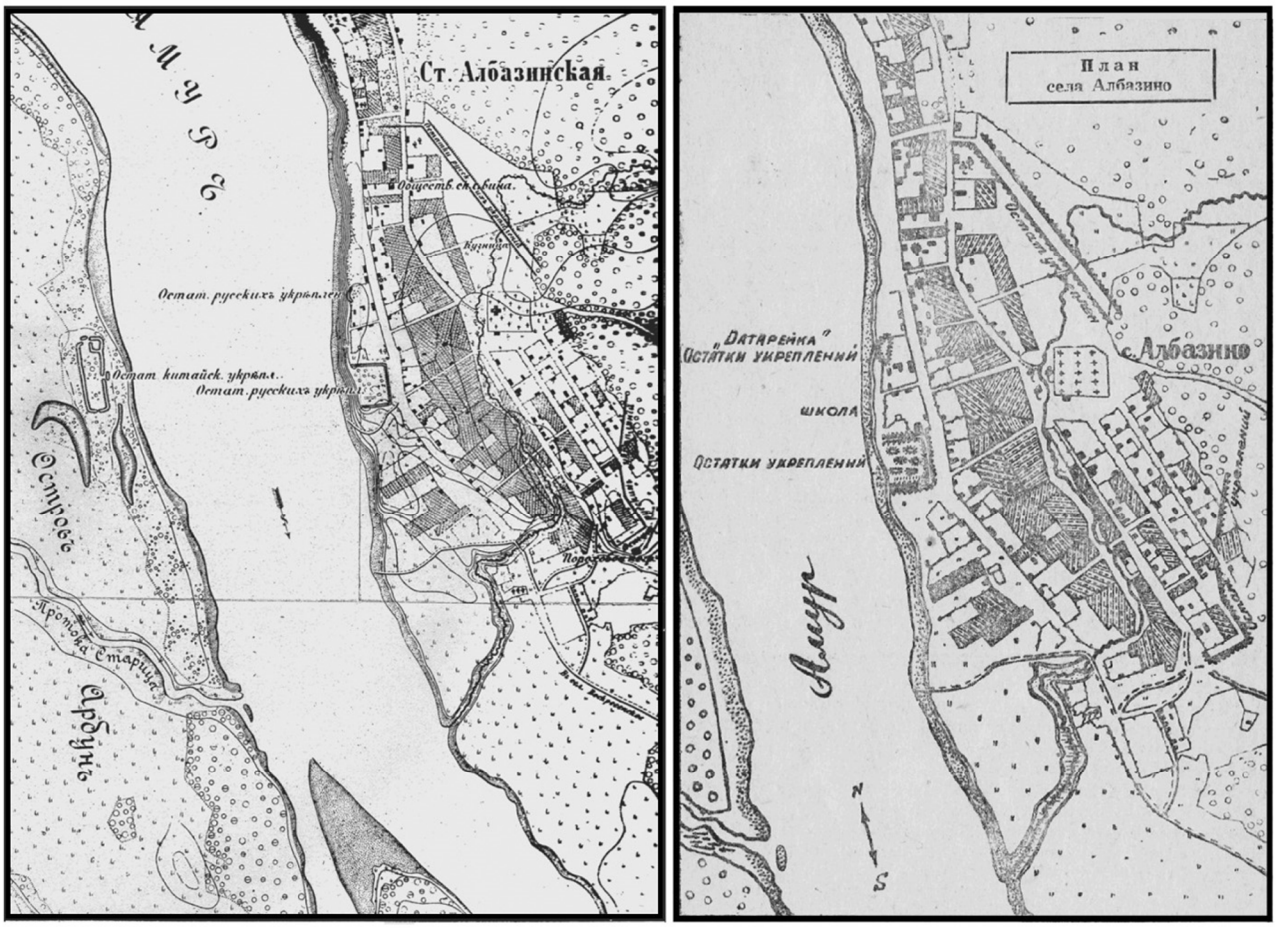

Рис. 6. Топографические планы села Албазино, составленные в начале и середине XX в.
Fig. 6. Topographic plans of the village of Albazino, compiled at the beginning and middle of the XX century

Рис. 7. Топологическая схема исходных маньчжурских позиций: *1, 2, 3, 4 – двухпушечные батареи; I, II, III – полевые лагеря; К – Албазинская крепость; М – Спасский монастырь*
Fig. 7. Topological scheme of the initial Manchurian positions: *1, 2, 3, 4 - two-gun batteries; I, II, III - field camps; K - Albazin fortress; M - Spassky Monastery*

кализованы позиции четырех насыпных батарей. При этом северная батарея (1) идентифицировалась на месте ее сохранившихся остатков, а восточная (2) и южная (3) батареи обозначались на ближайших к острогу возвышенностях. В свою очередь для нанесения позиции оставшейся батареи (4), очевидно, усиленной пятнадцатью пушками хунъипао, принималась во внимание общая топология выявленных ранее позиций, а также условия ее наиболее рационального размещения для обеспечения перекрестного огня, минимизирующего наличие мертвого пространства в секторах обстрела осажденной крепости.

Во-вторых, детализация изображения остатков внешнего осадного земляного вала выявила наличие прямоугольного участка, который четко коррелирует с одним из полевых лагерей (II) гравюры Н. Витсена. Таким образом, позициям двух оставшихся лагерей была придана аналогичная геометрическая форма, после чего они наносились на синтезируемую схему с учетом объективной необходимости принципа их размещения на возвышенных участках местности и топологического сопряжения с возведенным позже внешним осадным валом.

В-третьих, параллельно с разработкой двухмерной тактической схемы осуществлялся текущий контроль ее фактической достоверности, реализуемый путем визуальной оценки соответствующих изменений, осуществляемой с помощью наглядной трехмерной модели исследуемой местности (рис. 8).

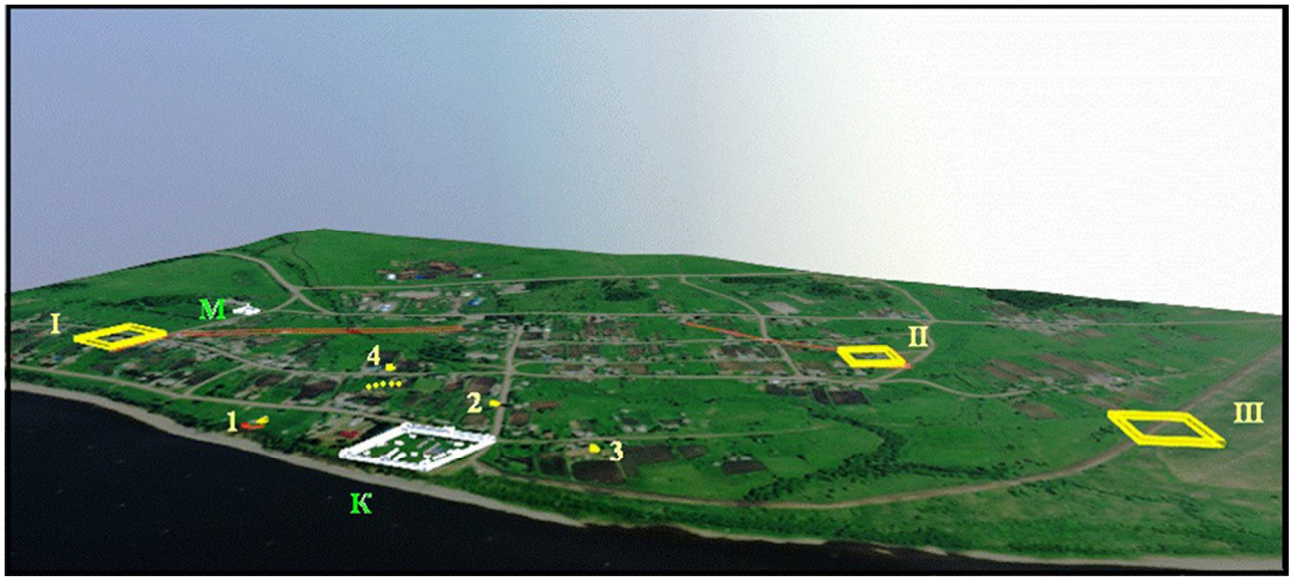

Рис. 8. Трехмерная ландшафтная модель первоначальных маньчжурских позиций
Fig. 8. Three-dimensional landscape model of the original Manchurian positions

В-четвертых, с целью дополнительной верификации определения позиции северного полевого лагеря (I) на схему рассматриваемой местности было нанесено наиболее вероятное местоположение Албазинского Спасского монастыря (Лохов, Еремин, Нацвин, 2022с). В свою очередь их взаимное расположение оказалось полностью адекватным используемым архивным данным. Отмеченное обстоятельство, с одной стороны, подтверждает практическую универсальность предлагаемой методики. С другой стороны, оно может рассматриваться в качестве еще одного доказательства достоверности определения места реального нахождения Албазинского Спасского монастыря, поиск возможно сохранившихся остатков которого остается актуальной научной задачей.

Принимая во внимание вполне приемлемую эффективность выше описанных результатов, авторами была предпринята попытка аналогичной дефиниции фактических позиций маньчжуров, реализованных ими в рамках перехода к долговременной блокаде русской крепости. Например, албазинский казак И. Бузунов, пробравшийся в октябре 1686 года в Нерчинск, рассказывал, что: *«...богдойские де люди стоят под Албазином, и бусы у них в отстой в заморозк поставлены и юрты земляные у них поделаны, а круг города сделан земляной вал высокой и ров, … а преж того были у них богдойских людей сделаны два вала древяные, один вал был сделан от городовой стены из смолья, а другой вал был из сырого дерева…»*[7].

Кроме того, ряд деталей рассматриваемой тактической диспозиции подтверждается следующим свидетельством: *«...А стоят де китайские воинские люди от Албазина осадою саженях в двухстах. И от Албазина завален вал со всех сторон, и пушки де у них, неприятельских людей, поставлены по валу...»*[8]. Сравнительная оценка соответствия представленных текстовых фрагментов аналогичной им графической информации, имеющей место на гравюре Н. Витсена (рис. 4), указывает на их достаточно четкое совпадение.

Является очевидным, что развитие маньчжурскими войсками инфраструктуры инженерных и фортификационных укреплений, необходимых для блокирования Албазина, целиком и полностью опиралось на совершенствование своих первоначальных осадных позиций. Таким образом, комплексная интеграция общей совокупности рассматриваемых данных дает возможность их достоверной исторической реконструкции в виде синтетической схемы, представленной на рисунке 9. При этом объективная оценка корреляции предлагаемого решения с топографическими особенностями реальной местности не выявляет каких-либо аномальных противоречий.

[7] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археологической комиссией. Т. 10. СПб. : Тип. Э. Пранца, 1867. VIII. 504 с. С. 264.
[8] Там же. С. 108.

Рис. 9. Синтетическая диспозиция маньчжурских укреплений: *1 – смоляной вал; 2 – деревянный вал; 3 – окружной земляной ров; 4 – внешний двойной земляной вал*

Fig. 9. Synthetic disposition of Manchurian fortifications: *1 - resin shaft; 2 - wooden shaft; 3 - circumferential earthen moat; 4 - external double earthen shaft*

В заключение статьи можно отметить, что современная методика фактологической обработки информационных данных, используемая на постоянной основе авторами, в очередной раз показала свою достаточную эффективность. Кроме того, практически выявленные детали исследуемых событий могут быть востребованными в рамках их применения для решения прикладных задач, направленных на их компьютерную виртуализацию и анимирование (Маслаков, Попов, 2021; Москальчук, Тарасенко, 2022).

Список источников

Албазинский острог: история, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2019. 348 с.

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. 272 с.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток :

References

Zabiyako A.P., Cherkasov A.N. (2019) Albazin fortress: history, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. 348 p. (In Russ.).

Alexandrov V.A. (1984) Russia on the Far Eastern frontiers (the second half of the XVII century). Khabarovsk: Publishing house. 272 p. (In Russ.).

Artem'ev A.R. (1999) Towns and forts of Transbaikalia and Amur region in the second part of the XVII-XVIII centu-

Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 336 с.

Беляков А.О., Вальчак С.Б., Степанов Д.Ю., Черкасов А.Н., Чхаидзе В.Н. Православное миссионерство на Дальнем Востоке и Албазинская Спасская пустынь // Религиоведение. 2014. № 1. С. 28–43.

Владимиров В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2005. 192 с.

Голубцов Н.З. История древнего города Албазина. Благовещенск : Тов. Д.О. Мокин и Ко, 1902. 28 с.

Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2002. 288 с.

Еремин И.Е., Нацвин А.В., Трухин В.И., Черкасов А.Н. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. IV // Информатика и системы управления. 2020. № 4 (66). С. 3–16.

Еремин И.Е., Нацвин С.В., Трухин В.И. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. II // Информатика и системы управления. 2020. № 2 (64). С. 43–56.

Еремин И.Е., Нацвин С.В., Трухин В.И., Лохов А.Ю. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. III // Информатика и системы управления. 2020. № 3 (65). С. 14–25.

Еремин И.Е., Трухин В.И., Бугаев С.Н. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. I // Информатика и системы управления. 2019. № 4 (62). С. 10–25.

Забияко А.П., Трухин В.И. Албазинский Спасский монастырь: основные вехи истории и результаты исследований // Религиоведение. 2021. № 1. С. 34–50.

Ивакин Я.А. Digital Humanities: Междисциплинарный характер применения геоинформационных технологий в исторических исследованиях // Научный результат. Сер. Информационные технологии. 2016. Т. 1. № 2. С. 21–30.

Козлова Т., Талапов В. Технология BIM в России: Зашиверская церковь // CADmaster. 2011. № 6 (61). С. 90–95.

Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Артиллерия в ходе первой осады Албазинского острога // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 115–126.

Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Историко-археологическое моделирование Албазинского острога периода второй осады. I // Вестник Брянского государственного университета. 2022a. № 3. С. 70–82.

Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Организационная структура китайской армии в ходе первой осады Албазинского острога // Известия Лаборатории древних технологий. 2022b. Т. 18. № 4. С. 112–123.

ries. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS. 336 p. (In Russ.).

Belyakov A.O., Val'chak S.B., Stepanov D.Yu., Cherkasov A.N., Chkhaidze V.N. (2014) Orthodox missionary work in the Far East and the Albazin Spasskaya Desert. *Religiovedenie = Religious Studies*. No. 1. P. 28-43. (In Russ.).

Vladimirov V.N. (2005) Historical geoinformatics: Geoinformation systems in historical research. Barnaul: Altai State University. 192 p. (In Russ.).

Golubtsov N.Z. (1902) The history of the ancient city of Albazin. Blagoveshchensk: Comrade D.O. Mokin and Co. 28 p. (In Russ.).

Doronin B.G. (2002) Historiography of Imperial China of the XVII-XVIII centuries. St. Petersburg: St. Petersburg State University. 288 p. (In Russ.).

Eremin I.E., Natsvin A.V., Trukhin V.I., Cherkasov A.N. (2020) Three-dimensional computer modeling of the Albazin fortress of the period 1684 IV. *Informatika i sistemy upravleniya = Informatics and Control Systems.* No. 4(66). P. 3-16. (In Russ.).

Eremin I.E., Natsvin S.V., Trukhin V.I. (2020) Three-dimensional computer modeling of the Albazin fortress of the period 1684. II. *Informatika i sistemy upravleniya = Informatics and Control Systems*. No. 2(64). P. 43-56. (In Russ.).

Eremin I.E., Natsvin S.V., Trukhin V.I., Lokhov A.Yu. (2020) Three-dimensional computer modeling of the Albazin fortress of the period 1684. III. *Informatika i sistemy upravleniya = Informatics and Control Systems*. No. 3(65). P. 14-25. (In Russ.).

Eremin I.E., Trukhin V.I., Bugaev S.N. (2019) Three-dimensional computer modeling of the Albazin fortress of the period of 1684 I. *Informatika i sistemy upravleniya = Informatics and Control Systems.* No. 4(62). P. 10-25. (In Russ.).

Zabiyako A.P., Trukhin V.I. (2021) Albazin Spassky Monastery: the main milestones of history and research results. *Religiovedenie = Religious Studies*. No. 1. P. 34-50. (In Russ.).

Ivakin Ya.A. (2016) Digital Humanities: The interdisciplinary nature of the application of geo-information technologies in historical research. *Nauchnyi rezul'tat. Ser. Informatsionnye tekhnologii = Scientific Result. Ser. Information Technologies*. Vol. 1. No. 2. P. 21-30. (In Russ.).

Kozlova T., Talapov V. (2011) BIM technology in Russia: Zashiverskaya church. *CADmaster*. No. 6. P. 90-95. (In Russ.).

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2021) Artillery during the first siege of the Albazin fortress. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Izvestia of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 17. No. 3. P. 115-126. (In Russ.).

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2022a) Historical and archaeological modeling of the Albazin fortress during the second siege. I. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Bryansk State University.* No. 3. P. 70-82. (In Russ.).

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2022b) The organizational structure of the Chinese army during the first siege of the Albazin fortress. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 18. No. 4. P. 112-123. (In Russ.).

Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Фактологическое обоснование местонахождения Албазинского Спасского монастыря // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022с. № 4. С. 144–149.

Маак Р.К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского русского географического общества в 1855 г. Р.К. Маком. СПб. : Тип. К. Вульфа, 1859. 577 с.

Маслаков Е.А., Попов М.А. Компьютерное моделирование ландшафтного окружения Албазинского острога // Вестник АмГУ. 2021. Вып. 95. С. 54–58.

Международные отношения в Центральной Азии, XVII–XVIII вв. Документы и материалы / Гуревич Б.П., Моисеев В.А. М. : Наука, 1989. Кн. 1. 373 с.

Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-востоке (XVII в.) М. : Наука, 1974. 246 с.

Москальчук В.Р., Тарасенко К.Н. Визуализация китайской армии XVII века в среде Total War // День науки: мат. XXXI науч. конф. Амурского гос. ун-та (21 апреля 2022 г., Благовещенск). Благовещенск : типография АмГУ, 2022. С. 38–39.

Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М. : Наука, 1980. 312 с.

Новиков-Даурский Г.С. Открытие Амура русскими и начало освоения края // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1953. Т. 2. С. 26–51.

Саблин И.В. Историческая геоинформатика: от визуализации к пострепрезентативному анализу // Историческая информатика. 2013. № 1. С. 10–16.

Степанов Д. Албазин в XVII веке: военная и духовная крепость Приамурья // Родина. 2011. № 12. С. 53–58.

Трухин В.И., Багрин Е.А. Албазинский острог в 1665/1666–1689 гг.: фортификация и защитники – опыт исторической реконструкции // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 385–431.

Черкасов А.Н., Беляков А.О., Вальчак С.Б., Чхаидзе В.Н. Исследования Албазинской археологической экспедиции в 2011–2012 годах // Традиционная культура Востока Азии. Сборник статей. Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2014. Вып. 7. С. 222–230.

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2022c) Factual substantiation of the location of the Albazin Spassky Monastery. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of Socio-Economic Development of Siberia.* No. 4. P. 144-149. (In Russ.).

Maak R.K. (1859) A trip to the Amur River, made by order of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in 1855 by R.K. Makom. St. Petersburg: Tip. K. Vul'fa. 577 p. (In Russ.).

Maslakov E.A., Popov M.A. (2021) Computer modeling of the landscape environment of the Albazin fortress. *Vestnik AmGU = Bulletin of the Amur State University.* Iss. 95. P. 54-58. (In Russ.).

Gurevich B.P., Moiseev V.A. (1989) International relations in Central Asia, XVII-XVIII centuries. Documents and materials. Moscow: Nauka. Book 1. 373 p. (In Russ.).

Melikhov G.V. (1974) Manchus in the North-East (XVII century). Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.).

Moskal'chuk V.R., Tarasenko K.N. (2022) Visualization of the Chinese army of the XVII century in the Total War environment. *Den' nauki: mat. XXXI nauch. konf. Amurskogo gos. un-ta (21 aprelya 2022 g., Blagoveshchensk) = Day of Science: mat. XXXI scientific conf. of the Amur State University, April, 21, 2022.* Blagoveshchensk: Amur State University. P. 38-39. (In Russ.).

Myasnikov V.S. (1980) The Qing Empire and the Russian state in the XVII century. Moscow: Nauka. 312 p. (In Russ.).

Novikov-Daurskii G.S. (1953) The discovery of Amur by Russians and the beginning of the development of the region. *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya i obshchestva kraevedeniya = Notes of the Amur Regional Museum of Local Lore and the Society of Local Lore.* Blagoveshchensk: Amur Book Publishing House. Vol. 2. P. 26-51. (In Russ.).

Sablin I.V. (2013) Historical geoinformatics: from visualization to post-representative analysis. *Istoricheskaya informatika = Historical Computer Science.* No. 1. P. 10-16. (In Russ.).

Stepanov D. (2011) Albazin in the XVII century: military and spiritual fortress of the Amur region. *Rodina*. No. 12. P. 53-58. (In Russ.).

Trukhin V.I., Bagrin E.A. (2019) Albazin fortress in 1665/1666-1689: fortification and defenders - the experience of historical reconstruction. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki = History of Military Affairs: Research and Sources.* Vol. 10. P. 385-431. (In Russ.).

Cherkasov A.N., Belyakov A.O., Val'chak S.B., Chkhaidze V.N. (2014) Studies of the Albazin archaeological expedition in 2011-2012. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii. Sbornik statei = Traditional culture of the East of Asia.* Blagoveshchensk: Amur State University. Iss. 7. P. 222-230. (In Russ.).

Информация об авторах

Лохов Алексей Юрьевич,
кандидат исторических наук, доцент, кафедра тактики,
Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. К.К. Рокоссовского,
675021, г. Благовещенск, ул. Ленина, 158, Россия,

Information about the authors

Aleksei Yu. Lokhov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Tactics Department,
The Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky,
158, Lenin St., Blagoveshchensk 675021, Russia,

e-mail: kluger999@inbox.ru,
https://orcid.org/0000-0002-1285-6987
Еремин Илья Евгеньевич,
доктор технических наук, профессор, профессор, кафедра информационных и управляющих систем,
Амурский государственный университет,
675021, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, Россия,
e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-4038-9124
Нацвин Алексей Викторович,
аспирант, кафедра информационных и управляющих систем,
Амурский государственный университет,
675021, г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21, Россия,
e-mail: natsvin1998@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0002-5392-7462

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 7 февраля 2023 г.; одобрена после рецензирования 2 марта 2023 г.; принята к публикации 6 марта 2023 г.

e-mail: kluger999@inbox.ru,
https://orcid.org/0000-0002-1285-6987
Ilya E. Eremin,
Dr. Sci. (Technical), Professor, Professor, Department of Information and Control Systems,
Amur State University,
21, Ignatevskoye Highway, Blagoveshchensk 675021, Russia,
e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-4038-9124
Aleksei V. Natsvin,
Postgraduate, Department of Information and Control Systems,
Amur State University,
21, Ignatevskoye Highway, Blagoveshchensk 675021, Russia,
e-mail: natsvin1998@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0002-5392-7462

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 7, 2023; approved after reviewing March 2, 2023; accepted for publication March 6, 2023.

ISSN 2415-8739 (print) **Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 129–136**
ISSN 2500-1566 (online) Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 129-136

История

Научная статья
УДК 908
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-129-136

Сельскохозяйственное освоение Сибири и «Дикого Запада»: сравнительный анализ

О.М. Бобылева

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются несколько аспектов, касающихся сельскохозяйственного освоения обширных территорий в США («Дикий Запад») и в России (Сибирь и Дальний Восток): цели колонизации; вопросы собственности земельных участков, помощь правительства в вопросах организации переселения, состав переселенцев, проезд до участков и подготовка переселенческих участков. Одинаковые, по сути, задачи (стратегическое закрепление на присоединённых территориях и ввод новых земель в сельскохозяйственный оборот с целью увеличения государственных доходов), решаются разными системами по-разному. Как сделать малоосвоенные окраины неотъемлемой частью государства? Подобную задачу решает не армия, а живущие на этой земле люди, и чем больше их, и чем производительнее их хозяйство, тем крепче во всех отношениях земли «фронтира» закрепляются за государством. Анализ позволяет осмыслить и выявить сходства и различия, а также роль государств в решении этих вопросов и итоги деятельности чиновников США и Российской Империи. Аграрное освоение территорий «Дикого Запада» шло за счет малоимущих фермеров с закреплением частной собственности на землю, а освоение территорий Сибири и Дальнего Востока за счет государственной политики поддержки переселенцев и государственной собственности на землю. Впечатляют масштабы общенациональных усилий: Российское Переселенческое управление в марте 1917 г. отчиталось о 98 почвенных экспедициях за 1908–1914 годы и об обследовании одной пятой части территории Сибири. Государственная политика по закреплению окраин в обеих системах прошла успешно, территории остались в составах государств, статья раскрывает методы и детализирует аспект аграрного освоения земель «фронтира».

Ключевые слова: «Дикий Запад», переселение в Сибирь, Переселенческое Управление, переселенческая политика, сельскохозяйственное освоение новых территорий, колонизация, скватерство, ходачество, фронтир, гомстедт

Для цитирования: Бобылева О.М. Сельскохозяйственное освоение Сибири и «Дикого Запада»: сравнительный анализ // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 129–136. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-129-136

History

Original article

Agricultural development of Siberia and the “Wild West”: a comparative analysis

Ol’ga M. Bobyleva

Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article discusses several aspects related to the agricultural development of vast territories in the United States (“Wild West”) and in Russia (Siberia and the Far East): the goals of colonization; issues of land ownership, government assistance in organizing resettlement, the composition of settlers, travel to sites and preparation of resettlement sites. Essentially the same tasks (strategic consolidation in the annexed territories and the introduction of new lands into agricultural circulation in order to increase state revenues) are solved by different systems in different ways. How to make the underdeveloped outskirts an integral part of the state? Such a task is solved not by the army, but by the people living on this land, and as the more of them the more productive their economy, the stronger in all respects the lands of the “frontier” are assigned to the state. The analysis makes it possible to comprehend and identify similarities and differences, as well as the role of states in resolving these issues and the results of the

© Бобылева О.М., 2023

activities of the officials of US and Russian Empire. The agrarian development of the territories of the "Wild West" was carried out at the expense of poor farmers with the consolidation of private ownership of land, and the development of the territories of Siberia and the Far East at the expense of the state policy of supporting immigrants and state ownership of land. The scale of national efforts is impressive: in March 1917, the Russian Resettlement Administration reported on 98 soil expeditions for 1908-1914 and on the survey of one fifth of the territory of Siberia. The state policy to consolidate the border areas in both systems was successful, the territories remained in the composition of the states. The article reveals the methods and details the agricultural development of the "frontier" lands.

Keywords: "Wild West", resettlement to Siberia, Resettlement Administration, resettlement policy, agricultural development of new territories, colonization, squatterism, walking, frontier, homestead

For citation: Bobyleva O.M. (2023) Agricultural development of Siberia and the "Wild West": a comparative analysis. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 129-136. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-129-136

Всё познаётся в сравнении
Рене Декарт

Хозяйственное освоение огромных территорий? Этот вопрос в истории России на протяжении столетий являлся одним из важнейших. Многие исследователи истории России утверждали, что «История России – есть история страны, которая колонизируется» (Ключевский, 2020. С. 31). От древней Руси и далее территория русского государства постоянно увеличивалась, присоединяя народы и осваивая новые земли. Начиная с XVII века колонизируемой территорией становится Сибирь. «Всякая колонизация есть результат известных натурально-исторических и экономических потребностей мирового расселения, точно так же, как колония есть памятник народно-исторической творческой работы и колонизационных способностей данного народа» (Ядринцев, 1892. С. 190). Ядринцев рассматривал стремление к колонизации Сибири как создание новой жизни в новой стране и как естественный процесс развития.

Когда европейские государства обратили взор за океан в сторону Америк, Африки и Австралии, Россия осваивала территории Евразии за Уральскими горами. Освоение Сибири – переселение огромных масс людей на враждебные и порой безлюдные территории, суровый климат осваиваемых земель, трудности передвижения – всё это сравнивают с освоением «Дикого Запада» в США. Сравнительный анализ данного вопроса затрагивался разными исследователями в своих трудах в начале XX века как российскими (Ефимов, 1934; Куропятник, 1958; Болховитинов, 1959), так и зарубежными (Turner, 1962). Действительно, на первый взгляд, очень много общего. За «первопроходцами» шли государственные чиновники, сборщики ясака, охотники на пушного зверя, следом разведчики недр, купцы и предприниматели, разного рода «несогласные», крестьяне и ремесленники. Как и «западные» земли в США, так и Сибирь стали «землёй обетованной» для многих людей, желавших обрести свободу и богатство. Сибирь в нашей стране и за рубежом также является синонимом ссылки и каторги, так как царское правительство, впрочем, как и правительства других стран в Европе использовало колонии как место ссылки неугодных, а заодно таким образом пыталось увеличить численность населения в колониях и отправить туда дешёвую рабочую силу. В конце XIX века вышел известный труд Н.М. Ядринцева, который так и назывался – «Сибирь, как колония», в предисловии к нему автор высказывает мысль о том, что в будущем «Восток и обширные пространства Сибири получат особое значение, теперь, когда поднимается «переселенческий вопрос», на котором сосредоточенно одинаково внимание правительства и общества» (Ядринцев, 1892). Однако, если тщательно изучить и сравнить пути освоения «Запада» в США и освоение Сибири, то можно понять, что это сходство только внешнее. Насколько сильно отличались государства и общества, настолько же сильно отличалось содержание процесса освоения новых пространств.

И цель нашей статьи – выяснить сходство и различия аграрного освоения американского Запада и русской Сибири, а также роль государства в этом процессе в обеих странах.

Закрепиться на вновь присоединённых землях, укрепить государственное влияние – это стратегически важные задачи для любого государства в любое время. Сделать колонизируемые территории неот-

торжимой частью государства способны не армия и чиновники, а люди, которые живут и работают на этой земле, неся свою культуру и соблюдая (добровольно) законы данного государства, развивая в экономическом и культурном аспектах данные территории. Освоение Сибири и закрепление этих территорий было основной задачей российского государства, начиная с XVII века. В начале XX века правительство Российской империи пыталось реализовать сразу несколько задач, стимулируя аграрное переселение в Сибирь: во-первых, решить земельный дефицит в Европейской части России, так как нерешенность аграрного вопроса стала одной из причин революции 1905 года в России; во-вторых, освоение новых территорий способствовало экономическому росту государства, так как сельское хозяйство по прежнему оставалось экстенсивным, и новые технологии, и машины внедрялись слишком медленно; третьей задачей было – заселение восточных окраин государства с целью укрепления его обороноспособности на восточных рубежах, малая плотность населения и отсутствие коммуникаций в немалой степени способствовали поражению России в войне против Японии. Правительство под руководством П.А. Столыпина разработало государственную программу по стимулированию переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Таким образом, освоение Сибири (хозяйственная колонизация) – это была ГОСУДАРСТВЕННАЯ программа, в отличие от освоения Дикого Запада.

Аграрное освоение западных территорий США шло в основном за счет малоимущих фермеров, которые не могли приобрести землю на густо заселённом восточном побережье, и вынуждены были продвигаться в глубь страны – на Запад, к тихоокеанскому побережью. Земля там стоила относительно дешево, к тому же существовала возможность самовольного захвата земли, так называемое «скваттерство». В Америке также господствовала экстенсивная система земледелия, которая предполагает регулярное введение в сельскохозяйственный оборот новых угодий. Таким образом, родился исторический миф о том, что Дикий Запад осваивали пионеры-одиночки, бесстрашные люди, отправлявшиеся в опасное путешествие, не имея никаких гарантий, то есть это была «инициатива снизу». Но это не совсем так.

«Фонд общественных земель был создан при образовании США. В него вошли заселенные индейцами земли, расположенные к западу от первоначально возникших 13 штатов. Конгресс объявил эти земли федеральной собственностью, основываясь на том, что штаты, которым английская корона в колониальный период предоставила право собственности на земли Запада, передали это право США» (Демиховский, 1962. С. 112). Таким образом, данный документ объявлял о прямой экспроприации земель, принадлежавших коренным жителям Америки. Правительство же поощряло вытеснение индейских племен далее на запад, поощряя финансовое истребление индейцев – выплатами за скальпы (Ефимов, 1934. С. 112). И это общеизвестный факт, который упоминается во множестве документов, прессе и художественной литературе. Таким образом, федеральное правительство осознанно расширяло национальные владения.

В 20-е годы XIX в. переселение на западные территории США стало более интенсивным. Этому в немалой степени способствовало то, что цена за акр земли снизилась на 37 %. Минимальная площадь при покупке земли также была снижена на 87 %, что позволяло фермерам покупать в больших объёмах земельные участки. Так как до этого покупку земли могли себе позволить только очень состоятельные люди, так называемые перекупщики (спекулянты), которые потом продавали землю в несколько раз дороже. В 30-х годах XIX в. типовая ферма стоила около 100 долларов (Демиховский, 1962. С. 118). Фермеры использовали технические новшества, рост городов и численности населения значительно расширил рынки сбыта сельскохозяйственной продукции, в частности молока, мяса, овощей. Тем не менее, значительная доля земель из государственного фонда доставалась спекулянтам, а фермеры, порой влезали в огромные долги перед банками. Поэтому движение на запад и самовольный захват земель продолжались. В эти же года федеральное правительство вложило немалые средства в строительство национальной дороги, которая связала реки Потомак и Огайо. Позднее, в 1869 году, была построена трансконтинентальная железная дорога, связавшая Восточное и Западные побережья. Появляются крупные города – Абилин, Додж Сити и другие.

В 30-е годы XIX в. трудящиеся США разворачивают борьбу за легализацию захваченных земель и за изменение политики правительства в аграрной сфере. Эта борьба с переменным успехом продолжалась на протяжении нескольких десятилетий и закончилась подписанием гомстед-билля 15 мая 1862 года Конгрессом, а 20 мая он был подписан президентом Авраамом Линкольном и стал законом (Стоун, 1981. С. 193). Согласно этому закону гражданам США и иностранцам, которые заполнили декларацию о желании принять американское гражданство, достигшим 21 года и не воевавшим против республики, было предоставлено право на бесплатное получение участка в 160 акров (1 акр = 0,4 га, то есть 64 га) на размежёванных землях государственного фонда. Патент на владение гомстедом (захваченным самовольно участком) должен был выдаваться через пять лет после регистрации гомстеда при условии подтверждения двумя свидетелями, что поселенец проживает на участке и начал его обработку (Hine, Faragher, 2000. P. 334). Любой желающий, в том числе и иностранец с видом на гражданство, заплатив десять долларов (размер земельного налога), мог получить бесплатно земельный участок, который через пять лет его обработки переходил в собственность. В США после принятия гомстед-билля было роздано 285 миллионов акров земли, более 700 миллионов акров продано (Ядринцев, 1892. С. 191). Подписание этого закона означало закрепление «американского» пути развития капитализма в сельском хозяйстве, открывало перспективу ликвидации рабовладения, которое тормозило его развитие.

Американских фермеров в нашей стране часто сравнивали с крестьянами Сибири. В Сибири никогда не было крепостного права. Сибирские крестьяне свободнее распоряжались землей – расчищенные под пашню участки переходили по наследству. Многие российские историки и публицисты, также как и Н.М. Ядринцев считали, что Сибирь первоначально вольно заселялась, но затем «государство утилизировало и регламентировало» этот процесс (Семёнов-Тян-Шанский, 2009. С. 71). В отличие от крестьянина европейской части России, сибиряк был материально богаче и более независим. Борьба с суровыми климатическими условиями Сибири сделало крестьян предприимчивыми и расчетливыми. Сходство между крестьянами Сибири и американскими фермерами можно найти и в способе приобретения земли – самозахват. Такой способ обретения земли был возможен только при наличии больших площадей свободной земли и отсутствия государственной власти в сильно удалённых от центра территориях. Сибирские крестьяне расчищали землю под посевы от тайги в том количестве, с которым могли справиться и никто из соседей не претендовал на расчищенный участок (Бобылева, 2021. С. 11). Впоследствии лишь государство во время проведения в жизнь столыпинской аграрной реформы отрезало у старожилов «их» земли, проводя землеустройство и приводя размеры участков к положенной норме. Тем не менее между сибирским крестьянином и американским фермером есть очень большое отличие – крестьяне Сибири не владели землёй, так как всеми землями за Уралом владело государство. Они могли ею пользоваться и платили налоги, но они ею НЕ ВЛАДЕЛИ. Согласно «Правилам» от 13 июня 1889 года и закону от 6 июня 1904 года крестьяне-переселенцы получали землю в постоянное пользование. Они не имели права ни отчуждать, ни обременять долгами полученную землю, так как она оставалась собственностью казны (Бобылева, 2021. С. 14). С 1906 года правительство определило размер надела земли, получаемый переселенцем, – из расчета 15 десятин земли «на наличную мужского пола душу». Кроме земельных наделов крестьяне-переселенцы получали в пользование и лесные наделы, размер которых не превышал трёх десятин на душу мужского пола. Недра надельных земель закреплялись за государством (Коль, 1912. С. 5). Проект закона о переходе земли в Сибири в личную собственность крестьян был разработан П.А. Столыпиным, но так и не был принят. В прессе, и в частности на страницах журнала «Сибирские вопросы», развернулась полемика на эту тему, обсуждался и американский опыт в освоении западных территорий. Предлагали провести эксперимент по его внедрению «хотя бы в одном уезде» (Столыпин, 1910. С. 3). Таким образом, развитие капитализма в сельском хозяйстве России пошло по более медленному «прусскому» пути. Вплоть до конца XIX века царское правительство запрещало свободное переселение в Сибирь, используя её как место ссылки и источник сырья. Но население Сибири всё же увеличивалось за счет беглых, приписных, и прочего люда, который тайными тропами пробирался за

Урал. Таким образом, хозяйственное освоение восточных окраин сильно задерживалось, хотя многие чиновники указывали государям на данный факт. Лишь с началом XX века политика правительства изменилась, и вольное переселение в Сибирь стало одной из приоритетных задач государства. П.А. Столыпин в записке о поездке в Сибирь писал следующее: «За 300 лет владения нашего Сибирью в ней набралось всего 4 миллиона русского населения, а за последние 15 лет сразу прибыло 3 миллиона, из них 1,5 миллиона в одно трёхлетие 1907–1909 годы» (Ядринцев, 1892. С. 223). Для сравнения хочется привести данные, которые использует Ядринцев в своей монографии «Сибирь, как колония», «Чтобы понять, насколько европейские колонии обязаны увеличением своего населения свободному притоку колонизации, достаточно указать, что одни Соединённые Штаты приняли с 1820 по 1870 годы семь миллионов пятьсот пятьдесят тысяч переселенцев!» (Roske, 1968. P. 366).

Можно сказать, что с этого момента переселенческая политика правительства стала носить «патерналистский» или «попечительский» характер, пытаясь наверстать упущенное время и решить массу проблем в европейской части страны. При правительстве было создано Переселенческое управление, выделялись немалые средства на изыскательские, землеустроительные, землеотводные, мелиоративные работы. Было организовано передвижение переселенцев по железной дороге и водным путям. На пути их следования были построены переселенческие пункты, в которых они могли отдохнуть и получить необходимую помощь, в том числе и медицинскую. Выделялись средства на посылку «ходоков», которые должны были осмотреть и «зачислить» участки. Издавались справочные книжки для ходоков и переселенцев, в которых подробно расписывались маршруты следования, наличие свободных участков и климатические условия местности с ценами на скот и инвентарь. Кроме выше перечисленного, правительство выделяло огромные средства для выдачи ссуд переселенцам. Подробно деятельность государственных чиновников рассмотрена во многих трудах, появившихся в последнее время, в том числе и в монографии автора статьи. Таким образом, можно отметить еще одно существенное отличие в колонизационной политике двух стран – это роль государства в освоении и заселении новых территорий. И в США, и в России государство принимает участие в освоении новых территорий, но формы участия всё же отличаются. В США государство стимулирует сам процесс за счет земельной политики, возможности получить землю и недра в собственность. В освоении земель Дикого Запада инициативу проявляли частные лица, тогда как в России – государственные чиновники.

Одной из форм участия правительства США в стимулировании колонизационного процесса на западе страны было бесплатное выделение 45 миллионов акров земли под строительство трансконтинентальной железной дороги, так называемый закон Моррила 1862 года (Супоницкая, 1989. С. 237). Это по факту означало скрытое финансирование частных компаний и стимулирование процесса строительства железных дорог, который в свою очередь обеспечивал более быстрое хозяйственное освоение западных территорий. Освоение Сибири также более быстрыми темпами стало возможным после строительства Транссибирской железной дороги, по ней впоследствии и осуществлялась перевозка основной массы переселенцев. Но строительство Транссиба шло исключительно за счет казны.

Как и правительство Российской империи, американское участвовало в создании ирригационной системы на западе страны. В Сибири ирригационные партии осуществляли рытьё колодцев и бурение скважин. Иногда осушение болот – в редких исключениях. Все работы производились по запросам чиновников Переселенческого управления и за счет казны. На американском Западе проблема стояла более остро, так как многие территории были засушливые или вовсе пустынные. В 1888 году в США было создано управление по ирригации. Правительство выделило значительные средства на проведение исследований в засушливых штатах Запада, так как 84 % земли там принадлежало государственному фонду. В 1894 году каждому засушливому штату в порядке эксперимента правительство выделило 1 миллион акров земли для ирригации и продажи фермерам, так называемый закон Кэри. В 1902 году была принята национальная программа мелиорации, согласно которой планировалось построить несколько плотин – закон Ньюлендса (Fite, 1966. P. 106). Как уже отмечалось выше, инициатива исходила от предприимчивых граждан – частных лиц. Её поддержало правительство, так как у фермеров про-

сто бы не хватило средств и возможностей для проведения исследований и строительства ирригационных систем.

Переселяясь на новые земли Сибири, крестьяне, бежавшие или переехавшие по воле государства, стремились сохранить свой прежний уклад (Успенский, 2016. С. 137). Таким образом, на землях Сибири сохранялся общинный уклад жизни крестьянства. Прежде всего, они сохраняли «круговую поруку», так как считали, что государственные подати так выплачивать легче. Жить общиной – значит, вместе бороться с трудностями, которые в большом количестве подбрасывал суровый климат Сибири. Община же выступала в качестве юридического лица, защищая интересы крестьян в спорах с государственными чиновниками. К началу XX века традиционный общинный уклад жизни и, в частности круговая порука, стали серьёзным тормозом для развития капитализма в сельскохозяйственном производстве. Проводя аграрную реформу, П.А. Столыпин старался разрушить крестьянскую общину, всячески поощряя переселение крестьян на хутора и отруба, с целью развития интенсивного сельскохозяйственного производства. Крестьяне же в свою очередь не торопилось отказываться от прежних устоев. Самоуправление в Сибири не было развито, крестьяне- старожилы и крестьяне-переселенцы в равной степени управлялись государственными чиновниками, которые назначались правительством.

Американские фермеры селились отдельно, защищая свои права с оружием в руках и организовывая различные комитеты по самоуправлению и самообороне, избирая шерифов и верша самосуд (печально известные «суды Линча»). Слабость и отсутствие власти на «фронтире» побуждали фермеров проявлять самостоятельность и социальную активность при защите ферм и поселений от набегов индейцев и зарвавшихся бандитов (Литературная история…, 1978. С. 213).

Можно отметить еще одно существенное отличие сравниваемых колонизационных процессов – этнический состав переселенцев. Начиная с XVII века, на землях Сибири именно крестьянским хозяйством занимались выходцы из европейской части Российской империи (русские, белорусы, украинцы), в начале XX века по столыпинской аграрной реформе губерниями «выхода» переселенцев становились густо населенные и малоземельные районы Черноземья, Гомельская, Могилевская области современной Белоруссии. Крестьяне стремились получить большие наделы земли, улучшить экономическое благосостояние семьи. Таким образом, переселение в Сибирь осуществляли подданные Российской империи.

Несколько иным выглядел этнический состав «пионеров Запада»: помимо американцев с восточного побережья на запад двигались и иммигранты из различных европейских государств, составлявшие до 1/3 переселенцев. Как уже отмечалось выше, все могли подать заявку на получение американского гражданства и участвовать в аукционах по покупке земли или получить её бесплатно. В Северной Дакоте в 1890 году 44,5 % населения были иностранного происхождения (Fite, 1966. P. 106). Американская нация формировалась за счет переселенцев, на Запад пионеры двигались за мечтой и за землей.

Оба государства в своём стремлении колонизировать свободные земли столкнулись со множеством проблем, помимо перечисленных – взаимоотношение с коренными народами, взаимодействие с властями и борьба с преступностью, промышленное освоение регионов, добыча золота и других ресурсов – вот те маркеры, по которым еще можно сравнивать процессы колонизации в двух странах, но это не являлось нашей задачей. В итоге: государства пошли по разному пути развития капитализма в сельском хозяйстве и по-разному решали схожие проблемы, возникшие при аграрном освоении вновь присоединённых территорий (Ленин, 2013. С. 328). Главным итогом колонизации Дикого Запада можно считать рождение новой нации, хозяйственное освоение западных территорий прошло стремительно, уже к началу XX века свободных земель в государственном фонде не осталось и аукционы завершились. До 30-х годов XX века в доходах США была значительная доля, принадлежащая доходам от аграрного сектора (Turner, 1962. P. 127). На сегодняшний день в сельскохозяйственном производстве США господствуют крупные фермы, дающие основную массу товарной продукции и определяющие положение на рынке: всего 1 % ферм дает почти 40 % товарной продукции. В сельскохозяйственный оборот было введено огромное количество земель. На засушливом Западе преобладали пастбища и процветало скотоводство, особенно в горных районах много пустошей. Доля пашни в фермерских землях особенно велика в зоне прерий на внутренних равнинах центральной части США, где

она местами, например, в штате Айова, превышает 90 %. На Западе, особенно в горных штатах, массивы обрабатываемых земель приурочены к орошаемым оазисам. Общая площадь орошаемых земель превышает 17 млн га. Большая часть их (свыше 75 %) приходится на западные штаты[1]. В процессе освоения Сибири, её земли стали неотделимой частью России. Основной процент населения Сибири представлен славянскими этносами – русскими, украинцами и белорусами (которые были в составе Российской империи и СССР), тем не менее русские составляют этническое большинство. Сибирская окраина стала тесно связанна с Европейской Россией единством политического, духовного и экономического развития. В марте 1917 года Переселенческое управление составило для Временного правительства отчет о почвенных экспедициях за 1908–1914 годы. Всего за семь лет в колонизируемые районы Азиатской России было направленно 98 экспедиций, из которых 48 представили полные отчеты, 30 отложили отчеты по разным причинам, 20 не успели обработать материалы. За указанный период маршрутными рекогносцировками, самым простым способом, было обследовано в Сибири 1400 тыс. кв. верст земли, то есть около 1/5 территории Сибири (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 272. Л. 18). В начале XX века в Сибири и на Дальнем Востоке переселенцы ввели в культурный оборот около 30 миллионов десятин различных сельскохозяйственных угодий (История Сибири…, 1968. С. 183).

Об эффективности и интенсивности сельскохозяйственного производства в двух странах в первой четверти XX века можно долго спорить, но это не тема данной статьи. Освоение территорий и их развитие продолжается. Переселенческий процесс в Сибирь в начале XX века остановила начавшаяся Первая мировая война, и окончательно государственное вмешательство в этот процесс прекратилось в момент падения Империи и произошедшей февральской революции, далее проблемы хозяйственного освоения новых территорий уже встали перед новым государством после окончания Гражданской войны.

[1] Сельское хозяйство США. URL: http://www.cawater-info.net/review/agro_usa.htm (дата обращения 11.06.2022).

Список источников

Бобылева О.М. Организация переселения крестьян в Восточную Сибирь 1906–1916 гг. Иркутск : ИрГУПС. 2021. 180 с.

Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро (происхождение и характер). М. : Изд-во ИМО. 1959. 337 с.

Демиховский М.В. Борьба за земли так называемого общественного фонда США в 20–30-х годах XIX века // Новая и новейшая история. 1962. № 1. С. 112–124.

Ефимов А.В. К истории капитализма в США. М. : Соцэкгиз, 1934. 317 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах) / гл. ред. А.П. Окладников. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. Т. 3. 530 с.

Ключевский В.О. Русская история. М.: Эксмо, 2020. 912 с.

Коль А. Американская гомстедная система наделения переселенцев землёю как средство успешной колонизации и экономического развития русских окраин // Вопросы колонизации. 1912. № 10. С. 1–34.

Куропятник Г.П. О пути развития капитализма в земледелии США в домонополистическую эпоху // Новая и новейшая история. 1958. № 4. С. 17–56.

Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. М.: Книга по Требованию, 2013. С. 320–370.

References

Bobyleva O.M. (2021) Organization of the resettlement of peasants to Eastern Siberia 1906-1916. Irkutsk: IrGUPS. 180 p. (In Russ.).

Bolkhovitinov N.N. (1959) The Monroe Doctrine. Moscow: MGIMO University. 337 p. (In Russ.).

Demikhovskii M.V. (1962) The struggle for the lands of the so-called public fund of the USA in the 20-30-x years of the XIX century. *Novaya i noveishaya istoriya = New and Recent History*. No. 1. P. 112–124. (In Russ.).

Efimov A.V. (1934) On the history of capitalism in the USA. Moscow: Sotsekgiz. 317 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1968) The History of Siberia from ancient times to the present day. In 5 vol. Leningrad: Science. Leningr. Publishing house. Vol. 3. 530 p. (In Russ.).

Klyuchevskii V.O. (2020) Russian history. Moscow: Eksmo. 912 p. (In Russ.).

Kol' A. (1912) American homestead system of allotment of settlers with land as a means of successful colonization and economic development of Russian suburbs. *Voprosy kolonizatsii = Questions of Colonization.* No. 10. P. 1-34. (In Russ.).

Kuropyatnik G.P. (1958) On the way of development of capitalism in agriculture in the USA in the pre-monopolistic era. *Novaya i noveishaya istoriya = New and Modern History*. No. 4. P. 17–56. (In Russ.).

Lenin V.I. (2013) The development of capitalism in Russia. Complete Works. Moscow: Book on Demand. Vol. 3. P. 320-370. (In Russ.).

Литературная история Соединённых Штатов Америки. М. : Прогресс, 1978. Т. 2. 528 с.

Семёнов-Тян-Шанский П.Л. Путешествие в Тянь-Шань. М. : Эксмо, 2009. 480 с.

Столыпин П.А. Записка председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году. СПб. : Государственная типография, 1910. 168 с.

Стоун И. Достойные моих гор: открытие дальнего Запада, 1840–1900. М. : Прогресс, 1981. 624 с.

Супоницкая И.М. Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX века) // Одиссей: Человек в истории. М. : Наука, 1989. С. 219–240.

Успенский Г.И. Поездки к переселенцам. М. : Директ-Медиа. 2016. 305 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб. : Изд. И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

Fite G.C. The Farmers Frontier 1865-1900. N.Y.: Holt Rinehart & Winston, 1966. 272 p.

Hine R.V., Faragher J.M. The American West : A New Interpretive History. New Haven: Yale University Press, 2000. 616 p.

Roske R.J. Everyman's Eden. A History of California. N.Y.: The Macmillan Company, 1968. 624 p.

Turner F.J. Rise of the New West, 1819–1829. N.Y.: Collier Books, 1962. 252 p.

Информация об авторе

Бобылева Ольга Михайловна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Россия,
e-mail: chuolga@yandex.ru

Вклад автора

Бобылева О.М. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 28 июня 2022 г.; одобрена после рецензирования 11 октября 2022 г.; принята к публикации 24 октября 2022 г.

(1978) Literary History of the United States of America. Moscow: Progress. Vol. 2. 528 p. (In Russ.).

Semenov-Tyan-Shanskii P.L. (2009) Journey to Tian Shan. Moscow: Eksmo. 480 p. (In Russ.).

Stolypin P.A. (1910) Note by the Chairman of the Council of Ministers and the Chief Administrator of Land Management and Agriculture on a trip to Siberia and the Volga region. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. 168 p. (In Russ.).

Stone I. (1981) Worthy of my mountains: the Discovery of the Far West, 1840-1900. Moscow: Progress. 624 p. (In Russ.).

Suponitskaya I.M. (1989) Colonization of lands: Siberia and the American West (the second half of the XIX century). *Odissei: Chelovek v istorii = Odysseus: Man in History*. Moscow: Nauka. P. 219-240. (In Russ.).

Uspenskii G.I. (2016) Trips to displaced persons. Moscow: Direct-Media. 305 p. (In Russ.).

Yadrintsev N.M. (1892) Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms. St. Petersburg: Edition of I.M. Sibiryakov. 720 p. (In Russ.).

Fite G.C. The Farmers Frontier 1865-1900. N.Y.: Holt Rinehart & Winston, 1966. 272 p.

Hine R.V., Faragher J.M. The American West : A New Interpretive History. New Haven: Yale University Press, 2000. 616 p.

Roske R.J. Everyman's Eden. A History of California. N.Y.: The Macmillan Company, 1968. 624 p.

Turner F.J. Rise of the New West, 1819–1829. N.Y.: Collier Books, 1962. 252 p.

Information about the author

Ol'ga M. Bobyleva,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Irkutsk State Transport University,
15, Chernyshevsky St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: chuolga@yandex.ru

Contribution of the author

Bobyleva O.M. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 28, 2022; approved after reviewing October 11, 2022; accepted for publication October 24, 2022.

ISSN 2415-8739 (print) **Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 137–145**
ISSN 2500-1566 (online) Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 137-145

История

Научная статья
УДК 271.2-9(571.15)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-137-145

Просветительское значение монастырей Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Государственного архива Томской области)

С.В. Васильева, С.З. Ахмадулина

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. В статье рассматривается просветительское значение монастырей Русской православной церкви на примере Алтайской духовной миссии. Основой для анализа ее деятельности стали отчетные документы начала XX столетия, представленные в Государственном архиве Томской области. В работе впервые вводится в научный оборот архивный документ, имеющий важное значение для выявления роли монастырей миссии в регионе в исследуемый период, – Отчет Алтайской духовной миссии за 1914 г. На основании данных источника выявлено, что наиболее значимой была просветительская деятельность старейших монастырей края: Чулышманского Благовещенского мужского и Улалинского Николаевского женского. Особое внимание уделяется проповеднической деятельности подвижников и миссионеров, силами которых происходило обращение алтайцев в православие. Подробно рассматривается работа по созданию алтайской письменности, переводу священных текстов на местные языки, строительству школ, где происходило обучение коренного населения грамоте и ремеслам. Также обращается внимание на деятельность монастырей по внедрению русской культуры, достижений медицины. В заключение делается вывод о том, что анализ представленного в работе документа дает возможность реконструировать процесс формирования новой культуры среди коренных жителей региона через распространение грамотности и оседлого образа жизни. Представленный фактический материал показывает, что Алтайская духовная миссия не случайно была признана лучшей среди миссий и оставалась таковой до конца своего существования. За годы ее деятельности была создана сеть миссионерских поселений, богослужебных учреждений, монастырей, система учебных и благотворительных заведений, разработаны механизмы успешной христианизации инородческого населения.

Ключевые слова: Алтайская духовная миссия, Макарий (Глухарев), игумения Серафима, мужские монастыри, женские монастыри, просветительская деятельность, миссионерские школы, миссионерские станы, Томский государственный архив, православные библиотеки

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44156 «Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на территории Внутренней Азии в условиях трансграничья (XVII–XXI вв.)».

Для цитирования: Васильева С.В., Ахмадулина С.З. Просветительское значение монастырей Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Государственного архива Томской области) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 137–145. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-137-145

History

Original article

Educational significance of the monasteries of the Altai ecclesiastical mission in the second half of the 19th – early 20th centuries (Based on the materials of the State Archive of the Tomsk Region)

Svetlana V. Vasilyeva, Svetlana Z. Akhmadulina

Buryat State University named after Dorji Banzarov, Ulan-Ude, Russia

© Васильева С.В., Ахмадулина С.З., 2023

Abstract. The article discusses the educational value of the monasteries of the Russian Orthodox Church on the example of the Altai Ecclesiastical Mission. The basis for the analysis of its activities was the reporting documents of the beginning of the 20th century, presented in the State Archives of the Tomsk Region. For the first time, an archival document is introduced into scientific circulation– the Report of the Altai Ecclesiastical Mission for 1914. It is important for identifying the role of monasteries in missions in the region during the period under study. The source data reveal the greater significance of the educational activity of the oldest monasteries of the region. They are the Chulyshman Annunciation Male Monastery and Ulalinsky Nikolaev Female Monastery. Particular attention is paid to the evangelism of zealots and missionaries whose efforts brought about the conversion of the Altai ethnoses to Orthodoxy. The authors consider the work on the creation of the Altai script, the translation of sacred texts into local languages, the construction of schools where the indigenous population was taught literacy and crafts. Attention is also drawn to the activities of the monasteries devoted to the introduction of Russian culture and the achievements of medicine. In conclusion the analysis of the document presented in the paper makes it possible to reconstruct the process of the formation of a new culture among the indigenous population of the region by spreading of literacy and transition to a settled way of life. The presented factual material shows that it was not by chance that the Altai Ecclesiastical Mission was recognized as the best among the missions and regained the status until the end of its existence. During the years of its activity, a network of missionary settlements, liturgical institutions, monasteries as well as a system of educational and charitable institutions were created, mechanisms for successful conversion to Christianity of the non-Russian population were developed.

Keywords: Altai Ecclesiastical Mission, Macarius (Glukharev), Abbess Seraphima, male monasteries, female monasteries, educational activity, missionary schools, missionary camps, Tomsk State Archive, Orthodox libraries

Acknowledgements: the study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 21-011-44156 “Missionary activity of the Russian Orthodox Church in the territory of Inner Asia in the conditions of cross-border (XVII-XXI centuries)”.

For citation: Vasilyeva S.V., Akhmadulina S.Z. (2023) Educational significance of the monasteries of the Altai ecclesiastical mission in the second half of the 19th – early 20th centuries (Based on the materials of the State Archive of the Tomsk Region). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 137-145. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-137-145

Миссионерская деятельность Русской православной церкви имела определяющее значение в социокультурном развитии окраин Российского государства: она формировала новый образ жизни и картину мира. Сегодня обращение к этому историческому опыту необходимо для осмысления сложных национальных и конфессиональных процессов современной России.

Миссионерская деятельность РПЦ в Алтайском регионе как составной части Внутренней Азии имеет много общего с подобной работой, проводившейся на территории Сибири. Первые попытки раскрыть вопросы миссиологии были осуществлены в таких работах XVII–XVIII вв., как «Сибирская история с самаго открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» И.Э. Фишера (Фишер, 1774), «Сибирские летописи» (Сибирская летопись Саввы Есипова, 1824) и др. На наш взгляд, интерес представляют труды по истории Русской православной церкви и ее миссионерской деятельности М.Н. Никольского (Никольский, 1988), Т.А. Догуревича (Догуревич, 1897), которые пытались идеологически обосновать присоединение Сибирского региона к России, связав его с христианско-просветительской миссией русского народа.

Большую роль в освещении обозначенной темы играют работы членов синодальных миссионерских структур и их епархиальных подразделений. Это уникальные источники духовных консисторий и архиерейских домов – «Православный вестник», «Епархиальные ведомости», «Миссионерское обозрение» и др.

Миссионерскую деятельность в Сибири исследователи истории данного региона в своих трудах оценивали неоднозначно. Так, вопросы духовной жизни, деятельности православного духовенства и церкви в крае освещены в контексте общественно-политического развития России в работах С.М. Соловьева (Соловьев, 1962–1966), П.А. Словцова (Словцов, 1995), В.И. Вагина (Вагин, 1872), В.К. Андриевича (Андриевич, 1889). Авторы критически рассмотрели миссионерскую деятельность православной церкви, констатировав поверхностное усвоение православия аборигенным населением и низкий культурно-образовательный уровень сибирского духовенства.

Тенденция к более позитивным оценкам миссионерской деятельности появилась в исследованиях Л.Н. Гумилева (Гумилев, 1994), Т.Н. Оглезневой (Оглезнева, 1994), О.Е. Наумовой (Наумова, 1996), Г.С. Митыповой (Митыпова, 2012; Митыпова, 2016[1]).

В них отмечается прогрессивное значение христианизации аборигенного населения Сибири, особое положение православия как идеологической основы российской государственности, дается положительная оценка деятельности миссионеров, обращается внимание на значимость их просветительской работы.

Однако добавим, что современные исследователи часто идеализируют миссионерскую работу Церкви, нивелирует негативные моменты в христианизации автохтонного населения, зависимость церковных структур от государственной политики и т. д.

Тема культурной деятельности православных миссионеров, в частности и их роли в сохранении книжных коллекций и церковных библиотек, раскрывается в серии публикаций С.В. Бураевой (Бураева, 1997a; Бураева, 1997b; Бураева, 1998; Бураева, 2000; Бураева, 2001; Бураева, 2003).

Отмечая достаточно глубокое внимание отечественных ученых, общественных и политических деятелей, краеведов, церковных исследователей к истории РПЦ, необходимо констатировать тот факт, что особенности миссионерской работы на окраинах России, в частности в таких ее отдаленных регионах, как Алтай, рассмотрены недостаточно.

В связи с вышесказанным считаем, что освещение истории просветительской деятельности православных монастырей Алтайской миссии во второй половине XIX в. – начале XX в. является актуальным.

В 1828 г. Святейшим Синодом был издан указ, положивший начало духовной миссии на Алтае, которую возглавил архимандрит Макарий (Глухарев). Его служение начинается в 1830 г. в г. Бийске. В представлениях архимандрита Макария русский народ являлся носителем истинного христианства – православия, и именно поэтому на него была возложена ответственность проповедовать его другим народам (Макарий, 1894. С. 6).

Одной из важных задач, которая была поставлена перед миссионерами, стало изучение языка, образа жизни, культуры, традиций, особенностей религиозных представлений коренного населения. Первоочередной была работа по переводу Священного писания на местные языки. Для этого архимандритом Макарием на основе кириллицы была создана алтайская письменность. Безусловно, данная работа потребовала привлечения представителей коренной национальности. В переводческую деятельность миссии большой вклад внес талантливый телеут М. Чевалков. Он стал первым миссионером из алтайцев, его труду принадлежит перевод Жития Святых, молитв, назидательных стихов, некоторых произведений классической литературы (Бедюров, 1990).

Для Алтайской миссии 60-е гг. XIX в. стали рубежными. В то время структурно она состояла из 8 станов с 11 церквами, в которых работали 9 миссионеров. На территории, находившейся в сфере влияния миссии, имелось 22 селения, в которых действовало 10 школ. С 60-х гг. XIX в. начинается динамичное развитие миссии: улучшается качество ее работы, а также расширяется ее деятельность (Адлыкова, 2006. С. 27). Результативность миссий Русской православной церкви во многом зависела от личности миссионеров и активности епархиального епископа. Ярким примером является проповеднический подвиг служителей Алтайской духовной миссии. Многие исследователи отмечают ее высокие результаты в деле христианизации инородцев (Крейдун, 2008).

В своей статье мы акцентируем внимание на просветительской деятельности миссии. Выполняя задачи по христианизации местного населения, она внесла значительный вклад в обучение грамоте алтайского народа. На средства миссии были созданы школы. Если в 1905 г. миссионерских образовательных заведений было 57, где обучался 1571 человек (в том числе 883 представителя коренной национальности), то в 1915 г. насчитывалось уже 83 школы с 3280 учащимися (из них 1386 человек – дети коренного населения).

Алтайская духовная миссия занималась публикацией богослужебных и духовно-назидательных книг на алтайском языке. Ее издательскую деятельность можно разделить на три периода. С 1864 по 1869 г. литература на алтайском языке печаталась в

[1] Митыпова Г. С. История Русской православной церкви в Сибири (XVII–XXI вв.) : учебно-методическое пособие для обучающихся по направлениям подготовки 48.03.01 Теология, 46.03.01 История. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2016. 54 с.

Синодальной типографии в Петербурге, в 1880-е гг. – в Казани и с конца 1880-х гг. – в Томске и Бийске. Эти книги использовались на богослужениях, в просветительской деятельности миссионеров во время поездок и на вне богослужебных чтениях. Они имелись в школьных библиотеках и в личном пользовании грамотных алтайцев-христиан. В 1917 г. только в Усть-Канской миссионерской школе было «Алтайских азбук» – 170, Евангелий – 26, «Историй Нового Завета» – 7, сборников «Алтайские басни» – 33.

Помимо духовной и просветительской работы, миссия решала проблемы материальной и социальной жизни алтайцев. Предпринимались шаги по переводу кочевого населения в оседлое. Если крещеные алтайцы не хотели жить в существующих христианских деревнях, миссия строила на свои средства специальные поселения. Здесь алтайцы-христиане обучались земледелию, ведению домашнего хозяйства в новых для себя условиях, приучались жить в избах. Процесс этот был сложным и длительным.

Занимались миссионеры также лечением коренного населения. Так, архимандрит Макарий (Глухарев) делал прививки от оспы, лечил травами. В 1838 г. в селении Майма была открыта больница-богадельня для неимущих.

С 1830 по 1870 г. миссионерами на Алтае было крещено 5226 человек. В начале XX в. в районе деятельности миссии насчитывалось около 26 000 крещеных оседлых и кочевых алтайцев. К 1914 г. штат миссии состоял уже из 200 священно- и церковнослужителей и 387 послушников при миссионерских монастырях, ей принадлежало 39 церквей и 48 молитвенных домов (Хронограф…, 2017[2]; Крейдун, 2008).

Большое значение в изучении Алтайской духовной миссии играют архивные документы Государственного архива Томской области (ГАТО). В Томской епархии в дореволюционный период было сосредоточено делопроизводство по управлению регионом, в том числе в с. Улала (ныне – г. Горно-Алтайск). В ГАТО находится фонд Алтайской духовной миссии Томской епархии, г. Бийск Томской губернии (фонд № 184), который состоит из 37 дел. В материалах содержатся отчеты миссии, ведомости о состоянии церковно-приходского образования, клировые ведомости, а также послужные списки ее членов. Разнообразным по содержанию является фонд Томской духовной консистории Святейшего правительствующего Синода, г. Томск Томской губернии (1834–1919 гг.) (фонд № 170), который включает 19 047 дел. Консистория была открыта в 1830-х гг., ведала церковным управлением и судом в губернии, личным составом духовенства, строительными и хозяйственными работами, финансовыми вопросами церквей, контролировала метрические данные, занималась делами раскольников и сектантов. В данном фонде сосредоточены указы Синода, журналы епархиальных ведомостей, ежегодные отчеты консистории, рапорты полицейских управлений, судебные дела служителей культа, приговоры церковно-приходских сходов, клировые ведомости и др.

Обратимся к отчетным материалам Алтайской духовной миссии в фондах Государственного архива Томской области. Среди них нами был обнаружен ценный документ, впервые вводимый в научный оборот, – отчет Алтайской духовной миссии за 1914 г.[3]. В нем представлена важная информация о просветительской деятельности монастырей в исследуемый период. Рассмотрим документ более подробно.

В первые годы работы Алтайской миссии были открыты две обители: сначала мужская в долине р. Чулышман за Телецким озером, затем женская – недалеко от с. Улала, бывшей резиденции начальника миссии. В анализируемом документе отмечается, что к указанному году Чулышманский Благовещенский мужской и Улалинский Николаевский женский являлись старейшими монастырями в регионе. Хотя по сравнению с большинством обителей России они еще юны, но их огромное значение в утверждении православия среди коренного населения Алтая никем не отрицалось.

Чулышманский мужской монастырь был основан первым. Подробное описание условий его

[2] Хронограф Республики Алтай – 2018. Горно-Алтайск : Полиграфика, 2017. 192 с. URL: https://gosarhiv-ra.ru/wp-content/uploads/2018/09/hronograf2018-22-2.pdf (дата обращения 13.07.2022).

[3] Отчет Алтайской духовной миссии за 1914 г. [начальник Алтайской миссии епископ Иннокентий]. Томск : Типография Приюта и Дома трудолюбия, 1915. 96 с. // ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25.

функционирования представлено в рассматриваемом документе: «Местоположение монастыря очень живописно в глубокой долине реки Чулышмана. Земли, принадлежащие монастырю, годны для обработки под посевы всех хлебных злаков. Но при всех благах монастырь беден, имеет небольшое хозяйство, а постройки его и малы, и очень обветшали. Братия монастыря немногочисленна и живет в скудности, граничащей иногда с нищетой» (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–2).

Причины подобного печального явления миссионеры видели, прежде всего, в том, что обитание в долине р. Чулышмана требует от человека долголетней привычки и некоторого подвига. «Нужно родиться в горах и вырасти здесь, чтобы без ущерба для здоровья выносить резкие климатические перемены» (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 22–23). На протяжении всего периода существования миссии в этот монастырь много людей приходило для иноческой жизни, много иноков из российских монастырей, с Афона, но большинство через несколько месяцев суровой жизни покидало его при первом удобном случае.

В рассматриваемом документе отмечается важная роль обители в жизни Алтая: «При такой печальной внешней стороне жизни Чулышманского монастыря, казалось бы, невозможным говорить о его миссионерском значении для края. Так думают многие, но миссионерское значение бедного Чулышманского огромно, не только в религиозном отношении, но и государственном.

С верой во Христа иноки Чулышмана принесли сюда и русскую культуру. Первыми миссионерами Чулышмана были иноки Чулышманского монастыря, из которых более всех поработал на этой ниве иеромонах Макарий, ныне Митрополит Московский. Много было уже окрещено инородцев Чулышманской долины, когда в ней был основан миссионерский стан. И хорошие семена посеяли Чулышманские иноки, своим примером указывая неофитам крестный путь в царствие Божие. Видя русских пришельцев, отказавшихся для дела Божия от радостной семейной жизни, живших одною братскою семьею, у которых ничего не было своего, а все общее (монастырь общежительный), инородцы не могли не поражаться величием подвига иноков, может быть, и не совершенных, но великих в глазах детей Алтая, никогда не видавших христианских монастырей. Слушая ежедневные молитвы и молитвы продолжительные, видя постящихся постоянно людей, видя благословение ко святыне, инородцы-обращенцы и сами преисполнялись благоговением к православному благослужению и уставам православной Церкви. Инородцев не смущали, да и не могли смущать частые уходы братий из монастыря. Они хорошо понимали, что русским людям очень тяжело в необычных для них условиях, понимали, что уходить не почему-либо иному, как по крайней необходимости, невозможности для них здесь жить. Да, как ни беден был монастырь, а все же в нем уже есть могилы иеромонахов, иеродьяконов, простых иноков, сложивших здесь кости свои. Есть священники из инородцев, скончавшие дни свои в Чулышмане. Внедрение в новокрещенных христианских навыков можно приписать в большей степени монастырю, чем одному миссионеру. Не может миссионер, как бы он не был ревностным в своем служении, быть для всех примером кротости, нестяжания, постоянной молитвы. А монастырь бедностью своею, непритязательностью братии, гостеприимством и постоянной молитвой всегда являл населению образ истинной христианской жизни. Христиане Чулышманской долины по своему религиозному воспитанию стоят выше новокрещенных всех прочих отделений миссии. Нигде нет такого усердия к церковной и домашней молитве, к служению молебнов, к исполнению всех обрядов православной церкви, как в Чулышмане. Лучшим доказательством этого служит неукоснительное, ежегодное исполнение жителями первого долга всякого христианина – исповеди и Св. причастия. Все инородцы этого края ежегодно приступают к св. чаше, за весьма редкими единичными исключениями. Разве продолжительная отлучка кого-либо заставит отпустить исполнение этого долга. Но при первой возможности – это невольное опущение исправляется. Нигде вы не найдете такого отношения к духовным лицам, как в Чулышмане. Это истинное отношение детей к своему духовному отцу, пасомых к своему пастырю. Если вы идете или едете, то завидевши Вас инородцы издалека выходят на дорогу, снимают свои шапки и принимают у Вас благословение, если Вы носите сан священника. Мужчины, женщины и дети все одинаково почтительны к духовному лицу. Нечего говорить, что при посещении этого благословенного уголка Архипастырями, все население поголовно

идет к Епископу за благословением и научением. И в деле такого высокого религиозного воспитания инородцев Чулышмана мы нашему монастырю приписываем более влияния, чем трудам миссионеров. К этой мысли нас приводит тот факт, что в других станах миссии, где нет монастырей и где работали одинокие миссионеры, религиозное состояние новокрещенной паствы не может идти в сравнение с таковым же инородцев Чулышмана.

Как бы ни были скромны постройки монастыря, все же они неизмеримо лучше и удобнее инородческих юрт. От монастыря инородцы научились русскому языку, русским обычаям, уважению к русскому народу и его законам. Первая монастырская школа послужила зерном просвещения инородцев Чулышмана (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 26).

В анализируемом отчете Алтайской духовной миссии за 1914 г. подробно рассматривается роль женских обителей в деле просвещения и образования алтайцев. «Второй старейший монастырь нашей миссии – Николаевский женский Улалинский монастырь. Находясь вблизи заселенных мест, щедро наделенный землею от Кабинета Его Величества, этот монастырь быстро расцвел. Влекут сюда богомольцев святыни монастыря, влекут и чтимые могилы инокинь-подвижниц. И сейчас не мало ветхих стариц инокинь вызывают своим видом и молитвенным подвигом удивление и умиление у посетителей монастыря. Здесь мы считаем уместным отдать должное Настоятельнице монастыря, Игумении Серафиме. Игумения Серафима вступила в управление монастырем 24 года тому назад. Приняла она монастырь бедным и малоустроенным в хозяйственном отношении, касса монастыря была пуста. Новая энергичная игумения, прежде всего, постаралась освободить от захвата монастырские земли и устроить контроль над лесными площадями монастыря. Теперь никто не решается занимать монастырские угодья и вырубать его леса. Устроивши это дело, Матушка Игумения взялась за перестройку монастыря. Она перенесла монастырь на новое возвышенное место, сухое с прекрасным воздухом. Здесь на новом месте она выстроила за время своего служения новый монастырь, в котором имеются несколько капитальных корпусов для келий, здание приюта, свечной завод с машинами, рукодельная, живописная школа. Так хозяйственная опытность, настойчивость в намеченной цели, недюжинный ум Игумении Серафимы помогли ей произвести грандиозные сооружения без обременения монастыря. Эта зиждительная деятельность Матушки Серафимы бесспорно ставит ее наряду с видными строителями мужских и женских монастырей. Несмотря на преклонный возраст, мать Серафима еще бодра духом и телом, и мы питаем надежду, что она еще сохранит на многие годы свои силы на благо вверенного ей монастыря.

Если Игумении Серафиме достался в удел жребий строительства, то новопоставленной Игумении Чемальской женской общины Людмиле Промыслом Божием и волею Владыки Митрополита Макария предназначен едва ли не труднейший подвиг учительства и воспитания детей. Владыка Митрополит Московский избрал Игумению Людмилу для выполнения широких миссионерских задач. Затрачивая огромные суммы из личных средства на устройство Чемальской общины, Владыка Митрополит Макарий намеревался устроить учительскую школу при сиротском приюте для девочек-инородок. Но обычному типу этих школ Владыка придал некоторые черты, которые делают ее миссионерской более, чем какая-либо школа на Алтае. Предполагается при этой школе устроить занятия по рукоделию, сельскому хозяйству и познакомить учениц с самыми необходимыми сведениями практической медицины. Для постановки учебного дела приглашены лучшие воспитательницы Богословской учительской школы Владимира Карловича Саблера; готовится поступить в Московскую Богословскую школу близкое лицо к Игумении; для изучения сельского хозяйства и ручного труда послана в Краснотокский монастырь способнейшая из послушниц монастыря, а для ознакомления с медициной при общине устраивается больница с амбулаторией, фельдшерица, которой могла бы преподать приемы первой помощи заболевающим. Таким образом, Владыка Митрополит предполагает в Чемальской школе подготовлять таких учительниц для миссионерских школ. Задача широкая, и если Господь благословит решить ее удовлетворительно, то для нашей миссии откроются новые прекрасные перспективы. И вот такое трудное и ответственное дело возложено на рамена Игумении Людмилы. Начало положено хорошее. Школа открыта, занятия ждут вторую зиму усердно, учительский персонал подобран хороший, постройка здания школы ведется пока без задержек…. Если пойдет дело так, то, несомненно, желания Владыки

Митрополита будут осуществлены. Только бы ему, нашему благодетелю, Господь даровал силы душевные и телесные на долгие годы, чтобы он при жизни доверил начатое великое дело.

Пригородный Бийский Тихвинский монастырь под покровом Царицы Небесной ведет обычную иноческую жизнь женских обителей. Этот монастырь беден деньгами, но богат молитвою и трудом. Трудом сестры находят себе пропитание, трудом содержат здания, уделяют от своих трудов на воспитание 30 девочек-сирот. При монастыре есть хорошая церковно-приходская школа. Высокий пример молитвы и труда подает сестрам Игумения Ираида. Несмотря на болезни и лета, мать Ираида всегда первая на молитвы, всегда у постели болящих, в келиях унывающих. Она везде и всюду, даже не имеет особых келий для себя. Ныне обитель обрадована щедрым даром Государя императора. По ходатайству Владыки Митрополита монастырю отведено 300 десятин земли. Этот Царский дар много обеспечит жизнь обители» (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 27).

В представленном документе отмечается, что не только давно функционирующие монастыри, но и недавно открытые обители подключались к делу просвещения местного населения: «Кроме описанных есть еще на Алтае Александровская мужская пустынь и Матурская женская община. Эти обители только что народились и о них говорить нечего. Они еще в первом периоде устроения. Впрочем, при Матурской Общине есть уже небольшая школа» (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 27).

Таким образом, выявление уникального документа в Государственном архиве Томской области дало авторам возможность реконструировать процесс просветительской работы монастырей, образованных в период функционирования Алтайской духовной миссии. Представленный фактический материал позволяет прийти к выводу о том, что просветительская деятельность монастырей по праву может считаться одной из славных страниц в истории православного миссионерства среди инородцев. Алтайская духовная миссия не была самой ранней по времени возникновения или по численности воцерковленных и масштабам территориального охвата. Однако в 1910 г. она была признана образцовой, лучшей среди миссий и оставалась таковой до конца своего существования.

За годы ее деятельности была создана сеть миссионерских поселений, богослужебных учреждений, монастырей, система учебных и благотворительных заведений, разработаны механизмы успешной христианизации инородческого населения. Опыт работы Алтайской духовной миссии может быть использован и в современных исторических условиях.

Список источников

Адлыкова А.П. Монастыри Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – начале XX в. Горно-Алтайск : РИО Горно-Алтайского государственного университета. 2006. 189 с.

Андриевич В.К. История Сибири. СПб. : Тип. В.В. Комарова, 1889. Ч. 2. XVI, 220 с.

Бедюров Б.Я. Светолюбы Алтая // Памятное завещание. Алтайская дореволюционная проза. Горно-Алтайск : Алтайское книжное изд-во: Горно-Алтайское отделение. 1990. С. 3–42.

Бураева С.В. Источниковедение православной книжной культуры дореволюционной Бурятии (к постановке проблемы) // Исторические судьбы православия в Сибири : тез. докл. и сообщ. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова) и 270-летия основания Иркутской епархии, 1–3 окт. 1997 г. Иркутск : [б. и.], 1997а. С. 82–85.

Бураева С.В. Коллекция православной литературы Музея истории Бурятии как комплексный исторический

References

Adlykova A.P. (2006) Monasteries of the Altai Ecclesiastical Mission in the second half of the 19th - Early 20th century. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaisk State University. 189 p. (In Russ.).

Andrievich V.K. (1889) History of Siberia. St. Petersburg: Komarov's Printing House. Pt. 2. XVI, 220 p. (In Russ.).

Bedyurov B. Ya. (1990) Light-lovers of Altai. *Pamyatnoe zaveshchanie. Altaiskaya dorevolyutsionnaya proza = Memorable testament. Altai pre-revolutionary prose.* Gorno-Altaisk: Altai publishing house, Gorno-Alt. branch. P. 3-42. (In Russ.).

Buraeva S.V. (1997a) Source study of the Orthodox book culture of pre-revolutionary Buryatia. *Istoricheskie sud'by pravoslaviya v Sibiri: tez. dokl. i soobshch. nauch. konf., posvyashch. 200-letiyu so dnya rozhdeniya mitropolita Mosk. Innokentiya (Veniaminova) i 270-letiya osnovaniya Irkut. eparkhii, 1-3 okt. 1997 g. = Historical fate of Orthodoxy in Siberia: Theses and reports of the scientific conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of Moscow Metropolitan Innokenty (Veniaminov) and the 270th anniversary of the founding of Irkutsk Diocese*. 1-3 of Oct. 1997. Irkutsk. P. 82-85. (In Russ.).

Buraeva S.V. (1997b) Collection of Orthodox literature of the Museum of the History of Buryatia as a complex historical

источник // Культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра (БНЦ) СО РАН, 1997b. Вып. 2. С. 194–206.

Бураева С.В. Православие в Баргузинской долине: хроника событий XIX в. // Баргузин: страницы истории : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 350-летию со дня основания г. Баргузин. Улан-Удэ: [б. и.], 1998. С. 118–127.

Бураева С.В. Православные книжные традиции в Забайкалье // Православие и культура этноса : тез. докл. Междунар. науч. симп. 9–13 окт. 2000 г., г. Москва. М.: Старый сад, 2000. С. 164–166.

Бураева С.В. Культурная деятельность православных миссионеров в Тункинской долине (2-я пол. XIX – нач. XX в.) // Культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского научного центра (БНЦ) СО РАН, 2001. Вып. 5. С. 81–92.

Бураева С.В. Библиотека архимандрита Иринарха // Русская православная церковь в Сибири: история и современность : материалы конф., посвящ. 350-летию основания с. Посольское и Посол. Спасо-Преображен. монастырю, 24–26 янв. 2003 г., Улан-Удэ. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2003. С. 42–46.

Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб. : Тип. 2 отд. Собственной Е. И. В. канцелярии. 1872. Т. 1. X, 801 с.

Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: ЭКОПРОС, 1994. 334 с.

Догуревич Т.А. Свет Азии: Распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религиозных верований инородцев этого края: На основании миссион. отчетов, записок путешественников и лучших исслед. по данному вопросу. СПб. : тип. П.П. Сойкина, ценз. 1897. 167 с.

Крейдун Г.А. Алтайская духовная миссия в 1830–1919 гг.: структура и деятельность. М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. 199 с.

Макарий (Глухарев), архимандрит. Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской Державе. М. : Тип. А.И. Снегиревой, 1894. 131 с.

Митыпова Г.С. Церковная дипломатия и Даурская миссия: исторические традиции и современность // Православие в Азиатско-Тихоокеанском регионе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 330-летию Даурской духовной миссии, 4–5 октября 2011 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. С. 26–32.

source. *Kul'tura Tsentral'noi Azii: pis'mennye istochniki = Culture of Central Asia: Written Sources*. Ulan-Ude: BSC SB RAS Publishing department. Iss. 2. P. 194-206. (In Russ.).

Buraeva S.V. (1998) Orthodoxy in the Barguzin Valley: a chronicle of the events of the 19th century. *Barguzin: stranitsy istorii: materialy nauch.-prakt. konf., posvyashch. 350-letiyu so dnya osnovaniya g. Barguzin = Barguzin: pages of history: proceedings of scientific and practical conference dedicated to the 350th anniversary of the founding of the town of Barguzin.* Ulan-Ude. P. 118-127. (In Russ.).

Buraeva S.V. (2000) Orthodox book traditions in Transbaikalia. *Pravoslavie i kul'tura etnosa: Mezhdunar. nauch. simp. 9-13 okt. 2000 g., Moskva: tez. dokl. = Orthodoxy and culture of ethnos: Intern. scientific symposium. Oct 9-13, 2000, Moscow.* Moscow: Old Garden publishing house. P. 164-166. (In Russ.).

Buraeva S.V. (2001) Cultural activities of Orthodox missionaries in the Tunkinskaya valley (2nd half of the 19th - early 20th century). *Kul'tura Tsentral'noi Azii: pis'mennye istochniki =Culture of Central Asia: written sources.* Ulan-Ude: BSC SB RAS Publishing department. Iss. 5. P. 81-92. (In Russ.).

Buraeva S.V. (2003) Library of Archimandrite Irinarkh. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v Sibiri: istoriya i sovremennost': Materialy konf., posvyashch. 350-letiyu osnovaniya s. Posol'skoe i Posol. Spaso-Preobrazhen. monastyryu, 24-26 yanv. 2003 g., Ulan-Ude = Russian Orthodox Church in Siberia: History and Modernity: Proceedings of the Conf., dedicated to the 350th anniversary of the founding of Posolskoe settlement and Posolsk Transfiguration monastery, January 24-26, 2003, Ulan-Ude*. Ulan-Ude: BSC SB RAS Publishing department. P. 42-46. (In Russ.).

Vagin V.I. (1872) Historical information about the activities of count M.M. Speransky in Siberia from 1819 to 1822. St. Petersburg: 2nd Dpt. H.M. Chancellery. Vol. 1. X, 801 p. (In Russ.).

Gumilev L.N. (1994) From Rus' to Russia: essays on ethnic history. Moscow: EKOPROS. 334 p. (In Russ.).

Dogurevich T.A. (1897) Light of Asia: The spread of Christianity in Siberia in connection with the description of life, customs, mores and religious beliefs of non-Russian population of this region: Based on mission reports, travelers' notes and best researches on this issue. St. Petersburg: Printing house of P.P. Soykin. 167 p. (In Russ.).

Kreidun G.A. (2008) Altai Ecclesiastical mission in 1830-1919: structure and activity. Moscow: Publishing House of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. 199 p. (In Russ.).

Makarii (Glukharev), archimandrite (1894) Thoughts on the ways to the most successful spreading of the Christian faith in the Russian State. Moscow: Printing house of A.I. Snegirev. 131 p. (In Russ.).

Mitypova G.S. (2012) Church Diplomacy and the Dahurian Mission: Historical Traditions and Modernity. *Pravoslavie v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 330-letiyu Daurskoi dukhovnoi missii, 4-5 oktyabrya, 2011 g. = Orthodoxy in the Asia-Pacific Region: Proceedings of the Intern. Scientific and practi-*

Наумова О.Е. Иркутская епархия. XVIII – первая пол. XIX века. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 1996. 208 с.

Никольский М.Н. История русской церкви. 4-е изд. М. : Политиздат, 1988. 448 с.

Оглезнева Т.Н. Русское географическое общество: изучение народов северо-востока Азии, 1845–1917 гг. Новосибирск : Наука: Сиб. изд. фирма, 1994. 174 с.

Сибирская летопись Саввы Есипова. СПб. : Тип. Департамента Народного Просвещения, 1824. I–VI, 7–60 с.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири : сборник / вступ. ст., сост., подгот. текста В.А. Крещика. Новосибирск : Вен-Мер, 1995. 676 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М. : Соцэкгиз, 1962–1966. Кн. 7–15.

Фишер И.Э. Сибирская история с самаго открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб. : Тип. При Имп. Акад. наук, 1774. 631 с.

cal. conf. dedicated to the 330th Anniversary of the Dahurian Ecclesiastical Mission, October 4-5, 2011. Ulan-Ude: Buryat State University. P. 26-32. (In Russ.).

Naumova O.E. (1996) Irkutsk diocese. XVIII - first half of XIX century. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 208 p. (In Russ.).

Nikol'skii M.N. (1988) History of the Russian Church. Moscow: Politizdat. 448 p. (In Russ.).

Oglezneva T.N. (1994) Russian Geographical Society: Study of the Peoples of Northeast Asia, 1845-1917. Novosibirsk: Nauka. 174 p. (In Russ.).

(1824) Siberian chronicle of Savva Esipov. St. Petersburg: The printing house of the Department of Public Education. I-VI, 7-60 p. (In Russ.).

Slovtsov P.A. (1995) Historical review of Siberia: collection of articles. Novosibirsk: Ven-Mer. 676 p. (In Russ.).

Solov'ev S.M. (1962-1966) History of Russia since ancient times: in 15 books. Moscow: Sotsekgiz. Book 7-15. (In Russ.).

Fisher I.E. (1774) Siberian history from the very discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian arms. St. Petersburg.: Pr. house. at Imp. Acad. Sciences. 631p. (In Russ.).

Информация об авторах

Васильева Светлана Владимировна,
доктор исторических наук, профессор кафедры религиоведения и теологии,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а, Россия,
e-mail: sv_vasilieva@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-3788-0879

Ахмадулина Светлана Зиннатовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры религиоведения и теологии,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а, Россия,
e-mail: lana_clio@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-8254-6036

Information about the authors

Svetlana V. Vasilyeva,
Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Theology and Religious Studies,
Buryat State University named after Dorji Banzarov,
24a, Smolin St., Ulan-Ude 670000, Russia,
e-mail: sv_vasilieva@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-3788-0879

Svetlana Z. Akhmadulina,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Theology and Religious Studies,
Buryat State University named after Dorji Banzarov,
24a, Smolin St., Ulan-Ude 670000, Russia,
e-mail: lana_clio@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-8254-6036

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 11 ноября 2022 г.; одобрена после рецензирования 7 декабря 2022 г.; принята к публикации 19 декабря 2022 г.

Article info

The article was submitted November 11, 2022; approved after reviewing December 7, 2022; accepted for publication December 19, 2022.

ISSN 2415-8739 (print) **Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 146–156**
ISSN 2500-1566 (online) Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 146-156

История

Научная статья
УДК 94(5)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-146-156

Хищения шлихового золота на территории Восточной Сибири досоветского времени

А.А. Сысоев

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В условиях современной трансформации российской государственности закономерно усилилось внимание к проблемам противодействия уголовной преступности. Ключевое значение приобретает исторический опыт. Не случайно на протяжении последнего десятилетия заметно активизировалось изучение проявлений различных видов противоправных деяний и способов противодействия им. Объектом исследования являются особенности добычи и оборота шлихового золота на территории Восточной Сибири в досоветское время, предметом – сопутствующие этому процессу противоправные деяния. Цель исследования заключается в определении причин, содержания, тенденций и закономерностей распространения различных форм противоправных деяний, осуществляемых при добыче шлихового золота на территории Восточных окраин Российской Империи. Научная новизна проведенного исследования заключается в анализе динамики и направленности развития противоправных деяний в сфере добычи шлихового золота в специфических условиях Восточной Сибири. История освоения Сибири была неразрывно связана с поисками золотых месторождений и их последующим деятельным освоением. Промышленная добыча золота, сыгравшая важнейшую роль в экономическом развитии региона, одновременно породила мощный криминальный промысел. Высокая рентабельность, компактность объекта противоправной деятельности и спрос, превышающий предложение, являлись специфическими особенностями преступного промысла, основанного на незаконной добыче, тайной перепродаже и контрабанде шлихового золота. Приносящий стабильную прибыль незаконный оборот золота служил важным источником накопления капиталов. В зависимости от категории сибирского населения, его возможностей и социального статуса варьировались способы хищений. При этом эффективная правоохранительная деятельность исключалась благодаря тому, что административные и судебные власти были на действительном содержании золотопромышленников.

Ключевые слова: шлиховое золото, полиция, население, хищение, промысел, добыча, прибыль, Восточная Сибирь, контрабанда, скупка, противоправное деяние

Для цитирования: Сысоев А.А. Хищения шлихового золота на территории Восточной Сибири досоветского времени // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 146–156. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-146-156

History

Original article

Embezzlement of shlikh gold in the territory of Eastern Siberia of the pre-Soviet period

Alexey A. Sysoev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

Abstract. In the context of the modern transformation of the Russian statehood, attention to the problems of countering criminal crime has naturally increased. Historical experience is of key importance. It is no coincidence that over the past decade the study of manifestations of various types of illegal acts and ways to counteract them has noticeably intensified. The object of the study is the peculiarities of the extraction and turnover of shlikh gold on the territory of Eastern Siberia in pre–Soviet times, the subject is the illegal acts accompanying this process. The purpose of the study is to determine the causes, content, trends and patterns of the spread of various forms of illegal acts carried out during the extraction of shlikh gold on the territory of the Eastern outskirts of the Russian Empire. The scientific novelty of the conducted research lies in the analysis of the dynamics and direction of

© Сысоев А.А., 2023

the development of illegal acts in the field of gold mining in the specific conditions of Eastern Siberia. The history of the development of Siberia was inextricably linked with the search for gold deposits and their subsequent active exploitation. Industrial gold mining which played a crucial role in the economic development of the region, at the same time, gave rise to a powerful criminal trade. High profitability, compactness of the object of illegal activity and demand exceeding supply were the specific features of criminal activity based on illegal extraction, secret resale and smuggling of gold dressing. Illegal gold trafficking which brings stable profits served as an important source of capital accumulation. Depending on the category of the Siberian population its capabilities and social status, the methods of theft varied. At the same time, effective law enforcement was excluded due to the fact that the administrative and judicial authorities were actually corrupted by gold miners.

Keywords: gold dressing, police, population, theft, activity, mining, profit, eastern Siberia, smuggling, purchase, illegal act

For citation: Sysoev A.A. (2023) Embezzlement of shlikh gold in the territory of Eastern Siberia of the pre-Soviet period. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 146-156. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-146-156

Драгоценные металлы как экономические активы традиционно имели особое значение для российского государства. Отдельное внимание уделялось золотому запасу и всем доступным способам его пополнения. Неудивительно поэтому, что история освоения Сибири была неразрывно связана с поисками золотых месторождений и их последующим деятельным освоением.

Оценивая вклад сибирских рудознатцев в укрепление экономических основ государства, Сергей Федорович Хроленок утверждал, что благодаря успехам сибирской золотопромышленности, уже к середине XIX столетия Россия получала около 40 % от общего количества добываемого во всем мире драгоценного металла. По сведениям исследователя, к этому времени по сумме обращавшихся капиталов и стоимости произведенной продукции золотопромышленность Сибири занимала первое место среди других отраслей горного дела в Империи (Хроленок, 1990. С. 64).

Начало активной разработки золотоносных месторождений Восточной Сибири относят к 30-м годам XIX столетия. Этим временем датируют начало «золотой лихорадки» на территории Енисейской губернии (Уманьский, 1888. С. 28). В 50-х были открыты богатейшие россыпи в окрестностях бассейна р. Лены. Оценивая масштабы перспективных золотых промыслов, отечественные исследователи сравнивали разведанные месторождения в районах Енисея, Алдана, Олекмы и Витима с отдельными территориями крупных иностранных государств (Сапоговская, 1998. С. 46).

Открытие многочисленных и чрезвычайно богатых залежей золота оказало решающее значение на экономическое развитие отдаленного и малонаселенного региона. Золотопромышленность стала наиболее привлекательным, мощным и важным источником накопления частных капиталов Восточной Сибири.

Возможность быстрого и многократного обогащения захватывала умы сибиряков. Для представителей купечества прибыльность финансовых вложений достигала сотни процентов. Слухи о сказочных природных кладах подстегивали многочисленных искателей приключений со всей страны.

Все вместе взятое, по мнению современного исследователя Н.А. Бушиной, привело к тому, что «золотопромышленность сыграла первостепенную роль в формировании одного из самых крупных в стране рынков рабочей силы – сибирского» (Бушина, 2006. С. 89). Только на промыслах Олекминского округа тогда, утверждал В.И. Семевский, трудилось около 19000 человек (Семевский, 1898. С. 6).

Уже к середине XIX века из 376096 кг добытого в России драгоценного металла 66 % приходилось на промыслы Восточной Сибири. С течением времени темпы добычи только возрастали. С 1869 г. Ленский золотопромышленный район поставлял не менее 8500 кг химически чистого золота ежегодно, а порой и значительно больше, так, например, в 1877 г. добыто 14187 кг. В период 1885–1889 гг. добыча в этом же районе – от 7860 кг до 6648, а затем снова превысила 8000 (на пиках до 10429 кг). На этом уровне объемы ежегодной добычи сохранялись до 1901. Затем снижение – в 1902–1903 г. добыто по 5700–5800 кг. С 1903 г. и 7010 кг устойчивый плавный рост до 13996 кг в 1910 г. и 12655 кг в 1911 г. (Мунгалов, 2011. С. 150). Всего же на долю Восточной Сибири к началу XX века приходилось 76 % добываемого в России драгоценного металла (Хроленок, 1990. С. 26, 64).

При таком энергичном подъеме экономических отношений, когда, по мнению Всеволода Ивановича Вагина, «золотопромышленность привела в движение огромные капиталы, соприкасаясь почти со всеми отраслями местной промышленности» (Вагин, 1871. С. 50), сложились условия, коренным образом изменившие жизненный уклад многих сибиряков. Лидер сибирского областнического движения Николай Михайлович Ядринцев утверждал по этому поводу, что «золотодобывающая промышленность развратила коренного сибиряка… подавила все мелкие ремесла и отвлекла занимавшихся ими прежде поселенцев на прииски» (Ядринцев, 1884. С. 20)[1].

Жажда безудержной наживы поражала все без исключения слои сибирского населения. Одна его часть оставляла земельные наделы и уходила на прииски в надежде хорошего заработка, другая стремилась обогатиться за счет противоправных деяний в виде спекуляций алкоголем, хищений золота и его незаконной скупки.

Очевидцы тех событий утверждали, что «на всех приисках имела большое распространение нелегальная и просто воровская добыча золота» (Я. С-ъ, 1912. С. 17). По сведениям С.Ф. Хроленка, посетивший в 1889 г. прииски Чикойской системы чиновник особых поручений Белозеров отмечал: «В Восточной Сибири хищничество распространенно повсеместно, где только существует золотой промысел» (Хроленок, 1990. С. 99).

За сравнительно небольшой промежуток времени сложилась действенная система хищений, позволявшая получать незаконные прибыли всем, кто, так или иначе соприкасался с процессом добычи драгоценных металлов.

Реализация преступных намерений на уровне приисковых рабочих и вольных старателей имела достаточно многоплановую практику и заключалась в использовании определенной системы тайного хищения, укрытия и перепродажи добытого металла.

В одних случаях утайка золота осуществлялась во время производства работ приисковыми рабочими. В других «хищники» проникали в разработанные шахты, орты и открытые разрезы во внерабочее время. Существовали способы, когда драгоценный металл тайно извлекался из обнажённого предпринимателем золотоносного пласта, так называемыми копачами (Васиховская, Сунгуров, 2015. С. 136).

Однако наибольшие по масштабам хищения фиксировались во время самостоятельной открытой разработки богатых золотоносных участков ни кем не контролируемыми, действующими вне правового поля, вольными старателями. Один из таких случаев, отличающийся наиболее массовой хищнической разработкой золотого месторождения произошел на реке Средняя Орловка в конце XIX столетия.

В 1898 г. агент известного сибирского золотопромышленника Якова Давидовича Фризера выкупил у вольных старателей за 5500 руб. права на разработку богатейшего месторождения. Однако этот факт не остановил других вольных приискателей. Слухи о сказочных залежах драгоценного металла быстро разлетелись по окрестностям Олекминско-Витимской системы и привлекли к этому месту около тысячи «хищников». Эту категорию выходцев из крестьянской и рабочей среды, не состоящую в найме и разрабатывающую золото без разрешения горного управления, называли «летучка». Народная молва, умноженная на соблазн быстрой наживы, привела к тому, что рабочие с других приисков в надежде разбогатеть бросали работу и устремлялись на месторождение Средней Орловки.

Прибывший в окрестности своего прииска в конце июня 1898 г. Я.К. Фризер обнаружил многочисленную общину вольных старателей, ведущих разработку месторождения примитивными способами. Со слов промышленника, «золото добывалось и на берегу, и в русле, и в утесе… работавшие в русле бродили в воде по колено и, доставая горстями песок со дна, клали его в лоток и тут же промывали» (Я. С-ъ, 1912. С. 24).

Многочисленные «хищники», прибывшие со всей Олекминской системы, организовали старательскую общину со строгим «соблюдением тишины и порядка», разделением функций и постоянно действующим собранием. Общину охраняли караульные, которые, со слов очевидцев тех событий, «цепью наблюдали с гольцов и на устье реки, не идут ли поисковые партии и казаки». Наличие у любого человека бумаги и карандаша считались признаком неблагонадежности, и он подлежал немедленному изгнанию. На жалование местным властям, содер-

[1] Ядринцев Н.М. Культурное и промышленное состояние Сибири : доклад И. М. Ядринцева (по случаю торжества 300-летия Сибири). СПб., 1884. 40 с.

жание больных и подкуп казаков была установлена подушная подать в десятую долю от добываемого золота ежедневно. Вследствие чего ежедневный доход караульных составлял 4–5, а старост – 8–10 золотников[2].

Темпы и объемы примитивной добычи оказались рекордными даже для богатых месторождений Восточной Сибири. Если лоток грунта весом в 24 кг давал при простой промывке менее 40 г золота, то участок бросали и переходили к новому. Я.К. Фризер отмечал по этому поводу, что «работы велись с лихорадочной поспешностью, чисто хищнически… ввиду ожидавшейся силы, всякий старался взять то, что давалось без большого труда». В результате наиболее трудолюбивые старатели из числа «семейских» выносили с прииска по 30 фунтов на человека[3].

С каждым днем жажда быстрого обогащения приводила в окрестности Средней Орловки все новых старателей. При этом отвратить «хищников» от незаконной разработки месторождения не смог даже мировой судья, прибывший с шестью казаками из г. Баргузин. На его категорические требования прекратить добычу золота откликнулась лишь малая часть старателей. Остальные продолжили работать, разбегаясь только при появлении казаков. В дальнейшем золотая лихорадка совратила даже тех, кто был обязан отстаивать интересы собственника прииска. Часть казаков, соблазнившаяся близкой наживой, перешла на сторону вольных старателей.

Не смогли должным образом повлиять на хищников и горный исправник с окружным инженером, прибывшие на Среднюю Орловку в начале сентября в сопровождении вооруженного отряда. Конфликт официальных властей и «хищников» обострился до вооруженного противостояния, в результате которого с обеих сторон появились жертвы.

Только благодаря наступлению холодов и специально распространяемым слухам о другом более богатом месторождении в окрестностях озера Орон, ватага вольных старателей рассеялась, а Я.К. Фризер сумел вступить в права владельца прииска (Я. С-ъ, 1912. С. 25).

В результате хищнического промысла, по примерной оценке новоявленного владельца, за сезон на Средней Орловке было добыто около 235 пудов драгоценного металла, что в ценах 1898 г. составляло 4 230 000 руб. Таким образом, учитывая размеры подати, взымаемой к этому времени с приисков Олекминского округа в размере 10 % от добываемого золота (Налог на золотопромышленность // Сибирская газета. Томск. 1881. № 23. С. 1), государственная казна лишилась около 423 000 руб.

Некоторое количество добытого «хищниками» золота впоследствии было легализовано крупными золотопромышленниками, скупавшими его у вольных старателей в Бодайбо для оформления в качестве добытого на собственных приисках. Большая же часть нелегально добытого металла, в пропорции 9/10, как контрабанда ушла через приграничную Кяхту в Китай.

Данное обстоятельство объяснялось существенной разницей в стоимости шлихового золота. При его казенной цене в пределах Империи в 18000 руб. за пуд нелегальная скупка китайцами осуществлялась уже за 19000 руб. В связи с чем, по сообщениям корреспондентов журнала «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще», только в 1893 г. тайный сбыт шлихового золота, добытого на приисках Забайкалья и Амурской области, в Китай составил около 500 пудов (Томск…, 1893. С. 203).

По мнению начальника Иркутского губернского жандармского управления полковника Виктора Осиповича Янковского, появление во второй половине XIX столетия нелегального рынка шлихового золота в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке привело к тому, что процесс скупки и перепродажи драгоценного металла в Китай «приносил промышленникам большую пользу, нежели самые прииски». Теневая торговля «хищническим» золотом, делал вывод высокопоставленный жандарм, «приносила громадный ущерб казне» (Шаврова, 1993. С. 97). В это же время министр государственных имуществ Алексей Сергеевич Ермолов докладывал Государственному совету: «Золота из России вывозится настолько значительное количество, что почти все налоги в Манчжурии уплачиваются именно русским металлом» (Хроленок, 1990. С. 95).

При таком положении дел местной администрацией практически не реализовывался состав ст. 612 «Уложения о наказаниях уголовных и исправи-

[2] 1 золотник = 4,26 г.
[3] 1 фунт = 0,45 кг.

тельных»[4], содержавший требования о привлечении к уголовной ответственности за продажу или покупку шлихового или самородного золота, не освобожденного от оплаты горной податью (Девиер, 1901. С. 46).

В специфических условиях Восточной Сибири крупные владельцы приисков выпадали из правового поля за счет того, что фактически содержали полицейскую стражу и судебные власти на собственные средства. На это обстоятельство указывал Иркутский генерал-губернатор Александр Дмитриевич Горемыкин. По мнению высшего чиновника края, «коренным, наиболее крупным недостатком в постановке приискового административно-судебного управления являлась материальная зависимость от золотопромышленников всех без исключения правительственных должностных лиц, действовавших в районе приисков» (Хроленок, 1990. С. 177).

В отношении же мелких «хищников» процветал правовой нигилизм, включавший в себя повальные обыски рабочих и меры карательного характера, зачастую сопутствующие физическим насилием над любым подозреваемым в хищении золота.

«Ежели поймаешь хищника, а золота при нем не найдешь, бьешь его, пока не скажет, где», – вспоминали бывалые сотрудники полицейской стражи. Современники тех событий признавали, что «жестокой участи мог подвергнуться всякий встречный в лесу или у берега реки».

Во многих случаях физическое насилие выражалось в форме пыток. Приисковые казаки применяли такие способы истязания как «уточка» и «калачик». Первый заключался в связывании у жертвы ног и рук. При этом локти несчастного притягивались к лопаткам. В таком положении человека пинали ногами, перекатывая с места на место. Во время второй, более жестокой пытки, «хищника» секли пучками свеч. Такое избиение не оставляло следов, однако после истязания, по показаниям свидетелей, «тело вздувалось, как булка от хороших дрожжей» (Я. С-ъ, 1912. С. 35).

Между тем широкое распространение практик физического насилия не приносило желаемых результатов. Благодаря высокой рентабельности противоправного промысла, «хищничество» процветало и приносило ощутимый убыток казне.

Не оказывало должного эффекта и материальное стимулирование полицейской стражи. Решение руководства приисков оплачивать казакам изъятое у «хищников» золото оборачивалось иной стороной. Сотрудники приисковой стражи, по свидетельству современников, «стали наоборот поощрять кражи, покупая золото у рабочих по 3 рубля и сдавая в управление, как отобранное, по 5 рублей» (Я. С-ъ, 1912. С. 34). При этом отсутствие самих преступников объяснялось казаками их внезапным бегством.

Очевидный кризис в области добычи и оборота шлихового золота побудил к принятию кардинальных мер – изменению правового поля. 1 марта 1902 г. Николаем II был утвержден закон «О свободном обращении шлихового золота».

Новый закон разрешал беспрепятственный оборот добытого драгоценного металла среди частных лиц и золотопромышленников, за исключением золота, получаемого на «кабинетских землях» – территориях, управляющихся Кабинетом его императорского величества. Введение свободного рынка предполагало не только отмену представления добытого шлихового золота в казенные лаборатории, но и возможность «частным лицам устройства лабораторий и вообще всякого рода заведений для сплава и очистки золота, серебра и платины»[5].

Либерализации процесса купли-продажи и переработки драгоценных металлов сопутствовали изменения в системе налогообложения. На большей части территорий Империи вместо горной подати вводились промысловый налог и поземельная плата[6]. При этом в целях контроля сохранялись особые шнуровые книги, позволявшие точно определять количество добытого предприятием золота, так называемого вахтового дохода[7].

[4] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано К.С. Таганцевым. 17-е изд., пересм. и доп. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. VIII, 1226 с. С. 556.

[5] Ст. 19789. О свободном обращении шлихового золота: [высочайше утвержденное мнение Государственного Совета] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXI. Отделение 1. СПб., 1903. С. 127.

[6] Об утверждении правил о применении Положения о государственном промысловом налоге к обложению промышленных предприятий, добывающих золото и платину // Горный журнал. 1902. № 3 (март). С. 29–63. С. 29.

[7] Об утверждении инструкции для ведения шнуровых книг, выдаваемых на записку добытого при разведках и разработках приисков шлихового золота // Горный журнал. 1903. № 12 (декабрь). С. 310–323. С. 312.

Все вместе взятое было направлено на оживление золотодобывающей отрасли, борьбу с кражей, утайкой и контрабандой продажей золота за пределы страны.

Об успешности решения первой задачи свидетельствовали официальные статистические данные. В соответствии с общим обзором главных отраслей горной и горно-заводской промышленности уже в течение первого десятилетия, начиная с 1899 г., добыча золота возросла на 45,84 % и составила к 1909 г. 3467,4 пуда (Иконникова, 1999. С. 138). Спустя 15 лет после изменения законодательства, по сведениям отечественных исследователей, «добыча золота в России выросла в 1,6 раза, и золотопромышленность страны довела свое производство почти до 4 тысяч пудов шлихового золота в год (Хроленок, 1990. С. 148).

При этом реализация задач по предотвращению хищений, спекуляций и контрабанды драгоценных металлов оказалась невозможна вследствие несовершенства системы налогообложения и бесконтрольной либерализации золотого рынка России. Только по примерным оценкам царских чиновников к 1904 г. около 22 % всего добытого в Империи золота сбывалось на черном рынке.

Отсутствие доступных способов регистрации лишало старателей возможности выступать в роли легитимных хозяев добытого металла и порождало утайку золота в еще больших объемах. Формальности, связанные с назначением промыслового налога и значительный размер раскладочного сбора, гарантировали стремление золотопромышленников к реализации части добываемого металла с использованием «серых» схем. Все вместе взятое обуславливало очередной виток хищений и контрабанды в сфере золотодобычи. По мнению горного инженера Леонида Антоновича Ячевского, «благодаря несоответствию между принципом свободного обращения золота и действующим уставом о частном золотом промысле и системой обложения промысла, в очень резкой форме выступили новые формы хищений (Ячевский, 1906. С. 113).

До 1902 необходимость в легализации золота, скупаемого у хищников, вынуждала промышленников записывать приобретаемый металл в шнуровые книги. После принятия закона «О свободном обращении шлихового золота» такой способ вывода хищнического золота с черного рынка оказался не выгоден. Со слов уполномоченного съезда золотопромышленников Амурского горного округа Д.В. Дулетова, «ситуация изменилась… золотопромышленник, зная, что количество золота в книгах берется на веру раскладочным присутствием за оборот предприятия, а, стало быть, служит основанием для исчисления раскладочного сбора, склонен показывать часть намытого золота купленным со стороны, тем самым уклоняясь от налога» (Дулетов, 1906. С. 117).

Многочисленные факты, указывающие на возрастающую криминализацию золотодобывающей отрасли, послужили основанием к созданию специальной комиссии по пересмотру закона о свободном обращении золота. Первое заседание комиссии под председательством Товарища Министра торговли А.А. Штофа состоялось 20 сентября 1906 г. Главной темой обсуждения являлся вопрос «О мерах противодействия кражам и утайке золота, связанных со свободным его обращением».

Продолжительные дебаты показали отсутствие единых мнений и подходов к решению проблемы. Одна часть членов комиссии под началом представителя Кабинета Его Величества И.И. Рыжова ратовала за существенное ограничение свободы обращения шлихового золота. Другая, во главе с представителем министерства финансов, директором монетного двора А.Г. Редько всецело поддерживала дальнейшую либерализацию отечественного рынка золотодобычи.

В результате, комиссия так и не приняла ни одного решения, направленного на нормализацию ситуации. Единственным постановлением заседателей оказалось… решение о рассылке вопросников о причинах краж и утайки золота на места добычи драгоценных металлов.

Ответы не заставили себя ждать. С мест золотодобычи сообщали: «Нынешний закон о свободном обращении предоставляет полную свободу для реализации украденного золота». Респонденты обращали внимание комиссии «на легкость сокрытия добытого золота от записи для избежания уплаты промыслового налога и на чрезмерное развитие скупа утаенного золота» (Саладилов, 1906. С. 119).

Как следствие, доля незарегистрированного шлихового золота, выпадавшего из системы налогообложения, постоянно повышалась. Если в 1905 г. в Иркутскую золотосплавочную лабораторию посту-

пило 249 пуд., из которых только 70 % числилось как добытое на приисках, то спустя четыре года из 392 пуд. сплавленного металла доля зарегистрированного составила лишь 51 % (Митинский, 1911. С. 200). Таким образом, количество шлихового золота, предъявляемого для сплава в лабораторию, удвоилось в то время как официально регистрируемая добыча увеличилась только на одну треть.

Махинации и хищения процветали даже на казенных землях Верхнеудинского, Баргузинского, Троидкосавского и Селенгинского округов Забайкальской области, где свободная торговля золотом была строжайше запрещена. Хищники действовали, невзирая на запреты и ограничения. Как признавались сами царские чиновники, «изловить хищников можно было только в редких случаях… ибо доказать, что арестованное у них золото происходит именно с такого то рудника Забайкалья, практически невозможно» (Митинский, 1911. С. 202).

Положение усугублялось наплывом китайских подданных, существенно возросшим после 1905 г. В результате чего их пропорция к общему контингенту приисковых рабочих увеличилась с 11 % в 1900 г. до 87 % в 1909 г. К указанному времени на золотых промыслах Забайкалья трудилось около 2000 русских рабочих и около 25–30 тыс. китайцев. При таком численном перевесе, по утверждению современников, «весь поток китайцев золотничников хищничал» (Митинский, 1911. С. 224, 239). Отлаженная система сокрытия и транспортировки похищаемого золота, непонятный для окружающих язык и замкнутость китайской диаспоры позволяли выходцам из Поднебесной тайно переправлять к себе на родину сотни пудов драгоценного металла.

«Не безызвестно Вашему Высокоблагородию, какое зло области причиняют живущие здесь китайцы», сообщал по этому поводу своему руководству начальник Читинского сыскного отделения Федор Сосипатрович Ялин. По мнению полицейского чиновника, «борьба с китайцами была весьма тяжела и часто невозможна в силу превосходнейшей организации ими преступной деятельности» (Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 26. Оп. 2. Д. 29. Л. 138.).

Со слов старожилов, «китаец-хищник очень редко продавал свое золото русским скупщикам» (Митинский, 1911. С. 239). Поэтому большая часть похищенного на приисках золота контрабандно переправлялась в Китай. Только по примерным подсчетам горного инженера Платона Борисовича Риппаса, ежегодно в Китай контрабандно вывозилось русского золота на 3 млн. руб (Маркова, 2007. С. 73). О масштабах контрабанды драгоценного металла можно судить и по статистическим данным американских таможенных инспекторов, которые приводит в своих работах С.Ф. Хроленок. По сведениям исследователя, за 1912 г. на территории Поднебесной было сплавлено 39816 слитков золота общим весом 1670 пудов (Хроленок, 1990. С. 178). В то же время среднестатистическое количество добываемого золота в Китае к этому периоду времени составляло всего 380 пудов в год (Совинский, 1906. С. 32).

На фоне мирового экономического кризиса 1900–1903 г. система денежно-кредитного регулирования самодержавного государства давала сбой, происходило выхолащивание золотовалютных резервов. По данным отечественных исследователей, уже в 1905 г. золотое обеспечение денежного обращения в стране снизилось до 67 %. К 1907 г. доля золота в обеспечении финансовой системы российского государства составляла лишь 30 % (Бондаренко, 2018. С. 10). «Царскому правительству не удалось достичь желаемой цели», – отмечал по этому поводу С.Ф. Хроленок. Автор указывал, что «по мере падения курса кредитного рубля утечка золота за границу только возрастала» (Хроленок, 1990. С. 146).

С началом I Мировой войны тенденция к снижению золотого обеспечения рубля усилилась. Прекращение размена кредитных билетов на золото при значительном увеличении их эмиссии оказало решающее влияние на падение текущего курса. По сведениям экономистов, к началу 1916 г. количество кредитных билетов по сравнению с довоенным состоянием увеличилось в шесть раз, а золотое обеспечение российского рубля снизилось до 16 % (Седой, 2006. С. 37). Соотношение между спросом и предложением на драгоценные металлы все больше склонялось в пользу первых.

Это обстоятельство напрямую влияло на дальнейшую криминализацию золотодобывающей отрасли. Хищения и контрабанда шлихового золота приобрели всеобъемлющие масштабы. Разница в цене добываемого золота при его сдаче властям и при продаже нелегальным скупщикам достигала 1,4–1,6 раз. Еще большую выгоду получали те, кто

переправлял шлиховое золото за границу, в Китай. Коммерческая составляющая при этом интегрировалась внешнеполитическими факторами. Благодаря активной деятельности японских и германских агентов контрабанда шлихового золота из Восточной Сибири и Дальнего Востока приобрела массовый характер (Иконникова, 1999. С. 134).

По сведения Н.А. Марковой, «Японским банком в апреле 1915 г. в Чанчуне специально для русского золота была оборудована золотосплавильная лаборатория». Сотрудники банка, пишет исследователь, «скупали шлиховое золото, переплавляли его и отправляли в Японию» (Маркова, 2007. С. 73).

Масштабные мероприятия по незаконной скупке золота предпринимали и подданные Германии. С.Ф. Хроленок рассказывает в своей работе о том, что «…с 1914 г. по плану, выработанному особой комиссией Немецкого банка, германские консулы должны были следить за ценами на золото и издавать воззвания, оповещающие о цене на золото и пунктах принимающих золото, назначать специальных эмиссаров для скупки золота у хищников» (Хроленок, 1990. С. 202). Немецким скупщикам предоставлялись обширные кредиты, а за каждые 50 кг скупленного золота выплачивалось вознаграждение в размере 500 марок. Помимо этого скупщики удостаивались почетных титулов, орденов и привилегий.

В кратчайшие сроки вдоль всей границы России и Китая немецкими агентами были устроены скупочные конторы. В результате планомерной и активной деятельности по скупке стратегического металла к 1 мая 1915 г. золотые запасы германского Reichsbank составляли 819 млн. марок, в то время как в государственном банке Российской империи оказалось сконцентрировано лишь 6,4 млн. руб. золотом[8].

Для противодействия нелегальному экспорту российское правительство предприняло ряд экономических и административных мер. На основании решения Совета министров Российской империи 26 июля 1915 г. министром финансов, тайным советником П.Л. Барком было издано распоряжение «О воспрещении по обстоятельствам военного времени вывоза за границы Империи золота: шлихового, в слитках, в монетах». Помимо этой меры, сановники решили, «для усиления добычи золота и привлечения его в казну через золотосплавильные лаборатории установить сверхустановленной цены дополнительные премии не только для золотопромышленников, но и для всех приносителей, при одинаковом, однако, как для первых, так равно и для последних, условии представления ими не менее одного пуда золота»[9].

Между тем, ввиду очевидной недостаточности административных ограничений и явного несоответствия финансовых манипуляций экономическим реалиям меры эти не имели должного успеха.

В первом случае пресечь многочисленные факты хищения и укрытия шлихового золота даже на кабинетских землях не представлялось возможным вследствие «преступности бездействия и попустительства» со стороны горной стражи, которая, по мнению начальника Нерчинского округа, «совершенно не удовлетворяла своему назначению, оставаясь долгое время без контроля со стороны горных исправников» (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 245. Оп. 1. Д. 1081. Л. 262). Во втором, как отмечают отечественные исследователи, «повышение официальной цены теряло всякий смысл, так как оно не поспевало за стоимостью добычи золота» (Маркова, 2007. С. 70).

В результате, как докладывал в конце 1915 г. прокурору Иркутской судебной палаты начальник Иркутского губернского жандармского управления полковник Н.И. Балабин, «в текущем году хищничество золота охватило все районы и достигло громадных размеров» (ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1081. Л. 217).

Многочисленные источники царской охранки показывали безрадостную картину отлаженной системы, позволявшей владельцам приисков и скупщикам не только скрывать большую часть добываемого золота, но и безнаказанно переправлять его в Китай.

«Господа золотопромышленники вместо намытых фунтов записывают в книги только золотники», –

[8] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1915 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 715 с. С. 347.

[9] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1915 год / Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 715 с. С. 349.

докладывали военному губернатору Забайкалья с мест. Внезапная проверка приисков подтвердила самые худшие подозрения высших чиновников края. Так, на прииске «Жилой» Никитой Тюменцевым вместо добытых 4 фунтов оказалось записано 50 золотников, на приисках «Ивановский», «Никольский», «Софийский» владельцем Л.В. Лидерманом записывалось по 30–50 золотников вместо добываемых 1–2 фунтов (ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1081. Л. 264).

Для пресечения контрабандного потока шлихового золота иркутскими жандармами был намечен ряд наиболее крупных сбытчиков и скупщиков, в отношении которых на территории края в ночь на 26 августа 1915 г. органы политической полиции осуществили «общую ликвидацию».

В результате внезапных арестов и обысков удалось изъять в Сретенске у мещанина Янкея Бородых 32 фунта, а в Чите у купца Цыная Цуковича – 29 фунтов шлихового золота. В руки к жандармам попали записи, позволившие изобличить читинского купца В.И. Воложина в незаконной скупке золота в размере 125 пудов и благовещенского купца М.И. Астафьева в незаконном приобретении с кабинетских приисков до 30 пудов золота ежегодно. Анализ изъятого материала показывал, что только с Карийских приисков из ежегодно добываемых 100 пудов драгоценного металла похищалось до 70 %. Отлаженная система контрабанды позволяла доставлять любые объемы хищнического золота, минуя таможню на ст. Манчжурия в китайский город Хайлар. Золото, запеченное в хлеб, везли поездом до ст. Даурия и Шарсунь, где сгружали и на лошадях переправляли через границу (ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1081. Л. 219).

Высокая рентабельность, компактность объекта противоправной деятельности и спрос, превышающий предложение, являлись специфическими особенностями преступного промысла, основанного на незаконной добыче, тайной перепродаже и контрабанде шлихового золота.

В зависимости от категории сибирского населения, его возможностей и социального статуса варьировались способы хищений. Неизменным оставалось желание завладеть как можно большим количеством драгоценного металла. В условиях, когда административные и судебные власти оказались на действительном содержании золотопромышленников, исключалась эффективная правоохранительная деятельность. Произвол в отношении приисковых рабочих и вольных старателей воспринимался как должное. Физические истязания носили обязательный характер. Все это фактически исключало применение юридических норм ст. 612 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», содержавших требования о привлечении к уголовной ответственности за продажу или покупку шлихового золота.

Введение свободного обращения золота и пересмотр порядка налогообложения лишь изменили условия, но не отменили принципов незаконного обогащения. Благодаря снятию ряда запретов на обращение драгоценного металла, хищения совершались в еще больших масштабах.

Война и последовавшие кризисные явления в экономической сфере лишь обострили противоречия в области золотодобычи и активизировали криминальные интересы хищников. Новым фактором в этих условиях оказалась поддержка противоправной деятельности заграничными агентами, стремившимися еще более усилить отток золота за границы Империи.

Большая часть мероприятий Российского правительства, направленных на минимизацию потерь, связанных с хищениями и контрабандой золота, претерпела явную неудачу. Принятие административных ограничений оказалось малоэффективным вследствие недееспособности исполнительного звена – полицейской стражи, а экономическое поощрение добросовестных промышленников, очевидно, не соответствовало рыночным реалиям.

Промышленная добыча золота, сыгравшая важнейшую роль в экономическом развитии региона, одновременно породила мощный криминальный промысел. Высокодоходный, приносящий стабильную прибыль незаконный оборот золота служил важным источником накопления капиталов, как для состоятельных представителей сибирского общества, так и для беднейшей прослойки местного населения. Для первых спекуляции с золотом многократно преумножали уже имевшиеся богатства, для вторых возможность незаконной добычи представлялась наиболее быстрым и привлекательным способом вырваться из нищеты. И те, и другие в своем стремлении к противоправному обогащению наносили существенный ущерб государственным интересам Российской Империи.

Список источников

Бондаренко О.А. Создание «системы Витте» и ее влияние на модернизацию экономики Российской империи // История и археология : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2018 г.). Казань : Молодой ученый, 2018. С. 1–12.

Бушина Н.А. Влияние золотопромышленности на экономику региона в освещении сибирской печати второй половины XIX века // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7. № 2. С. 79–91.

Вагин В.И. Об исследовании частной золотопромышленности // Известия Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. 1871. Т. 2. № 4. С. 48–53.

Васиховская Н.С., Сунгуров П.А. Хищения на золотых промыслах Восточной Сибири (1912 г.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 135–136.

Девиер А.А. Краткий исторический очерк постановлений по частному золотому промыслу. СПб., 1901. 67 с.

Дулетов Д.В. Обложение книгозаписанного и вольноприносительского золота в связи со свободным обращением золота // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1906. № 5. С. 117–119.

Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны : монография. Хабаровск, 1999. 366 с.

Маркова Н.А. Состояние золотодобывающей промышленности Дальнего Востока накануне и в годы Первой мировой войны: дискуссии по вопросам вывода ее из кризиса // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 2 (39). С. 67–75.

Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. СПб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. Вып. 8. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. 284 с.

Мунгалов Н.Н. Ленские золотые прииски (1846–1920 гг.) : исторический очерк. Кн. 1. 3-е изд. Иркутск : Ретроцентр А1, 2008. 160 с.

Саладилов М. Меры к ослаблению кражи и утайки золота // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1906. № 5. С. 119–121.

Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. Урал и Сибирь – модели развития. Екатеринбург, 1998. 313 с.

Седой Ю.Н. Денежное обращение России в годы Первой мировой войны // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 2. С. 36–38.

References

Bondarenko O.A. (2018) The creation of the "Vitte system" and its impact on the modernization of the economy of the Russian Empire. *Istoriya i arkheologiya: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', noyabr' 2018 g.) = History and Archeology: Proceedings of the VI International Scientific Conference (Kazan, November 2018).* Kazan: Young Scientist. P. 1-12. (In Russ.).

Bushina N.A. (2006) The influence of the gold mining industry on the economy of the region in the coverage of the Siberian press of the second half of the XIX century. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Historical and Economic Research.* Irkutsk.Vol. 7. No. 2. P. 79-91. (In Russ.).

Vagin V.I. (1871) On the study of the private gold mining industry. *Izvestiya Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva = Proceedings of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. 2. No. 4. P. 48-53. (In Russ.).

Vasikhovskaya N.S., Sungurov P.A. (2015) Embezzlement in the gold mining fields of Eastern Siberia (1912). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. No. 22. P. 135-136. (In Russ.).

Devier A.A. (1901) A brief historical sketch of regulations on private gold mining. St. Petersburg. 67 p. (In Russ.).

Duletov D.V. (1906) Taxation of book-written and free-bearing gold in connection with the free circulation of gold. *Vestnik zolotopromyshlennosti i gornogo dela voobshche = Bulletin of the Gold Industry and Mining in General.* No. 5. P. 117-119. (In Russ.).

Ikonnikova T.Ya. (1999) The Far Eastern rear of Russia during the First World War: Monograph. Khabarovsk. 366 p. (In Russ.).

Markova N.A. (2007) The state of the gold mining industry on the eve and during the First World War: discussions on its withdrawal from the crisis. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Management in the East of Russia.* No. 2. P. 67-75. (In Russ.).

Mitinskii A.N. (1911) Materials on the situation and needs of trade and industry in the Far East. St. Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma. Iss. 8. *Trudy komandirovannoi po vysochaishemu poveleniyu Amurskoi ekspeditsii = Works of the Amur expedition sent by the highest order.* 284 p. (In Russ.).

Mungalov N.N. (2008) Lena gold mines (1846-1920): historical essay. Book 1. Irkutsk: Retrocenter A1. 160 p. (In Russ.).

Saladilov M. (1906) Measures to weaken the theft and concealment of gold. *Vestnik zolotopromyshlennosti i gornogo dela voobshche = Bulletin of the Gold Industry and Mining in General.* No. 5. P. 119-121. (In Russ.).

Sapogovskaya L.V. (1998) Private gold mining industry of Russia at the turn of the XIX–XX centuries. The Urals and Siberia are models of development. Yekaterinburg. 313 p. (In Russ.).

Sedoi Yu.N. (2006) Monetary circulation of Russia during the First World War. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of ASU.* No. 2(21). P. 36-38. (In Russ.).

Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах: историческое исследование. СПб. : И.М. Сибиряков, 1898. Т. 1. От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 г. 577 с.

Совинский С. Всемирная добыча золота // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1906. № 2. С. 29–33.

Томск, 1893 г. Ноября 1 // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1893. № 13. С. 203–204.

Уманьский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб. : Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1888. 169 с.

Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917) : Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. 307 с.

Шаврова А.В. Донесение начальника Иркутского губернского жандармского управления полковника В.О. Янковского об общем положении дел в Восточной Сибири // Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 88–100.

Я. С-ъ. (Янчис Н.А.) Хищники на золотых промыслах Олекминско-Витимской системы // Сибирские вопросы. 1912. № 20. С. 5–39.

Ячевский Л.А. Действительные причины новых форм хищений золота // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1906. № 5. С. 112–114.

Semevskii V.I. (1898) Workers in the Siberian gold mining fields: a historical study. St. Petersburg: I.M. Sibiryakov. Vol. 1. *Ot nachala zolotopromyshlennosti v Sibiri do 1870 g. = From the beginning of the gold mining industry in Siberia to 1870.* 577 p. (In Russ.).

Sovinskii S. (1906) World gold mining. *Vestnik zolotopromyshlennosti i gornogo dela voobshche = Bulletin of the Gold Industry and Mining in General.* No. 2. P. 29-33. (In Russ.).

Tomsk, 1893 November 1. *Vestnik zolotopromyshlennosti i gornogo dela voobshche = Bulletin of the Gold Industry and Mining in General*. No. 13. P. 203-204. (In Russ.).

Umanskii A. (1988) Essays on the gold mining industry in the Yenisei Taiga. St. Petersburg: Tovarishchestvo “Pechatnya S.P. Yakovleva”. 169 p. (In Russ.).

Khrolenok S.F. (1990) Gold mining industry of Siberia (1832-1917). Historical and economic essay. Irkutsk. 307 p. (In Russ.).

Shavrova A.V. (1993) Report of the head of the Irkutsk provincial gendarmerie department, Colonel V.O. Yankovsky, on the general state of affairs in Eastern Siberia. *Otechestvennye arkhivy = Domestic Archives.* No. 1. P. 88-100. (In Russ.).

Yanchis N.A. (1912) Predators in the gold mining fields of the Olekma-Vitim system. *Sibirskie voprosy = Siberian Questions*. No. 20. P. 5-39. (In Russ.).

Yachevskii L.A. (1906) The real causes of new forms of gold theft. *Vestnik zolotopromyshlennosti i gornogo dela voobshche = Bulletin of the Gold Industry and Mining in General.* No. 5. P. 112-114. (In Russ.).

Информация об авторе

Сысоев Алексей Александрович,
кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия,
e-mail: daosss1972@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0002-0473-4365

Information about the author

Alexey A. Sysoev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Deputy Head of the Department tactical and special training,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
110, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: daosss1972@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0002-0473-4365

Вклад автора

Сысоев А.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Sysoev A.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 19 декабря 2022 г.; одобрена после рецензирования 17 января 2023 г.; принята к публикации 23 января 2023 г.

Article info

The article was submitted December 19, 2022; approved after reviewing January 17, 2023; accepted for publication January 23, 2023.

ISSN 2415-8739 (print) **Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 157–166**
ISSN 2500-1566 (online) Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 157-166

История

Научная статья
УДК 94(470)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-157-166

События Свенцянского прорыва 1915 г. и действия конницы

А.В. Олейников

Астраханский государственный технический университет, г. Астрахань, Россия
Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия

Аннотация. Статья посвящена знаковому эпизоду кампании 1915 г. на Русском фронте Первой мировой войны – действиям русской и германской конниц в ходе Свенцянского прорыва. Свенцянский прорыв стал важным этапом Виленской стратегической операции в августе – сентябре 1915 г. С оперативной точки зрения Виленская операция служит классическим примером верного использования кавалерии германским командованием. Фактически данные события являют собой кульминационный пункт в развитии немецкой военной доктрины о применении кавалерии. Но успех так и остался оперативным, и в стратегический не перерос. Стратегический успех достался русскому командованию. И в этом – вина командования германского Восточного фронта, не сумевшего рассчитать параметры операции и обеспечить поддержку прорвавшейся конницы. Русская же конница, несмотря на значительную численность, не дала решающих успехов. Несмотря на прекрасное качество, она не смогла исправить ошибок, допущенных высшим командованием, не сумевшим надлежащим образом использовать свои мобильные силы. Основные причины следует искать в неумении управлять действиями стратегической конницы. А в основе этого – непонимание высшим общевойсковым командованием особенностей конницы, отсутствие оценки ее решающего морального и физического воздействия на тылы противника, четких правил использования крупных кавалерийских масс. Конница, получая сразу несколько задач, распыляла свои силы и внимание. Ввязавшись в бои с пехотой, русская конница опоздала для преследования. В итоге момент, когда быстрое появление сильной русской конницы на непосредственных тылах отступающих немцев могло превратить относительно упорядоченный отход в катастрофу, – был упущен. Все это стало последствием отсутствия доктрины использования стратегической конницы, более чем существенно сказавшееся на итогах операции.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русский фронт, Виленская операция, Свенцянский прорыв, стратегическая конница, действия конницы, Русская армия, Германская армия, кампания 1915 г.

Для цитирования: Олейников А.В. События Свенцянского прорыва 1915 г. и действия конницы // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 157–166. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-157-166

History

Original article

Events of the Sventsyansky breakthrough in 1915 and the actions of the cavalry

Alexey V. Oleynikov

Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia
Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

Abstract. The article is devoted to a significant episode of the 1915 campaign on the Russian front of the First World War - the actions of the Russian and German cavalry during the Sventsyansky breakthrough. The Sventsyansky breakthrough became an important stage in the Vilna strategic operation in August-September 1915. From an operational point of view, the Vilna operation serves as a classic example of the correct use of cavalry by the German command. In fact, these events represent the climax in the development of German military doctrine on the use of cavalry. But the success remained operational, and did not develop into a strategic one. Strategic success went to the Russian command. And this is the fault of the command of the German Eastern Front, which failed to calculate the parameters of the operation and provide support for the cavalry that had broken through. The Russian cavalry, despite its significant numbers, did not give decisive successes. Despite its excellent quality, it could not correct the mistakes made by the high command, which failed to properly use their mobile forces. The main reasons for this should be sought in

© Олейников А.В., 2023

the inability to control the actions of the strategic cavalry. And at the heart of this is the lack of understanding by the high combined arms command of the characteristics of the cavalry, the lack of an assessment of its decisive moral and physical impact on the rear of the enemy, and clear rules for the use of large cavalry masses. The cavalry, receiving several tasks at once, sprayed their strength and attention. Having got involved in battles with infantry, the Russian cavalry was late for the pursuit. As a result, the moment when the rapid appearance of a strong Russian cavalry in the immediate rear of the retreating Germans could turn a relatively orderly withdrawal into a disaster was missed. All this was a consequence of the lack of a doctrine of the use of strategic cavalry, which significantly affected the results of the operation.

Keywords: World War I, Russian Front, Vilna operation, Sventsyansky breakthrough, strategic cavalry, Cavalry actions, Russian Army, German Army, 1915 campaign

For citation: Oleynikov A.V. (2023) Events of the Sventsyansky breakthrough in 1915 and the actions of the cavalry. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 157-166. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-157-166

События Свенцянского прорыва имеют богатую историографию: от общих (Великая война, 1916; Данилов, 1924; Зайончковский, 1929; Мозер, 1923; Риттер, 1923; Перепеловский, 1971; Стратегический очерк…, 1922; Сыромятников, 1927; Таленский, 1944) к частным (Вильна-Молодечненская операция…, 1916; Евсеев, 1936) работам, посвященным событиям Первой мировой войны на Русском фронте. Интересны и труды, обрисовывающие боевую работу войск, прежде всего, – конницы (Баторский, 1923; Гр. А.Д., 1917; Келлер, 1910; Керсновский, 1994; Ковалев, 1961; Певнев, 1929; Histories of Two Hundred and Fifty-One Divisions…, 1920). Особое значение имеют работы современных российских ученых, посвященные событиям непосредственно Виленской операции и одного из ее этапов – Свенцянского прорыва (Новиков, Каркотко, 2017; Олейников, 2022).

Как известно, с целью ввести в заблуждение русское командование в отношении места удара, намечавшегося в марте 1915 г. под Горлицей, и оттянуть русские резервы из Восточной Галиции на север, немецкое Верховное командование приказало командующему германским Восточным фронтом генералу П. Гинденбургу начать наступление к северу от реки Пилица (Данилов, 1924; Стратегический очерк…, 1922; Мозер, 1923).

Не располагая достаточными силами, чтобы пробить Русский фронт на этом участке, П. Гинденбург через голову Э. Фалькенгайна обратился к кайзеру с просьбой разрешить нанести этот демонстративный удар, рассчитанный на оттягивание сил противника, не на Пилице, а на крайнем северном фланге, где находились лишь слабые силы русских, что позволяло достичь быстрых и больших успехов даже имеющимися силами. Верховное командование согласилось с этим предложением, прислав еще две кавалерийские дивизии с Западного фронта (3-я и Баварская кавалерийские).

Генерал О. Лауенштейн, назначенный для проведения этой операции, сгруппировал свои войска на широком 140-километровом фронте. Рассчитывая на полное окружение и уничтожение своего противника, Лауенштейн образовал две сильные фланговые группы, оставляя сравнительно слабым занятый фронт. Поскольку в первую очередь шел вопрос о занятии путей отхода русских на Ковно и Шавли, наиболее сильная группа встала на правом фланге. Это был корпус М. фон Рихтгофена (2 кавалерийские и резервная дивизии). На противоположном левом фланге встала (кавалерийская и резервная дивизии).

В ночь на 14-е апреля войска двинулись вперед. И командир группы занялся вытеснением русских из Прибалтики. В первый день операции, при совершенно свежем конском составе, войска делали лишь от 15 до 40 км, а в последующие дни – еще меньше. Опасаясь широкого кавалерийского маневра, О. Лауенштейн осторожно продвигал конницу, а потом замирал, выжидая пехоту. В первый день действий, при совершенно свежем конском составе, войска делали еле-еле 15–40 км, в последующие дни делали еще меньше. И сильная германская кавалерия позволяла разрозненным и слабым русским войскам отходить на север. Огромную роль имела организация русскими сдерживающего маневра. А когда германской коннице удалось выйти в тыл противника, отступающие русские части смели ее с дороги. Очевидно, как отмечал источник, «немецкие командиры, только что прибывшие с Западного фронта и из Франции, не умели еще действовать в условиях Восточного фронта, который требовал широкого маневра сильной массы кавалерии».

Заняв рубеж по р. Дубиссе, а затем г. Митаву, германцы опоздали – на их пути встала русская 5-я армия П.А. Плеве. Значительно усилившиеся германские войска составили новую «Неманскую» армию под командованием генерала фон Белова. В то же время австро-германские силы после прорыва под Горлицей перешли через Днестр и Сан, захватили Львов и направились на север, пытаясь повторить маневр 1914 г. в направлении на Седлец совместным ударом с юга между Вислой и Бугом и с севера через Нижний Нарев.

П. Гинденбург и Э. Людендорф считали, что таким образом уничтожить живую силу русских невозможно и что этот маневр будет сводиться лишь к фронтальному оттеснению противника. Командование германского Восточного фронта предлагало направить удар через Вильно, Молодечно, Минск, Сарны. Не получив разрешения кайзера на выполнение этого гигантского плана, П. Гинденбург и Э. Людендорф должны были нанести удар через Прасныш на Нижний Нарев. Однако, настойчиво придерживаясь своей точки зрения, они не отказались от прежних намерений и начали одновременно готовить два удара: один, который был им приказан начальством, – через Нижний Нарев, и «собственного изготовления» – в направлении Ковно, Вильно.

Для реализации этого замысла было необходимо обеспечить вначале обладание районом между Ковно, Ригой, Двинском. Перегруппировав свои силы, фон Белов начинает в начале июля новое наступление – с целью окружения и уничтожения русских сил в этом районе. Началась Митаво-Шавельская операция. Пехота должна была стать осью в операции двустороннего охвата. Сильная кавалерия на флангах должна была образовать заходящие группы и обеспечить полное окружение и уничтожение противника. Четыре кавдивизии на левом фланге двинулись вперед и начали обход.

Подвозимые русские резервы вследствие глубокого продвижения немецкой кавалерии вынуждены были заблаговременно выгружаться из вагонов, что приводило к необходимости совершать длинные марши.

17-го июля германский 5-й кавкорпус прервал под Янишками отход русских войск на Митаву. 19-го июля русские были почти полностью окружены, так как кавкорпус занял Розалин, находящийся в тылу русских. Но растянувшийся на 30 км корпус не смог противостоять усилиям русских войск, пробившихся на восток. Находившийся южнее 1-й кавкорпус в этом окружении участия не принял. Русские войска прорвались на восток, и немецкая операция на очередное окружение автоматически превратилась во фронтальное отталкивание противника.

Затем 1-й кавкорпус получил задачу прервать железнодорожное движение на линии Двинск – Вильно, а 5-й кавкорпус – разрушить железнодорожный путь на участке Двинск – Рига. Но, вследствие сильного контрудара русских в направлении железной дороги Двинск – Шавли в период 17–21 июля оба немецких кавкорпуса не сумели своевременно выполнить поставленных задач. 5-й кавкорпус должен был 22-го июля повернуть на север, чтобы вместе с 8-й кавдивизией, прибывшей из Митавы, сдержать сильную русскую кавалерию, которая дошла до линии рек Свента – Неманек – Кекава.

Бои приняли позиционный характер, с переменным успехом продолжавшийся до конца июля. Русские войска отходили на всем фронте. По мере их отступления на север от Полесья, операционные пути, ведущие на Петроград и Москву, стали все более расходиться. Необходимость прикрытия столь важных маршрутов, расходящихся по двум направлениям, вызвала разделение существовавшего Северо-Западного фронта на Северный и Западный. В состав Северного фронта вошли 12-я и 5-я армии, в состав Западного фронта – 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 10-я армии. Разграничительная линия между фронтами – Вилькомир, Свенцяны, Друя, Себеж.

Основная задача Северного фронта заключалась в прикрытии операционного направления к Петрограду. В то же время задачей Западного фронта было прикрытие операционного пути, ведущего к Москве. Эти два расходящихся направления – одно на север, другое на восток – приводили к тому, что на стыке обоих фронтов по линии Вилькомир – Свенцяны образовался разрыв примерно в 50 км. Командующие фронтами, обеспокоенные за свои внешние фланги, начали стягивать в этот район сначала слабые, а затем все более и более сильные отряды кавалерии. Таким образом, к концу августа в районе к югу от линии Вилькомир – Свенцяны появился отряд генерала Тюлина, а к северу от той же линии на южном крыле Северного фронта появился отряд генерала Казнакова.

Желая достигнуть решающих успехов, П. Гинденбург приказал провести наступление на стыке фронтов в направлении Вильно, Молодечно, чтобы отрезать пути отхода русским войскам. Общий план сражения под Вильно соответствовал в своих основных чертах аналогичным планам Лодзинской битвы, т. е. был намечен двухсторонний охват противника; разница заключалась в том, что в сражении под Вильно участвовало структурно больше войск и на большем пространстве (то, что под Лодзью выполняли корпуса, здесь было приказано выполнять армиям).

На правом фланге германские 12-я и 8-я армии должны были атаковать в общем направлении на Лиду (во время сражения под Лодзью это соответствовало наступлению 11-го корпуса на правом фланге, в направлении на Пабианице). На левом фланге главные силы германской 10-й армии имели задачу выполнить обход с севера, на север от реки Вилии (во время сражения под Лодзью это были части 20-го и 25-го корпусов, атакующие на Брезины). Точно так же, как во время сражения под Лодзью, кавкорпус Рихтгофена (6-я и 9-я кавалерийские дивизии) имел задачу удлинить заходящие окружающие фланги и отрезать дороги отхода из Лодзи, в Виленской операции 6-й кавкорпус Гарнье имел задачу удлинить заходящее крыло 10-й армии и из района к северу от Вилькомир через Уцяны, Свенцяны и достигнуть района Сморгонь, отрезав дороги отхода из Вильно на Ошмяны, прервав железнодорожное сообщение Вильно – Молодечно, Лида – Молодечно и Полоцк – Молодечно (исключить или затруднить отход войскам, находящимся в районе Вильно – Лида). Как в сражении под Лодзью 1-й резервный корпус своим наступлением на Лович прикрывал внешние заходящие фланги от контратаки русских, так и здесь Неманская армия своим наступлением на Двинск прикрывала заходящий на юг левый фланг 10-й армии. Сильная кавалерия Неманской армии, т. е. корпус фон Рихтгофена, имела задачу прикрывать прорыв, образующийся по мере продвижения левого фланга 10-й армии, чтобы избежать повторения неприятных «случайностей», как это было в бою под Стрыковым во время Лодзинского сражения. 5-й кавкорпус прикрывал левое крыло армии вдоль Двины. Таким образом, мы видим, что на 400-километровом пространстве вырисовывается план гигантского сражения, в котором кавалерия получила важную задачу – быть использованной массово, на основе ясного и логичного плана с размахом, отвечающим особенностям этого рода войск.

Рано утром 27-го августа началось продвижение немцев. Слабая воздушная и кавалерийская разведки обеих русских армий (10-й штаб в Вильно и 5-й штаб в Двинске) не обнаружили значительных немецких сил на правом берегу р. Вилии, поэтому первоначальный успех удара был полный. В первый же день немецкая пехота преодолела линию фронта Андронишки, Ракшики. Корпус О. Гарнье в составе 1-й, 3-й, 4-й и 9-й кавдивизий наткнулся на русскую конницу. Конница Казнакова и Тюлина под напором превосходящих сил противника начала отход: Казнаков – на восток, Тюлин – на юго-восток (Евсеев, 1936). Сразу выявился существенный организационный недостаток, заключающийся в организации общего командования. Никто не только не руководил, но и не согласовывал действия двух отрядов. Этот факт в значительной мере облегчил немецкой кавалерии дальнейшие действия, которые начали развиваться с огромной быстротой.

27-го августа немецкая кавалерия заняла район в 15 км к западу от Уцяяны, и на следующий день вышла в район в 15 км восточнее Уцян.

29-го августа германская кавалерия занимает участок в 45 км от озера до Двинского шоссе в районе севернее Уцяны, прикрыв движение пехоты, обходившей Вильно с севера и одновременно угрожая тылам южного фланга русских войск, которые под угрозой этого обхода начали отступать на Двинск.

29-го августа вечером окружение Вильно определилось настолько глубоко, что корпус Гарнье был направлен на юго-восток, чтобы действовать на Молодечно, отрезая отход русской 10-й армии.

30-го августа немецкая кавалерия занимает район на север от Свенцян, соприкасаясь с отрядом Тюлина, который отходил в том же направлении – на юго-восток. Тюлина упрекали в том, что он не отступил вместе с Казнаковым на восток и еще лучше на северо-восток, чтобы, находясь в районе Свенцян, быть на внешнем фланге немецкой кавалерии и действиями на тылы и фланги немецкого кавкорпуса парализовать его движение. Его также упрекали в том, что он приклеился к флангу своей пехоты.

Разрешить проблему прикрытия фланга пехоты очень трудно, и в этом случае следовало бы пропустить противника между собой и собственной пехотой и наносить удары противнику с внешнего фланга, или лучше было бы остаться, как сделал Тюлин, на собственном пехотном фланге. Этот вопрос всегда стоял перед кавалеристами.

Отряд Тюлина не оказывал серьезного сопротивления, и немецкая кавалерия продвигалась в направлении на Молодечно. Конечной целью немецкой кавалерии было занятие района Вилейка, Молодечно, Сморгонь. Этот район играл решающую роль для двадцати русских дивизий, сражающихся под Вильно. Кроме того, этот район был очень выгоден в оборонительном отношении, так как позволял немецкой кавалерии, опираясь на Вилию и Березину, сопротивляться до тех пор, пока не подойдет своя пехота, которая должна была закрепить успех, достигнутый кавалерией.

31-го августа германский кавкорпус тремя дивизиями (1-я, 3-я и 4-я) взял направление на юго-восток от оз. Свирь и Нарочь, продвинулся на 15 км на юг от Свенцян и занял район Липтуны. 9-я кавалерийская дивизия обеспечивала связь с Неманской армией, продолжавшей развивать удар в направлении на Двинск. В ночь на 1 сентября был выслан сильный разъезд в составе двух эскадронов с тремя тяжелыми пулеметами, с велосипедистами и с одним орудием для разрушения железной дороги Полоцк, Молодечно. 1-го сентября 3-я кавалерийская дивизия подошла на 15 км к Сморгони. В 60 км севернее, в районе Свенцяны, стояла 9-я кавалерийская дивизия, а в 90 км далее на север находилась кавалерия правого фланга Неманской армии.

Таким образом, обходящая группа уже вклинилась в глубокие тылы своего противника, создав большую угрозу тылам 10-й русской армии, сражающейся под Вильно. В 16 часов 15 мин. кавкорпус получил следующую радиограмму: «Неприятель в самом Вильно к северу и югу от города окружен. Захват дорог отхода между оз. Свирь и болотами Березины на юг от Вишнева является решающим. Уничтожение ж. д. Лида, Молодечно, Полоцк и Вильно, Молодечно чрезвычайно важно. Армия перегруппировывается к левому флангу. Левофланговая 2-я пехотная дивизия утром из Михалишки на Солы» (Певнев, 1929. С. 80). На этой стадии сражения Гинденбург находился в таком же положении, как и в сражении под Лодзью – повторились те же события. Правый фланг, встретившись с сильным сопротивлением, медленно продвигаясь вперед, не имел возможности овладеть г. Лида как когда-то 11-й корпус не мог овладеть Пабианицами. Центр уткнулся в район г. Лида, а левому заходящему крылу могло угрожать окружение. Гинденбург, не желая допустить отрыва окружающей группы и, соответственно, повторения Брезинского эпизода, задержал дальнейшее продвижение заходящей группы на восток, приказав осуществить поворот всех дивизий для концентрического наступления на Вильно.

2-го сентября, в то время как германская пехота выполняла новый приказ, кавалерия продолжала дальнейшее движение в глубь русских. 1-я и 4-я кавалерийские дивизии прервали под Сморгонью железнодорожную связь между Вильно – Молодечно и, перейдя железную дорогу, заняли район к югу от Жупраны. 3-я кавалерийская дивизия заняла район Кривичи, прервав железнодорожную связь Полоцк – Молодечно. Взрыв железнодорожного моста между станциями Кривичи и Вилейка прервал перевозки от Лиды и Молодечно к Полоцку и Двинску транспорта русского 17-го корпуса, который оказался разделенным на части. Только по одному полку пехоты удалось прорваться к Полоцку и к Двинску. Восемь рот пехоты задержались на ст. Кривичи, затем отойдя на Борисов. Один батальон со ст. Вилейка пробился на ст. Ось. Один полк пехоты с четырьмя батареями собирался на ст. Молодечно. Остальные части были разбросаны по железной дороге Лида – Молодечно.

Не довольствуясь этим успехом, 3-я кавалерийская дивизия высылает разъезд для разрушения железной дороги Молодечно – Минск. Разъезд взрывает железнодорожное полотно в районе Смолевичи, но в течение нескольких дней с большими затруднениями пробивается в район Вилейки. Далее к северу находилась 9-я кавалерийская дивизия, которая вновь направилась на север, чтобы вместе с Баварской кавалерийской дивизией Неманской армии задержать русскую кавалерию, появившуюся западнее Видзы.

3-го сентября кавкорпус Гарнье перехватил дорогу отхода через Ошмяны: 1-я кавдивизия – на участке Сола, Супраны; 4-я кавдивизия – на участке Супраны, Бураны; 3-я кавдивизия заняла Вилейку и начала наступление на Молодечно, но, наткнувшись на сильное сопротивление русских, вынуждена была

задержаться. 9-я кавдивизия, столкнувшись со значительными силами противника, снова передвинулась несколько на юг, выслав разъезды, прервавшие железную дорогу под Борисовым (Певнев, 1929. С. 81).

К полудню 3-го сентября Вильгельм II вместе с начальником Генштаба прибыл в Ставку командования германского Восточного фронта – к П. Гинденбургу и Э. Людендорфу в Ковно. Возник вопрос, от правильного разрешения которого зависел дальнейший успех: выдержит ли немецкая кавалерия, находившаяся в районе Молодечно, натиск русских до момента подхода своей пехоты, или же меры противодействия русских, направленные на разгром немецкой кавалерии, увенчаются успехом? Для последней, упорно державшейся в захваченном районе, наступили дни тяжелых боев, полные беспокойств и ожидания своей пехоты. Дальнейший обход русского правого фланга под Вильно с вполне выявленным выходом крупных кавалерийских масс на тылы русской армии (на линию Двинск, Молодечно, Полоцк) значительно снизил значение Виленского железнодорожного узла. Русские войска, сражавшиеся еще под Вильно, должны были отступать. Положение осложнялось и тем, что новой оперативной базе в Молодечно уже основательно угрожала немецкая кавалерия. В такой ситуации русское командование отдало приказ войскам Западного фронта отойти на линию Михалишки, Ошмяны, Барановичи, оз. Выгоновское, задерживая противника арьергардами на фронте Лида, Вилейки, Слоним. Главком Западного фронта уделял особое внимание уничтожению немецкой кавдивизии в районе Сморгонь, Молодечно, Вилейка.

4-го сентября по мере отхода русской пехоты на восток положение немецкой кавалерии на тылах русской армии становилось все более затруднительным – и под напором пехоты кавалерия Гарнье вынуждена была отойти за Вилейку. 3-я кавдивизия все же достигла Молодечно и открыла артиллерийский огонь по железнодорожному вокзалу. Но оказалась не в состоянии овладеть железнодорожными сооружениями и была вынуждена задержаться в 3-х км от станции, прикрывая с востока кавдивизии, сражающиеся под Сморгонью. Одновременно 9-я кавдивизия занимала район в 20 км на восток от Постав.

5-го сентября немецкие войска заняли Випьно, а кавкорпус, растянутый на фронте м. Жодзишки (р. Вилия) – Молодечно, изнемогал под ударами русской пехоты, старавшейся открыть путь отхода вдоль железнодорожного пути Молодечно – Полоцк. 9-я кавдивизия вышла в район Глубокое, а Баварская кавдивизия – в район Видзы.

6-го сентября, ожидая подхода пехоты, германская спешенная кавалерия держалась в предмостном укреплении под Сморгонью. На крайнем левом фланге 3-я кавдивизия была вынуждена отступить от Молодечно на 12 км к северу, заняв позицию за р. Вилия.

7-го сентября германская кавалерия продолжала обороняться, но была вынуждена отдать предмостные укрепления и отойти к северу, за Вилию, заняв позицию от Жодзижки до Вилейки (4-я и 1-я кавдивизии). В районе Вилейки мосты через реку охраняла 3-я кавдивизия. 9-я кавдивизия заняла район Долгинов, в то время как Баварская кавдивизия захватила Кривичи. Таким образом, на левом фланге собралась большая масса кавалерии (5 дивизий или около 30 полков), которая после прихода своей пехоты рассчитывала в ходе продолжения рейда выйти на глубокие тылы противника.

8-го сентября германские 12-я и 8-я армии достигли линии Новогрудок и продвинулись на 20 км восточнее Лиды. Пехота 10-й армии в конце концов догнала свою кавалерию, и 1-я, 3-я и 6-я кавдивизии были сменены и оттянуты в тыл.

Баварская и 9-я кавдивизии из района Кривичи – Долгинов выступили на юг, чтобы развить действия на фланги и тылы русской 2-й армии, которая была выдвинута северо-восточнее Минска и двигалась в направлении Молодечно – Сморгонь. Вместо того чтобы попасть на фланг этой армии, немецкая кавалерия обнаружила, что ввязывается во фронтальное столкновение.

9-го сентября началось контрнаступление русской 2-й армии севернее железной дороги Минск – Молодечно. Немцам с трудом удалось сдержать это наступление. Переходя от наступления к обороне на новую позицию за р. Вилия, германский кавкорпус удлинил свои позиции.

Наступление 2-й армии развивалось осторожно, несмотря на то что Ставка требовала как можно более быстрого выхода на фронт Неслянышки – Кобыльники и энергичного выдвижения вперед

правофлангового пехотного корпуса одновременно с ударом кавалерии, собранной за правым флангом армии в районе Илия, Помятичи, Козлы. Это части кавкорпуса Орановского (8-я и 14-я кавдивизии), сводного трехдивизионного конного корпуса Туманова. Интересно проследить, какие задачи получила эта кавалерия, приданная 2-й русской армии в период контрнаступления, от которого зависела судьба операции. Кавалерия получила от командующего 2-й армией следующую задачу: «Приданной армии кавалерии отбросить конницу противника на запад от линии Дрисвяты – Кобыльники, очистить от разъездов противника все пространство на юг и на восток от этой линии. Затем следует прикрыть железнодорожную линию Вилейка – Полоцк, установить связь с командованием армии и развить энергичные действия в тылах противника, наступая на фронт реки Вилия, для чего: 1) 1-й кав. корпус Орановского будет наступать на Крайск – Докшицы, Поставы; сводный кавкорпус ген. Туманова наступать на Кривичи, Кобыльники; 2) следующие полосы очистить от кавалерии противника: 1-й кав. корпус – на восток и север от линии Сосенка, Волколаты, Подоляны; сводный кавкорпус – на запад и юг от вышеупомянутой линии; 3) по выполнении этих задач кавалерии выйти на фронт: 1-й кав. корпус – Поставы, Подоляны, сводный кавкорпус – Подоляны, озеро Нарочь, исключительно». Маневр должен был простираться на север к району Докщицы, откуда кавалерия должна была повернуть на запад до района Постав и только затем ударить всей силой на тылы противника.

10–11 сентября, выполняя директиву командующего русской 2-й армии, кавалерия направилась на фронт Поставы, оз. Нарочь, выйдя за переправой через р. Вилия в районе Сосенка, Пахоновичи, где ввязалась в бой с отрядами противника и до 22 часов 11-го сентября не могла выйти на другой берег Вилии. На противоположном берегу реки немецкий кавкорпус растянул фронт на протяжении 40 км, достигая левым флангом район Мильча. Германские разъезды, высланные 9-го сентября для уничтожения связи между Минском и Смоленском, взорвали железнодорожный путь под г. Борисов.

Активным операциям австро-германцев на востоке приходил конец. Группа армий Макензена получила приказ организовать укрепленную позицию на линии Огинского канала. Группа армий Леопольда Баварского должна была окопаться на линии Телеханы, Жары, устье Березины, группа армии Гинденбурга должна была обеспечить фронт от Березины до побережья.

13-го сентября, вследствие все более вырисовывавшейся опасности окружения своего левого фланга, а также угрозы, нависшей из района Полоцка в отношении войск, стоявших на рубеже реки Вилия, германское командование решило отступить левым флангом 10-й армии в район оз. Нарочь. Немцы, особенно на своем левом фланге, отступили быстро и в беспорядке, бросая обозы и снаряды. Германская кавалерия отступила на северо-запад, ведя бои с русской конницей. Последняя действовала не так активно, как предписывала Ставка, будучи прикована к флангу своей пехоты. Во фронтальном наступлении, неся потери, она не выказывала тенденции к широкому охватывающему маневру, который мог иметь решающее значение. В таких условиях германская кавалерия могла без труда ликвидировать прорыв – между правым флангом Неманской и левым флангом 10-й армий. На протяжении 80 км, между оз. Нарочь и Дрисвяты расположились 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 9-я кавалерийские дивизии вместе с Баварской дивизией – это 36 кавалерийских полков. На общем фоне пассивных действий русской кавалерии следует отметить смелый рейд Уссурийской конной бригады, которая, прорвавшись на запад от оз. Дрисвяты, достигла 13-го сентября почти района Дукшты и внесла сумятицу в немецких тылах. Но отряды германской кавалерии вытеснили ее обратно. Непрерывные бои окончились, и 6-го октября фронт застыл на линии окопов, растянувшихся от Двинска до Пинска.

Стратегические итоги Виленской операции достаточно показательны (Олейников, 2022. С. 68–71).

С оперативной точки зрения, Виленская операция служит классическим примером верного использования кавалерии германским командованием. Фактически данные события являют собой кульминационный пункт в развитии немецкой военной доктрины о применении кавалерии. В этом можно видеть и первые проблески освобождения от пут позиционной войны, стратегию мобильных действий. Кавалерия перестала быть родом оружия, ведущего далекую разведку. Использованная массировано, она стала решающим фактором общевойсковой операции. Если бы не одно но… А именно – своевременная поддержка другими родами войск.

И самое главное – при более точных расчетах параметров операции со стороны зарвавшегося командования германского Восточного фронта оно удачно выбрало направление кавалерийского рейда (треугольник Молодечно, Вилейка, Сморгонь действительно имел огромное значение для тылов русской 10-й армии под Вильно; этот район располагал естественными оборонительными свойствами и, позволяя организовать сопротивление на флангах в болотистой долине Березины и Вилейки, обеспечивал обороноспособность кавалерии в течение длительного срока).

Оно удачно смассировало мобильные силы, фактически создав конную армию. Смелая мысль о выдвижении крупных кавалерийских соединений на 120-километровое расстояние по тылу неприятельской армии, попытка обеспечения взаимодействия мобильной группы с действием групп наступающей пехоты, наконец, ясно поставленная цель – принесли оперативный успех германской кавалерии, которая в течение двух недель сумела сражаться в глубоком тылу 10-й армии, держа ее командование в состоянии постоянной тревоги. В течение 14 дней русское командование было занято сосредоточением своих сил и усилий для ликвидации кавалерийского рейда.

Но успех так и остался оперативным и в стратегический не перерос. Стратегический успех достался русскому командованию. И в этом – вина командования германского Восточного фронта, не сумевшего рассчитать параметры операции и обеспечить поддержку прорвавшейся конницы.

Изучая противодействие восьми русских кавдивизий, следует различать два периода. В первый период русская конница прикрывала фланги своих армий, ведя сдерживающие действия. Эта временная оборона должна была обеспечить время для проведения неизбежной перегруппировки. Во второй период, когда перегруппировка русских войск была закончена и они перешли в контрнаступление, конница была сгруппирована на внешнем заходящем фланге, имея оперативные задачи. В течение первого периода русская конница не сумела выявить группировки противника и определить направление его действий, хотя с помощью разведки боем установить это было возможно. Вместо того чтобы произвести смелый обход рвущегося противника и через Околово, Шклянцы, Докшицы выйти на глубокие тылы немцев, русская конница оставалась плотно прикованной к флангу собственной пехоты и даже была втянута во фронтальный бой с германской пехотой. Действуя таким образом, 1-й Конный корпус в течение 5 дней прошел 120 км, а сводный конный корпус – 95 км. Вину за этот полууспех или неуспех нельзя взвалить на конницу, которой нельзя отказать ни в обученности, ни в смелости. Основные причины лежали в неумении распоряжаться кавалерийскими массами. Прежде всего, бросается в глаза незнание кавалерийскими военачальниками намерений своего высшего командования. Командиры кавалерийских корпусов не были ориентированы на основные параметры маневра, ни на направление главного удара и даже не знали точно, где будут действовать фланговые корпуса пехоты. Ничего нет удивительного, что в таких условиях, не зная общего положения, кавалерийские командиры не могли принимать смелых решений и не знали, как согласовать свои действия с действиями пехоты, поэтому и стремились не отрываться от нее.

Следует обратить внимание на большую разницу в задачах конницы – с одной стороны, брошенной в район Поставы, оз. Нарочь со смелой и решающей целью прорвать фронт противника и разгромить его тылы, и, с другой стороны, с пассивным заданием прикрыть линию железной дороги Вилейка, Полоцк и очистить район от противника. Конница, получая сразу несколько задач, распыляла свои силы и внимание. В задачах, поставленных командармом коннице, трудно отметить глубокое знание и понимание особенностей этого рода оружия. Отсюда вытекали и неумелое использование конницы, и неумение поставить ей смелые и решительные задачи, организовать маневр в широком смысле этого снова. Ввязавшись в бои с пехотой, русская конница опоздала для преследования. В итоге момент, когда быстрое появление сильной русской конницы на непосредственных тылах отступающих немцев могло превратить относительно упорядоченный отход в катастрофу, – был упущен.

Русская конница, несмотря на значительную численность, не дала решающих успехов. Несмотря на прекрасное качество, она не смогла исправить ошибок, допущенных высшим командованием, не сумевшим надлежащим образом использовать мобильные силы. Основные причины этого следует искать в неумении управлять действиями стратеги-

ческой конницы. А в основе этого – непонимание высшим общевойсковым командованием особенностей конницы, отсутствие оценки ее решающего морального и физического воздействия на тылы противника, отсутствие четких правил использования крупных кавалерийских масс – вот последствия отсутствия доктрины использования стратегической конницы, более чем существенно сказавшиеся на итогах операции.

Список источников

Баторский М. Служба конницы. М., 1925. 303 с.

Великая война. 1915 год. Очерк главнейших операций. Русский Западный фронт. Петроград : Издание Б.А. Суворина, 1916. 61 с.

Вильна-Молодечненская операция. Август – сентябрь 1915 г. / А.А. Носков; Вещий. Пг. : Издание Б.А. Суворина, 1916. 15 с.

Гр. А.Д. Конные атаки при современных условиях боя // Военный сборник. 1917. № 5. С. 1–20.

Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин : Слово, 1924. 396 с.

Зайончковский А.М. Мировая война. Маневренный период 1914–1915 годов на русском (европейском) театре. М.-Л.: Государственное изд-во, Отдел военной литературы, 1929. 415 с.

Евсеев Н.Ф. Свенцянский прорыв (1915 г.): военные действия на восточном фронте мировой войны в сентябре – октябре 1915 г. М. : Государственное военное изд-во, 1936. 268 с.

Келлер Ф.А. Несколько кавалерийских вопросов. СПб., 1910. Вып. 1. 30 с.; Вып. 2. 42 с.; Вып. 3. 40 с.

Керсновский А.А. История Русской Армии. М. : Голос, 1994. Т. 3. 368 с.

Ковалев Е. Донские батареи в Свенцянском прорыве // Военная быль. 1961. № 48. С. 8–10; № 49. С. 1–4.

Мозер О. фон. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914–1918 годов. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. 175 с.

Новиков П.А., Каркотко А.Ю. Маневр русских войск при ликвидации Свенцянского прорыва 1915 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Том 13. № 4. С. 145–153.

Олейников А.В. «У Вильно положение очень тяжелое. Русские наступают…». Виленская стратегическая операция и стабилизация Русского фронта Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2022. № 6. С. 58–71.

Певнев А. Конница в Свенцянском прорыве // Война и революция. 1929. Кн. 12. С. 74–92.

Перепеловский К. Роль и значение Русского фронта в войну 1914–1917 гг. по иностранным военным источникам // Военная быль. 1971. № 111. С. 7–12; 112. С. 1–6.

References

Batorskii M. (1925) Service of the cavalry. Moscow. 303 p. (In Russ.).

(1916) Great War. 1915. Essay on major operations. Russian Western Front. Petrograd: Izdanie B.A. Suvorina. 61 p. (In Russ.).

Noskov A.A., Veshchii (1916) Vilna-Molodechno operation. August - September 1915. Petrograd: Izdanie B.A. Suvorina. 15 p. (In Russ.).

Gr. A.D. (1917) Horse attacks under modern combat conditions. *Voennyi sbornik = Military Collection*. No. 5. P. 1-20. (In Russ.).

Danilov Yu.N. (1924) Russia in the World War 1914–1915. Berlin: “Word”. 411 p. (In Russ.).

Zaionchkovskii A.M. (1929) World War. The maneuverable period of 1914-1915 in the Russian (European) theater. Moscow - Leningrad: Gosizdat. 415 p. (In Russ.).

Evseev N.F. (1936) Sventsyansky breakthrough 1915: military operations on the Eastern Front of the World War in September - October 1915. Moscow: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo. 268 p. (In Russ.).

Keller F.A. (1910) Several cavalry issues. St. Petersburg. Iss. 1. 30 p.; Iss. 2. 42 p.; Iss. 3. 40 p. (In Russ.).

Kersnovskii A.A. (1994) History of the Russian Army. Moscow: “Voice”. Vol. 3. 368 p. (In Russ.).

Kovalev E. (1961) Don batteries in the Sventsyansky breakthrough. *Voennaya byl' = Military true story.* No. 48. P. 8-10; No. 49. P. 1- 4. (In Russ.).

Mozer O. fon. (1923) A Brief Strategic Review of the World War 1914–1918. Moscow: Supreme Military Editorial Council. 175 p. (In Russ.).

Novikov P.A., Karkotko A.Yu. (2017) Maneuver of Russian troops during the liquidation of the Sventsyansky breakthrough in 1915. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* Vol. 13. No. 4. P. 145-153. (In Russ.).

Oleinikov A.V. (2022) «The situation in Vilna is very difficult. The Russians are coming...» Vilna strategic operation and stabilization of the Russian front of the First World War. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military History Journal.* No. 6. P. 58-71. (In Russ.).

Pevnev A. (1929) Cavalry in the Sventsyansky breakthrough. *Voina i revolyutsiya = War and Revolution*. Book. 12. P. 74-92. (In Russ.).

Perepelovskii K. (1971) The role and significance of the Russian front in the War of 1914- 1917 according to foreign military sources. *Voennaya byl' = Military Story*. No. 111. P. 7-12; No. 112. P. 1-6. (In Russ.).

Риттер Х. Критика мировой войны : наследство графа Мольтке и Шлиффена в мировой войне. Петроград : Военное изд-во Петроградского военного округа, 1923. 221 с.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. / сост. А. Незнамов. М. : Высший военный редакционный совет, 1922. Ч. 4. 133 с.

Сыромятников А. Действия на стыках. М.-Л. : Госиздат, 1927. 131 с.

Таленский Н.А. Первая мировая война 1914–1918 гг. (Боевые действия на суше и на море) М. : ОГИЗ-Госполитиздат, 1944. 126 с.

Histories of Two Hundred and Fifty-One Divisions of the German Army which Participated in the War (1914-1918). Washington: G.P.O., 1920. 748 p.

Ritter Kh. (1923) Criticism of the World War: legacy of Count Moltke and Schlieffen in the World War. Petrograd: Military Publishing House of the Petrograd Military District. 221 p. (In Russ.).

Neznamov A. (1922) Strategic outline of the War 1914–1918. Moscow: Supreme Military Editorial Council. Pt. 4. 133 p. (In Russ.).

Syromyatnikov A. (1927) Actions at the joints. Moscow - Leningrad: Gosizdat. 131 p. (In Russ.).

Talenskii N.A. (1944) The First World War 1914-1918. (Combat operations on land and at sea). Moscow: OGIZ-Gospolitizdat. 126 p. (In Russ.).

Histories of Two Hundred and Fifty-One Divisions of the German Army which participated in the War (1914-1918). Washington, 1920. 748 p.

Информация об авторе

Олейников Алексей Владимирович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры правоведения,
Астраханский государственный технический университет,
414025, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, Россия;
профессор кафедры истории России,
Астраханский государственный университет,
414056, г. Астрахань, ул. Татищева 20А, Россия,
e-mail: stratig00@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0001-7208-4715

Вклад автора

Олейников А.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 28 июня 2022 г.; одобрена после рецензирования 22 августа 2022 г.; принята к публикации 12 сентября 2022 г.

Information about the author

Alexey V. Oleynikov,
Dr. Sci (History), Associate Professor,
Professor of the Department of Law,
Astrakhan State Technical University,
16, Tatischev St., Astrakhan 414025, Russia;
Professor of the Department of History of Russia,
Astrakhan State University,
20A, Tatischev St., Astrakhan 414056, Russia;
e-mail: stratig00@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0001-7208-4715

Contribution of the author

Oleynikov A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 28, 2022; approved after reviewing August 22, 2022; accepted for publication September 12, 2022.

ISSN 2415-8739 (print) **Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 167–176**
ISSN 2500-1566 (online) Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 167-176

История

Научная статья
УДК 94(47).084.5
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-167-176

Налоговые кампании 1924–1927 годов на территории Енисейской Сибири Часть 2. 1925/26 и 1926/27 годы

А.П. Шекшеев

Хакасская республиканская Ассоциация жертв политических репрессий, г. Абакан, Россия

Аннотация. В статье освещается вопрос взимания единого сельскохозяйственного налога в кампании 1924/25, 1925/26 и 1926/27 годов на территории Енисейской губернии или с лета 1925 г. – Красноярского, Ачинского, Канского, Минусинского и Хакасского округов Сибирского края. Целью исследования является изучение взаимоотношений между советским государством и крестьянством в «лучшие годы нэпа», которые тогда во многом воплощались во взимании и уплате налоговых заданий. Автор показывает, что сутью налоговой политики со стороны государства являлись ежегодные и постоянные переходы от экономических мер к администрированию и репрессированию, а затем с возникновением кризисных явлений – от жесткого прессинга к новому миру в деревне и обратно. На материалах конкретного региона показано, что местные власти пытались организовать заготовки на коммерческой основе, но каждый раз оказывались не готовыми к этой политике и срывались к привычным внеэкономическим методам отчуждения хлеба. Другой задачей статьи стало освещение крестьянского поведения. Приведенные факты свидетельствуют, что сельское население было не только законопослушным исполнителем политики государства. Наряду с зажиточными крестьянами, представители других слоев сельского населения всеми доступными им способами, которые носили скорее всего не классовую окраску, боролись с возраставшей монополизацией рынка и директивными методами его регулирования. Столкнувшись с задержками уплаты налога, руководство страны отказалось поступиться намеченными программами и приняло решение о наступлении на деревню. Материалы статьи подтверждают обусловленность дальнейшего обострения отношений между советским государством и деревней налоговыми затруднениями, но свидетельствуют, что они не были единственной причиной провала предшествующей политики либерализации. Её несостоятельность была обусловлена еще и создавшейся в сельских анклавах социально-политической обстановкой, подогреваемой ревностным отношением к властвованию со стороны коммунистов и страхом их перед государственным переворотом.

Ключевые слова: деревня, единый сельскохозяйственный налог, Енисейская губерния, задержка уплаты, коммунисты, крестьяне, налоговые кампании, репрессии, советская власть, крестьянское сопротивление, утаивание объектов, хлеб

Для цитирования: Шекшеев А.П. Налоговые кампании 1924–1927 годов на территории Енисейской Сибири. Часть 2. 1925/26 и 1926/27 годы // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 167–176. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-167-176

History

Original article

Tax campaigns of 1924-1927 on the territory of Yenisei Siberia Part 2. 1925/26 and 1926/27

Alexandr P. Sheksheev

Khakass Republican Association of Victims of Political Repression, Abakan, Russia

Abstract. The article highlights the collection of a single agricultural tax in the campaigns of 1924/25, 1925/26 and 1926/27 on the territory of the Yenisei province or since the summer of 1925 - Krasnoyarsk, Achinsk, Kansk, Minusinsk and Khakass districts of the Siberian Kray. The purpose of the study is to study the relationship between the Soviet state and the peasantry in the “best years of the NEP” which were then largely embodied in the collection and payment of tax assignments. The author shows that the essence of the tax policy on the part of the state was the annual and constant transitions from economic measures to administra-

© Шекшеев А.П., 2023

tion and repression, and then with the emergence of crisis phenomena - from hard pressure to a new world in the village and back. Based on the materials of a particular region, it is shown that local authorities tried to organize harvesting on a commercial basis, but each time they were not ready for this policy and broke down to the usual non-economic methods of alienating bread. Another task of the article was to highlight peasant behavior. These facts show that the rural population was not only a law-abiding executor of state policy. Along with well-to-do peasants, representatives of other strata of the rural population struggled with the increasing monopolization of the market and directive methods of its regulation by all means available to them, which were most likely not class-based. Faced with delays in paying the tax, the country's leadership refused to give up the planned programs and decided to attack the village. The materials of the article confirm that the further aggravation of relations between the Soviet state and the countryside was caused by tax difficulties, but they testify that they were not the only reason for the failure of the previous liberalization policy. Its failure was also due to the socio-political situation created in rural enclaves, fueled by a zealous attitude to rule by the Communists and their fear of a coup d'etat.

Keywords: village, unified agricultural tax, Yenisei province, payment delay, communists, peasants, tax campaigns, repression, Soviet power, peasant resistance, concealment of objects, bread

For citation: Seksheev A.P. (1923) Tax campaigns of 1924-1927 on the territory of Yenisei Siberia. Part 2. 1925/26 and 1926/27. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 167-176. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-167-176

В первой части статьи дана развернутая характеристика достижений историографий: советской, зарубежной, постсоветской и главных исследовательских оценок (Историография крестьянства Советской Сибири, 1976; Крестьянство Сибири…, 1983; Ильиных, 1990; Ильин, 1991; Ильиных, 1994; Россия нэповская, 2002; Ильиных, 2005; Ильиных, 2010; Сталинизм и крестьянство…, 2014; Шекшеев, 2020; Шекшеев, 2021), и значения изданий объемных сборников документов (Советская деревня…, 2000). Задача данной публикации также выявить обусловленность кризисов, характер и масштабы крестьянского протестного поведения.

Со второй половины апреля 1925 г. началась подготовка к хлебозаготовительной кампании 1925/26 г. 7 мая того же года ЦИК и СНК СССР приняли положение об очередном ЕСХН, объявившее об его снижении на 45–50 % и предложившее крестьянам твердую ставку налоговых взысканий. При этом от налога освобождалась беднота, или 23,5 % всех крестьянских хозяйств, а вся тяжесть его возлагалась на середняцкое и зажиточное крестьянство.

К этому времени насыщение деревни денежными средствами, получаемыми за счет повышения цен на сельскохозяйственную продукцию, способствовало тому, что у крестьян исчезла необходимость в продаже всех хлебопродуктов без остатка. Удачная закупка урожая должна была ускорить темпы и размах поступательного развития советской экономики, укрепить доверие к власти со стороны крестьянства. III Всесоюзный съезд Советов (май 1925 г.) устранил препятствия для более широкого использования прав крестьян сдавать землю в аренду, одобрил «временные правила» об условиях применения ими наемного труда.

Одновременно власти приступили к выполнению дополнительного задания Наркомата внутренней торговли – собрать в Сибири в мае – августе 1925 г. еще 5 млн пудов хлебопродуктов (Ильиных, 2010. С. 63). Большая налоговая нагрузка вызвала неоднозначную реакцию крестьян. Случалось, что, например, состоявшееся 28 июня 1925 г. общее собрание в составе 355 жителей д. Малая Минуса Минусинского округа, проинформированное об обнаружении у них массового сокрытия объектов обложения, с лукавством постановило приветствовать Советскую власть, «идущую навстречу крестьянству в развитии сельскохозяйственной промышленности» (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 860. Л. 184).

Но в основном крестьяне выражали недовольство налоговой политикой. Так, на собрании в с. Табат около двух десятков «кулаков» кричали: «Долой Советскую власть, ибо она нас разоряет и поощряет лодырей, уменьшая им налоги». Вопреки интересам бедноты, зажиточные крестьяне Назаровского и Березовского районов Ачинского округа высказались за распределение налогов не в РИКах, а в обществах. Выполнившее налоговое задание на 18 %, население д. Татьяновка и Переяславка Рыбинского района Канского округа, чтобы не попасть под судебное преследование, приступило к распродаже своего скота (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 112, 200; Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 143. Л. 245). Тенденция роста укрытия животных от налогового обложения

наблюдалась и в Балахтинском районе Ачинского округа (ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1399. Л. 27).

Население бывшей Енисейской губернии сдало в счет дополнительного задания 2 млн пудов хлеба, а годовой план централизованных хлебозаготовок выполнила на 131,8 %. Опередив по этому показателю все сибирские регионы и заняв среди них по хлебозаготовкам первое место, губерния в этом последнем году своего существования собрала 12,8 млн пудов хлеба, что составляло в ее централизованных заготовках в целом по Сибири 26,4 % (Очерки истории Красноярской партийной организации, 1970. С. 23; Ильиных, 1989. С. 145; Ильиных, 2005. С. 112; Ильиных, 2010. С. 63).

Произведенное при объявлении нового задания ЕСХН снижение налоговой ставки не привело к улучшению отношения крестьян к советской власти. К примеру, население д. Большой Хабык и Новая Березовка Минусинского округа высказывалось так: «Власть чувствует шаткость своего положения, а поэтому идет навстречу деревне». Более того, ситуация кое-где накануне новой налоговой кампании начала обостряться. К примеру, зажиточные жители с. Тесь, пользуясь отсутствием хлеба у бедноты, нанимали её за бесценок и скупали сенокосные паи. Напротив, в д. Кияй Канского округа попытки «кулаков» уменьшить налоговое обложение встретили противодействие со стороны деревенских низов (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 750. Л. 66; Д. 906. Л. 205).

Летом 1925 г. на территории пяти енисейских округов Сибирского края снова началось массовое сокрытие объектов налогового обложения, в котором участвовали не только зажиточные крестьяне, но и беднота, и даже сельсоветчики. Рост утайки скота наблюдался, например, в Балахтинском районе Ачинского и ряде местностей Минусинского округа. Несмотря на то, что население Хакасского округа высказывало удовлетворение начислением налога, объем которого на 48 % оказался меньше прошлого года, укрывательство скота хакасами носило поголовный характер. Советские служащие коренной национальности с большим нежеланием воспринимали необходимость выявления его у своих сородичей. К примеру, весь состав Усть-Камыштинского сельсовета во время этой кампании убыл из селения. Поэтому Аскизский РИК не сразу собрал назначенных для выполнения этого задания уполномоченных. Но утаенных от налога животных было столь много, что командированные ответственные лица без труда выполнили поставленную задачу. Так, до тысячи голов спрятанного скота было обнаружено только в одном с. База. Комиссия, созданная членом этого РИКа Боргояковым, выявила в хозяйствах коренных жителей вдвое большее количество укрываемых животных. Осуществленные проверки были признаны ими незаконными. По инициативе некоего Тодышева, уличенного в сокрытии 15 животных, население обратилось с жалобой во ВЦИК. Проживавший в Чебаковском районе и известный своими стадами и табунами, местный глава рода Спирин, чтобы не платить налог, угнал их в тайгу (ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1399. Л. 27; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 860. Л. 240, 244; Д. 868. Л. 65; Д. 906. Л. 244; ГКУ РХ «НА». Ф. П-14. Оп. 1. Д. 3. Л. 147). Начавшимся репрессиям были подвергнуты виновные в утайке животных председатели Сыдинского, Каратузского и Усть-Камыштинского сельсоветов в Минусинском и Хакасском округах, которых тут же привлекли к судебной ответственности (ГАКК. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 860. Л. 240, 244).

С целью предупреждения возможных эксцессов военное командование провело на территории Красноярского округа и ближайших к нему селений маневры 26-й стрелковой дивизии (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 749. Л. 212). Несмотря на их показательность, с осени 1925 г. стали нарастать трудности с уплатой налога. Власти объявили о задании реализовать 70 % от его планового задания до 1 января 1926 г. Оно было обусловлено экспортными задачами, желанием не допустить повторного сильного падения хлебных цен осенью и подъема их весной, что снова обеспечило бы комфортные условия налоговых расчетов с государством для зажиточного крестьянства и грозило бы негативными последствиями для сельского хозяйства. Но неблагоприятные погодные условия снизили урожайность зерновых и затруднили вывоз хлеба в ряде районов страны. С целью усиления заготовок ожидаемой большой массы товарного хлеба право заготовок в Сибири было предоставлено не только государственным, но и вновь кооперативным структурам и частным заготовителям. Предполагалось, что поступающий по налогу хлеб будет в более существенных объемах вывозиться за пределы енисейского региона.

Для стимулирования крестьян власти планировали улучшить снабжение деревни промышленны-

ми товарами. В 1925 г. Комитет внутренней торговли реализовал в сельской местности енисейских округов 1096 тыс. кв. метров мануфактуры, 6,5 тыс. пудов железных изделий и кожевенных товаров на сумму в 48 тыс. рублей. Но несмотря на то что основной объем поставок промышленных товаров приходился на село, удовлетворение спроса в них крестьян находилось на незначительном уровне. Более того завоз их против прежних лет уменьшился вдвое (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1 Д. 1206. Л. 40).

Начавшийся в сентябре 1925 г. закуп хлеба организациями «Хлебопродукта», Енисейского союза и Красноярского сельскохозяйственного союза из-за товарного голода и роста цен на ходовые промышленные изделия протекал вяло. Перенос первого обязательного срока уплаты налога на месяц позволил сельским жителям не торопиться с реализацией зерна. Власти предприняли административные меры по снижению заготовительными организациями цен на поставляемый крестьянами хлеб, достижению их стабильности. Отправка грузов в последнюю очередь в сущности прекратила деятельность многих внеплановых заготовителей. Начаты были репрессии против «кулаков», скупавших хлеб и нарушавших правила торговли. При отсутствии патентов они подвергались штрафованию и судебной ответственности за спекуляцию.

Между тем ЕСХН оказался для енисейских крестьян необременительным. Согласно наблюдениям одного из прокурорских работников, населению было присуще «бодрое настроение» (ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 44. Л. 3). На состоявшейся 11 ноября 1925 г. I Минусинской окружной конференции РКП(б) было отмечено повышенное поступление налога. В отдаленном от железной дороги регионе частные заготовительные организации, имевшие в своем распоряжении значительные суммы, «захватили» целые местности. Конкурируя с государственными служащими и повышая хлебные цены, частные и кооперативные заготовители старались своевременно закупить продукты и буквально «бегали» за крестьянами (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 6. Л. 46).

Но, вследствие того что состоятельное крестьянство, рассчитывая на повышение цен весной, задерживало продажу произведенных им хлебопродуктов, налог продолжал поступать слабо. На 3 декабря 1925 г. сбор ЕСХН на территории бывшей Енисейской губернии составил только 27,5 % ко всему заданию. Властями были выявлены 687 недоимщиков, состоявших сплошь из бедноты, частью ушедшей на промыслы (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1204. Л. 272).

План закупок зерна в енисейских округах выполнить не удалось, что привело к корректировке задания в некоторых местностях. К январю 1926 г. объем ЕСХН, например, для Хакасского округа был снижен вдвое (ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 101. Л. 32).

Усилившись, как и в прошлый раз, только в последнем календарном месяце года, уплата ЕСХН составила 78,2, а в Минусинском округе – 92 % от задания. Констатировав большой недобор хлеба по сравнению с планом, бюро Сибирского крайкома ВКП(б) на заседании 29 декабря 1925 г. постановило поколебать выжидательную позицию крестьянства. В поступившей следом директиве Сибирский краевой исполком указал всем окружным советским и заготовительным органам, что понуждение крестьян продавать хлеб по приемлемым для государства ценам составляет основную задачу их дальнейшей деятельности. Ценовые ограничения, действующие на заготовительных государственных и кооперативных организациях, были распространены и на внеплановые, которые теперь могли вести заготовку, не переплачивая крестьянам.

На 10 января 1926 г. кооперативными и частными организациями было заготовлено 819,6, тогда как в предшествующем году – 489,1 тыс. пудов хлеба. Удельный вес кооперации в продовольственных заготовках 1926 г. по сравнению с 1925 г. вырос с 45,5 до 55,5 %, а у государственных заготовителей снизился с 54,5 до 45,5 % (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1 Д. 1206. Л. 41; Д. 2025. Л. 90; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 750. Л. 77). Но это не спасло кооператоров и частников от ревности местных властей, постепенно вытесняющих их из региональных заготовок. Ограничение деятельности внеплановых заготовителей ухудшало положение на потребительском рынке, который в значительной мере снабжался ими.

Население высказывало недовольство продолжением изъятия налога, а власти уже не стеснялись принимать к неплательщикам репрессивные меры. В феврале 1926 г. было наложено взысканий на 910 и в марте – на 1320 енисейских крестьян (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 750. Л. 77). Тогда же решением ЦИКа были расширены права волисполкомов по принудительному взысканию недоимок, после чего

произошло ужесточение методов работы налоговых органов на местах. В уголовном кодексе РСФСР появилась статья 107, карающая за повышение цен на товары путем их скупки и сокрытия лишением свободы на срок до трех лет с полной или частичной конфискацией имущества.

При этом власти так и не смогли поднять покупательную способность деревни. Сибкрайвнуторг из предполагаемого в первом квартале 1926 г. завоза мануфактуры поставил в Ачинский округ лишь 30 %. Население территорий, расположенных по Енисею, получило железных изделий и кожтоваров только соответственно на 27,8 и 22 % к плану. Привезенные ткани не носили сезонного характера и лежали в кооперации без движения (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 250. Л. 97).

Недостаток ввозимых товаров, как констатировалось на II пленуме Сибирского краевого исполкома (10–13 марта 1926 г.), оказал заметное влияние на замедление темпов заготовок (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 248. Л. 150). Другой причиной явилось хроническое отсутствие столь необходимого железнодорожного транспорта. Выступая на том же пленуме, председатель Хакасского уездного исполкома Г. И. Итыгин рассказывал о виденных им «горах мешков с хлебом», скопившихся из-за отсутствия погрузки на ст. Абакан (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 250. Л. 34). В то время как главными причинами заготовительных трудностей являлись противоречия между государством и мелкотоварным крестьянством по поводу уровня закупочных цен, на состоявшемся в том же месяце пленуме Сибирского краевого комитета ВКП(б) сохранение их стабильности рассматривалось как важная задача местных коммунистов.

Приняв постановление «Об организации хлебозаготовительного аппарата в кампании 1926/27 г.», апрельский (1926 г.) пленум ЦК ВКП(б) выдвинул задачу полной централизации деятельности торгово-закупочных работников и монополизации хлебной торговли. 25 апреля 1926 г. на II сессии ВЦИК СССР было утверждено положение «О едином сельскохозяйственном налоге 1926/27 гг.». Объявив о росте суммы ЕСХН, сокращении сети заготовительных организаций и снижении заготовительных цен, власти сообщили о расширении категории освобожденной от налога бедноты и предоставлении колхозам скидки, а также об усилении обложения зажиточного крестьянства.

Между тем крестьяне по-прежнему задерживали уплату налога и упорно скрывали засеянные земли. Сокрытие посевов, например, в Абаканском районе проходило при участии членов РИКа Суворова и Порошина, обвиняемых затем в дискредитации власти. В Ачинском округе по этой же причине судебному преследованию были подвергнуты представитель районного руководства, пять председателей, девять членов сельсоветов и 25 – учетных комиссий. 21 июля в с. Боград Хакасского округа состоялся показательный суд над двумя укрывателями, на котором присутствовавшие 45 человек всячески сочувствовали обвиняемым (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 250. Л. 75; Муниципальное казенное учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ «АГМ»). Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 104. Л. 21; ГКУ РХ «НА». Ф. П-1. Оп. 2. Д. Обзор политического состояния Хакасского округа за август, сентябрь 1926 г. Л. 78; Гущин, Ильиных, 1987. С. 103). Только по одному Минусинскому округу в целом за этот заготовительный год был выявлен и наказан 441 недоимщик, должный заплатить государству в соответствии с налоговым заданием более 2 тыс. рублей (МКУ «АГМ». Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 399. Л. 77).

Лишь к сентябрю 1926 г. енисейские округа собрали 16,5 млн пудов хлеба, что составляло 31,7 % от объема централизованных его заготовок в целом по региону (Ильиных, 2005. С. 148; Ильиных, 2010. С. 76–78). Данная кампания не оправдала возлагавшихся на неё надежд, план экспорта хлебопродуктов оказался сорванным. Соответственно сократились размеры импорта машин и оборудования, что привело к снижению плана капитального строительства в промышленности.

С обложением новым налогом крестьяне вновь обратились к сокрытию его объектов. Сообщая неверные сведения о составе семей, записывая посевы на бедняков или часть хозяйства на родственников, «кулаки», случалось, запугивали чрезмерно активных управленцев. Так, в д. Уза Минусинского округа «кулаки» просили председателя сельсовета не спешить с обмером площадей, а, когда он все же его провел, то ему стало, по его признанию, «боязно» вечером ходить по селу. Напротив, другой председатель скрыл 300 десятин посевов, принадлежавших его родне, разложив их по бедноте, которая налог не платила. Данная ситуация оказалась не единичной, и заставила власти проводить обмеры

посевов сначала у отдельных укрывателей, а затем и в целом по районам. Таким путем они выявили скрытые посевы в селениях Минусинского и Абаканского районов, которые вдвое превышали заявленные (ГАКК. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 544. Л. 11).

Укрывательство посевов, в котором были замечены и местные коммунисты, обнаружилось в целом ряде селений Красноярского округа. Вследствие пассивности уполномоченных и членов коммунистических ячеек объявленное трехдневное добровольное выявление объектов в Уярском районе не принесло результатов и вызвало только недовольство крестьян. Один из середняков заявил: «Если еще раз перемерят пашню, то крестьяне вперед Англии объявят войну Советскому правительству, будут восставать». Для сокрытия объектов крестьяне начали искусственно дробить свои хозяйства, передавая часть своих посевов беднякам и батракам (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2050. Л. 208, 218–219).

В д. Новоуспенке Канского округа за сокрытие, в котором участвовало все население, судебную ответственность возложили на организатора. С выявлением утаенных посевов у восьми крестьян д. Шумихи исключению из партии подвергся местный коммунист. При установлении таких же посевов в д. Колбе Ачинского округа один из «кулаков» пытался сорвать их обмер и был арестован.

Обнаружение скрытых посевов вызывало в крестьянской среде негодование. Так, после обмера скрытых посевов на сходе в д. Покровке Канского округа середняк П. Рослин, сорвав с себя одеяние, бросил его на стол членам РИКа и закричал: «Берите последнюю рубашку, вам все равно с нас драть шкуры. Колчак бил шомполами, а Советская власть – саженями». Случалось, что доносчиков ожидало отмщение. К примеру, в д. Полуденке Минусинского округа двое крестьян, избивая стягом, чуть не убили мужика, указавшего на скрытые у них посевы (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 680. Л. 24, 141; Д. 2107. Л. 192; Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 60. Л. 188; МКУ «АГМ». Ф. Р-369. Оп. 1. Д. 10. Л. 4).

Выявление объектов налогового обложения было обставлено сильными бюрократическими издержками. Каждый налогоплательщик заполнял карточку, поименный и поселенный списки, затем на их основе в РИКе несколько суток создавалась «длинная форма», которая поступала в окружной финотдел. Оттуда исходило такое количество циркуляров, что служащие сельпо не успевали их читать. Как и снижение цен, данное мероприятие встретило тихое озлобление и пассивное сопротивление со стороны крестьян и низового аппарата (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2042. Л. 21).

Основной объем изымаемого с 1 октября 1926 г. очередного налога пришелся на зажиточные и середняцкие хозяйства. Так, в Красноярском округе если на бедноту он был снижен с 15 до 6 %, то у середняков повысился с 55 до 72 % и у зажиточных – с 13 до 22 %. Крестьяне воспринимали это повышение в качестве обмана со стороны государства и сетовали: «Обещали уменьшать налог с каждым годом, а выходит наоборот – с каждым годом увеличивается и, очевидно, будет и дальше увеличиваться» (Бакшеев, 2020. С. 107). В Ачинском округе властями отмечалось, что главная тяжесть налога на сей раз упала на зажиточные хозяйства (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1799. Л. 34).

Теперь зажиточное и середняцкое крестьянство требовало установления единых налоговых ставок для всего населения, системы начисления налога на село полностью с последующей по хозяйственной раскладкой, производимой самими плательщиками, а также взимания ЕСХН только с земли. В селениях Красноярского округа «кулаки» говорили: «Мы бы налог разложили правильнее и бедноту не обидели бы» (Советская деревня..., 2000. С. 474).

В условиях индустриальной несостоятельности надежды на стимулирование крестьян поставками товаров вновь оказались призрачными. Енисейский губернский союз повысил цены на дефицитную в деревне мануфактуру. В Красноярском округе против прошлого года вздорожали лесоматериалы, стоимость валяной обуви выросла с 7–8 до 15–18 рублей за пару. При наличии собственного стеклозавода его продукция в кооперации отсутствовала. Согласно свидетельству краевого прокурора, завоз промышленных товаров в Сибирь был недостаточен: во второй половине 1926 г. для удовлетворения минимального спроса населения требовалось поставить более 560 железнодорожных вагонов изделий, а доставили только 400. Поэтому обмен товаров на хлеб осуществлялся не далее 50–70 верст от железной дороги (ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 86–87).

В эту кампанию не всегда удовлетворялись просьбы населения на сложение из-за разных обстоятельств налога. Например, в Минусинском окру-

ге из поданных осенью 1926 г. 17,5 тыс. крестьянских жалоб власти сложили его лишь в 15,1 тыс. случаях (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2106. Л. 43).

Не доверяя больше коммерческому закупу хлеба, Минусинский окружной исполком 25 ноября 1926 г. послал для усиления заготовок шестерых уполномоченных. Они выяснили, что, например, в с. Покровское ни один член сельсовета до их приезда не сдал продукты для оплаты налога, а в Бейском районе органы при его взимании покровительствовали зажиточным крестьянам. Некоторые сельсоветы Курагинского района подавали в РИК неверные сведения о том, что неплательщиками остались лишь бедняки. В действительности же, как докладывали проверяющие лица, уплату налога в селе задерживало «кулачество» (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2106. Л. 43–44). Поэтому сбор ЕСХН по енисейским округам с 1 октября по 15 декабря 1926 г. составил только 2477,5 тыс. рублей, или 18,7 % в Сибири (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 68. Л. 165). Беднота, надеясь на снятие недоимок, выплачивала налог с трудом. К 3 декабря его задание было выполнено лишь на 27,5 %, а численность недоимщиков увеличилась до 675 человек (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1204. Л. 272).

К февралю 1927 г. в Минусинском округе крестьяне должны были выполнить налоговое задание на 85, а получилось только на 76,7 %. Тогда власти применили к лицам, задерживающим уплату налога, законодательно определенные репрессалии: была произведена опись имущества в 401 хозяйстве, у 17 – его распродали, привлекли к суду 58 и осудили 32 неплательщика. В Идринском районе, несмотря на заступничество сельских обществ, дела на 150 «злостных» неплательщиков были переданы в суд. Описи имущества в 300 хозяйствах были составлены на территории Хакасского округа. Но торги его не проводились, т. к. долги крестьянами были тут же выплачены. Вместе с тем за неплатеж к судебной ответственности здесь оказались привлеченными трое и за укрытие доходов – 26 лиц (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2106. Л. 43; Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 443. Л. 46).

Репрессии вызывали ответное сопротивление крестьянства. Способом, который должен был ослабить налоговый нажим властей, считалось фиктивное разделение крестьянских хозяйств. К примеру, в Ачинском округе количество их к февралю 1927 г. выросло на 2 тыс. Для сокрытия объектов обложения «большие отцовские семьи» искусственно дробились и в Красноярском, Минусинском округах (ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1799. Л. 33; Д. 2050. Л. 219; Д. 2094. Л. 36; Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2093. Л. 56).

Заметным стало утаивание от налогов и земель, подготовленных к севу. Так, в с. Белоярское, Уза, Байкалово и Метихово Минусинского округа обнаружились 1,7 тыс. десятин скрытой пашни, а в селениях Канского округа за укрытие объектов были возбуждены 1224 дела и от должностей отстранены 14 председателей сельсоветов (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2093. Л. 225; Д. 2112. Л. 51; МКУ «АГМ». Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 458. Л. 148).

При этом наблюдалось, что крестьяне, лишенные избирательных прав и должные вскоре выплачивать повышенный налог, становились вдруг инициаторами создания коллективных хозяйств и стремились к росту производства. Так, пятеро «лишенцев» в д. Узе Минусинского округа организовали машинное товарищество (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2093. Л. 222).

Вследствие такого нажима сбор ЕСХН на территории, например, Канского округа, как было отмечено на II окружной конференции ВКП(б) (март 1927 г.), прошел успешно: сумма уплаченного населением налога против прошлого года выросла на 8,9, а доходность сельского хозяйства – на 11,9 % (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2025. Л. 57). Но, предполагая скорое ухудшение хозяйствования, некоторые крестьяне, например, Минусинского округа в апреле 1927 г. начали распродавать скот, породистых лошадей и запасы хлеба, запрашивая при этом золотую царскую монету (Советская деревня..., 2000. С. 558).

В связи с изгнанием с рынка частников и внеплановых государственных и кооперативных заготовителей их функции по снабжению потребляющих районов взяли на себя основные заготовительные организации, а государство было вынуждено наращивать поставки на внутренний рынок. Поэтому дальнейшие хлебозаготовки осуществлялись с трудом, что определило быстрое ухудшение продовольственной ситуации. Как и в целом по Сибири, централизованные хлебозаготовки в енисейских округах резко сократились и на 1 сентября 1927 г. составили 10,1 млн пудов. Но задание было выполнено далеко не во всех образованиях, а доля их в

сибирском закупе хлеба уменьшилась до 12,6 % (Ильиных, 2005. С. 161).

Невыполнимым оказалось и желание крестьян добиться свободной торговли произведенными продуктами. Согласно утверждению одного из авторов, если бы экономическая политика коммунистического руководства была направлена только на удовлетворение интересов сельских жителей, а не в целом страны, то в городах начался бы голод (Рассел, 1991. С. 59). Однако возникший очередной «финансовый кризис государства», за которым последовало радикальное изменение его политики, имел «под собой незаметную каждодневную деятельность тысяч людей, направленную на мелкую выгоду» (Скотт, 1996. С. 39; Федорова, 2006. С. 235).

Таким образом, факты, приведенные выше и рассказывающие о ситуации с выплатой енисейскими крестьянами сельскохозяйственного налога в «лучшие годы нэпа», свидетельствуя о восприятии ими советской власти, как «своей», в то же время подтвердили выводы ученых о несовместимости принципов крестьянской «моральной экономики» и большевистской политики построения нового общества. По мнению одного из них, притязания государства на доходы крестьян «никогда не признавались законными, если они распространялись на то, что считалось минимальным культурно зафиксированным уровнем [их] существования» (Скотт, 1992. С. 209).

Вынужденно перейдя к компромиссу с крестьянами, власти пытались отказаться от чрезмерного давления на них, уменьшили налоговый пресс и частично перевели уплату ЕСХН на коммерческую основу. Однако неприемлемыми для деревни оставались возраставшие монополизация рынка и директивные методы его регулирования, направленные на почти безвозмездное выкачивание произведенного ею продовольствия. С ними не только «кулаки», но и представители других слоев сельского населения боролись всеми доступными им способами, которые носили скорее всего не классовую окраску. Накал крестьянского протеста напрямую зависел от проводимой властями политики. Завершая создание мобилизационного аппарата, способного к разрешению перманентных кризисов и принуждению общества двигаться по пути индустриализации и урбанизации, и столкнувшись с задержками уплаты налога, руководство страны отказалось поступиться намеченными программами и приняло решение перейти к внеэкономическим методам отчуждения хлеба. Вместе с тем несостоятельность либерализации отношений правящего режима с деревней была обусловлена еще и создавшейся в ней социально-политической обстановкой, подогреваемой ревностным отношением к властвованию со стороны коммунистов и страхом их перед государственным переворотом.

Список источников

Бакшеев А.И. НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны. Красноярск : Красноярский государственный медицинский университет, 2020. 145 с.

Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне, 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск : Наука, 1987. 336 с.

Ильин Ю.А. Налогообложение сельского населения в годы нэпа // Россия нэповская: политика, экономика, культура : тез. Всесоюз. науч. конф. (25–27 июня 1991 г.). Новосибирск, 1991. С. 115–117.

Ильиных В.А. Хлебозаготовки середины 1920-х гг. в енисейской деревне // Исторический опыт освоения Сибири : сб. материалов по итогам науч.-практ. конф. Красноярск, 1989. С. 142–145.

References

Baksheev A.I. (2020) NEP in Siberia. The atmosphere and logic of war. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Medical University. 145 p. (In Russ.).

Gushchin N.Ya., Il'inykh V.A. (1987) Class struggle in the Siberian village, 1920s - mid-1930s. Novosibirsk: Nauka. 336 p. (In Russ.).

Il'in Yu.A. (1991) Taxation of rural population in the years of NEP. *Rossiya nepovskaya: politika, ekonomika, kul'tura: tez. Vsesoyuz. nauch. konf. (25–27 iyunya 1991 g.) = NEP's Russia: politics, economics, culture. Proceedings of All-Union Scientific Conference (June 25-27, 1991).* Novosibirsk. P. 115-117. (In Russ.).

Il'inykh V.A. (1989) Grain procurements of the mid-1920s in the Yenisei village. *Istoricheskii opyt osvoeniya Sibiri: sb. materialov po itogam nauch.-prakt. konf. = Historical experience of the development of Siberia. Proceedings of Scientific and Practical Conference.* Krasnoyarsk. P. 142-145. (In Russ.).

Ильиных В.А. Соотношение форм классовой борьбы в сибирской деревне в условиях нэпа (1924–1927 гг.) // Актуальные проблемы истории советской Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1990. С. 92–107.

Ильиных В.А. Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях нэпа (1921–1927 гг.) // Нэп: приобретения и потери : сб. стат. М.: Наука, 1994. С. 164–175.

Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. 284 с.

Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта. Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 343 с.

Историография крестьянства советской Сибири / В.Т. Анисков, Л.И. Боженко, Н.Я. Гущин, В.А. Зибарев, С.Ф. Орлянский, В.И. Шишкин и др. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1976. 478 с.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1983. 390 с.

Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. II. Героическая борьба за построение социализма и постепенный переход к коммунизму (с 1921 по 1969 годы) / М.Р. Акулов, В.З. Аношин, А.Л. Артеменко и др. Красноярск : Кн. изд-во, 1970. 390 с.

Рассел Б. Практика и теория большевизма. М. : Наука, 1991. 123 с.

Россия нэповская / С.А. Павлюченков и др. М. : Новый хронограф, 2002. 468 с. URL: https://bookscafe.net /read/pavlyuchenkov_sergey-rossiya_nepovskaya-201200.html#p50 (дата обращения 30 сентября 2022 г.).

Скотт Джеймс. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире : Хрестоматия / сост. Т. Шанин. М.: Изд. группа «Прогресс» «Прогресс - Академия», 1992. С. 202–210.

Скотт Джеймс. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян (1985) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник, 1996. М. : Аспект-Пресс, 1996. С. 26–59.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929. М. : РОССПЭН, 2000. 1168 с.

Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М. : Изд-во Ипполитова, 2014. 765 с.

Федорова М.И. Активные формы крестьянского сопротивления реформам «сверху» – опыт XX в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ.

Il'inykh V.A. (1990) Correlation of forms of class struggle in the Siberian village in the conditions of the NEP (1924-1927). *Aktual'nye problemy istorii sovetskoi Sibiri: sb. nauch. tr. = Actual problems of the history of Soviet Siberia: collection of scientific tr.* Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e. P. 92-107. (In Russ.).

Il'inykh V.A. (1994) State regulation of the procurement grain market in the conditions of the NEP (1921-1927). *NEP: priobreteniya i poteri: sb. stat. = NEP: acquisitions and losses.* Moscow: Nauka. P. 164-175. (In Russ.).

Il'inykh V.A. (2005) State regulation of the agricultural market of Siberia in the conditions of the NEP, (1921-1928). Novosibirsk: Publishing House of SB RAS. 284 p. (In Russ.).

Il'inykh V.A. (2010) Chronicles of the Grain Front. Procurement campaigns of the late 1920s in Siberia. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation “Presidential Center of B.N. Yeltsin”. 343 p. (In Russ.).

Aniskov V.T. (1976) Historiography of the peasantry of Soviet Siberia. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e. 478 p. (In Russ.).

(1983) The peasantry of Siberia during the construction of socialism (1917-1937). Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e. 390 p. (In Russ.).

Akulov M.R. (1970) Essays on the History of the Krasnoyarsk Party Organization. Vol. II. The heroic struggle for the construction of socialism and the gradual transition to communism (from 1921 to 1969). Krasnoyarsk: Publishing house. 390 p. (In Russ.).

Russel B. (1991) The practice and theory of Bolshevism. Moscow: Nauka, 123 p. (In Russ.).

Pavlyuchenkov S.A. (2002) Nep’s Russia. Moscow: New chronograph. 468 p. (In Russ.) Available from: https://bookscafe.net/read/pavlyuchenkov_sergey-rossiya_nepovskaya-201200.html#p50 (Accessed September 30, 2022).

Skott Dzheims (1992) The Moral economy of the peasantry as the ethics of survival. The great stranger. Peasants and farmers in the modern world: A Textbook. Moscow: Publishing house of the Progress Group “Progress - Academy”. P. 202-210. (In Russ.).

Skott Dzheims (1996) Weapons of the Weak: Everyday forms of peasant resistance (1985). *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost': Ezhegodnik, 1996 = Peasantry studies. Theory. History. Modernity: Yearbook, 1996.* Moscow: Aspekt-Press. P. 26-59. (In Russ.).

(2000) The Soviet village through the eyes of the CHEKA-OGPU-NKVD. 1918-1939. In 4 vol. Vol. 2. 1923-1929. Moscow: ROSSPEN. 1168 p. (In Russ.).

Marchenya P.P., Razin S.Y. (2014) Stalinism and the peasantry: a collection of scientific articles and materials of round tables and meetings of the theoretical seminar “The Peasant question in national and world history”. Moscow: Ippolitov Publishing House. 765 p. (In Russ.).

Fedorova M.I. (2006) Active forms of peasant resistance to reforms “from above” - the experience of the XX century. *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: Mat-ly VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*

конф. (30–31 марта 2006 г.). Омск, 2006. Ч. 2. С. 232–236.

Шекшеев А.П. Кампании по взиманию натурального налога в Енисейской губернии начала 1920-х годов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2020. № 4 (34). С. 37–54.

Шекшеев А.П. Первая кампания по взиманию налога в Енисейской губернии (1921/22 г.) // Мартьяновские краеведческие чтения (2020–2021 гг.): сб. докл. и сообщ. конференции, Минусинск, 10–11 декабря 2021 г. Вып. XIV. Минусинск : Издательские решения, 2021. С. 255–266.

Информация об авторе

Шекшеев Александр Петрович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, член правления,
Хакасская республиканская Ассоциация жертв политических репрессий,
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59–49, Россия,
e-mail: turan47@yandex.ru

Вклад автора

Шекшеев А.П. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 октября 2022 г.; одобрена после рецензирования 10 ноября 2022 г.; принята к публикации 21 ноября 2022 г.

(30–31 marta 2006 g.) = Siberian village: history, current state, prospects of development. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference (March 30-31, 2006). Omsk. Pt. 2. P. 232-236. (In Russ.).

Sheksheev A.P. (2020) Campaigns for the collection of natural taxes in the Yenisei province of the early 1920s. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova = Bulletin of the Khakass State University named after N.F. Katanov.* No. 4 (34). P. 37-54. (In Russ.).

Sheksheev A.P. (2021) The first campaign for tax collection in the Yenisei province (1921/22). *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (2020–2021 gg.): Sb. dokl. i soobshch. Konferentsii, Minusinsk, 10–11 dekabrya 2021 g. = Martianovsky Local History Readings. Collection of documents and reports. (2020-2021).* Minusinsk: Izdatel'skie resheniya. Iss. XIV. P. 255-266. (In Russ.).

Information about the author

Alexandr P. Sheksheev,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Member of the Board, Khakass Republican Association of Victims of Political Repression,
59-49, Shchetinkina street, Abakan 655017, Russia,
e-mail: turan47@yandex.ru

Contribution of the author

Sheksheev A.P. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 12, 2023; approved after reviewing November 10, 2022; accepted for publication November 21, 2022.

ISSN 2415-8739 (print) **Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 177–189**
ISSN 2500-1566 (online) Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 177-189

История

Научная статья
УДК 357.1
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-177-189

«На общем фоне военного строительства»: Советская кавалерия в Забайкалье 1924–1945 гг.

В.Н. Воронцов

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос организационного развития кавалерийских соединений на территории Забайкалья на фоне общегосударственных процессов. Развитие кавалерии как рода войск на региональном уровне ярко отразило все закономерности советского военного строительства. Кавалерия выступила кузницей командных кадров для танковых и механизированных частей, обеспечив выработку необходимого кругозора и психологии. Дана оценка историографической ситуации, перечислены достижения отдельных авторов. Перечислены основные вехи развития военной организации. В 1924–1929 гг. на востоке СССР дислоцировались два корпусных управления (18-го и 19-го стрелковых), 7 стрелковых дивизий и две кавалерийские бригады. 6 августа 1929 г. перед конфликтом на Китайско-Восточной железной дороге восточная группировка войск Сибирского округа была выделена в Особую Дальневосточную армию. 17 мая 1935 г. был образован Забайкальский военный округ со штабом в Чите. Показано как округ, а с 15 сентября 1941 г. – фронт, служил надежной защитой от японцев. Последовательно рассмотрены судьбы кавалерийских соединений: превращение 5-й Кубанской бригады в 15-ю кавалерийскую дивизию; 1-й Колхозной кавалерийской дивизии в 22-ю кавалерийскую и их обращение в марте 1941 г. на формирование 29-го механизированного корпуса. Кратко прослежена и история бурятмонгольских кавалерийских формирований за 1926–1938 гг.: эскадрон, дивизион, полк, бригада. Отмечено, что с 1938 г. наблюдается радикальное сокращение советской кавалерии: от 7 корпусов и 32 дивизий до 4 корпусов и 13 дивизий к весне 1941 г. Разгром танковых соединений в приграничных сражениях Великой Отечественной войны заставил с лета 1941 г. формировать легкие кавалерийские дивизии, в т. ч. и 51-ю на станции Даурия. Завершает материал подробный обзор деятельности 59-й кавалерийской дивизии, сформированной в феврале – апреле 1943 г. Как приложение приведены фрагменты документов об участии кавалеристов в строительстве оборонительных сооружений.

Ключевые слова: кавалерия, Рабоче-крестьянская Красная армия, Забайкалье, Читинская область, военное строительство, 59-я кавалерийская дивизия, Забайкальский военный округ, реорганизации, приказы, директивы, оборонительное строительство

Для цитирования: Воронцов В.Н. «На общем фоне военного строительства»: Советская кавалерия в Забайкалье 1924–1945 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 177–189. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-177-189

History

Original article

«On the general background of military construction»: Soviet cavalry in Transbaikalia, 1924-1945

Vladislav N. Vorontsov

Irkutsk State University of Communications, Irkutsk, Russia

Abstract. The article examines the organizational development of cavalry formations on the territory of Transbaikalia against the background of national processes. The development of cavalry as a branch of the armed forces at the regional level clearly reflected all the patterns of Soviet military construction. The cavalry acted as a forge of command personnel for tank and mechanized units, ensuring the development of the necessary outlook and psychology. An assessment of the historiographical situation is given, the achievements of individual authors are listed. The main milestones of the development of the military organization are listed. In

© Воронцов В.Н., 2023

1924-1929 in the east of the USSR two corps directorates (the 18th and 19th Rifle Divisions), 7 rifle divisions and two cavalry brigades were stationed. On August 6, 1929, before the conflict on the China-Eastern Railway, the eastern grouping of troops of the Siberian District was allocated to the Special Far Eastern Army. On May 17, 1935, the Trans-Baikal Military District was formed with headquarters in Chita. It is shown as a district, and since September 15, 1941, the front has served as a reliable defense against the Japanese. The fate of cavalry formations is consistently considered: the transformation of the 5th Kuban Brigade into the 15th Cavalry Division, the 1st Collective Farm Cavalry Division into the 22nd Cavalry Division and their conversion in March 1941 to the formation of the 29th mechanized corps. The history of the Buryat-Mongolian cavalry formations for 1926-1938 is also briefly traced: squadron, division, regiment, brigade. It is noted that since 1938 there has been a radical reduction of the Soviet cavalry: from 7 corps and 32 divisions to 4 corps and 13 divisions by the spring of 1941. The defeat of tank formations in the border battles of the Great Patriotic War forced the formation of light cavalry divisions from the summer of 1941, including the 51st at the Dauria station. The material concludes with a detailed overview of the activities of the 59th Cavalry Division, formed in February-April 1943. Fragments of documents on the participation of cavalrymen in the construction of defensive structures are given as an appendix.

Keywords: cavalry, Workers' and Peasants' Red Army, Transbaikalia, Chita region, military construction, 59th Cavalry Division, Trans-Baikal Military District, reorganizations, defensive construction, orders, directives

For citation: Vorontsov V.N. (2023) “On the general background of military construction”: Soviet cavalry in Transbaikalia, 1924-1945. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 177-189. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-177-189

В отечественной историографии комплексно показано развитие Рабоче-крестьянской Красной армии в предвоенный период как на фоне решения внешнеполитических задач (Мельтюхов, 2000), так и «в поражениях и победах» Второй мировой войны (Феськов, Калашников, Голиков, 2004). Организационное развитие подвижных (механизированных и кавалерийских) соединений исчерпывающим образом рассмотрено в работах Е.Ф. Дрига (Дриг, 2005; Дриг, 2019). В военно-историческом очерке В.Н. Внотченко предметно рассмотрен общий ход советско-японской войны (Внотченко, 1966). Деятельность Забайкальского военного округа в годы Великой Отечественной войны в 1975 г. впервые была рассмотрена в диссертации С.А. Габова (Габов, 1975)[1]. В работах Н.Д. Ростова детально освещена практика формирования новых воинских соединений в Сибири (Ростов, 2007).

Таким образом, в исторической литературе обобщен значительный массив информации, но не представлена детальная картина реорганизации Красной армии в 1924–1945 гг. на уровне воинских соединений в рамках отдельных административных частей СССР. Организационное строительство кавалерийских соединений на территории Забайкалья целесообразно рассмотреть более предметно, но в теснейшей увязке с общесоюзными процессами.

На наш взгляд, развитие кавалерии как рода войск на региональном уровне ярко отразило все закономерности советского военного строительства. Многочисленны и информативны военно-теоретические публикации как советских (Шапошников, 1922; Федоренко, 1926; Буденный, 1930; Федоренко, 1936; Буденный 1938; Шабанов, 1941), так и эмигрантских авторов (Головин, 1926). Современный исследователь А.В. Исаев особо подчеркивает роль советской кавалерии как кузницы командных кадров для танковых и механизированных частей. Именно кавалерия обеспечила выработку подвижного, маневренного кругозора и психологии.

После Гражданской войны

С начала 1921 г. в Советской России начинается сокращение частей Рабоче-крестьянской Красной армии и демобилизация красноармейцев старших возрастов. Этот реорганизационный процесс стартовал, несмотря на то, что на Дальнем Востоке еще предстояли крупные бои Гражданской войны (Шишкин, 1957), а в Монголии действовали белые отряды. До конца 1924 г. Красная армия переводилась на мирное положение, а ее численность сократилась в 11 раз, с 5,5 млн. чел. до 500 тыс. чел.

К началу 1924 г. СССР располагал 49 стрелковыми, 19 кавалерийскими дивизиями и бригадами (Павловский, 1985. С. 46). Для понимания динамики отметим, что Российская империя (бывшая на 15 % обширнее, чем СССР) к началу 1914 г. имела 79 пехотных и стрелковых дивизий, 27 кавалерийских и казачьих дивизий (Шильников, 1933; Карпеев, 2007).

[1] Габов С.А. Забайкальский военный округ в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (июнь 1941 – май 1945 г.): дис. … канд. ист. наук: науч. рук. И.И. Кузнецов. Иркутск, 1975.

Большевики вернули военный контроль над территориями Енисейской и Иркутской губерний, Якутской области в начале 1920 г. (Кузнецов, 1961). 15 марта 1920 г. из территории этих трех административных единиц и Томской губернии был образован Восточно-Сибирский военный округ с центром в Красноярске. Возглавил округ А.И. Окулов. С 19 октября 1920 г. управление округом было возложено на командующего 5-й армией с дальнейшим наименованием «командующий 5-й армией и Восточно-Сибирским военным округом» (должность последовательно занимали М.С. Матиясевич, И.П. Уборевич, В.А. Любимов, К.А. Чайковский) с выводом из подчинения Томской губернии. Полномочия Восточно-Сибирского военного округа распространялись на Советское Прибайкалье – территорию бывшей Забайкальской области западнее р. Селенги. В остальной части Забайкалья за исключением белой «Читинской пробки» и на Дальнем Востоке действовала Народно-революционная армия Дальневосточной республики (при упразднении ДВР с ноября 1922 г. переименованная в 5-ю Краснознаменную армию). С января 1923 г. территория Восточно-Сибирского военного округа включена в Западно-Сибирский, который в июне 1924 г. переименован в Сибирский. В июне 1924 г. полномочия последнего распространены и на Дальний Восток, где управление 5-й армией расформировано. Ранее объединенные им соединения также подчинены Сибирскому военному округу. Такая система управления в целом сохранялась до 6 августа 1929 г., когда значительно усиленная (в преддверии конфликта на Китайско-Восточной железной дороги (Янгузов, 1970)) восточная (от Иркутского округа включительно) группировка войск Сибирского округа, дислоцированная к востоку от Енисея включительно, была выделена в отдельную Особую (с 1 января 1930 г. Краснознаменную) Дальневосточную армию (Приказ Реввоенсовета СССР № 227/41 от 6 августа 1929 г.). Управление армии в Хабаровске было сформировано на базе управлений 18-го и 19-го стрелковых корпусов. Подчиненные войска (около 19 000 чел.) располагались в трех группах: в Забайкалье, в Приморье и на левом берегу Амура против устья Сунгари.

В июле 1924 г. сформированы управление 18-го стрелкового корпуса в Чите (практически сразу переведено в Иркутск) и управление 19–го стрелкового корпуса в Хабаровске (Ленский, 2000. С. 149, 159).

18-й стрелковый корпус составляли: в Иркутске 35-я Сибирская стрелковая дивизия (Воронцов, 2019); в Чите 36-я Забайкальская стрелковая дивизия; 5-я отдельная Кубанская кавалерийская бригада (до июня 1922 г. одноименная дивизия) в поселке Березовка (ныне Дивизионная под г. Улан-Удэ) (с 1927 г. штаб бригады на станции Даурия); с 1926 г. Бурят-Монгольский кавалерийский эскадрон (с 1 октября 1927 г. Отдельный Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион) – поселок Березовка (Дриг, 2019. С. 51, 77, 95). Отметим, что до передислокации в Березовку 5-я Кубанская бригада в 1922–1923 гг. квартировала в Троицкосавске (ныне Кяхта).

19-й стрелковый корпус: 1-я Тихоокеанская стрелковая дивизия во Владивостоке; 2-я Приамурская стрелковая дивизия в Хабаровске; 9-я отдельная Дальневосточная кавалерийская бригада в Никольске-Уссурийске. Причем эта бригада вплоть до лета 1922 г. находилась в процессе формирования в Забайкалье, в Сретенске.

Кроме соединений, объединенных в корпуса, в Сибирском военном округе на 1924 г. дислоцировались:

12-я имени Сибирского Революционного комитета (Сибревкома) стрелковая дивизия (со штабом в Омске и полками, расквартированными в Омске, Татарске и Славгороде). Эта дивизия была сформирована в октябре 1923 г.

21-я Пермская стрелковая дивизия (со штабом в Новониколаевске и полками в Новониколаевске, Томске и Барнауле). Летом 1922 г. штаб дивизии располагался в Томске.

26-я Златоустовская (со штабом в Красноярске и полками в Красноярске, Ачинске и Канске). Эти три дивизии, как и 35-я Сибирская, относились к территориальным войскам.

Все семь вышеупомянутых стрелковых дивизий и обе кавалерийские бригады приняли участие в конфликте на Китайско-Восточной железной дороге в октябре – декабре 1929 г.

Таким образом, в 1924–1929 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке дислоцировались два корпусных управления, 7 стрелковых дивизий и две кавалерийские бригады (Бакшеев, 2020. С. 76). Для сравнения – к началу 1914 г. на той же территории размещались

пять Сибирских армейских корпусов, 11 стрелковых дивизий, одна казачья и одна конная бригады.

Постановлением ВЦИК от 30 июля 1930 г. при разделении Сибирского края были образованы: Западно-Сибирский край с центром в Новосибирске и Восточно-Сибирский край с центром в Иркутске. С этого времени территория Сибирского военного округа соответствовала границам Западно-Сибирского края, куда были включены Хакасская автономная область (образована в октябре 1930 г.) и территория упраздняемого Минусинского округа (по избранным нами территориальным рамкам, относящаяся к Восточной Сибири). Восточно-Сибирский край составлял западную часть зоны ответственности Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, наряду с Дальневосточным краем и Бурят-Монгольской автономной Советской социалистической республикой. В феврале 1932 г. в составе Особой Краснознаменной Дальневосточной армии были образованы две группы войск: Забайкальская (штаб – г. Чита) и Приморская (штаб – г. Никольск-Уссурийский).

В марте 1932 г. в целях обеспечения продовольствием войск Особой Краснознаменной Дальневосточной армии и населения Дальнего Востока, для пропаганды колхозного строительства создается Особый колхозный (с апреля 1936 г. 20-й стрелковый) корпус (штаб – Хабаровск, М.В. Калмыков).

7 декабря 1934 г. из Восточно-Сибирского края выделен Красноярский край, территория которого увеличила площадь Сибирского военного округа.

Приказом Наркома обороны СССР 17 мая 1935 г. на основе Забайкальской группы войск Особой Краснознаменной Дальневосточной армии образован Забайкальский военный округ (охватывавший территорию Якутской АССР и уменьшившегося Восточно-Сибирского края, включавшего Бурят-Монгольскую АССР и первоначально в статусе «внутрикраевой» Читинскую область и будущую Иркутскую область (образована 26 сентября 1937 г.)), а из остальных частей – Дальневосточный военный округ, который уже 2 июня 1935 г. получил прежнее название – Особая Краснознамённая Дальневосточная армия.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны Красноярский край входил в Сибирский военный округ; Иркутская и Читинская области, Бурят-Монгольская АССР – в Забайкальский.

Три армии из Забайкальского военного округа

В соответствии с приказом Народного комиссара обороны Союза ССР № 0029, от 21 июня 1940 г. было приказано с 1 июля этого же года провести реорганизацию управления войск Дальнего Востока и Забайкальского военного округа. В составе Забайкальского военного округа образовывались две армии: 16-я и 17-я.

16-ю (Борзинскую) армию было предписано подчинить Военному Совету Забайкальского военного округа в следующем составе: управление армии, 12-й стрелковый корпус (65-я, 94-я и 152-я стрелковые дивизии), 5-й механизированный корпус (13-я и 17-я танковые дивизии, 109-я моторизованная дивизия), 15-я и 22-я кавалерийские, Забайкальский укрепленный район, 106-й артиллерийский полк Резерва Главного Командования, авиационные части. С июля 1940 г. в подчинении Военного Совета Забайкальского военного округа находился 32-й стрелковый корпус (46-я, 93-я и 114-я стрелковые дивизии, 126-й корпусный артиллерийский полк) со штабом в Иркутске. Во второй половине июля 1941 г. корпус включен в 16-ю армию.

25 мая 1941 г. 16-я армия (32-й стрелковый корпус, 5-й механизированный корпус, 57-я отдельная танковая дивизия) получила приказ (директиву) передислоцироваться в Закавказье, но по пути следования она была направлена в Киевский военный округ.

Оставшаяся в Монголии 17-я армия на 22 июня 1941 г. включала 61-ю танковую дивизию, 82-ю моторизованную, 36-ю и 57-ю мотострелковые дивизии, 9-ю мотобронеевую бригаду (с июня 1943 г. 25-я механизированная бригада), 185-й пушечный артиллерийский полк, 2-й бригадный район ПВО, 17-й понтонно-мостовой батальон.

27 июля 1941 г. на базе управления расформированного 12-го стрелкового корпуса в Забайкалье развернута 36-я армия (65-я, 93-я, 94-я, 114-я стрелковые дивизии, 31-й (Даурский) и 32-й (Борзинский) укрепленные районы). Командовал 36-й армией генерал-майор, с октября 1943 г. генерал-лейтенант Сергей Степанович Фоменко.

Забайкальский фронт

Забайкальский фронт (с сохранением функций округа) образован 15 сентября 1941 г. на основании директивы Ставки Верховного Главнокомандования

от 14 сентября 1941 г. на базе Забайкальского военного округа в составе 17-й и 36-й армий. Округ, затем фронт со штабом в Чите, служил надежной защитой от ожидаемой японской агрессии, территорией развертывания новых воинских соединений и уже в этом качестве важным резервом для советско-германского фронта (Ордена Ленина Забайкальский, 1980; Форпост на востоке, 1985; Ростов, 2007).

Территория Забайкальского фронта унаследовала охват одноименного округа – Иркутская и Читинская области, Бурят-Монгольская АССР, Якутская АССР. Отметим, что на осень 1942 г. СССР имел два «невоюющих» фронта (Забайкальский и Дальневосточный), а еще один фронт Закавказский (с 15 мая 1942 г.), имел в своем составе как сражающиеся (в августе – декабре 1942 г.) с немцами на Северном Кавказе войска, так и недействующие войска в Закавказье и Иране (45-я армия) (Безугольный, 2021. С. 309).

В июне – октябре 1941 г. Забайкальский округ (фронт) отправил в действующую армию не менее 6 стрелковых дивизий еще довоенного формирования: 46-ю, 65-ю, 82-ю (мотострелковую), 93-ю, 114-ю, 152-ю. Забирать остальные соединения, сформированные до войны, Ставка не стала. Так в 17-й армии оставались 36-я и 57-я мотострелковые дивизии, в 36-й армии – 94-я стрелковая. 36-ю армию пополнили 209-я и 210-я стрелковые, 58-я кавалерийская (временно в декабре 1941 г.) дивизии (Воронцов, 2018. С. 241–242).

Со 2 июня по 10 июня 1942 г. на разъезде 79 Забайкальской железной дороги формировалось управление 2-го стрелкового корпуса. В тот же день в состав корпуса включены 399-я стрелковая дивизия (штат № 04/200-213), 51-я кавалерийская дивизия (штат № 06/230-241 с дислокацией – поселок Урулюнгуй), 44-я танковая бригада (штат № 010/313 с дислокацией – Адан-Челон), 176-й минометный полк (штат № 08/106 с дислокацией – Урулюнгуй). Кавалерия и танки переданы из состава 36-й армии. В дальнейшем этот корпус включал 94-ю, 103-ю и 210-ю стрелковые дивизии и входил в 36-ю армию, которая имела еще и два укрепленных района, две стрелковые и одну танковую бригаду.

К 5 июля 1943 г. число стрелковых дивизий достигло 7, танковых бригад 3, а стрелковые бригады напротив упразднены путем вливания в новые дивизии.

Прямым наследием еще довоенной стратегии, что нашла поэтическое отражение в строках песни «Если завтра война»: «И на вражье земле, мы врага, разгромим, малой кровью могучим ударом», были военные планы. Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 30156 от 27 июля 1943 г. в случае нападении японских войск предписывала Забайкальскому фронту наступать. Так, у*дароом главных сил в составе 17-й и 36-й армий и военно-воздушных сил рассчитывали уничтожить противостоящего противника в районе Ганьчжур, Хайлар, Маньчжурия, к концу первого месяца войны овладеть Баргой и закрыть противнику выходы через Большой Хинган на солуньском и хайларском направлениях. В рамках Маньчжурской стратегической операции 1945 г. советские войска из Забайкалья вышли к Большому Хингану не за месяц, а втрое быстрее – за 8 дней.*

К апрелю 1945 г. при том же числе (семь) стрелковых дивизий, в составе 36-й армии появилось еще одно управление стрелкового корпуса (86-го). В составе 86-го стрелкового корпуса – 94-я стрелковая дивизия, которая действовала в ходе Советско-японской войны. В июне 1945 г. 36-ю армию возглавил генерал-лейтенант Александр Александрович Лучинский, а С.С. Фоменко занял должность его заместителя.

В июне 1945 г. 31-й Даурский укрепленный район сформировал 6-ю пулеметно-артиллерийскую бригаду, 32-й Борзинский укрепленный район – 15-ю пулеметно-артиллерийскую бригаду. В этих бригадах было по три пулеметно-артиллерийских батальона и по одному артдивизиону (Центральный архив Министерства Обороны (ЦАМО). Ф. 808. Оп. 1. Д. 1).

Судьбы кавалерийских соединений в Забайкалье: от 5-й Кубанской бригады до 15-й дивизии, Бурят-Монгольская бригада, от 1-й Колхозной дивизии к 22-й

Ранее мы уже упоминали 5-ю Кубанскую кавалерийскую бригаду (в 1921 г. дивизию) – единственное соединение Красной армии конницы в Восточной Сибири в 1922–1929 гг. В течение 1927 г. его управление было передислоцировано из поселка Березовка на станцию Даурия (Дриг, 2019. С. 77). За управлением последовал 75-й кавалерийский полк, два остальных (73-й и 74-й) оставались в Троицкосавске и Березовке. Части 5-й Кубанской кавалерий-

ской бригады участвовали в ноябре 1929 г. в Маньчжуро-Чжалайнорской операции: перешли по льду р. Аргунь, вышли в тыл гарнизона Чжайланора, перерезали железную дорогу на Харбин.

Отметим еще и действовавшие в 1921–1922 гг. конные формирования Народно-революционной армии ДВР: Забайкальская кавалерийская дивизия (бригада) имени Я.Н. Коротаева (расформирована 24 июля 1922 г.), 1-я Троицкосавская, 2-я Сретенская и 3-я Хабаровская кавалерийские бригады.

К маю 1931 г. 5-я отдельная Кубанская кавалерийская бригада дислоцируется в поселке Даурия Восточно-Сибирского края и входит в состав Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (сокращенно ОКДВА) (позднее Забайкальской группы той же армии). В Даурии квартировали: управление бригады, 74-й и 75-й кавалерийские полки, 25-й отдельный конно-артиллерийский дивизион, 25-й отдельный эскадрон связи, 25-й отдельный саперный эскадрон, 5-й отдельный запасной полуэскадрон, 25-й отдельный конно-химический взвод. 73-й кавалерийский полк размещался в г. Нерчинске (Дриг, 2019. С. 108). Весной 1932 г. на базе бригады (при одновременном ее упразднении) создается 15-я кавалерийская дивизия. В формируемое соединение включен 64-й Кавказский кавалерийский полк, ранее квартировавший в г. Телав (ныне Телави) в Грузинской ССР и переброшенный на разъезд № 74 железнодорожной ветки Карымская-Маньчжурия.

В 1933 г. именно в Забайкалье формируется самая нетипичная кавалерийская дивизия Красной армии – 1-я колхозная. Она входила в состав формируемого с марта 1932 г. Особого колхозного корпуса ОКДВА, на который помимо военных задач возлагались и сельскохозяйственные. Корпус был и воинским соединением, и конгломератом красноармейских колхозов. Кавалерийской дивизии предстояло заниматься животноводством, а ее формирование планировалось завершить к 1 июня 1933 г. Дивизия создавалась по временным штатам № К/20-К/25 численностью 6000 человек в составе четырех кавалерийских, конно-артиллерийского и механизированного полков, отдельного саперного эскадрона и эскадрона связи. Все эти части в открытой переписке именовались красноармейскими колхозами: 1-й Адончалонский, 2-й Адончалонский, 1-й коневодческий № 43, 2-й коневодческий № 43, 2-й Хадабулакский, 3-й Адончалонский коневодческий, Хадабулакский, 3-й коневодческий № 43, а дивизия в целом именовалась Хадабулакский совет красноармейских колхозов. Дислокация на 1935 г. соответствовала этим названиям: станция Хадабулак, падь Антия, Адончалонский совхоз, Коневодческий совхоз № 43, падь Уксахе. В течение 1935–1936 гг. численность дивизии доводилась до 7600 человек и она получила общеармейскую нумерацию под № 22 (а ее полки № 13, 18, 35 и 36). Такой же численности была и 15-я кавалерийская. В 1936 г. проект «Особый колхозный корпус» был свернут.

Летом 1936 г. Бурят-Монгольский кавалерийский полк был развернут в одноименную бригаду. Эта бригада формировалась с 1 мая 1936 г. директивой Генерального штаба РККА № 4/2/34434 от 27 февраля 1936 г. по штатам № 6/641-6/645 общей численностью 1600 человек в составе 11-го и 12-го кавалерийских полков, бронеэскадрона и спецчастей (Дриг, 2019. С. 138). В 1938 г. она получила общеармейский номер 5.

С 1936 г. советские войска начинают размещаться в Монголии. В 1937 г. при управлении 22-й кавалерийской дивизии формируется управление 3-й (с 1938 по июнь 1940 г. – 6-я) кавалерийской бригады. Это «сводное» соединение под командованием полковника П.С. Иванова объединило «заимствованные» из 15-й кавалерийской дивизии 90-й кавалерийский полк из 22-й кавалерийской дивизии, 18-й кавалерийский полк и было размещено в Югодзыре (МНР) на границе с Китаем.

С 1938 г. наблюдается радикальное сокращение советской кавалерии. С пиковых 7 кавалерийских корпусов и 32 (в том числе 5 горных и 3 территориальные) кавалерийских дивизии на 1938 г. до 4 корпусов и 13 (из них 4 горных) дивизии к весне 1941 г. В течение 1938 г. численность личного состава кавалерии уменьшилась более чем на треть. Кавалерийские дивизии Востока оставались в усиленном составе. Весной 1938 г. в СССР прекратили существование национальные соединения и части, в том числе казачьи дивизии (донские, кубанские, терские) в Европейской России и отдельная Бурят-Монгольская кавалерийская бригада в Забайкальском военном округе. Сначала эта бригада получила общеармейский номер 5, а в октябре 1939 г. была расформирована.

В течение 1939 г. прошла перенумерация кавалерийских и конно-артиллерийских полков. В де-

кабре 1939 г. 15-я и 22-я кавалерийские дивизии перешли на общесоюзные штаты мирного времени, что означало сокращение их численности. На май 1940 г. 15-я кавалерийская дивизия дислоцировалась на станции Даурия, 22-я кавалерийская дивизия – в Хадабулаке, Хараноре, пади Антия, Хайласутае, 6-я отдельная кавалерийская бригада (расформирована директивой Забайкальского военного округа № 19968/1) – в Монголии, 21-й запасной кавалерийский полк – в Нерчинске (Дриг, 2019. С. 173). В марте 1941 г. обе кавалерийские дивизии были обращены на укомплектование 29-го механизированного корпуса (57-я танковая, 61-я танковая, 82-я моторизованная дивизия, 30-й мотоциклетный полк, 402-й отдельный батальон связи, 401-й отдельный моторизованный батальон) (Дриг, 2005. С. 591). 61-й и 118-й кавалерийские полки 15-й кавалерийской дивизии переформированы в 61-й мотострелковый полк 61-й танковой дивизии. Управление 29-го механизированного корпуса было расформировано 7 мая 1941 г., а его дивизии полностью сохранились, став отдельными.

Формирования периода Великой Отечественной войны: 51-я кавалерийская дивизия

Необходимость восполнить разгром советских танковых соединений в приграничных сражениях Великой Отечественной войны привела к решению за 1–1,5 месяца создать легкие кавалерийские дивизии численностью около 3000 человек (что было втрое меньше, чем до войны). Формирование происходило согласно различным директивам (начиная от 5 июля 1941 г., от 8 июля 1941 г., от 11 июля 1941 г. от 20 июля 1941 г. до 21 января 1942 г.). Уже к концу 1941 г. число кавалерийских дивизий достигло 82, тогда как к началу войны было их всего 13 (9 кавалерийских (штат 8968 человек) и 4 горно-кавалерийские (штат 6558 человек).

Государственный Комитет Обороны Постановлением № ГКО-23сс от 4 июля 1941 г. начал формирование первых легких кавалерийских дивизий, закрепленное Директивами Генерального штаба №№ орг/935 – орг/941 от 5 июля 1941 г. о формировании 15 дивизий – 1, 4, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55 кд (свои общевойсковые номера кавалерийские дивизии получили в середине июля 1941 г.) (Кавалерия Красной армии…)[2].

5 июля 1941 г. отдана директива Генерального штаба о формировании кавалерийских дивизий с номерами от 44 до 53 (Краткий отчет…)[3], которым предписано сформировать 51-ю кавалерийскую дивизию на станции Даурия Забайкальского военного округа. Командиром дивизии назначен полковник Пронин (ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11547. Д. 75. Л. 6–24).

Командование 51-й отдельной кавалерийской дивизии к 24 ноября 1942 г. разработало схему выхода частей по боевой тревоге на карте 1-100000-34 г. Расположение: Штаб дивизии Красный партизан, 176-й танковый полк – заимка Кайгил; 73-й кавполк – скотный двор западнее высоты 740, 6; 77-й кавполк комм.комбинат (ручей Дальняя Бырка); 64-й кавполк –заимка № 1, фермы № 6 (падь Досатуй) (ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 40. Л. 84).

Командование 36-й армии уделяло большое внимание строительству оборонительных рубежей. Например, сохранились до сих пор секретные «Акты комиссии по приему оборонительных сооружений батрайонов (батальоннных районов) на Соловьевско-Шевартэ-Одонском и Дауро-Хараноро-Оджитуйском рубежах», ведомости и формуляры сооружений батрайонов обороны; схема 31-го укрепленного района, схема обороны поселка Даурия на август 1943 г. (ЦАМО. Ф. 391. Оп. 8878. Д. 2. Л. 113).

Также в фонде дивизии сохранилась очень подробная (на два формата А3) схема-карта Аргунского рубежа в масштабе 1-25000. Документ был подписан: командующим 36-й армией генерал-майором Фоменко, членом военного совета дивизионным комиссаром Зудовым, командиром 51-й кавалерийской дивизии полковником Прониным,

[2] Кавалерия Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны. URL: http://don1942.ru/klyatve-ostalis-verny/item/kljatva1-3 (дата обращения 1 октября 2022 г.).

[3] Краткий отчет по формированию и укомплектованию кавалерийских соединений за 1942–43 гг. и проведенных организационных мероприятий по коннице за этот период. (Инспекции кавалерии Красной Армии). URL: http://don1942.ru/svedeniya-iz-arkhiva-oborony/item/kratkij-otchet-po-formirovaniyu-i-ukomplektovaniyu-kavalerijskikh-soedinenij-za-1942-43gg-i-provedennykh-organizatsionnykh-meropriyatij-po-konnitse-za-etot-period-inspektsii-kavalerii-krasnoj-armii (дата обращения 1 октября 2022 г.).

начальником штаба дивизии подполковником Кирилловым, военным комиссаром старшим батальонным комиссаром Алексеевым. Согласно карте оборонительный рубеж проходил от Кути (колхоз имени Журавлева) до г. Абон (отметка 675.3), от Старо-Цурухайтуй (колхоз имени Сталина) к северу до заимки у пади Широкая. Выделяется овальный неукрепленный отступ в глубь от берега (на топографической карте обозначено болото) (ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 41).

После сформирования к 10 июня 1942 г. в Забайкалье 2-го стрелкового корпуса в него была включена дислоцирующаяся в поселке Урулюнгуй 51-я кавалерийская дивизия (штат № 06/230-241). На 1 января 1943 г. 51-я кавалерийская дивизия имела статус отдельной, а затем была отправлена в действующую армию, на Центральный фронт.

По директиве Генерального штаба Красной армии № 36669 от 19 февраля 1943 г. прибывшая на фронт 51-я кавалерийская дивизия была включена в состав вновь сформированного 19-го кавалерийского корпуса. Однако 30 апреля 1943 г. 51-я кавалерийская дивизия была расформирована, а ее личный состав обращен на пополнение 8-й кавалерийской дивизии того же корпуса.

59-я кавалерийская дивизия

Взамен изъятой 51-й кавалерийской дивизии директива № ф2/3/2018 от 18 февраля 1943 г. предписала Забайкальскому фронту сформировать 59-ю кавалерийскую дивизию. В период сентябрь – декабрь 1943 года было семь гвардейских корпусов (1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса), 15 кавалерийский корпус и три отдельных кавалерийских дивизии (38-я, 59-я и 84-я).

Состав 59-я кавалерийской дивизии: 30-й, 129-й, 252-й кавалерийские полки, 267-й танковый полк, 394-й артиллерийско-минометный полк, 4-й саперный эскадрон и т. д. Формирование этих частей личным составом производилось: а) офицерским составом за счет резерва инспекции (?) кавалерии Красной армии и частей Забайкальского фронта; б) укомплектование сержантским и рядовым составом производилось за счет 17-й и 36-й армий, 35-й и 41-й запасных стрелковых бригад. Прибывший сержантский и рядовой состав из стрелковых частей не имел кавалерийской подготовки. Офицерский состав – 60 % (?) кавалеристы, остальной офицерский состав из стрелковых частей; в) формирование частей конским составом производилось за счет табунных необученных лошадей монгольской породы из 3-го, 9-го, 10-го, 20-го и 21-го кондепо.

С 15 апреля 1943 г. части дивизии приступили к плановым занятия по боевой подготовке. Дивизия к этому времени личным составом была укомплектована полностью, конским составом на 15 %, материальной базы для занятий создано не было (ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 5. Л. 17).

20–22 апреля 1943 г. штабом 36 армии проводилось первое командно-штабное учение штаба 59-й отдельной кавалерийской дивизии со штабами частей с выходом в поле. Штабы в это время, как орган управления командира не были сколочены и естественно получили плохую оценку.

Ко 2 мая 1943 г. 59-я кавалерийская дивизия личным составом была укомплектована на 30 % и приступила к учебе. Дислокация частей (по штатам 06/310-06/324): Управление дивизии – партия Урулюнгуй; 1-й отдельный эскадрон связи – партия Урулюнгуй; 4-й отдельный саперный эскадрон – станция Досатуй, 1-й км юго-восточнее партия Урулангуй; 30-й кавалерийский полк – падь Досатуй (свх. (совхоз) Погадаева); 129-й кавалерийский полк – падь Дуаулун (?), 6 км северо-западнее партия Урулюнгуй; 252-й кавалерийский полк – падь Казачья, 14 км северо-восточнее партии Урулюнгуй; 394-й артиллерийско-минометный полк – падь Пузулун, 4-й км северо-западнее партии Урулюнгуй; 184-й отдельный дивизион ПВО – падь Пузулун, 4 км северо-западнее партии Урулюнгуй; Отдельный взвод хим. защиты – станция Досатуй, 1-й км юго-восточнее партии Урулюнгуй; 267-й танковый полк – станция Досатуй, 12 км юго-восточнее партии Урулюнгуй; 13-й отдельный продтранспорт – станция Досатуй, 12 км юго-восточнее партии Урулюнгуй; 59-й отдельный взвод подвоза ГСМ – станция Досатуй, 12 км юго-восточнее партии Урулюнгуй; 7-й отдельный медико-санитарный эскадрон – падь Бузулук, 4 км северо-западнее партии Урулюнгуй; 18-й отдельный дивизионный ветеринарный лазарет – партия Урулюнгуй; 394-й артиллерийский парк – станция Досатуй; отдельный взвод ОО НКВД – партия Урулюнгуй; Шорсам – партия Урулюнгуй; 2705 Военно-почтовая станция – партия Урулюнгуй.

18 мая 1943 г. все части по приказу командующего 36-й армией выступили на оборонительные работы по укреплению государственной границы. Оборонительная работа по укреплению границы продолжалась до 20-го августа. На рубеже: Зоргол – Старо-Цурухайтуй – Ново-Цурухайтуй объем работы был выполнен на 90 % с оценкой – «хорошо». Одновременно с производством оборонительных работ (подробнее см.: приложение 1 и 2) личный состав дивизии занимался боевой подготовкой, части укомплектовывались конским составом и техникой.

С 10 августа 1943 г. танковый полк перешел на новый штат численностью личного состава 227 человек. С 1 апреля 1944 г. по приказу Забайкальского фронта танковый полк был переформирован и в своем составе имел: штаб, 2 танковых роты Т-34 (фактически БТ-7), взвод управления, разведывательный взвод, ремонтный взвод, авторемонтный взвод и хозяйственное отделение. 24 июля 1944 г. танковому полку присвоено наименование «267 Л.Т.П.» (легкотанковый). 4 июля 1945 г. 267 ОЛТП (267-й отдельный легкотанковый полк) перешел на новое вооружение – получили танки МК-3 «Валентайн» (британского и канадского производства) – вместе с личным составом. Основание мероприятий: Приказы войскам Забайкальского фронта № орг/041, № 41/01165, приказа войскам 36-й армии.

8–11 сентября 1943 г. комиссией штаба командующего кавалерией Красной армии под председательством генерал-майора Смирнова 59-я отдельная кавалерийская дивизия подвергалась инспекторской поверке: по тактической, огневой и конной подготовке. Части дивизии, за исключением 129-го кавалерийского полка, получили неудовлетворительную оценку, 129-й кавалерийский полк получил оценку – «хорошо».

11–13 сентября 1943 г. проведено первое дивизионное инспекторское учение с войсками по теме: «Наступление усиленной кавалерийской дивизии на полевую оборону противника».

Общая оценка боевой подготовки 59-й отдельной кавалерийской дивизии за 1943-й учебный год инспекторской комиссией командующего кавалерией Красной Армии – признана неудовлетворительной.

2 и 3 мая 1944 г. от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР заместителем командующего Забайкальским военным округом генерал-лейтенантом Козловым 59-й кавалерийской дивизии были вручены Красные Знамена с грамотой.

В период с 15 по 25 августа 1944 г. штабом командующего кавалерией Красной Армии дивизия подверглась инспекторской поверке по боевой подготовке. Эту инспекторскую проверку за 1944 дивизия в целом сдала на «хорошо».

В ноябре 1944 г. дивизия подверглась штабом Забайкальского фронта инспекторской поверке по боевой и политической подготовке (председатель комиссии – начальник оперативного отдела штаба фронта генерал-майор Барсков). Общая оценка боевой и политической подготовки за 1944 учебный год инспекторской комиссией признана – «хорошо», по огневой подготовке – «отлично». В течение 1944 г. дивизию посещал заместитель командующего Забайкальским военным округом генерал-лейтенант Козлов.

5–9 мая 1945 г. дивизия подверглась инспекторской поверке по боевой подготовке за зимний период. Председателем комиссии был заместитель командующего Забайкальским фронтом генерал-лейтенанта Козлова. Поверка закончилась дивизионным учением с войсками, руководил учениями командир дивизии генерал-майор Коркуц.

В середине июня 1945 г. дивизия вновь подверглась инспекторской поверке, результаты были следующими:

1. Планирование боевой подготовки – посредственно.

2. Подготовка штабов – посредственно.

3. Подготовка офицерского состава – посредственно.

4. Боевая подготовка полковых школ учебных взводов – посредственно.

5. Специальная подготовка артиллерийских подразделений дивизии – посредственно.

Акт поверки боевой подготовки дивизии был утвержден 30 июня 1945 г. маршалом Советского Союза Буденным.

25 июня 1945 г. на пади Урулюнгуй (постоянное место дислокации) дивизия выступила по маршруту: Соловьевск – Чойбалсан в составе: 30-го, 129-го и 252-го кавалерийских полков, 394-го артиллерийского минометного полка, 184-го зенитного дивизиона ПВО, 267-го легко-танкового полка, 1-го отдельного эскадрона связи, 4-го отдельного саперного эскад-

рона, 13-го отдельного продовольственного транспорта, 7-го отдельного медико-санитарного эскадрона и отдельного взвода хим. защиты – командовал дивизией генерал-майор Коргуц. Основание: директива № 2955/М Военного Совета Забайкальского фронта от 26 июня 1945 г.

27 июля 1945 г. дивизия совершила марш общим протяжением 940 км и сосредоточилась в районе Ихэ – Булак, где и вошла в подчинение конно-механизированных войск (конно-механизированной подвижной группы) Монгольской народной республики под командованием Героя Советского Союза генерал-полковника Плиева (Плиев, 1973). Основание: директива № 4035/М Военного Совета Забайкальского военного округа от 28 июля 1945 г. Плиев посетил дивизию 29 июля 1945 г.

9 августа 1945 г. дивизия в вышеуказанном составе перешла государственную границу с Манчжурией восточнее Дариганга – Сомон (восточнее аймак МНР) и вступила в войну с Японией.

19 августа 1945 г., преодолев восточную часть пустыни Гоби и 9 перевалов отрога Большого Хингана, дивизия уничтожая мелкие гарнизоны противника на пути, взяла г. Жэхэ (главный город провинции Чахар, где пленила 108-ю пехотную бригаду, 110-я пехотную дивизию. Захваченные трофеи: винтовок – 1160, пулеметов – 86, минометов – 15, легких танков – 3, патронов – 2000000, продовольственных складов – 15, вещевых складов и складов с горючим – 16, лошадей – 68, автомашин – 98. Захвачено пленных – 8195 человек (ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 43. Л. 12).

Приказом Народного комиссара обороны № 0162 от 20 сентября 1945 г. 59-й кавалерийской дивизии было присвоено почетное наименование «Хинганская».

Таким образом, на примере кавалерии в Забайкалье довольно четко прослеживается как общая и прямая преемственность советского опыта военного строительства, так и существенное влияние дополнительно возникших военных и геополитических вызовов 1930-х – 1940-х гг. Красная армия продемонстрировала высокие адаптивные способности в том числе к резким изменениям обстановки и показала возможности своего численного и организационного роста.

Приложение 1

НКО СССР
Войсковая часть № 8936
Отдел оперативный
1 мая 1942 г. № 0023/оп
Ст. Борзя Читинской области п/я № 15
Вход № 00270 5 мая 1942 г.
Совершенно секретно Особой важности
Экземпляр № 1
Командиру 51 кавалерийской дивизии

На основании директивы Военного совета Забайкальского фронта от 24 февраля 1942 г. За № 67/0056 на вас возлагается постройка в 1942 г. Аргунского оборонительного рубежа на Цурухаитуевском направлении согласно прилагаемой схемы (карта 1-100000).

Задача рубежа: обеспечить прочную оборону пограничных войск и частей прикрытия в районах возможных переправ через Аргунь. Во исполнение поставленной задачи:

До 13 мая отрекогносцировать и произвести посадку дерево-землянных сооружений, в соответствии с прилагаемой инструкцией Начальника генерального штаба Красной армии по производству рекогносцировок полевой обороны (Инструкция по рекогносцировкам полевых оборонительных районов 10 января 1942 г. «Утверждаю – заместитель начальника Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенанта Василевский с 6 приложениями листы 4–13 подписал начальник управления строительства УР (укрепленных районов) Генерального штаба Красной армии генерал-майор Ширяев военный комиссар управления строительства УР Генштаба Красной армии бригадный комиссар Точилов) в следующих районах:

А) ротный опорный пункт отм. 571,9; КУТИ, без выс. 2 км юго-западнее выс. 618,6 (иск) отм. 594,4;

Б) – К) итого 9 ротных опорных пунктов один батальонный район обороны.

В указанных районах и опорных пунктах произвести посадку сооружений исходя из следующего расчета на каждый батальонный оборонительный район:

ДЗОТ пулеметных фланкирующих – 4;

Тоже фронтальных – 4;

СОТ или железобетонных колпаков для легкого пулемета –27;

Площадок орудийных 45 мм – 2;

То же 76 мм – 2;

Наблюдательный пункт Командира батальона дерево-земляной – 1;

То же командира роты – 3;

Минометных площадок для 2-х минометов 50 мм основных – 2;

Запасных – 2;

Площадок для станкового пулемета – 4;

Орудийных площадок для 122 мм или 152 мм – 1; …

Командующий 36-й армией генерал-майор Фоменко,

Член военного совета дивизионный комиссар Зудов,

Начальник штаба генерал-майор Данилов

Источник: *ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.*

Приложение 2

Акт от 4 ноября 1943 г. с. Урулюнгуй

Мы, ниже подписавшиеся комиссия в составе: председатель комиссии командир 59-й отдельной кавалерийский дивизии полковник Блинов Ф.А. и члены комиссии: начальник 1-го отделения гвардии подполковник Попов М.И., начальник 2-го отделения майор Антонец А.С., начальник инженерной службы – капитан Рогов Н.И. и дивизионный топограф лейтенант Шмотин М.В. на основании директивы штаба 36-й армии за № 0010476 от 1 сентября 1943 г. в период с 30 октября по 4 ноября 1943 г. произвели приему фактически выполненных строительством сооружений 59-й отдельной кавдивизии в 1943 г. Аргунского оборонительного рубежа по батарайонам, причем приняты следующие объекты сооружений…. По батрайону № 6, 7, 8, 9 и 10….

Заключение: Все рубежи для занятия войсками вполне пригодны

Для привидения окончательной боеготовности рубежей требуется: Построить….. Для окончания оставшихся работ требуется 2000 рабочих дней.

Источник: *ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–3.*

Список источников

Бакшеев А.И. НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны. Красноярск : Красноярский государственный медицинский университет, 2020. 145 с.

Безугольный А.Ю. Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование. М. : Центрполиграф, 2021. 511 с.

Буденный С.М. Конница как оперативный фактор в Гражданской войне // Красная конница. Сб. ст. М.-Л.: Отдел воен. лит-ры, 1930. С. 20–36.

Буденный С.М. Основы тактики конных соединений. М.: Гос. воен. изд-во НКО СССР, 1938. 44 с.

Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке. Военно-исторический очерк о боевых действия советских войск в августе – сентябре 1945 г. М.: Воен. изд-во МО СССР, 1966. 328 с.

Воронцов В.Н. «На штаты мирного времени»: Послевоенная судьба сформированных на Забайкальском фронте в 1941–1943 гг. стрелковых корпусов и дивизий // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 4. С. 239–247.

Воронцов В.Н. 35-я стрелковая дивизия Красной армии: формирование и первые бои // Двенадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения (Иркутск, 1-30 апреля 2018 г.): материалы. В 2 т. / науч. ред. Ю.А. Зуляр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. Т. 1. С. 12–17.

References

Baksheev A.I. (2020) NEP in Siberia. The atmosphere and logic of war: a monograph. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Medical University. 145 p. (In Russ.).

Bezugol'nyi A.Yu. (2021)The national composition of the Red Army. 1918-1945. Historical and statistical research. Moscow: Tsentrpoligraf. 511 p. (In Russ.).

Budennyi S.M. (1930) Cavalry as an operational factor in the Civil War. Red Cavalry. Collection of articles. Moscow-Leningrad: Department of Military literature. P. 20-36. (In Russ.).

Budennyi S.M. (1938) Fundamentals of tactics of mounted formations. Moscow: State Military Publishing House of the USSR Peoples Commissariat of Defense. 44 p. (In Russ.).

Vnotchenko L.N. (1966) Victory in the Far East. Military-historical essay on the fighting of the Soviet troops in August-September 1945. Moscow: Military Publishing House of the USSR Ministry of Defense. 328 p. (In Russ.).

Vorontsov V.N. (2018) "On peacetime states": The post-war fate of rifle corps and divisions formed on the Trans-Baikal Front in 1941-1943. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 14. No. 4. P. 239-247. (In Russ.).

Vorontsov V.N. (2019) The 35th Rifle Division of the Red Army: formation and first battles. *Dvenadtsatye Baikal'skie sotsial'no-gumanitarnye chteniya (Irkutsk, 1-30 aprelya 2018 g.) = The Twelfth Baikal Socio-Humanitarian Readings (Irkutsk, April, 1-30, 2018).* Proceedings in 2 vol. Irkutsk: Publishing House of the ISU. Vol. 1. P. 12-17. (In Russ.).

Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы. Очерк 9. Ч. 2. Устройство конницы // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. 8. Белград, 1926. 56 с.

Дриг Е.Ф. Механизированные корпуса РККА в бою. История автобронетанковых войск Красной армии в 1940–1941 гг. М. : АСТ, 2005. 832 с.

Дриг Е.Ф. Войска Семена Михайловича. История организационного строительства стратегической конницы РККА. М.: Фонд «Русские витязи», 2019. 208 с.

Карпеев В.И. Соединения конницы русской армии. 1810–1917 гг. М. : Рейтар, 2007. 164 с.

Кузнецов И.И. Освобождение Красной армией Восточной Сибири // Труды Иркут. гос. университета. Сер. историческая. Иркутск, 1961. Т. 29. Вып. 2. К 300-летию города Иркутска. С. 44–72.

Ленский А.Г. Сухопутные силы РККА в предвоенные годы. Справочник. СПб. : Б&К, 2000. 193 с.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы и материалы). М.: Вече, 2000. 608 с.

Ордена Ленина Забайкальский: История ордена Ленина Забайкальского военного округа. М.: Воениздат,1980. 374 с.

Павловский И.Г. Сухопутные войска СССР: зарождение, развитие, современность. М.: Воениздат, 1985. 320 с.

Плиев И.А. Дорогами войны. Орджоникидзе : «Ир», 1973. 552 с.

Ростов Н.Д. Идем мы в решительный бой… Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны : монография. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2007. 516 с.

Федоренко Л.З. Основы территориального строительства Красной конницы / предисл. С.М. Буденного. Л.-М. : Изд-во воен. тип. ГУРККА, 1926. 119 с.

Федоренко Л.З. Особенности боевых действий конницы в горах, степях и лесах. М.: Гос. воен. изд-во НКО СССР, 1936. 127 с.

Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. Красная Армия в победах и поражениях 1941–1945 гг. Томск : Изд-во Том.ун-та, 2004. 620 с.

Форпост на востоке. Литературно-художественный и историко-публицистический сборник / ред. В.М. Ломов; сост. Н.Е. Белан, Ю.И. Бурыкин. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1985. 512 с.

Шабанов Н.А. Встречный бой кавалерийской дивизии. М. : Кафедра конницы, 1941. 40 с.

Шапошников Б.М. Конница: Кавалерийские очерки. М.: Высший военный редакционный совет. 1922. 266 с.

Golovin N.N. (1926) Thoughts on the structure of the future Russian armed force. *Voennyi sbornik obshchestva revnitelei voennykh znanii = Military Collection of the Society of Zealots of Military Knowledge.* Belgrade. Book 8. 9th Essay. Pt. 2. The device of cavalry. 56 p. (In Russ.).

Drig E.F. (2005) Mechanized corps of the Red Army in battle: The history of the armored forces of the Red Army in 1940-1941. Moscow: AST. 832 p. (In Russ.).

Drig E.F. (2019) Troops of Semyon Mikhailovich. The history of the organizational construction of the strategic cavalry of the Red Army. Moscow: Russian Knights Foundation. 208 p. (In Russ.).

Karpeev V.I. (2007) Cavalry formations of the Russian Army. 1810-1917. Moscow: Reitar. 164 p. (In Russ.).

Kuznetsov I.I. (1961) Liberation by the Red Army of Eastern Siberia. *Trudy Irkut. gos. University. Seriya istoricheskaya.* K 300-letiyu goroda Irkutska = *Proceedings of Irkutsk State University. Ser. historical. Irkutsk, 1961. To the 300th anniversary of the city of Irkutsk*. Vol. 29. Iss. 2. Irkutsk. 44-72. (In Russ.).

Lenskii A.G. (2000) The land forces of the Red Army in the pre-war years. Directory. St. Petersburg, 2000. 193 p. (In Russ.).

Mel'tyukhov M.I. (2000) Stalin's missed chance. The Soviet Union and the Struggle for Europe: 1939-1941 (Documents and Materials). Moscow: Veche. 608 p. (In Russ.).

(1980) The Order of Lenin Zabaikalsky: The History of the Order of Lenin of the Trans-Baikal Military District. Moscow: Voenizdat. 374 p. (In Russ.).

Pavlovskii I.G. (1985) Land forces of the USSR: origin, development, modernity. Moscow: Voenizdat. 320 p. (In Russ.).

Pliev I.A. (1973) Roads of war. Ordzhonikidze: “Ir”. 552 p. (In Russ.).

Rostov N.D. (2007) We are going into a decisive battle… Preparation of reserves for the front in Siberia during the Great Patriotic War. Monograph. Barnaul: Publishing House of the Altai State Technical University named after I.I. Polzunov. 516 p. (In Russ.).

Fedorenko L.Z. (1926) Fundamentals of territorial construction of the Red Cavalry. Leningrad- Moscow: Military Publishing House of GURKKA. 119 p. (In Russ.).

Fedorenko L.Z. (1936) Features of cavalry fighting in the mountains, steppes and forests. Moscow: State Military Publishing House of the USSR Peoples Commissariat of Defense. 127 p. (In Russ.).

Fes'kov V.I., Kalashnikov K.A., Golikov V.I. (2004) The Red Army in victories and defeats 1941-1945. Tomsk: Tomsk State University. 620 p. (In Russ.).

Lomov V.M. (1985) An outpost in the east. Literary-artistic and historical-journalistic collection. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 512 p. (In Russ.).

Shabanov N.A. (1941) Counter battle of the cavalry division. Moscow: Department of cavalry. 40 p. (In Russ.).

Shaposhnikov B.M. (1922) Cavalry: Cavalry essays. Moscow: Supreme Military Editorial Board. 266 p. (In Russ.).

Шильников И.Ф. 1-я Забайкальская казачья дивизия в Великой Европейской войне 1914–1918 гг. Харбин, 1933. 189 с.

Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. М. : Военное изд-во МО СССР, 1957. 268 с.

Янгузов З.Ш. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия на страже мира и безопасности СССР (1929–1938 гг.). Благовещенск : Хабар. Кн. изд-во, 1970. 239 с.

Shil'nikov I.F. (1933) 1st Trans-Baikal Cossack Division in the Great European War of 1914-1918. Harbin. 189 p. (In Russ.).

Shishkin S.N. (1957) The Civil War in the Far East 1918-1922. Moscow: Military Publishing House of the USSR Ministry of Defense. 268 p. (In Russ.).

Yanguzov Z.Sh. (1970) Special Red Banner Far Eastern Army on guard of peace and security of the USSR (1929-1938). Blagoveshchensk: Khabarovsk Publishing House. 239 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Воронцов Владислав Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Россия,
e-mail: woronzow@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-9729-189X

Information about the author

Vladislav N. Vorontsov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Irkutsk State Transport University,
15, Chernyshevsky street, Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: woronzow@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-9729-189X

Вклад автора

Воронцов В.Н. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Vorontsov V.N. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2023 г.; одобрена после рецензирования 27 февраля 2023 г.; принята к публикации 6 марта 2023 г.

Article info

The article was submitted February 2, 2023; approved after reviewing February 27, 2023; accepted for publication March 6, 2023.

Рецензия

Рецензия
УДК 94(571.5)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-190-193

Трудный путь в Сибирь

Бобылева О.М. Организация переселения крестьян в Восточную Сибирь. 1906–1916 гг.: монография / предисл. Ю.А. Петрушина. Иркутск : ИрГУПС, 2021. 180 с.

Е.Н. Афанасова

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В рецензии анализируется монография О.М. Бобылевой «Организация переселения крестьян в Восточную Сибирь. 1906–1916 гг.». В ней рассмотрено освещение автором вопроса переселения крестьян в Восточную Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы, показана деятельность органов государственного управления по заселению и сельскохозяйственному освоению восточных окраин Российской империи. В рецензии раскрыты достоинства и недостатки монографии, показан ее вклад в историю освоения Восточной Сибири. Указано, что работа основана на репрезентативной источниковой базе, материалы проанализированы на высоком уровне, структура обоснована. Книга, безусловно, будет интересна не только профессиональным историкам, но и всем, кому небезразлично социально-экономическое развитие Восточной Сибири.

Ключевые слова: автор, П.А. Столыпин, крестьяне, Восточная Сибирь, аграрная история, монография, реформа, переселение, переселенческие организации

Для цитирования: Афанасова Е.Н. Трудный путь в Сибирь : рецензия на книгу О.М. Бобылевой «Организация переселения крестьян в Восточную Сибирь. 1906–1916 гг.» // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 190–193. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-190-193

Review

Review

The hard way to Siberia

Bobyleva O.M. (2021) Organization of resettlement of peasants in Eastern Siberia. 1906-1916. Irkutsk: IrGUPS. 180 p. (In Russ.).

Elena N. Afanasova

Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia

Abstract. The review analyzes the monograph by O.M. Bobyleva “Organization of resettlement of peasants in Eastern Siberia. 1906-1916”. It considers the author's coverage of the resettlement of peasants to Eastern Siberia during the Stolypin Agrarian Reform, the activity of state administration bodies on settlement and agricultural development of the eastern outskirts of the Russian Empire. The review reveals the advantages and disadvantages of the monograph and its contribution to the study of the history of development of Eastern Siberia. It is indicated that the work is based on a representative source base, the materials are analyzed at a high level, the structure is justified. The book, of course, will be of interest not only to professional historians, but also to everyone who is not indifferent to the socio-economic development of Eastern Siberia.

Keywords: author, P.A. Stolypin, peasants, Eastern Siberia, agrarian history, monograph, reform, resettlement, resettlement organizations

For citation: Afanasova E.N. (2023) The hard way to Siberia : a review on the book by O.M. Bobyleva “Organization of resettlement of peasants in Eastern Siberia. 1906-1916”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 190-193. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-190-193

© Афанасова Е.Н., 2023

В современной политической и социально-экономической ситуации одним из условий успешного государственного развития становится эффективное осуществление перераспределения трудовых ресурсов, важнейшим механизмом которого может стать внутренняя миграция населения. Особенностью процесса внутренней миграции на протяжении истории России является преобладание организующей роли государства, которое определяло задачи, сроки, территориальные направления, демографическую масштабность. Изучение исторического опыта межрегионального перераспределения трудовых ресурсов, накопленного в предыдущие периоды развития государства в современных условиях, приобретает особую значимость. Потребностям времени отвечает издание монографии О.М. Бобылевой, в которой представлены результаты многолетнего изучения процесса организации переселения крестьян в Восточную Сибирь в 1906–1916 гг.

В монографии представлены результаты анализа нормативно-правовой базы организации переселения в Восточную Сибирь 1906–1916 гг., подробно рассмотрена деятельность переселенческих организаций в годы столыпинской аграрной реформы. Автор уделил внимание изучению таких вопросов, как подготовка переселенческих участков, предоставление агрономической помощи переселенцам и переселенческих ссуд, организация и оказание медицинской помощи. Представлен анализ организации переселения в годы Первой мировой войны, а также благотворительной деятельности.

Источниковая база работы представляется вполне репрезентативной. О.М. Бобылева использовала законы Российской империи и циркуляры Главного управления землеустройства и земледелия, Переселенческого управления, документы районных переселенческих организаций, «записки» заведующих переселенческим делом в районах, касающиеся усовершенствования организации переселения, статистические данные, материалы периодической печати, характеризующие отношение общества к различным аспектам деятельности чиновников.

Структура монографии хорошо продумана и обоснована, работа делится на три главы. Первая глава посвящена изучению законодательных актов и инструкций, принятие которых было направлено на

упорядочение процесса переселения. Как отмечает автор, «по мере развития переселенческого процесса, переселенческие организации и организация процесса перевозки переселенцев приобретают более рациональный и упорядоченный характер» (С. 34–35). При этом автор вовсе не идеализирует организацию процесса переселения, объективно всесторонне оценивая реализацию данного направления государственной политики, справедливо отмечает ряд негативных моментов: инфекционные эпидемии, нередкую ошибочность документального оформления, исчезновения переселенческой клади. Однако в целом автор делает положительный вывод, отмечая, что «созданные на пути следования переселенческие пункты, хоть и не всегда без нареканий, помогали переселенцам преодолеть тяготы длительного путешествия, предоставляя медицинскую, продовольственную и информационную помощь» (С. 35).

Во второй главе автор представил результаты исследования колонизационного фонда и такого уникального явления как «ходачество». О.М. Бобылева, использовав обширный эмпирический материал, показала, каким образом проходил процесс изыскания дополнительного колонизаци-

онного фонда. Внимание уделено работе почвенно-ботанических экспедиций, призванных определить пригодность земли для сельского хозяйства. По мнению автора, они также способствовали хозяйственному освоению восточносибирского региона. О.М. Бобылевой удалось показать специфику организации деятельности по подготовке переселенческих участков, в частности автор отмечает некоторый антагонизм между представителями переселенческого и землеустроительного дела, особенности кадрового состава землеотводных и землеустроительных партий, анализирует направления их деятельности. Внимание уделено строительству дорог и пунктовых сооружений на переселенческих участках, работе гидротехнических отделов переселенческих организаций по улучшению водоснабжения населения. О.М. Бобылева, анализируя оказание агрономической помощи переселенцам, указывает, что «в первые годы переселенцы почти не получали никакой агрономической помощи, так как фактически работы в Восточной Сибири начали вестись не с 1907 г., а позднее» (С. 97). Автор объясняет эту ситуацию отсутствием квалицированных сотрудников в достаточном количестве. В монографии определены основные направления работы агрономических отделов переселенческих организаций: метеорологические наблюдения, организация опытных полей и посевов различных сельскохозяйственных культур. Автором доказано, что демонстрации сельскохозяйственной техники, организованные агрономическими отделами переселенческих организаций, способствовали механизации сельского хозяйства и, как следствие, росту производительности труда. В работе показана деятельность специальных подразделений, занимавшихся раскорчевкой лесных площадей под пашню. Интересным представляется раздел работы, посвященный анализу влияния предоставляемых государством ссуд на процесс переселения. Изучив механизм предоставления ссуды крестьянам, О.М. Бобылева приходит к выводу о недостаточности среднего размера для эффективного ведения сельского хозяйства, отмечая при этом, что ссуды в целом сыграли при этом положительную роль, способствовали закреплению крестьян в Сибири.

В монографии подробно освещена организация медицинской помощи переселенцам. Следует согласиться с автором, который проанализировав количественные и качественные характеристики кадрового состава, отмечает катастрофичность ситуации. О.М. Бобылева справедливо указывает на недостаточное количество медицинского персонала, его частую смену. Достоинством монографии является анализ мер по борьбе с инфекционными эпидемиями, которые были частыми явлениями в местах сосредоточения переселенцев. В целом, понимая все проблемы в оказании медицинской помощи значительному количеству переселенцев в удаленном от центра регионе, автор приходит к положительному выводу, отмечая, что только благодаря усилиям медицинских сотрудников эпидемии не стали носить глобальный характер, «число врачебных и фельдшерских пунктов заметно увеличилось, и население могло получать квалифицированную медицинскую помощь» (С. 146).

Третья глава посвящена изучению деятельности переселенческих организаций в Восточной Сибири в 1914–1916-х гг. По ходу знакомства с материалами монографии становится понятным влияние Первой мировой войны на процесс переселения: произошло серьезное сокращение финансирования, снижение количества персонала, занимающегося организацией переселения в связи с военной мобилизацией, и, как следствие, увеличение объема работы. Автор акцентирует внимание на сокращении количества переселенцев. Использованные в монографии свидетельства говорят нам о том, что в местах переселения существенно сократилось строительство новых дорог, мостов, колодцев, снизилась эффективность деятельности землеустроительных и землемерных партий. При этом автор справедливо указывает, приводя статистические сведения, на сохранение на прежнем уровне объемов работ агрономического отдела.

В целом монография О.М. Бобылевой представляет безусловный интерес для широкого круга читателей, интересующихся историей России, способствует формированию цельного представления об организации переселения крестьян в Восточную Сибирь в 1906–1916 гг. Анализ материалов, представленных в книге, выполнен на должном теоретическом уровне. Автору удалось существенно обогатить и расширить представления о реализации одного из направлений аграрной реформы начала XX в.

Информация об авторе

Афанасова Елена Николаевна,
доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Россия,
e-mail: lebeden81@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-4685-3290

Вклад автора

Афанасова Е Н. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 24 января 2023 г.; одобрена после рецензирования 8 февраля 2023 г.; принята к публикации 20 февраля 2023 г.

Information about the author

Elena N. Afanasova,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences,
Irkutsk State Transport University,
15, Chernishevsky St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: lebeden81@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-4685-3290

Contribution of the author

Afanasova E.N. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 22, 2023; approved after reviewing February 8, 2023; accepted for publication February 20, 2023.

Рецензия

Рецензия
УДК 929.52(571.13)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-194-198

Читая между строк

Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных : монография. Омск : Тип. «Золотой тираж» (ООО Омскбланкиздат), 2021. 140 с.

Н.А. Скорикова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В данной статье представлен анализ монографии кандидата исторических наук, преподавателя и архивиста Дмитрия Игоревича Петина «История омского рода Батюшкиных». Положительная оценка дана авторскому подходу Петина к изложению исторического материала, который представлен как сплетение результатов параллельных исследований – рода Батюшкиных и их фамильного особняка. Отмечена актуальность издания, его широкая источниковая база. Выявлены темы, которые могут послужить поводом для дальнейших научных дискуссий. Этот научный труд, безусловно, будет интересен не только историкам, краеведам, но и широкому кругу читателей.

Ключевые слова: микроистория, краеведение, Омск, род Батюшкиных, биография, Гражданская война, резиденция Колчака, особняк Батюшкина

Для цитирования: Скорикова Н.А. Читая между строк: рецензия на монографию Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 194–198. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-194-198

Review

Review

Reading between the lines (review of the Petin D.I.'s monograph “The history of the Omsk family of the Batyushkin”)

Petin D.I. The history of the Omsk family of the Batyushkin: a monograph. Omsk: Type. “Golden circulation” (OOO Omskblankizdat), 2021. 140 p.

Natalya A. Skorikova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. This article presents a critical analysis of the monograph of the Candidate of Historical Sciences, head of the Center for the Study of the History of the Civil War of the Omsk region, teacher and archivist “The history of the Omsk family of the Batyushkin” Dmitrii Igorevich Petin. The relevance of the publication, and its wide source base are noted. The topics that can serve as a reason for further scientific discussions are identified. A positive assessment is given to Petin's author's approach to the presentation of historical material, which is presented as a combination of the results of parallel studies of two subjects - the family of the Batyushkin and their family mansion. This scientific work will certainly be of interest not only to historians, local historians, but also to a wide range of readers.

Keywords: microhistory, local history, Omsk, family of the Batyushkin, biography, Civil War, Kolchak residence, Batyushkin mansion

For citation: Skorikova N.A. (2023) Reading between the lines : a review on the monograph by Petin D.I. “The history of the Omsk family of the Batyushkin”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 194-198. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-194-198

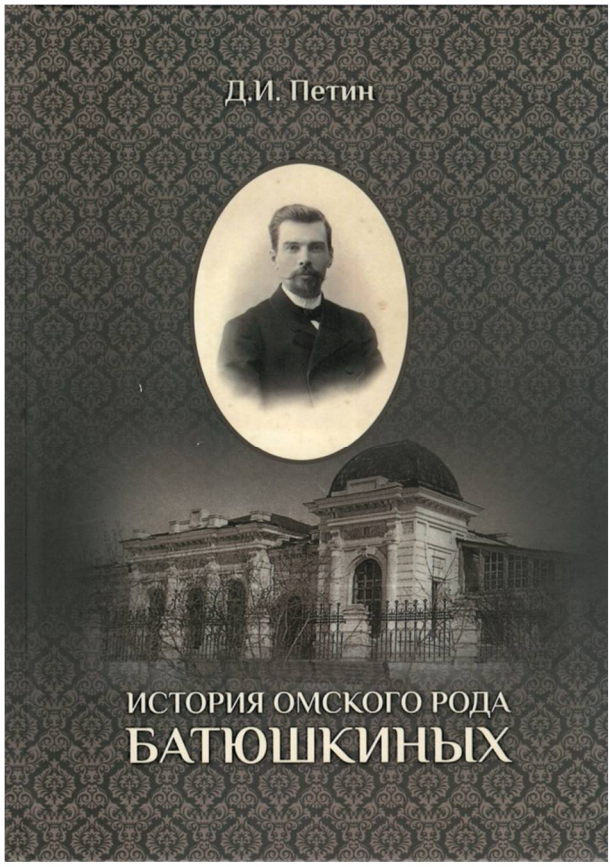
© Скорикова Н.А., 2023

В последнее время в отечественной исторической науке появляются труды, которые аналитики относят к такому направлению как микроистория. Подобное исследование предполагает изучение и анализ так называемых малых исторических объектов – жизни и деятельности отдельного человека в контексте масштабных исторических событий. Теоретическим обоснованием данного концепта является представление о невозможности полноценного понимания исторических процессов без описания бытования конкретного индивида. При этом его жизнь рассматривается в непосредственной связи с общим течением общественных процессов. По сути – это симбиоз исторической антропологии и истории повседневности.

Исследования подобного рода, с одной стороны, значительно сужают масштабы научных тем, с другой – требуют от ученого максимального внимания к мелочам и сложной, кропотливой работы с источниками.

Это направление возникло в Европе во второй половине XX в. на фоне, как тогда казалось отдельным ученым, истощения проблематики и методологии классической науки. В России труды в рамках данного направления появились в конце 1990-х гг. и сегодня приобретают все большую популярность. Одним из них является монография Дмитрия Игоревича Петина «История омского рода Батюшкиных».

Кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, доцент кафедры Истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета Д.И. Петин на протяжении многих лет профессионально занимается исследованием истории Гражданской войны. На его счету несколько десятков публикаций, отмеченных научной общественностью, и данная монография – не исключение. Дмитрий Игоревич в течение многих лет скрупулёзно собирал документальные свидетельства о жизни пяти поколений Батюшкиных. В итоге в свет вышел этот научный труд, который, безусловно, будет интересен не только историкам, краеведам, но и широкому кругу читателей. Отметим, что в свет уже вышло несколько рецензий на эту работу (Антошин, 2022; Базанов, 2022; Блинова, Стельмак, 2022; Князев, 2022; Коршунков, 2022; Штырбул,

2022). В свою очередь мы попытаемся посмотреть на ее содержание по-новому.

В книге по факту представлены результаты параллельного исследования двух объектов (к сожалению, автор не отразил этого в названии): рода Батюшкиных и их фамильного особняка. Батюшкины оказались вписаны в краеведение Омска благодаря Капитону Алексеевичу – общественному деятелю и меценату, особняк же знаменит тем, что в нем в свое время располагалась личная резиденция А.В. Колчака.

Следует отметить, что история дома Батюшкиных, его архитектура, особенности интерьера и дизайна, пребывание в нем Верховного правителя уже удостоились многочисленных публикаций. Сами же Батюшкины в исследованиях были представлены «в тени» особняка, а вот доскональное исследование биографии К.А. Батюшкина, его родных и близких, опубликовано впервые.

Материал изложен в хронологическом порядке, что естественно для генеалогических изысканий. В структуре произведения выделены: вступительная часть «От автора», четыре главы, Заключение, Список использованных источников и литера-

туры, а также именной, географический и предметный указатели.

Названия глав соответствуют научно-популярному стилю: «С самого начала и до дней лихолетья»; «От Великой войны к Великой смуте»; ««Бывшие люди», или Жизнь заново»; «Сохраняя себя, сохраняем историю». Тем не менее нельзя не отметить существенный научный вклад Д.И. Петина в изучение истории Омского края.

Хронология первой части охватывает период с середины XIX в. до 1914 г. Эта глава, безусловно, интересна историей развития социального статуса семьи, которая является наглядной иллюстрацией особенностей структуры российского общества в указанный период. Сын простого солдата – Алексей Андреевич Батюшкин благодаря своим личным качествам приобрел статус купца 2-й гильдии. А его сын, Капитон, в свою очередь благодаря исключению из купеческого сословия получил возможность для развития карьеры чиновника. Автор монографии через этот частный случай сумел продемонстрировать, какие преимущества и какие ограничения были свойственны представителям различных сословий.

Волей или неволей автор заставляет нас читать между строк: выбор Капитоном педагогической деятельности скорее связан с возможностью избежать службы в армии; выход из купеческого сословия – с возможностью сделать карьеру чиновника; отказ от государственной службы – с женитьбой на богатой невесте и перспективой карьеры коммерсанта. Подобная интерпретация нисколько не умаляет заслуг Батюшкина, а рисует нам жизненный путь обычного человека, стремящегося устроить свою жизнь, построить карьеру и приумножить состояние.

Часть вторая посвящена периоду I Мировой войны и Гражданской войны в России. Главным образом здесь представлены судьбы сыновей Капитона – Александра и Николая Батюшкиных. О жизненном пути первого «в годы лихолетья» известно совсем немного, а вот детали, связанные со службой Николая (младшего сына К.А. Батюшкина) на стороне белого движения, Д.И. Петину удалось восстановить.

Читая между строк, мы явно ощущаем симпатию автора к антисоветским силам, которые он характеризует как дисциплинированные, отличающиеся высокой выучкой и морально-психологической стойкостью. А ведь речь идет о воинских частях Красильникова и Семенова. И хотя вопрос весьма дискуссионный, вряд ли можно говорить о высокой морали белых атаманов, впрочем, как и красных командиров, в условиях белого и красного террора.

Интересно, что о политических взглядах самого К.А. Батюшкина не сказано ни слова. Описание его общественной деятельности сведено к формулировке «назначили почетным мировым судьей». Таким образом, при описании периода временного падения Советской власти в Сибири Батюшкины остались на втором плане по отношению к своему имению.

В третьей главе «Бывшие люди…» речь идет о «выживании» многочисленной семьи Батюшкиных и их, теперь уже бывшего имения в тяжелые для страны 1920–1940-е годы. И вновь, как и в прежней главе, Алексей и Николай становятся главными героями повествования. Их судьбы – наглядная иллюстрация того, как исторические обстоятельства могут стать причиной возникновения непреодолимой бездны между кровными братьями.

При этом не совсем понятна позиция автора по отношению к Алексею Капитоновичу Батюшкину. Страдающий слабым здоровьем, он добровольцем ушел на фронт, прошел практически всю войну, неоднократно был ранен. При этом автор удостоил его таким, как нам кажется, несправедливым эпитетом: «Его скромная… не слишком приметная служба… были отмечены медалями…».

Кроме того, совсем не понятно: на каком основании Д.И. Петин предположил, что стремление Алексея на фронт может быть объяснено желанием избежать какого-то «политического или иного преследования».

Последняя глава целиком посвящена судьбе исторического здания – дома Батюшкиных, дошедшего до наших дней, и истории создания Центра изучения истории Гражданской войны на базе Исторического архива Омской области. Крайне интересно то, как уже в XXI в. российская общественность остается расколотой в плане оценок событий Гражданской войны. Страсти, кипящие вокруг попыток увековечить память об А.В. Колчаке, которые описаны автором, наглядно это демонстрируют.

В заключение скажем, что Д.И. Петин проработал и ввел в научный оборот внушительный объ-

ем источников – документов, хранящихся в более чем тридцати фондах центральных и региональных архивов РФ. В списке указанной им использованной мемуарной, научной и справочной литературы, – свыше семидесяти наименований. Однако автор не представил читателю анализ упомянутых публикаций, не дал описание архивным фондам, задействованным в исследовании. Один пример: в списке источников указан фонд Р–3734 «Коллекция документов по истории омского рода Батюшкиных» Исторического архива Омской области. Хотелось бы уточнения: какой период охватывает фонд, какие документы составляют его основу и, соответственно, какие ранее неизвестные факты помогли раскрыть материалы этого и других архивных фондов.

Между тем, историографический анализ – это принципиально значимая часть научного исследования, которая может стать основой для дальнейших научных изысканий в рамках заданной темы или тем ей сопутствующих. Кроме того, он дает читателю понимание того, насколько существенный вклад в развитие исторической науки внес автор, какова степень новаторства его исследования.

Высказанные замечания не умаляют достоинств монографии. Бросается в глаза невероятный объем проделанной работы и внимательное отношение автора к деталям. Невозможно не отметить высокое качество издания и богатство иллюстративного материала. Автор добился поставленной задачи: его книга безусловно привлечет не только профессиональных историков, но и широкий круг читателей, которым интересна история России, история в деталях.

Список источников

Антошин А.В. Дом и семья как зеркало прошлого страны: рецензия на книгу Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 4. С. 82–86.

Базанов П.Н. Местная или всероссийская культура? // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 3. С. 186–188.

Блинова О.В., Стельмак М.М. От примет времени к исторической памяти: рецензия на монографию Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Сибирский архив. 2022. № 1. С. 245–271.

Князев М.А. Семейная сага в региональном измерении: обзор монографии Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6. № 3. С. 216–225.

Коршунков В.А. Архивный поиск в локальной и семейной истории: город Омск и новое в изучении его прошлого // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1271–1279.

Штырбул А.А. «На семи лихих продувных ветрах…» (О книге Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных») // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 1. С. 69–73.

References

Antoshin A.V. (2022) Home and family as a mirror of the country's past: a review of the book by D.I. Petin “The history of the Omsk family of the Batyushkins”. *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity*. Vol. 7. No. 4. P. 82-86. (In Russ.).

Bazanov P.N. (2022) Local or all-Russian culture? *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury = Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. No. 3. P. 186-188. (In Russ.).

Blinova O.V., Stel'mak M.M. (2022) From signs of time to historical memory: a review of the monograph by D.I. Petin “The history of the Omsk family of the Batyushkins”. *Sibirskii arkhiv = Siberian Archive*. No. 1. P. 245-271. (In Russ.).

Knyazev M.A. (2022) Family saga in the regional dimension: a review of the monograph by D.I. Petin “The History of the Omsk Family of the Batyushkins”. *Severnye arkhivy i ekspeditsii = Northern Archives and Expeditions*. Vol. 6. No. 3. P. 216-225. (In Russ.).

Korshunkov V.A. (2022) Archival search in local and family history: the city of Omsk and the new in the study of its past. *Vestnik arkhivista = Herald of An Archivist*. No. 4. P. 1271-1279. (In Russ.).

Shtyrbul A.A. (2022) “On seven dashing blowing winds ...” (About the book by D.I. Petin “The history of the Omsk family of the Batyushkin”). *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity*. Vol. 7. No. 1. P. 69-73. (In Russ.).

Информация об авторе

Скорикова Наталья Александровна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,

Information about the author

Natalya A. Skorikiva – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: skorikova_natalya@mail.ru

Вклад автора

Скорикова Н.А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 29 января 2023 г.; одобрена после рецензирования 14 февраля 2023 г.; принята к публикации 20 февраля 2023 г.

83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia?
e-mail: skorikova_natalya@mail.ru

Contribution of the author

Skorikiva N.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 29, 2023; approved after reviewing February 14, 2023; accepted for publication February 20, 2023.

ISSN 2415-8739 (print) **Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 199–202**
ISSN 2500-1566 (online) Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 199-202

Рецензия

Рецензия
УДК 94(47+57)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-199-202

Единство и сплоченность многонационального состава Рабоче-Крестьянской Красной армии как основа успешного выполнения боевых задач

Безугольный А.Ю. Национальный состав Красной армии, 1918–1945: Историко-статистическое исследование. М. : Центрполиграф, 2021. 511 с.

С.В. Карасёв

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В рецензии рассматривается монография А.Ю. Безугольного «Национальный состав Красной армии, 1918–1945: Историко-статистическое исследование», выпущенная в 2021 г. издательством «Центрполиграф». В данной монографии автором приводится национальный состав и его изменения с момента образования Рабоче-Крестьянской Красной армии до окончания Великой Отечественной войны. Структура данной работы логически выдержана верно и позволяет рассматривать изучаемый вопрос в различных временных рамках. Данная работа весьма объёмна (511 с., 7 глав, заключение, список сокращений и список источников и литературы). В данной рецензии раскрываются её достоинства и недостатки и, конечно, отражается вклад данной работы в исследование данного вопроса.

Ключевые слова: армия, Великая Отечественная война, Декрет, Рабоче-Крестьянская Красная армия, мобилизованные, национальный состав, органы военного управления, статистика

Для цитирования: Карасёв С.В. Единство и сплоченность многонационального состава Рабоче-Крестьянской Красной армии как основа успешного выполнения боевых задач: рецензия на монографию А.Ю. Безугольного «Национальный состав Красной армии, 1918–1945 : Историко-статистическое исследование» // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 199–202. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-199-202

Review

Review

Unity and cohesion of the multinational composition of Workers' and Peasants' Red Army as the basis successful completion of combat missions

Bezugol'nyi A. Yu. (2021) The national composition of the Red Army, 1918-1945: A Historical and Statistical Study. Moscow : Tsentrpoligraf. 511 p. (In Russ.).

Sergey V. Karasev

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The review examines the monograph by A. Yu. Bezugol'nyi “The national composition of the Red Army, 1918-1945: A Historical and statistical study”, published in 2021 by the Publishing House “Tsentrpoligraf”. In this monograph, the author presents the national composition and its changes from the moment of the formation of the Workers' and Peasants' Red Army to the end of the Great Patriotic War. The structure of this work is logically correct and allows us to consider the issue under study in different time frames. This work is very voluminous (511 p., 7 chapters, conclusion, list of abbreviations and list of sources and literature). But the logic of presenting similar components at different time intervals does not cause difficulties in understanding this work. This review reveals its advantages and disadvantages and, of course, reflects the contribution of this work to the study of this issue.

Keywords: army, decree, national composition, military, mobilized, Workers' and Peasants' Red Army, statistics, Great Patriotic War

© Карасёв С.В., 2023

For citation: Karasev S.V. (2023) Unity and cohesion of the multinational composition of Workers' and Peasants' Red Army as the basis successful completion of combat missions: a review of the monograph by A. Yu. Bezugol'nyi “The National composition of the Red Army, 1918-1945: A Historical and Statistical Study”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 199-202. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-199-202

Осенью 2021 года Московское издательство «Центрполиграф» выпустило историко-статистическое исследование: «Национальный состав Красной армии, 1918–1945» доктора исторических наук Алексея Юрьевича Безугольного.

Наработки и выводы, к которым автор приходил как в ранних трудах по данной проблеме, так и в недавнем исследовании, позволили ему грамотно и обоснованно реализовать данный проект.

Анализ отечественных и зарубежных источников позволил автору привести целый комплекс подходов и сделать обоснованные выводы.

Проводя своё исследование с конца XIX в. до середины XX в., автор, рассматривая стоящие перед ним вопросы, логически выходит на период образования РККА и продолжает это делать до 1945 г.

В семи главах своей работы автором представлены страницы развития многонациональной структуры, взаимоотношений, история изменения национального и численного состава, специфики призывной политики, взаимоотношений среди военнослужащих РККА.

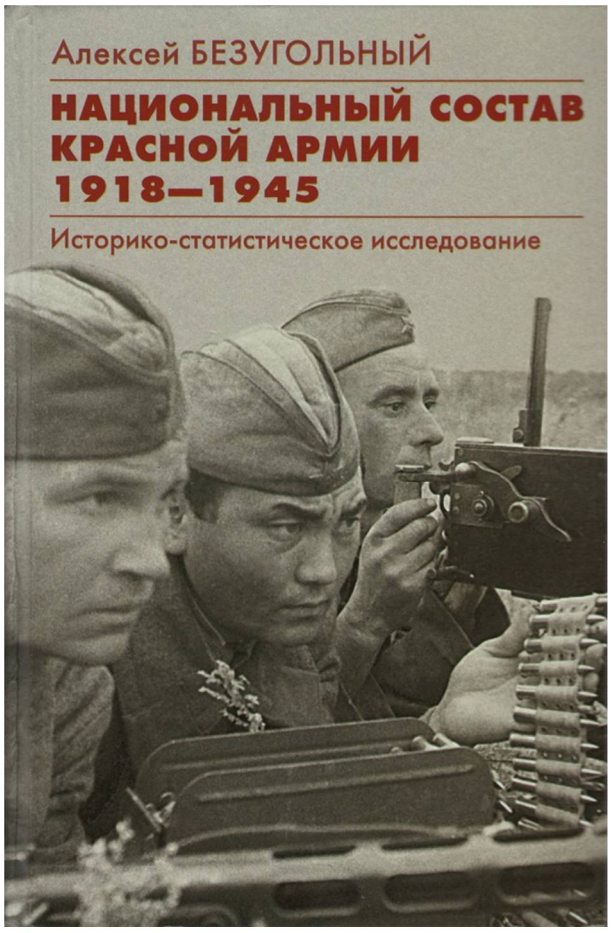
Весьма интересны и уместны таблицы и диаграммы, которые выполнены как автором, так и приведены из используемых источников.

Несмотря на то, что хронологические рамки определены 1918–1945 гг., автор справедливо позволяет себе выйти из них (С. 87; 91; 92; 97; 356 и т. д.).

Армия РСФСР, затем СССР и сейчас Российской Федерации всегда была многонациональной. Однако культурный, образовательный уровень, а также уровень обученности военному делу, всегда учитывались в Вооруженных силах. Изменения и развитие этого элемента ярко показано по всему тексту работы.

Кроме этого, автор справедливо подчёркивает, что «Неизменной оставалась роль станового хребта Красной армии, которую выполнял русский этнос, испытывающий демографическую перегрузку в течение всей войны» (С. 370).

Однако хотелось бы высказать ряд замечаний, которые, по нашему мнению, являются довольно существенными.

Автор не уточнил, для кого предназначено данное издание. Это важно в том плане, что по тексту довольно часто встречаются специальные термины и определения, типа «полиэтническая страна» (С. 9), «диалектическое понимание» (С. 12), «клиометрические исследования» (С. 12), «квазинаучное течение» (С. 21) и далее, которые можно было бы привести русскими, понятными для широкого круга читателей терминами, широко использующимися в научной литературе, такими как «многонациональная страна», «мыслить и приходить к пониманию в ходе поиска истины», «лженаука» и т. д. Для простого любителя истории они могут вызвать да и скорее всего вызовут определённые трудности в понимании сути текста.

5 (28) января 1918 г. Совет народных комиссаров принял Декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) на доброволь-

ных началах. Именно РККА, а не просто Красной армии. Да, автор прав, что название армии как Рабоче-крестьянская, широко вошло в просторечие, но вооруженные силы назывались именно Рабоче-Крестьянская Красная армия (С. 14–15), а не как иначе. Вопросы, связанные с изменениями названий вооружённых сил страны, требуют отдельного исследования и к проблематике данного не относятся. В этом Декрете имеется весьма важный элемент, вернее отсутствие такого положения как национальный состав. В этот период РСФСР, как и в настоящее время Российская Федерация, были и остаются многонациональными. Доступ в ряды РККА был открыт для всех граждан, без учета национальности, пола и вероисповедания, но принимались люди не моложе 18 лет. Была одна тонкость, кроме беззаветной преданности делу страны, для вступления в ряды РККА требовалась рекомендация.

Весьма подробно автор рассматривает отечественные и зарубежные источники по теме исследования, отмечая, что «национальный вопрос всегда вызывал большой ажиотаж» (С. 21). Скорее всего автор говорит не об «ажиотаже», а о большом желании читателей, проживающих на различных территориях страны, увидеть на страницах подобных исследований имена представителей своей национальности, узнать, как воевали представители других национальностей.

А вот в чём с автором нужно категорически не согласиться, так это с тем, что именно войсковое братство, которое представлялось в различных исторических исследованиях войн и военных конфликтов, он видит в «бравурной демонстрации межнациональной дружбы и боевого братства советского народа» (С. 21; 27). Да, проблемы, связанные с национальными вопросами, вопросами различия культур, воспитания военнослужащих, призываемых из различных уголков страны, имеют место и сейчас, но они уходят с острия вопроса в ходе ведения боевых действий.

Весьма интересен корпус иноязычной литературы, который автор использует в своём исследовании. Целесообразно кратко описать ту обстановку напряженного (международного и внутриполитического) информационного противоборства, которая последние десятилетия разворачивается вокруг сюжетов монографии.

Среди прочих источников автор использует такой как «Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина; [пер. с англ. В.И. Матузовой]. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 376 с. (История сталинизма). В сведениях об ответственности этого издания упоминается такая организация, как «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», которое в настоящее время по решению суда ликвидировано, Правозащитный центр «Мемориал» был признан «Иноагентом» в 2014 г., а «Международный мемориал» – в 2016 г. Сейчас эта организация ликвидирована. Это же касается и такого издания, как «Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина». М., 2011 (перевод с английского издания: A State of Nation. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. Oxford, 2001).

Определённая часть англоязычных источников на момент попытки их прочтения в сети Internet явилась недоступной.

Используя эту и подобную литературу, автор тут же говорит: «Сразу отметим, что ключевым недостатком многих современных работ, издаваемых по интересуемой тематике на постсоветском пространстве, является их слабая источниковая база» (С. 40). Получается, что содержание этих источников приводится только как «информация к размышлению», а не как приведение фактического материала.

К корпусу источников на украинском языке, а это украинские издания 1995–2016 гг., как мы считаем, нужно отнестись более принципиально.

Так, среди прочих изданий, вышедших на Украине, автор использует такой коллективный труд украинских авторов, как Історія українського війська. 1917–1995. Гриневич В., Гриневич Л., Колісник Р. та ін., вышедший в 1996 г. в издательстве «Світ», в г. Львове.

О чём это издание? Речь, кроме прочих моментов, идёт об истории формирования и боевом пути Украинской повстанческой армии, 1-й дивизии Украинской национальной армии (дивизии «Галичина»), что отражено и в оглавлении, иллюстрации, кроме прочих, представляют пути движения этого формирования.

«Украинская повстанческая армия» (УПА) находится в Перечне организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах – членах Организации Договора о коллективной безопасности. Решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2014 г. она признана экстремистской.

Некоторая часть украинских источников на момент попытки их прочтения в сети Internet, так же явилась недоступной.

В целом данная работа заслуживает большого внимания широкого круга читателей. Приведённые в ней положения не только интересны, но и заставляют думать, сравнивать, искать истину, могут быть использованы в дальнейших подобных исследованиях.

Прочитать её будет интересно и полезно всем, интересующимся проблемами отечественной истории, историей войн и военных конфликтов России и СССР.

Информация об авторе

Карасёв Сергей Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: s.karasev@bk.ru,
https://orcid.org/0000-0002-3273-8443

Вклад автора

Карасёв С.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 9 января 2023 г.; одобрена после рецензирования 25 января 2023 г.; принята к публикации 6 февраля 2023 г.

Information about the author

Sergey V. Karasev,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: s.karasev@bk.ru,
https://orcid.org/0000-0002-3273-8443

Contribution of the author

Karasev S.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 9, 2023; approved after reviewing January 25, 2023; accepted for publication February 6, 2023.

Персоналия

Персоналия
УДК 929
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-203-214

Каким ты был, таким ты и остался, орел степной…!

А.В. Тетенькин

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. 6 января 2023 г. заведующему Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, профессору кафедры истории и философии Иркутского национального исследовательского университета, доктору исторических наук Артуру Викторовичу Харинскому исполнилось 60 лет. Сорок из них посвящены археологии Северной и Центральной Азии. Артур Викторович закончил исторический факультет ИГУ в 1988 г., и после аспирантуры в 1994 г. защитил кандидатскую диссертацию. Среди его учителей были: В.В. Свинин, М.А. Зайцев, О.И. Горюнова. С самого начала А.В. Харинский выбрал в археологии направление на изучение железного века и средневековья, сначала Прибайкалья, а затем, по мере развития интересов, также Забайкалья и Северной Монголии. Первая диссертация была посвящена городищам-святилищам Прибайкалья. Вторая – докторская диссертация, защищенная в 2001 году, посвящена культурно-исторической концепции развития населения Прибайкалья в конце I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э. Среди научных направлений А.В. Харинского следует указать железоделательное производство в раннем железном веке, этнографию эвенков Северного Прибайкалья, археологию кочевников средневековья Забайкалья и Северной Монголии, археологию русских следов на Аляске, археологию бронзового века Прибайкалья, активно развиваемые уже вместе со своими учениками и коллегами, в тесном содружестве с ведущим специалистами Сибири и Дальнего Востока, в том числе Н.Н. Крадиным, Е.В. Ковычевым, А.А. Тишкиным, П.В. Мандрыкой, Н.О. Кожевниковым, С.В. Снопковым, Ю.А. Емельяновой, Д.Е. Кичигиным, Г.Л. Ивановым, Г.К. Рыковым. Детищем А.В. Харинского является созданная в 2001 г. Лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ.

Ключевые слова: Артур Викторович Харинский, железный век, бронзовый век, Средневековье, культуры кочевников, Байкальская Сибирь, Забайкалье, Северная Монголия, этнография, городища-святилища, железоплавильное производство

Для цитирования: Тетенькин А.В. Каким ты был, таким ты и остался, орел степной…! // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 203–214. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-203-214

Personalia

Personalia

What you were, so you remained, steppe eagle...!

Aleksey V. Tetenkin

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. January 6, 2023 Head of the Laboratory of Archeology, Paleoecology and Life Systems of the Peoples of North Asia, Professor of the Department of History and Philosophy of the Irkutsk National Research University, Doctor of Historical Sciences Artur Viktorovich Kharinskii turned 60 years old. Forty of them are devoted to the archeology of North and Central Asia. Artur Viktorovich graduated from the Faculty of History of ISU in 1988 and after graduate school in 1994 he defended his PhD thesis. Among his teachers were V.V. Svinin, M.A. Zaitsev, O.I. Goryunova. From the very beginning, A.V. Kharinskii chose in archeology the direction of studying the Iron Age and the Middle Ages, first in the Baikal region, and then, as his interests developed, also in Transbaikalia and Northern Mongolia. The first dissertation was devoted to the settlements-sanctuaries of the Baikal region. The second, doctoral dissertation, defended in 2001, is devoted to the cultural and historical concept of the development of the population of the Baikal region in the 2nd half of I millennium BC - mid. of II millennium AD. Among the scientific directions of A.V. Kharinskii we should point to the iron production in the early Iron Age, the ethnography of the Evenks of the Northern Baikal region, the archeology of the nomads of the Middle Ages in Transbaikalia and Northern Mongolia, the archeology of Russian traces in Alaska, the archeology of the Bronze Age of the Baikal region, actively developed already together with their students and colleagues, in close

© Тетенькин А.В., 2023

collaboration with the leader specialists from Siberia and the Far East, including N.N. Kradin, E.V. Kovychev, A.A. Tishkin, P.V. Mandryka, N.O. Kozhevnikov, S.V. Snopkov, Yu.A., Emelyanova, D.E. Kichigin, G.L. Ivanov, G.K. Rykov. The brainchild of A.V. Kharinskii is the Laboratory of Archeology, Paleoecology and Life Systems of the Peoples of North Asia, IRNITU, established in 2001.

Keywords: Artur Viktorovich Kharinskii, Iron Age, Bronze Age, Middle Ages, nomadic cultures, Baikal Siberia, Transbaikalia, Northern Mongolia, ethnography, settlements-sanctuaries, iron-smelting industry

For citation: Tetenkin A.V. (2023) What you were, so you remained, steppe eagle...! *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 19. No. 1. P. 203-214. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-203-214

Моему другу и старшему товарищу Артуру Викторовичу Харинскому на днях исполнилось 60. Но вот удивительное дело, на всегдашнее мое восприятие, будь то 60, будь то 40 лет, оказывает довлеющее влияние самое первое впечатление от встречи с ним. Это было в 1988 году в кабинете Натальи Евгеньевны Бердниковой в лаборатории археологии, которая в то время располагалась в подвале-бомбоубежище университета на ул. Карла Маркса, 2. Передо мною сидел буквально сияющий, светящийся обаянием, дружелюбием и оптимизмом красивый молодой человек. Впечатление было такое светлое, что сейчас кажется, что и брюки на нем были белыми, словно как на мужчинах в Рио де Жанейро. Это был аспирант Артур Харинский. Потом уже, когда я сам был студентом-аспирантом-лаборантом, меня восхищал его позитивный напор во всем, за что он брался. Он ехал в поле копать и привозил осенью открытия, открытия, открытия. Стал завхозом в лаборатории Ольги Ивановны, и понеслись ставить илаповские штампы на спальники! Как сейчас помню, как врывался Артур к нам в кабинет, дружески тискал Матвеича и уносился. А Евгений Матвеевич вслед ему приговаривал – Багатур-Устремительный!

Артур Викторович оказался человеком с той твердостью характера, что с ходу брал быка за рога: не откладывая в долгий ящик, сделал докторскую и создал независимую археологическую лабораторию. Безо всякого преувеличения будет правдой, что это его деяние изменило, вернее определило и мою жизнь. Нашей лаборатории, которую он основал, уже 22 года. Началась новая жизнь, которую мы проживаем вместе. Под его руководством основан журнал «Известия Лаборатории древних технологий». Он стал одним из основателей периодической конференции «Байкальская Сибирь в древности». Профессионально состоялись его ученики. Но удивительное дело, глядя на шефа, вижу в нем все того же харизматичного парня из 1988-го.

Рис. 1. Наушки, неолитическая стоянка, М.А. Зайцев и А. Харинский (справа). 1984 год
Fig. 1. Naushki, Neolithic site, M.A. Zaitsev and A. Kharinskii (right). 1984

К тому времени у Артура уже было за плечами пять полевых сезонов. В первую свою экспедицию после первого курса на археологическую практику он отправился на берег Куркутского залива озера Байкал. Азам полевой археологии начинающего исследователя обучали Владимир Вячеславович Свинин и Михаил Александрович Зайцев. Вначале археологи вели раскопки шатровых ритуальных комплексов, но вскоре, во время одной из прогулок по берегу, ребята наткнулись на каменную кладку старобурятского захоронения (Харинский, Иванов, Чувашов, 1985). Руководитель практики предложил им провести раскопки погребения, материалы которого стали основой для первых научных работ Артура Харинского. В августе этого же года археологический отряд под руководством В.В. Свинина отправился на ознакомительную практику в Монголию (Дедюхин и др., 1986). Знакомство с природой и древней историей Монголии и байкальского побережья произвело настолько неизгладимое впечатление на Артура, что для себя он твердо решил: «Это то, что мне интересно, и я хочу этим заниматься».

В 1986 г. А.В. Харинский уже едет в самостоятельную экспедицию на Северный Байкал для обследования автодороги, проходящей от Нижнеангарска до Уояна вдоль недавно построенного БАМовского участка железнодорожного полотна (Зайцев и др., 1986). Тогда же на Северном Байкале он заинтересовался городищами-святилищами, ставшими темой его кандидатской диссертации «Городища побережья озера Байкал в железном веке» (Харинский, 1988; Харинский, 1991; Харинский, 1994[1]). Её защита состоялась в 1994 году в Институте археологии и этнографии г. Новосибирска.

Прибайкальские «городища», с момента первого упоминания в научной литературе в 70-х гг. XIX в., воспринимались как укрепленные поселения, существовавшие в период с VI по X век. Раскопки, предпринятые в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. на целом ряде байкальских и кудинских «городищ» (Харгой 1, Харгой 2, Шибэтэ 1, Шибэтэ 4, Нюргон, Манхай, Капсал 1, Капсал 2), позволили говорить о них, как о многофункциональных объектах, прежде всего, использовавшихся как святилища – сакральные площадки, с которых древние обитатели края обращались с просьбами к божествам-небожителям (Харинский, 2002). Самые древние из этих святилищ, окруженных валами и рвами, сооружались в III тыс. до н. э. и продолжали использоваться до середины II тыс. н. э.

Поиски финансирования для ежегодных полевых исследований приводят молодого ученого к все более тесному взаимодействию с детскими краеведческими экспедициями. С 1995 по 2002 год Артур Викторович Харинский вместе с Маргаритой Львовной Сидорчук под эгидой Центра детско-юношеского туризма и краеведения ежегодно проводил археологические экспедиции и лагеря (Харинский, Авраменко, Бородина, 2010). Июньский сезон экспедиций начинался на берегах Куды или Мухорского залива, в июле палаточный лагерь перебирался на Ольхон или в окрестности Курмы, а в августе – на северное побережье Байкала. Полученные за эти годы археологические материалы легли в основу докторской диссертации «Предбайкалье в конце I тыс. до н. э. – середине II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация», которую А.В. Харинский защитил в 2001 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока в г. Владивостоке (Харинский, 2001)[2].

На основе данных из могильников, раскопанных А.В. Харинским в Приольхонье – Курма 2, Цаган-Хушун 2, Хужир-Нугэ 2, Хужир-Нугэ 18, Мандерхан 1, Хагун 1 и материалов других исследователей была составлена культурно-хронологическая схема истории Байкальского региона, охватывающая период с III тыс. до н. э. по XIX в., охарактеризованы основные тенденции, существовавшие в это время в погребальной практике, рассмотрены вопросы этнических и культурных взаимодействий жителей края с соседними регионами (Харинский, 2001a; Харинский, 2001b; Харинский, 2003; Харинский, 2004; Харинский, 2005; Харинский, 2007; Харинский, 2010; Харинский, 2014; Харинский, Коростелев, 2011).

В 1997 г. Артур Харинский переходит на работу в Иркутский государственный технический университет, вначале на должность доцента, а с 2002 г. на

[1] Харинский А.В. "Городища" побережья озера Байкал в железном веке : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 18 с.

[2] Харинский А.В. Предбайкалье в конце I тыс. до н. э. – середине II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация (по материалам погребальных комплексов : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2001. 47 с.

Рис. 2. Раскопки железовосстановительного горна, Барун-Хал 3, Ольхонский район Иркутской области, вместе с С.В. Снопковым. 10.09.2004 г.
Fig. 2. Excavation of an iron-reducing furnace, Barun-Khal 3, Olkhonsky district of the Irkutsk Oblast', together with S.V. Snopkov. September 10, 2004

Рис. 3. Исследование эвенкийской стоянки Тукола, р. Верхняя Ангара, Северобайкальский район Бурятии, 20.08.2007 г.
Fig. 3. Study of the Evenk site Tukola, r. Upper Angara, Severobaikalsky district of Buryatia, August 08, 2007

Рис. 4. Могильник Окошки, Приаргунский район Забайкальского края, 9.07.2010 г.
Fig. 4. Okoshki burial ground, Priargunsky district of the Trans-Baikal Krai, September 07, 2010

Рис. 5. Раскопки стоянки русских моряков со шхуны Нева, остров Крузов, Аляска, США, 11.07.2015 г.
Fig. 5. Excavations of the camp of Russian sailors from the Neva schooner, Cruise Island, Alaska, USA, September 11, 2015

Рис. 6. Раскопки на городище-святилище Байкальское 1, Северобайкальский район Бурятии, вместе с М.А. Портнягиным, 28.07.2016 г.
Fig. 6. Excavations at the ancient settlement-sanctuary Baikalskoye 1, Severobaikalsky district of Buryatia, together with M.A. Portnyagin, July 28, 2016

Рис. 7. Камеральная работа, пос. Ханх, Хубсугульский аймак Монголии, 21.07.2019 г.
Fig. 7. Field laboratory work, village Khankh, Khubsgul Aimag, Mongolia, July 21, 2019

Рис. 8. Могильник Урд-Хяр 2, комплекс 23, Хубсугульский аймак Монголии, с А.М. Коростелевым и С. Оргилбаяром, 23.07.2019 г.
Fig. 8. Burial ground Urd-Hyar 2, grave 23, Khubsugul Aimag, Mongolia, with A.M. Korostelev and S. Orgilbayar, July 23, 2019

Рис. 9. Могильник Урд-Хяр 2, комплекс 26, Хубсугульский аймак Монголии, с С. Оргилбаяром и Н. Мандалсурэном, 23.07.2019 г.
Fig. 9. Burial ground Urd-Hyar 2, grave 26, Khubsgul Aimag, Mongolia, with S. Orgilbayar and N. Mandalsuren, July 23, 2019

должность профессора. В 2000 г. под его руководством при кафедре истории ИрГТУ была создана Лаборатория древних технологий, в 2011 г. переименованная в Лабораторию археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии. С 2002 по 2004 г. А.В. Харинский был руководителем Гуманитарного центра ИрГТУ, а с 2004–2011 г. – деканом факультета права, социологии и средств массовой информации.

Впервые на территории Прибайкалья с 1997 года А.В. Харинским совместно с Н.О. Кожевниковым и С.В. Снопковым начато изучение древней металлургии железа. Раскопано несколько металлургических центров по производству железа – Барун-Хал 2, Барун-Хал 3, Курминское озеро 1, Чернoруд 2, Онтхэ 2, датирующиеся в пределах III в. до н. э. – XVI в. н. э. (Харинский, Снопков, 2004). Обнаруженные на них сыродутные горны по своим технологи-

Рис. 10. Раскопки железовосстановительного горна, Курминское озеро 5, Ольхонский район Иркутской области, с С.В. Снопковым, 23.09.2022 г.
Fig. 10. Excavations of an iron-reducing furnace, Kurminskoe Lake 5, Olkhonsky district of the Irkutsk Oblast', with S.V. Snopkov, September 23, 2022

ческим возможностям не уступали синхронным металлургическим сооружениям, известным на территории Европы. Получаемый из них металл потреблялся как на территории края, так и поставлялся в другие районы Северной Азии.

Исследования А.В. Харинским древних могильников, городищ-святилищ и металлургических центров продолжаются и сейчас, но помимо них с 2006 г. им проводятся совместно с монгольскими археологами Д. Эрдэнэбаатаром, Т. Идерхангаем и С. Оргилбайяром археологические раскопки на северном берегу озера Хубсугул в Монголии. Еще одним направлением деятельности Артура Викторовича стало исследование памятников киданьского и монгольского времени на территории Забайкалья и северо-восточной Монголии (Харинский, Эрдэнэбаатар, Коростелев и др., 2009; Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011; Харинский, Эрдэнэбаатар, Портнягин и др., 2018). Вместе с Н.Н. Крадиным и Е.В. Ковычевым им проведены раскопки на могильнике Окошки и предприняты рекогносцировочные работы вдоль Вала Чингисхана (Lunkov et al., 2011; Харинский, Номоконова, Ковычев, Крадин, 2014; Крадин, Ивлиев, Харинский и др., 2016; Крадин, Харинский, Бакшеева и др., 2016; Ковычев, Харинский, Крадин, 2018; Харинский, Рыкун, Ковычев, Крадин, 2019; Крадин, Харинский, Прокопец и др., 2019). К списку научных интересов А.В. Харинского нужно добавить этнографические исследования (Харинский, 2006; Харинский, 2012) и археологические поиски русских следов на Аляске (МакМэхан, Диллиплэйн, Харинский и др., 2010; McMahan D.J., Dilliplane T.L., Kharinsky et al., 2013). Многие из этих исследований еще не окончены, и планов тут громадье. Осилить эту махину под силу лишь нашему Багатуру. Дорогой мой друг, товарищ и брат, многие тебе лета и многих достижений! С юбилеем!

Список источников

Дедюхин В.Б., Дорофеева Е.Ю., Зайцев М.А., Иванов В.Н., Поскребко И.В., Харинский А.В., Чувашов И.Ю., Свинин В.В. Новые данные о палеолитическом поселении Мойлтын-ам на р. Орхон: предварит. итоги исслед. 1984 г. // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири (итоги и перспективы) : тез. докл. к регион. конф. 13-15 окт. 1986 г. Иркутск, 1986. С. 38–40.

References

Dedyukhin V.B., Dorofeeva E.Yu., Zaitsev M.A., Ivanov V.N., Poskrebko I.V., Kharinskii A.V., Chuvashov I.Yu., Svinin V.V. (1986) New data on the Paleolithic site of Moiltyn-am on the Orkhon River: preliminary. research results. 1984. *Arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya v Vostochnoi Sibiri (itogi i perspektivy): tez. dokl. k region. konf. 13-15 okt. 1986 g. = Archaeological and ethnographic research in Eastern Siberia (results and tasks). Proceedings of the Region. Conf. Oct .13-15. 1986.* Irkutsk. P. 38-40. (In Russ.).

Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В., Ющенко И.И. Археологические исследования ритуальных комплексов железного века на северо-западном побережье Байкала // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири (итоги и перспективы). Иркутск, 1986. С. 123–126.

Ивлиев А.Л., Крадин Н.Н., Харинский А.В., Очир А., Васютин С.А., Ковычев Е.В., Эрдэнэболд Л. Предварительные результаты исследований хуннского городища Тэрэлжийн-дурвулжин // Теория и практика археологических исследований. 2016. Т. 18. № 2. С. 118–136.

Ковычев Е.В., Харинский А.В., Крадин Н.Н. Шивэйское городище Проезжая 1 на реке Шилке. Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 4. С. 78–102. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-78-102.

Крадин Н.Н., Харинский А.В., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Прокопец С.Д. Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье // Stratum plus. 2016. № 6. С. 17–43.

Крадин Н.Н., Харинский А.В., Прокопец С.Д., Ивлиев А.Л., Ковычев Е.В., Эрдэнэболд Л. Великая киданьская стена: Северо-восточный вал Чингис-хана / отв. ред. Н.Н. Крадин; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Ин-т истории, археологии и этнографии ДВО РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2019. 168 с.

МакМэхан Д., Диллиплэйн Т., Харинский А.В., Тихонов В.В., Кинсман Д., Торсен С. Совместные российско-американские археологические раскопки на трех объектах русского колониального периода в Ситке, Аляска, 2010 // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии; сб. науч. ст. /под ред. Л.В. Татауровой. Омск : Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 175–179.

Харинский А.В. Городище Байкальское I (хронологич. и культур. аспекты) // Проблемы археологии Северной Азии : тез. докл. к регион. конф. Чита, 1988. С. 126–127.

Харинский А.В. Елгинские захоронения Прибайкалья // Известия Лаборатории древних технологий. № 3 (12). 2014. С. 19–43.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Вып. 3. С. 198–215.

Харинский А.В. Захоронения по обряду кремации конца I тыс. н. э. из Южного Приангарья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири : сб. науч. тр. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2003. Кн. 1. С. 220–226.

Zaitsev M.A., Svinin V.V., Kharinskii A.V., Yushchenko I.I. (1986) Archaeological studies of ritual complexes of the Iron Age on the northwestern coast of Lake Baikal. *Arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya v Vostochnoi Sibiri (itogi i perspektivy) = Archaeological and ethnographic studies in Eastern Siberia (results and tasks).* Irkutsk. P. 123-126. (In Russ.).

Ivliev A.L., Kradin N.N., Kharinskii A.V., Ochir A., Vasyutin S.A., Kovychev E.V., Erdenebold L. (2016) Preliminary results of studies of the Xiongnu settlement Terelzhiin-durvulzhin. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii = Theory and Practice of Archaeological Research.* Vol.18. No. 2. P. 118-136. (In Russ.).

Kovychev E.V., Kharinskii A.V., Kradin N.N. (2018) Shivei hill fort Proezzhaya 1 on the Shilka River. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 14. No. 4. P. 78-102. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-78-102. (In Russ.).

Kradin. N.N., Kharinskii A.V., Baksheeva S.E., Kovychev E.V., Prokopets S.D. (2016) Archeology of the Empire of Genghis Khan in Mongolia and Transbaikalia. *Stratum plus*. No. 6. P. 17-43. (In Russ.).

Kradin N.N., Kharinskii A.V., Prokopets S.D., Ivliev A.L., Kovychev E.V., Erdenebold L. (2019) The Great Khitan Wall: The North-Eastern Wall of Genghis Khan. Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS; Institute of History, Archeology and Ethnography FEB RAS. Moscow: Nauka - East lit. 168 p. (In Russ.).

MakMekhan D., Dilliplein T., Kharinskii A.V., Tikhonov V.V., Kinsman D., Torsen S. (2011) Joint Russian-American archaeological excavations at three sites of the Russian colonial period in Sitka, Alaska, 2010. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii; sb. nauch.st. = Culture of Russians in archaeological research: interdisciplinary methods and technologies. Collection of scientific works.* Omsk: Publishing House of the Omsk Institute of the Russian State Technical University. P. 175-179. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (1988) Settlement Baikalskoe I (chronological and cultural aspects). *Problemy arkheologii Severnoi Azii: tez. dokl. k region. konf. = Problems of Archeology of North Asia: Proceedings of the Region. Conf.* Chita. P. 126-127. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2014) Elga burials of the Baikal region. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* No. 3 (12). P. 19-43. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2005) Western coast of Lake Baikal in the 1st millennium BC - I millennium AD. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 3. P. 198-215. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2003) Burials according to the rite of cremation of the end of the 1st millennium AD. From the Southern Angara region. *Istoricheskii opyt khozyaistvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri: Sbornik nauchnykh trudov = Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia. Collection of scientific papers.* Barnaul: Altai State University. Book 1. P. 220-226. (In Russ.).

Харинский А.В. Капсальские «городища» // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. Вып. 5. С. 200–217.

Харинский А.В. Курумчинская культура Прибайкалья в свете новых археологических данных // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье) / кол. мон. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 191–204.

Харинский А.В. Погребальный ритуал населения Северного Прибайкалья в середине I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э.: по материалам могильника Байкальское XXXI // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2004. Вып. 2. С. 134–150.

Харинский А.В. Погребальный ритуал ольхонских бурят в XIX – начале XX века (по материалам могильника Елга XII) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск : Наука, 2006. Т. 9. С. 178–200.

Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2001b. 198 с.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск, 2001a. 238 с.

Харинский А.В. Расселение и землепользование северобайкальских эвенков-оленеводов // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск : Наука, 2012. Т. 12. С. 94–145.

Харинский А.В. Северобайкальские городища как ритуальные комплексы железного века // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. Т. 1. С. 11–13.

Харинский А.В. Топография и конструкция «городищ» маломорского побережья озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 2002. Вып. 2. С. 109–126.

Харинский А.В., Авраменко В.Н., Бородина М.Л. Шатровые комплексы урочища Обондой (Приольхонье) // Известия Лаборатории древних технологий : сб. науч. тр. / отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2010. Вып. 8. С. 235–258.

Харинский А.В., Иванов В.Н., Чувашов И.Ю. Древнебурятское погребение в бухте Мандерхай (Ольхон) // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1985. С. 74–75.

Kharinskii A.V. (2007) Kapsal “fortifications”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Iss. 5. P. 200-217. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2010) Kurumchinskaya culture of the Baikal region in the light of new archaeological data. *Etnogenez i kul'turogenez v Baikal'skom regione (srednevekov'e). Kol. mon. = Ethnogenesis and cultural genesis in the Baikal region (Middle Ages). Collective Monograph.* Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 191-204. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2004) The funeral ritual of the population of the Northern Baikal region in the middle of the 1st millennium BC - the beginning of the 1st millennium AD: based on the materials of the Baikalskoe XXXI burial ground. *Tsentral'naya Aziya i Pribaikal'e v drevnosti = Central Asia and the Baikal Region in Antiquity.* Ulan-Ude: Buryat State University. Iss. 2. P. 134-150. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2006) The funeral ritual of the Olkhon Buryats in the 19th - early 20th centuries (based on the data of the Elga XII burial ground). *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: Problemy kul'tury i sotsiuma = Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society.* Omsk: Nauka. Vol. 9. P. 178-200. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2001b) Cis-Baikal region in the end of I millennium BC - mid. of II millennium AD: the genesis of cultures and their periodization. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. 198 p. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2001a) Olkhon region in the Middle Ages: burial complexes. Irkutsk. 238 p. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2012) Settlement and land use of the North Baikal Evenks-reindeer herders. *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: Problemy kul'tury i sotsiuma = Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society.* Omsk: Nauka. Vol. 12. P. 94-145. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (1991) Northern Baikal settlements as ritual complexes of the Iron Age. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri i Dal'nego Vostoka = Problems of Archeology and Ethnography of Siberia and the Far East.* Krasnoyarsk. Vol. 1. P. 11-13. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2002) Topography and construction of "fortifications" of the small sea coast of Lake Baikal. *Arkheologicheskoe nasledie Baikal'skoi Sibiri: izuchenie, okhrana i ispol'zovanie = Archaeological Heritage of Baikal Siberia: Study, Protection and Use.* Irkutsk. Iss. 2. P. 109-126. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Avramenko V.N., Borodina M.L. (2010) “Tent” complexes of the Obondoy location (Priolkhonye). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 8. P. 235-258. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Ivanov V.N., Chuvashov I.Yu. (1985) Ancient Buryat burial in Manderkhay Bay (Olkhon). *Problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka = Problems of Archeology of Siberia and the Far East.* Irkutsk. P. 74-75. (In Russ.).

Харинский А.В., Коростелев А.М. Западное побережье оз. Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган-Хушун-II) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история : сб. науч. ст. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 173–202.

Харинский А.В., Номоконова Т.Ю., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Останки животных в монгольских захоронениях XIII–XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье) // Российская археология. 2014. № 2. С. 62–75.

Харинский А.В., Рыкун М.П., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Монгольский могильник середины XIII – начала XV в. Окошки 1 в Юго-Восточном Забайкалье: конструктивные и антропологические аспекты // Генуэзская Газария и Золотая Орда: сб. науч. ст. Кишинэу : Stratum Plus; Казань : Б. и., 2019. Т. 2. С. 69–106.

Харинский А.В., Снопков С.В. Производство железа населением Приольхонья в елгинское время // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2004. Вып. 2. С. 167–187.

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н. э. // Теория и практика археологических исследований: сб. науч. тр. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2011. Вып. 6. С. 107–124.

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Коростелев А.М., Тумэн Д., Эрдэнэ М., Идерхангай Т. Погребально-поминальный комплекс Хавцал II и некоторые вопросы древней истории Прихубсугулья // Mongolian Journal of Anthropology and Ethnology. 2009. Vol. 5. № 1 С. 1–53; 131–139.

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А., Оргилбаяр С., Кичигин Д.Е. Женские погребения XIII–XIV вв. могильника Ногоон Гозгор 1 в Северном Прихубсугулье // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 93–120.

Lunkov A.V., Kharinskii A.V., Kradin N.N., Kovychev E.V. The Frontier Fortification of the Liao Empire in Eastern Transbaikalia // The Silk Road 9 (2011). Saratoga: 104-121.

McMahan D.J., Dilliplane T.L., Kharinsky A.V., Tikhonov V.V., Kinsman J., Thorsen S. Russian-American Archaeological Excavations at Three Colonial Russian Sites in Sitka: Results of cooperative American - Russian investigations in conjunction with the 2010 International conference on Russian America // Over the near horizon, proceedings of the 2010 International conference on Russian America. GreatOriginals, Anchorage, AK, 2013. P. 277-284.

Информация об авторе

Тетенькин Алексей Владимирович,
доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,

Kharinskii A.V., Korostelev A.M. (2011) The western coast of Lake Baikal in the Xiongnu time (based on the materials of the Tsagan-Khushun-II burial ground). *Khunnu: arkheologiya, proiskhozhdenie kul'tury, etnicheskaya istoriya: sb. nauch. st. = Xiongnu: archaeology, origin of culture, ethnic history. Coll. scientific articles.* Ulan-Ude: Publishing House of the BNTs SB RAS. P. 173-202. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Nomokonova T.Yu., Kovychev E.V., Kradin N.N. (2014) Animal remains in Mongolian burials of the 13th-14th centuries burial ground Okoshki I (South-Eastern Transbaikalia*). Rossiiskaya arkheologiya = Russian Archeology.* No. 2. P. 62-75. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Rykun M.P., Kovychev E.V., Kradin N.N. (2019) Mongolian burial ground of the mid-13th - early 15th centuries. Okoshki 1 in South-East Transbaikalia: constructive and anthropological aspects. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda. Sb. nauch. st. = Genoese Gazaria and the Golden Horde.* Kishineu: Stratum Plus; Kazan' : B. i. Vol. 2. P. 69-106. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Snopkov S.V. (2004) Production of iron by the population of the Olkhon region in the Yelga time. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 2. P. 167-187. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Erdenebaatar D. (2011) Northern Khubsugul region at the beginning of the 2nd millennium AD. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii: sbornik nauchnykh trudov = Theory and Practice of Archaeological Research. A collection of scientific articles.* Barnaul: Altai State University. Iss. 6. P. 107-124. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Korostelev A.M., Tumen D., Erdene M., Iderkhangai T. (2009) Funeral-memorial complex Khavtsal II and some questions of the ancient history of the Khubsugul region. *Mongolian Journal of Anthropology and Ethnology.* Vol. 5. No. 1 (344). P. 1-53; 131-139. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Portnyagin M.A., Orgilbayar S., Kichigin D.E. (2018) Female burials of the 13th–14th centuries in the burial ground Nogoon Gozgor1 in the Northern Khubsgul region*. Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 14. No. 2. P. 93-120. (In Russ.).

Lunkov A.V., Kharinskii A.V., Kradin N.N., Kovychev E.V. The Frontier Fortification of the Liao Empire in Eastern Transbaikalia // The Silk Road 9 (2011). Saratoga: 104-121.

McMahan D.J., Dilliplane T.L., Kharinsky A.V., Tikhonov V.V., Kinsman J., Thorsen S. Russian-American Archaeological Excavations at Three Colonial Russian Sites in Sitka: Results of cooperative American - Russian investigations in conjunction with the 2010 International conference on Russian America // Over the near horizon, proceedings of the 2010 International conference on Russian America. Great Originals, Anchorage, AK, 2013. P. 277-284.

Information about the author

Aleksei V. Tetenkin,
Dr. Sci. (History), Associate Professor Department of the History and Philosophy,

Иркутский государственный технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: altet@list.ru,
https://orcid.org/0000-0003-2448-3580

Вклад автора

Тетенькин А.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 11 февраля 2023 г.; одобрена после рецензирования 2 марта 2023 г.; принята к публикации 6 марта 2023 г.

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: altet@list.ru,
https://orcid.org/0000-0003-2448-3580

Contribution of the author

Tetenkin A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 11, 2023; approved after reviewing March 2, 2023; accepted for publication March 6, 2023.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом 6000–9000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирными шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. ***Имена, отчества и фамилии авторов:*** располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. ***Благодарности.*** После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. ***Английский перевод*** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. ***Раздел «Список источников»***. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например,

статья в журнале:

Ветров В.М., Шергин Д.Е., Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

статья в научном сборнике:

Лапшина З.С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.;

монография:

Сидоров А.П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. ***Раздел «References»*** составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (https://translit.net/ru/bsi/), все остальные данные перевести на англий-

ский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.

2.10. ***Раздел «Информация об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Информация об авторах

Фамилия Имя Отчество,

Степень, звание, должность, подразделение,

Организация,

Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна),

Адрес электронной почты,

ORCID автора (если есть).

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) Имя О. Фамилия,

(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).

2.11. ***Раздел «Вклад авторов».*** После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: ***«Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации»;*** «Козлов В.С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».

2.12. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.
Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.
The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.
ISSN 2415-8739
The Journal was founded in 2003
Founder: Irkutsk National Research Technical University
Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces. The heading "Review" accepts articles with a volume of 6000-9000 symbols.
The manuscript should have the following order.
2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.
2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.
2.3. ***Names, patronymics and surnames of authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.
2.4. ***The organization and its address:*** are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).
located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country).
If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.
2.5. ***Abstract*** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.
2.6. ***Acknowledgments.*** After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.
2.7. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.
Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.
2.8. Section ***"Список источников (List of sources)".*** It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example,
a journal article:
Ветров В.М., Шергин Д.Е., Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;
article in a scientific collection:
Лапшина З.С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.;
monograph:

Сидоров А.П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. Section ***«References»*** is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (https://translit.net/ru/bsi/), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.

2.10. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author
Name N. Family name,
Academic degree, academic title, position,
Organization,
Postal address (building, street, city, postal-index, country),
e-mail address,
ORCID of the author (if any).

2.11. ***Section "Criteria of authorship".*** After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V.S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."

2.12. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

***Page and paragraph settings*:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

***Text settings*:** MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.

Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.

Numbers should be typewritten in tables.

All ***tables*** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.

References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 1 (46) 2023

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 24.03.23. Формат 60 х 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 500 экз. Заказ 21. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А